

159.9
327

ПОЛЬ ФРЕСС,
ЖАН ПИАЖЕ

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Sous la direction de PAUL FRAISSE
et JEAN PIAGET
professeurs à la Sorbonne

TRAITÉ DE PSYCHOLOGIE EXPÉRIMENTALE

V

MOTIVATION, ÉMOTION ET PERSONNALITÉ

PRESSES UNIVERSITAIRES DE FRANCE

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

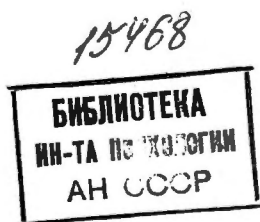
Редакторы-составители
ПОЛЬ ФРЕСС и ЖАН ПИАЖЕ

В Ы П У С К V

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

Предисловие и общая редакция
действительного члена
Академии педагогических наук СССР
А. Н. ЛЕОНТЬЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
МОСКВА 1975

Редакция литературы по философии

© Перевод на русский язык. «Прогресс», 1975

Ф $\frac{10508-821}{006(01)-75}$ 14-75

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю пятый выпуск «Экспериментальной психологии» посвящен наиболее трудным, но вместе с тем и наиболее интересным психологическим проблемам: мотивации, эмоциям и личности. Каждая из этих проблем представлена в современной мировой психологической литературе большим числом исследований — как экспериментальных, так и описательных. Несмотря на это, они остаются в теоретическом отношении разработанными очень слабо.

Последнее объясняется не только тем, что проблемы эти мало доступны прямому экспериментальному изучению на человеке, но прежде всего тем, что ни одно из психологических направлений, развивающихся сейчас в странах Западной Европы и в США, не располагает необходимым для их решения концептуальным аппаратом.

Авторы этого выпуска провели очень серьезную работу по отбору и систематизации материала для написанных ими глав. Это составляет их несомненную заслугу, которую нельзя не отметить. Им, однако, не удалось сделать другого: освободиться от ложных представлений о природе побуждений и чувств человека, о сущности его личности.

Стремление опереться на возможно более широкий круг имеющихся данных, особенно экспериментальных, независимо от лежащих за ними теоретических концепций, привело к тому, что в трактовке даже важнейших вопросов авторы приходят к непоследовательным, эклектическим взглядам.

Каждая из глав, включенных в данный выпуск, вводит читателя в проблемы, мимо которых не может пройти ни один психолог. В конце концов психология неизменно приходит к вопросам о том, что движет действиями человека, что порождает у него эмоциональные переживания и что представляет собой сам человек как личность. Если читатель и не найдет в этой книге ответа на эти вопросы, хотя бы приближенного, то он все

же увидит всю их многогранность, как и то, какие трудности и западни стоят на путях их научного исследования.

Выпуск открывается главой о мотивации (гл. XV), написанной известным бельгийским психологом Ж. Нюттенем. Она построена таким образом, что каждый ее раздел посвящен определенному относительно самостоятельному вопросу. Такой способ изложения позволяет достаточно полно представить накопленные в психологии данные, но он имеет тот недостаток, что не позволяет уделить должного внимания анализу и оценке психологических теорий мотивов.

Правда, автор с самого начала высказывает ту общую мысль, что мотивация выражается в возникающей направленности деятельности на тот или иной объект, достижение которого и завершает ее; что, так сказать, инициирование деятельности принадлежит объекту и что у человека важное место среди побуждающих и направляющих деятельность объектов занимают также объекты, отсутствующие или даже еще не существующие, то есть только представляемые, но в дальнейшем изложении эта верная мысль теряется.

Автор не выделяет понятие мотива, не соотносит его с понятиями потребности, влечения, сознательной цели. Следуя традиции американских авторов, он рассматривает все эти понятия как подпадающие под общее понятие мотивации, мотивирующих факторов. С этим связано и то, что, справедливо указывая на некоторые особенности мотивации человеческой деятельности, автор не видит главного: *принципиального* отличия природы потребностей и мотивов человека от потребностей и мотивов поведения животных. Этим и объясняется то, что автор широко привлекает для характеристики мотивации вообще, включая и мотивацию на уровне человека, данные, полученные в опытах с животными. Хотя он и вносит известные оговорки, они не затрагивают важнейшего: коренной трансформации потребностей и мотивов при переходе к человеку. Так, например, раздел о познавательной мотивации начинается с изложения экспериментов с крысами, после чего автор прямо обращается к данным, полученным при изучении любознательности у студентов; в результате само понятие познавательных мотивов теряет всякую определенность, распространяясь на совершенно различные по существу явления. Даже подчеркивание автором невозможности объяснить познавательную активность гомеостатическими и физиологическими потребностями не меняет дела: все сводится к тому, что на определенной ступени эволюции организм проявляет способность интересоваться объектом, как таковым.

Указанный главный недостаток главы особенно проявляется при рассмотрении автором вопросов социальной мотивации. Автор, конечно, не стоит на той позиции, что социальные мотивы

могут найти свое объяснение, исходя из первичных биологических потребностей. Скорее, он склонен разделять культурно-антропологическую точку зрения. Но его внимание сосредоточено главным образом на так называемых «динамических» проблемах: на проблеме поведения в условиях препятствия и конфликта, на проблемах фрустрации, тревожности, замещения. Это — широко разрабатываемые в зарубежной, особенно американской, психологии темы, освещение которых часто носит характер оправдания ряда явлений, порождаемых современным классовым обществом, действием психологических законов, якобы присущих человеку вообще. Нужно, однако, сказать, что из всей массы исследований, посвященных этим темам, автор разбираемой главы изложил наиболее серьезные, над которыми следует задуматься и критически их осмыслить.

В заключение автор рассматривает вопрос о механизмах мотивации. Он выделяет два главных типа объяснений активной направленности субъекта на «объект-цель» — необходимостью разрядки напряжения и потребностью в конструктивной активности, ведущей к развитию новых целей и ценностей. Впрочем, автор не претендует на охват проблемы мотивации во всей ее сложности. «Мы не можем, — заключает он, — в настоящее время сформулировать *единую* динамическую схему, пригодную для объяснения всех видов мотивации поведения» (стр. 98).

Многое из того, что было сказано в связи с главой о мотивации, можно отнести и к следующей главе об эмоциях, написанной П. Фрессом, редактором-составителем всего труда, в который входит данная книга.

Глава эта открывается сжатым и вместе с тем содержательным обзором истории и общего состояния проблемы эмоций. В ходе изложения этого обзора автор очерчивает и свои позитивные взгляды на природу эмоций. Как и в главе о мотивации, автор не уделяет достаточно внимания качественным особенностям различных классов эмоциональных процессов — таких, как острые аффекты, собственно эмоциональные переживания и, наконец, предметные чувства. Совершенно очевидно, однако, что, например, внезапная вспышка гнева имеет иную природу, чем, допустим, чувство любви к Родине, и что никакого континуума они не образуют.

Тенденция к выявлению прежде всего глобальных особенностей выражается и в некоторой безоговорочности сближений данных, полученных в экспериментах с разными животными и у человека. Конечно, действие закона Йеркса — Додсона при *некоторых условиях* можно наблюдать и у людей, но условия эти должны быть совершенно исключительными, специально созданными.

Дальнейшее изложение включает в себя три раздела: раздел о тех ситуациях, в которых возникают эмоциональные состоя-

ния, далее — раздел, посвященный изучению эмоциональных реакций, и, наконец, раздел об эмоциональности как черте личности.

Говоря о ситуациях, порождающих эмоции, автор исходит из бесспорно верного положения о том, что определяющими являются не сами по себе ситуации, а обнаруживающиеся в них отношения между мотивами и возможностью адекватного им действия. С этой точки зрения и ведется их анализ. Автор делит эмоциогенные условия на две группы в зависимости от факторов, нарушающих соответствие мотивации возможностям субъекта. Первую из них составляют условия, в которых субъект не способен, не умеет или просто не готов действовать. К этой группе относится новизна ситуации, ее необычность или внезапность возникновения. Гораздо подробнее рассматривается вторая группа ситуаций, которая характеризуется особенностями мотивации. Прежде всего это сверхсильная мотивация, вызывающая, в зависимости от ситуации, то сильное волнение, то повышенное напряжение, то разрядку возбуждения в проявлениях радости, в смехе; аналогичным образом возникает и выражение отрицательных эмоций. Особенно сказывается сверхсильная мотивация в социальных ситуациях, в условиях конфликта и фрустрации, порождающих агрессивное поведение, избегание ситуации, торможение или регрессию поведения.

Стремление проникнуть в наиболее общие условия и механизмы порождения эмоций толкает автора и здесь к прямым сближениям совершенно разнородных явлений. Так, вероятно, не без удивления читатель узнает, что опыты с ритмическими раздражениями животных электрическим током, предваряемыми условными сигналами, которые приводят к нервному срыву, помогают понять поведение женщины, боящейся оказаться покинутой, или рабочего, опасющегося увольнения.

Такое смешение уровней анализа дает о себе знать и в разделе об изучении эмоциональных реакций. Наиболее характерными для них автор считает вегетативные (висцеральные) и тонические изменения (гипертонус, тремор и некоторые нарушения двигательных координаций). Он дает их детальное описание, что является очень важным и полезным, имея в виду, что они являются объективными индикаторами эмоциональных состояний. Насколько они, однако, устойчивы и универсальны?

Автор приводит данные, говорящие об изменчивости эмоциональных проявлений в процессе онтогенетического развития и о возможности произвольной их регуляции. Он отмечает их различия, которые зависят от социокультурных факторов. В связи с этим возникает особая психологическая проблема: узнавания (идентификации) эмоциональных состояний по мимике. Страницы, посвященные этой проблеме, представляют большой интерес также и для практической, жизненной психологии. Другая

сторона проблемы состоит в том, как человек осознает собственные эмоциональные состояния и какова роль их осознания. Эта проблема лишь ставится автором. Это, впрочем, понятно, потому что ее невозможно решать вне анализа структуры и развития деятельности и сознания человека.

Последний раздел главы начинается с определения эмоциональности как чувствительности субъекта к эмоциогенным ситуациям. Она характеризуется мерой возбудимости, способности к самооценке и контролю. Эти черты, как и главные эмоциональные типы (эмоциональная устойчивость — невротичность), являются, по-видимому, конституциональными, хотя могут изменяться или даже возникать также и прижизненно — в результате перенесенных заболеваний, сильных потрясений и т. п. В заключение автор отмечает тенденцию к уменьшению эмоциональности с возрастом, что он объясняет развитием способности предвидеть эмоциогенные ситуации и тормозить эмоциональные проявления. По сравнению с другими разделами этот раздел является по материалу более бедным, что связано с объективно меньшей разработанностью рассматриваемых в нем вопросов.

В целом эта глава написана интересно и содержит в себе многое, что необходимо учитывать при дальнейшей разработке проблем эмоциональной регуляции деятельности.

Самой трудной и наиболее уязвимой для критики является глава о личности. Несмотря на то что исследования личности приобрели в наше время широкую популярность, они в большинстве случаев остаются на самом жалком уровне. Собираение массового эмпирического материала, подвергающегося статистической обработке, не в состоянии, разумеется, возместить отсутствие сколько-нибудь удовлетворительной общепсихологической теории личности. Вместе с тем предлагаемые теоретические концепции остаются в стороне от проводимых с помощью всевозможных тестов обследований, преследующих прежде всего прагматические цели. Эта неутешительная картина, создавшаяся в психологии личности, наложила отпечаток и на главу о структуре личности, написанную для данной книги швейцарским психологом Р. Мейли.

Автором проделана очень большая работа по осмыслению и систематизации знаний о личности, представленных в современной западной психологической литературе. Оставаясь, однако, в этих рамках, едва ли можно ожидать большего, чем это сделано в данной главе.

Из множества существующих определений личности автор избирает чисто описательное: личность — это совокупность тех психологических качеств, которая характеризует отдельного человека в отличие от других людей. Какова, однако, структура этой совокупности? Ее рассмотрению автор предпосылает до-

вильно полный обзор методов и процедур, применяемых в психологических исследованиях личности, который представляет самостоятельный интерес и может послужить хорошим ориентиром для тех, кто впервые обращается к изучению личности.

Собственно анализ строения личности автор начинает с вопроса о связи психических особенностей личности человека с его физическими, морфофизиологическими особенностями. В отличие от многих других исследователей автор проявляет к результатам, достигнутым методом корреляций, гораздо большую осторожность. Он относится критически к самим основаниям выделения соматических и особенно психологических типов, и это совершенно оправданно. Критически освещается им и понятие «черта личности». Он обращает внимание на то, что непосредственно схватываемые нами особенности личности («первичные черты»), представляющие собой несомненную реальность, далеко не совпадают с теми чертами, которые изучаются в психологии в качестве так называемых «переменных», проявляющихся при всякого рода тестировании людей. Это и побудило ряд психологов обратиться к поиску тех более общих свойств или факторов, которые лежат за отдельными чертами типа. На этой основе и расцвел факторный анализ личности.

Автор подробно рассматривает главный вопрос: какие и каким образом добываемые данные вводятся в «машину» факторного анализа? Как об этом явствует из большого материала, который приводится в соответствующем разделе главы, факторный анализ в исследовании личности явно «не срабатывает». Это обнаруживается вопреки усилиям автора оправдать его хотя бы косвенно. Отмечая некоторую общность выводов, к которым приводят исследования, берущие в качестве исходных не вполне одинаковые показатели, он все же вынужден признать, что факторный анализ является слепым, а его результаты имеют значение лишь предварительных. Они указывают на существование лишь некоторых генеральных факторов. Автор называет их: это, во-первых, конституция, то есть биологические факторы; во-вторых, факторы среды, то есть усвоенные социальные ценности и т. п. Если остановиться пока на названных двух факторах, то оказывается, что, преодолев весь лабиринт методических и теоретических тонкостей, мы пришли к самой банальной мысли: все в личности — либо от природы, либо от общества. Автор, однако, вводит еще и третий — «структурный» — фактор. Это — порождающее особенности структуры личности действие жизненных обстоятельств, определяющих такие явления, как «сила Я» (в смысле Фрейда) или «аккомодация» в том значении, которое придает этому термину Пиаже. Попросту говоря, это особенности, складывающиеся в самой жизни индивида, в его деятельности, а не просто калькирующие условия среды. Но в таком случае это вовсе не фактор наряду

с биологическими и социальными факторами и вообще «не фактор».

Логика анализа ведет автора к рассмотрению другого — генетического — пути изучения личности. Однако и на этом пути возникают трудности, непреодолимые с антропологических, эмпирических позиций. Когда начинается формирование личности? Чтобы ответить даже на этот первый вопрос, необходимо располагать неким критерием, который может предложить только общая теория личности. Но в главе не делается никаких попыток выдвинуть такой критерий. В ней рассказывается о том, что некоторые черты, наблюдаемые уже у маленьких детей, сохраняются и в более позднем возрасте, другие, напротив, постепенно затушевываются или исчезают. Остается предположить, что существует некая изначальная основа личности, проявления которой модифицируются в ходе развития, хотя, как отмечает и сам автор, для такого предположения нет пока никаких убедительных оснований.

Автор находит выход в содержательном описании стадий формирования «Я» ребенка. Но всякое описание неизбежно содержит в себе ту или иную интерпретацию, хотя бы и не выраженную явно. В данном случае она остается довольно смутной, более всего приближающейся к неофрейдистской.

Нет необходимости разбирать все те данные, которые приводятся в этом разделе главы. Среди них читатель найдет немало важных, имеющих несомненную научную ценность, но также и такие, которые лишены серьезной фактической основы и порождены предвзятыми взглядами на «инстанции личности», апеллирующими к пресловутым понятиям «Я» и «Оно», «Я-субъект» и «Мое» и т. п. Автор понимает невозможность экспериментально обосновать эти понятия и в заключение снова возвращается к теории факторов, к тому, что «структуру личности нужно рассматривать как конструкцию, или организацию, являющуюся результатом взаимодействия между врожденными предрасположениями и внешними условиями» (стр. 277).

* * *

Рассмотренный выпуск «Экспериментальной психологии» привлекает к себе внимание прежде всего темами, которым он посвящен. В нашей литературе не существует по этим темам достаточно полных обзоров, а они, несомненно, весьма необходимы. Конечно, не все в нем удовлетворит советского читателя, и это понятно. Несмотря на широкую картину исследований, которую он дает, излагаемые в нем концепции — при всем различии взглядов его авторов — возвращают нас в круг антропологических, позитивистских взглядов на человека, давно отброшенных психологами-марксистами.

Идет ли речь о мотивах и чувствах или о человеческой личности, авторы этой книги упускают главное: что они могут быть поняты только как порождаемые теми реальными, общественно-историческими по своей природе связями, в которые вступает индивид; что именно в процессе развития этих связей и происходит трансформация его побуждений и чувств, формирование его личности — этого специфического единства, в котором выражаются его особые, системные качества как субъекта практической жизни общества.

Конечно, авторы постоянно подчеркивают важную роль влияний социальной среды на формирование психологического облика человека, но он все же остается, со всеми присущими ему способностями и потребностями, существом, лишь «подвергающимся» влияниям внутренних и внешних стимулов. Хотя при этом очень часто говорится о взаимодействии индивидов с внешней средой, *содержание* этого взаимодействия, то есть содержание жизни, бытия человека, по существу, остается вне исследования.

А. Н. ЛЕОНТЬЕВ

V. МОТИВАЦИЯ, ЭМОЦИИ И ЛИЧНОСТЬ

Перевод *В. В. ЛУЧКОВА* (XV и XVII главы),
Н. И. НАЕНКО и *С. Н. БОГОМОЛОВОЙ* (XVI глава)

Г л а в а XV

МОТИВАЦИЯ

Жозеф Нюттен

СОДЕРЖАНИЕ

I. Поведение и мотивация	16
§ 1. Негативные концепции, 16; § 2. Явление мотивации, 18	
II. Мотивация и ассоциация	20
§ 1. Детерминирующая тенденция, 20; § 2. Измерение воли, 21; § 3. Ассоциативная связь и динамический эффект, 22	
III. Общая ненаправленная активность	23
§ 1. Детерминанты активности у человека и животных, 24; § 2. Энергетическая интерпретация, 27 ✓	
IV. Валентность	28
§ 1. Валентность и органическая потребность, 28; § 2. Критерии, 29; § 3. Валентность и препятствие, 31; § 4. Отрицательные валентности, 32; § 5. Валентность и нервные центры, 35	
V. Мотивация и деятельность	35
§ 1. Процесс формирования цели, 36; § 2. Мотивация и продукты воображения, 40; § 3. Кривая научения и кривая исполнения, 44; § 4. Знание результатов и мотивация, 46; § 5. Мотивация, настроение и продуктивность, 48 ✓	
VI. Познавательная мотивация	49
§ 1. Любопытство и новые объекты, 50; § 2. Тенденция к манипулированию, 52; § 3. Потребность в восприятии и исследовании, 55; § 4. Теоретическая интерпретация, 56; § 5. Тенденция к чередованию, 58; § 6. Изоляция и сенсорное лишение, 60	
VII. Социальная мотивация	61
§ 1. Поиски социального контакта, 61; § 2. Аффективное значение человеческого лица, 62; § 3. Социальная детерминация мотивации, 63	

VIII. Отрицательная мотивация: избегание объекта	64
§ 1. Наказание, 65; § 2. Тревожность и приобретенная мотивация, 65	
IX. Конфликт	70
§ 1. Градиенты приближения и избегания, 71; § 2. Избегание конфликта, 74; § 3. Конфликт социальный и конфликт познавательный, 75	
X. Препятствие и фрустрация	77
§ 1. Барьеры внутренние и внешние, 77; § 2. Фрустрация и агрессивность, 80; § 3. Фрустрация и регрессия, 82	
XI. Разрядка длительного напряжения	84
§ 1. Длительность напряжения, 85; § 2. Замещение (Ersatz), 86; § 3. Смещение и генерализация, 89; § 4. Смещение и социальная агрессивность, 90; § 5. Эквивалентность потребностей, 90	
XII. Механизм мотивации	91
§ 1. Моторная разрядка и гомеостатическое равновесие, 92; § 2. Направленность, научение и ориентиры (cues), 93; § 3. Ослабление напряжения, 96	
Библиография	99

I. ПОВЕДЕНИЕ И МОТИВАЦИЯ

Психологи далеко не единодушны в вопросе о том, какое место при изучении и объяснении поведения должно быть отведено мотивации. Одни психологи считают это понятие лишним, обреченным на исчезновение из словаря экспериментальной психологии, тогда как для других мотивация — это главная тема психологии и даже ключ к пониманию поведения. В основе этого разногласия лежит различие точек зрения на мотивацию, в результате чего само это понятие становится весьма неопределенным. Поэтому для того, чтобы наилучшим образом определить предмет нашего исследования, следует рассмотреть сначала некоторые негативные концепции, с тем чтобы выделить те характеристики поведения, которые, с нашей точки зрения, вызывают необходимость обратиться к этой «промежуточной переменной», какой является мотивационный процесс.

§ 1. Негативные концепции

А) Фактически под именем мотивации экспериментальная психология изучает прежде всего потребности и «влечения» (drives), имеющие чисто физиологическую основу, такие, например,

как голод, жажда, половая потребность, потребность в кислороде, сне, опорожнений кишечника и мочевого пузыря и т. д. Объемом соответствующих исследований являются главным образом определенные физиологические состояния организма, оказывающие влияние на поведение. Поэтому термин «мотивация» казался некоторым исследователям-бихевиористам слишком общим и недостаточно научным для обозначения влияния на поведение различных физиологических состояний. Мы слишком мало еще знаем о том, каким образом воздействуют на поведение, например, половая потребность и голод, чтобы объединить их под единой рубрикой «мотивационные процессы» и отделить, таким образом, от других, так называемых немотивационных и в равной степени мало изученных физиологических факторов. Скажем поэтому, предлагаем эти авторы, что психология изучает все детерминанты поведения, не выделяя при этом и не группируя некоторые из них под рубрикой «мотивация», являющейся наследием донаучной мысли.

Б) С другой стороны, в поведенческой схеме «стимул — реакция» раздражитель рассматривается как активный источник реакции организма. В случае рефлекса, например, стимулом можно считать условие, достаточное для возникновения реакции. Это также приводит многих исследователей к игнорированию и даже отрицанию проблемы мотивации. Они признают, что реактивность, то есть способность специфическим образом реагировать на воздействующие на него раздражители, является основным свойством живого организма. И это фундаментальное свойство вместе с воздействием стимула считается достаточным динамическим условием поведения. Тем не менее некоторые исследователи довольно скоро оказались вынужденными признать необходимость обращения к мотивационному фактору. Они заметили, что организм не всегда реагирует на воздействующий извне стимул. Сексуальный объект или пища, вызывающие в определенных условиях реакцию, иногда остаются без ответа. Возникла необходимость ввести в схему фактор, объясняющий это различие в реактивности. Можно считать таким фактором различные пороги ощущения или чувствительности организма к данному стимулу. Именно это и понимают некоторые психологи под мотивацией: фактор сенсibilизации и активации организма в отношении к какому-то стимулу. Другими словами, мотивация — это состояние организма, функция которого состоит в снижении порога его реактивности на некоторые раздражители. В таком случае мотив рассматривают как *энергизатор* (energizer) или *сенсibilизатор* (sensitizer) (см., например, Nissen, 1954). Для того чтобы объяснить изменения в самих формах реакции на стимул, исследователи обращаются к процессу научения или образования условных связей. Очевидно, что и в этом случае понятие «мотивация» фактически излишне;

процессы стимуляции и научения, по-видимому, достаточны для объяснения поведения.

В) Некоторые психологи обращаются к понятию «мотивация» главным образом для того, чтобы объяснить, почему организм вообще приходит в состояние активности (см. ниже стр. 24). Иными словами, о мотивации говорится как о мобилизации энергии. Эта точка зрения была недавно подвергнута критике рядом психологов (Kelly, 1958), отметивших, что она исходит из статической модели организма: «естественным» состоянием живого существа считается состояние неактивности, и, чтобы объяснить его переход к активности, необходимы какие-то особые побудительные силы. Если же рассматривать живой организм как активный, то понятие мотивации становится излишним. В настоящее время все больше и больше подчеркивается *спонтанная* активность нервной системы, и поведенческая активность, как и физиологическая активность, связывается с жизнедеятельностью организма. Хебб (1949), например, предложил гипотезу, основанную не на реактивности, а на естественной активности нервной системы. Вопреки тому, что думали в течение 30 предшествующих лет, нервная клетка, для того чтобы стать активной, не нуждается во внешнем раздражителе; она не является физиологически инертной, и ее естественная активность составляет систему самомотивации. Позднее Хебб высказал мысль о том, что следует отождествлять общее состояние мотивации с реакцией активации (arousal), генерируемой ретикулярной формацией ствола головного мозга. Эта концепция более или менее близка к концепции, согласно которой стимул выступает как активный источник поведения, поскольку Хебб рассматривает «систему бодрствования» (ретикулярную формацию) как вторичный путь, по которому любое сенсорное возбуждение достигает коры головного мозга (Hebb, 1955, p. 248—249).

§ 2. Явление мотивации

А) Очевидно, что в схеме «стимул — реакция», в соответствии с которой в экспериментальной психологии описывается поведение организма, проблеме мотивации отводится скромное место. Напротив, в обыденной жизни принято считать, что поведение человека направляется и определяется планом и стремлением реализовать этот план или достичь какого-нибудь объекта-цели. Эта вторая схема соответствует, вероятно, также и психической реальности и имеет поэтому научное значение. В то время, как первая схема берет в качестве модели элементарную рефлекторную реакцию, объектом второй является сложное человеческое поведение. Можно заметить, однако, что усилие или стремление достичь какой-то цели выражается во множест-

ве действий, в той или иной степени подчиненных этой цели. Действительно, не следует забывать, что то, что в классических опытах по выработке условных реакций, как и в психологии поведения вообще, принято называть *стимулом* (безусловным), для животного в реальной жизни представляет собой конечную цель длительной поисковой активности. В лабораторных условиях экспериментатор рассматривает пищу как стимул, действующий на вкусовой орган животного, и изучает вызываемую им физиологическую секрецию, но для того, кто наблюдает поведение животного в естественных условиях, пища представляет собой объект-цель продолжительной мотивированной деятельности. Различные значения, которые можно, таким образом, придавать термину «стимул», делают проблему мотивации еще более сложной. Наша задача упростится, если помимо схемы образования условных связей и теории «стимул-реакция» читатель будет помнить о том, что поведение — это еще и поиск отсутствующих или еще не существующих ситуаций или предметов. На этом и основывается, по сути дела, точка зрения той группы психологов, для которых мотивация является ключом к объяснению и пониманию поведения человека.

Б) Какие же аспекты поведения связаны с мотивацией? Ответ на этот вопрос можно сформулировать следующим образом. Организм или индивид характеризуют предпочтительные или избирательные отношения к окружающим объектам или ситуациям. При наличии определенного числа объектов некоторые из них оказываются желаемыми или предпочитаемыми, тогда как другие отвергаются; при отсутствии некоторых объектов или ситуаций ощущается потребность в них, их ищут и добиваются, другие же объекты и ситуации вызывают у индивида опасение. Такая ориентация выражается в том, что данное поведение будет продолжаться до тех пор, пока не будет достигнут объект, относящийся к строго определенной категории; этот объект явится, таким образом, завершением — временным или окончательным — деятельности субъекта. Именно такая избирательная ориентация на предпочитаемый или искомый объект придает поведению характерную для него направленность и организацию. Иногда необходимый организму объект неизвестен самому индивиду, в других случаях врожденные или приобретенные поведенческие связи направляют его непосредственно к желаемому объекту. Следует добавить, что для человека более или менее продолжительный поиск отсутствующего или еще не существующего объекта-цели имеет важное значение. Его познавательные способности и воображение позволяют ему воссоздавать отсутствующие объекты посредством предвосхищения или компенсации. Поэтому в некоторых исследованиях мотивации человека большое значение придается изучению продуктов воображения (см. ниже стр. 40).

Такая активная длительная и избирательная направленность поведения составляет сущность явления, определяемого как мотивация; конкретная форма этого явления зависит от типа поведения (например, врожденное или приобретенное) и уровня развития организма. Эта концепция предполагает, что мотивация является одновременно источником активности и направленности поведения; точнее, согласно этой концепции, поведение понимается как направленная активность. Эти два аспекта — динамический аспект и аспект направленности — часто отделяются друг от друга при изучении мотивации, в чем нам представится возможность убедиться при рассмотрении связи между общей активностью организма и процессом научения, с одной стороны, и мотивацией — с другой.

В) Для того чтобы лучше очертить сферу мотивации, иногда вслед за Вудвортсом (1918, р. 36—37) различают «механизмы» поведения и факторы, от которых зависит приведение их в действие. Первая проблема — это проблема *как* осуществляется поведение, вторая — *почему* человек или животное поступает или действует так или иначе. Изучение мотивации относится именно ко второй проблеме. В этой связи говорят о *мотивах, побуждениях, импульсах, тенденциях и потребностях*, а некоторые авторы прибегают к понятиям напряжения, силы и даже энергии. Конечно, неправильно было бы употреблять два последних термина в том смысле, какой они имеют в механике или физике. В психологии часто вообще не различают эти два понятия — сила и энергия. Старая физикалистская концепция, оправдывающая, по мнению некоторых психологов, употребление этих терминов при изучении поведения, утверждает, что психология, как и физика, ставит своей целью объяснить переход от стадии покоя к стадии действия или от одной формы «движения» к другой (сила); в результате часто говорят о некоей способности производить работу (энергия). Именно по этой причине возражения, иногда очень убедительные, против употребления в психологии этих терминов (London, 1944, Wiener, 1950) не достигнут своей цели, пока психологи будут убеждены в тождественности этих выражений.

II. МОТИВАЦИЯ И АССОЦИАЦИЯ

§ 1. Детерминирующая тенденция

Тот факт, что в течение долгого времени проблема мотивации в экспериментальной психологии была на положении бедной родственницы, не следует, видимо, объяснять только методологическими трудностями, возникающими при исследовании этой проблемы. Основная причина заключается в том, что психология формулировала проблему, «почему» возникают психиче-

ские явления, в терминах ассоциаций и связей. Действительно, ассоцианизм дал научной психологии одну из своих излюбленных схем мышления. Законы ассоциаций, а позднее законы *нау-учения* и образования условных связей объясняли, почему в состоянии *x* возникает явление *y*. В результате проблема мотивации, то есть поведения как настойчивого поиска объекта, отошла на задний план; сама ассоциация рассматривалась, по крайней мере неявно, в качестве динамического элемента. Мотивацию заслонило понятие подкрепления.

Понятием, которое в ассоцианизме XIX в. наиболее соответствовало мотивации как фактору активации и направленности, было *внимание* (Ribot, 1888; Lange, 1888; James, 1890, p. 402—458). Как известно, в настоящее время этот феномен после долгих лет забвения снова привлек к себе интерес психологов и психофизиологов благодаря открытиям, связанным с ретикулярной формацией и системой бодрствования (см., например, Berlyne, 1960, p. 45—77).

Недостаточность одних только ассоциативных связей для объяснения возникновения психических явлений была отчетливо показана в экспериментальных работах школы Кюльпе. Вербальная реакция, следующая за предъявлением слова-индуктора, несомненно, определяется как ассоциативной связью, так и установкой (*Einstellung*) испытуемого. Такая установка создается инструкцией, или *Aufgabe* (Watt, 1905). Было замечено, что в тех случаях, когда инструкция требует, чтобы испытуемый ствечал словом, рифмующимся со словом-индуктором (день — пень, например), он отвечает не словом, сколько-нибудь прочно ассоциированным с первым (день — ночь, например), а автоматически (без дополнительной работы сознания) дает ответ, соответствующий инструкции. Направление и тип ответа испытуемого определяются, следовательно, заданием или инструкцией. Принятие инструкции вызывает у испытуемого *интенцию* или *желание* произвести действие определенным образом. Возникающая таким образом динамическая установка была названа Ахом (1905) *детерминирующей тенденцией*, поскольку она создает у испытуемого некую тенденцию, которая детерминирует его реакцию.

§ 2. Измерение воли

В исследованиях вюрцбургской школы Кюльпе мотивация рассматривалась, как мы только что видели, на одном уровне с волевыми интенциями и связывалась с принятием задачи. Этой школе мы обязаны множеством экспериментальных исследований воли, среди которых наиболее известны работы Мишотта (1910), Аха (1910) и Линдворского (1919). Ах сделал попытку измерить с помощью оригинального метода «силу воли», противопоставив ее силе ассоциативной связи. Испытуемый заучивал

путем повторения два списка парных слогов. Слоги первого списка рифмовались, слог второго являлись инверсиями (руг-гур). Сила ассоциативной связи между двумя членами каждой пары измерялась частотой повторения. Когда после определенного числа повторений эти списки были заучены, экспериментатор зачитывал испытуемому новый ряд, состоявший только из слов-индукторов; инструкция требовала от испытуемого отвечать на каждое слово или слог рифмующимся с ними словом или слогом. В новый список было включено несколько слогов, являвшихся первыми членами двух первых списков. Ах попытался таким образом противопоставить силу ассоциации и силу детерминирующей тенденции, обусловленной инструкцией. Всякий раз, когда слово-индуктор ассоциировалось ранее со слогом-инверсией, возникало затруднение при выполнении инструкции (нахождении рифмы); когда же слово-индуктор ассоциировалось ранее с рифмующимся словом, ответ облегчался, поскольку уже существующая связь и детерминирующая тенденция действовали в одном направлении. Наличие значимых различий во времени реакции, равно как и контаминация слогов (интерференция ассоциированного слога со слогом, соответствующим инструкции), могли, по мнению Аха, выявить существование противоположных или действующих в одном направлении сил. Можно ожидать, что в отдельных случаях ассоциативная связь окажется настолько прочной, что испытуемый просто ошибется и произнесет слог-инверсию вместо требуемой рифмы. Ах установил, например, в одном из своих экспериментов, что намерение рифмовать не брало верх над противодействующей ассоциативной связью, выработанной в результате 120 повторений. Ах назвал число повторений, необходимых для того, чтобы ассоциативная связь оказалась сильнее волевого намерения, «ассоциативным эквивалентом». В данном опыте ассоциативный эквивалент равнялся приблизительно 100—120 повторениям в условиях некоего среднего уровня волевых усилий со стороны испытуемых. В действительности было установлено, что, например, допускаемая испытуемым ошибка влечет за собой увеличение его волевых усилий: инструкция все время как бы «стоит перед глазами» испытуемого, и он оказывается в состоянии преодолеть силу ассоциативных связей. Однако результаты, полученные Ахом, оказались отнюдь не такими понятными и однозначными, как можно было бы надеяться. Это и побудило Левина более основательно исследовать проблему.

§ 3. Ассоциативная связь и динамический эффект

Первые работы Курта Левина, который положил начало современным исследованиям мотивации человека, были посвящены как раз проверке экспериментов Аха. Повторив эти экспери-

менты в целях их уточнения, Левин (1917, 1922) обратил внимание на то, что в некоторых опытах не наблюдалось ни ошибочных ответов испытуемого, ни существенных различий во времени реакции. Это свидетельствует о том, что в такого рода исследованиях ассоциативная связь влияет на воспроизведение члена пары лишь в той мере, в какой испытуемый вырабатывал у себя *установку на воспроизведение*. Предъявляя испытуемым список слов-индукторов, ассоциировавшихся ранее с рифмами, и требуя от них отвечать на каждое слово рифмующимся словом, Левин заметил, что количество ошибок увеличивалось в тех случаях, когда в список включалось слово из другого списка (например, слово, ранее ассоциировавшееся со слогом-инверсией). В этом случае, говорит Левин, испытуемый принимает общую установку на воспроизведение, в результате чего происходит также и активизация ассоциативной связи между словом-индуктором и слогом-инверсией из другого списка. Такие ошибки, возникающие в силу ассоциативных связей, не наблюдаются в опытах, в которых у испытуемого отсутствует установка на воспроизведение. В таких случаях испытуемый без колебаний следует инструкции, несмотря на наличие ассоциаций между некоторыми словами-индукторами и слогами, не соответствующими требованиям инструкции.

Важный вывод, к которому пришел Левин на основании этой серии экспериментов, состоял в том, что ассоциативная связь сама по себе не обладает динамическим эффектом: «связи, как таковые, никогда не являются причинами события» (1926) вопреки тому, что утверждают некоторые теории научения. Известно, что Халл (1943, 1952) считает, что для того, чтобы вызвать реакцию, помимо SHR (habit strength, или силы связи), необходим еще и мотивационный фактор (SDR, или drive).

Это исследование 1922 г. явилось для Левина началом очень важной серии экспериментальных работ (около 20 работ), посвященных мотивации, осуществленных группой его учеников и опубликованных в периодическом издании гештальтпсихологов «Psychologische Forschung» в течение 1926—1938 гг. Можно считать, что экспериментальное изучение мотивации человека началось именно с этой серии исследований. Некоторые из этих работ будут рассмотрены в следующей главе.

III. ОБЩАЯ НАНАПРАВЛЕННАЯ АКТИВНОСТЬ

Есть основания различать два аспекта проблемы причин поведения (проблемы «почему»): во-первых, каковы динамические факторы, определяющие уровень общей активности организма, и, во-вторых, почему организм осуществляет то или иное действие. Изучение мотивации должно дать ответ именно на второй

вопрос. Однако, поскольку большинство исследований общей активности являются одновременно исследованием мотивации, следует сказать несколько слов и о них.

Некоторый уровень поведенческой активности связан, видимо, с самой жизнедеятельностью организма, как дыхание или любой другой механизм биологической адаптации (ср. выше стр. 18). Вот почему некоторые исследователи считают излишним рассматривать мотивацию в качестве фактора такой активности. Однако известно, что уровень общей активности организма может значительно изменяться в зависимости от вполне определенных условий и что состояние мотивации в собственном смысле слова, то есть наличие какой-либо потребности, выражается, как правило, в увеличении активности. Кроме того, как показали некоторые исследования, потребность в активности и движении проявляется специфическим образом, когда возникают какие-либо препятствия на пути ее реализации (Piéron, 1959, p. 45; Fauville, 1955, p. 114—120; ср. «рефлекс свободы», о котором говорил Павлов, 1951, III т., кн. 1, стр. 340—345).

§ 1. Детерминанты активности у человека и животных

Множество исследований было посвящено изучению изменений общей активности животного. Наиболее фундаментальными из них являются работы Рихтера (1927). Чаще всего в этих исследованиях применялись такие устройства, как клетка (рис. 1) и колесо (рис. 2) активности. Вот некоторые из полученных результатов.

Были отмечены периодические изменения активности в зависимости, например, от половых циклов и от других гормональных секретов (рис. 3). Биллингсли (1940) сообщает о заметном возрастании активности с возникновением эмоций или состояния неуверенности. Позднее Холлу (1956) удалось показать, что лишение крыс пищи, а также интенсивная световая и звуковая стимуляция значительно повышают активность животных. Москвиц (1959), усовершенствовав эту методику, обнаружил, что зависимость увеличения числа оборотов колеса активности (от 100 до 1100 оборотов в час) от постепенного (на протяжении 41 дня) снижения пищевого и водного рациона имела почти линейный характер. Поскольку за экспериментальный период средний вес крыс уменьшился до 85—60% нормального веса, можно считать, что уровень мотивации у этих животных был весьма высоким.

Были отмечены значительные индивидуальные различия в общей активности. Ширли (1928) обнаружила, что у крыс в возрасте от 6 до 9 месяцев эти различия носят постоянный харак-

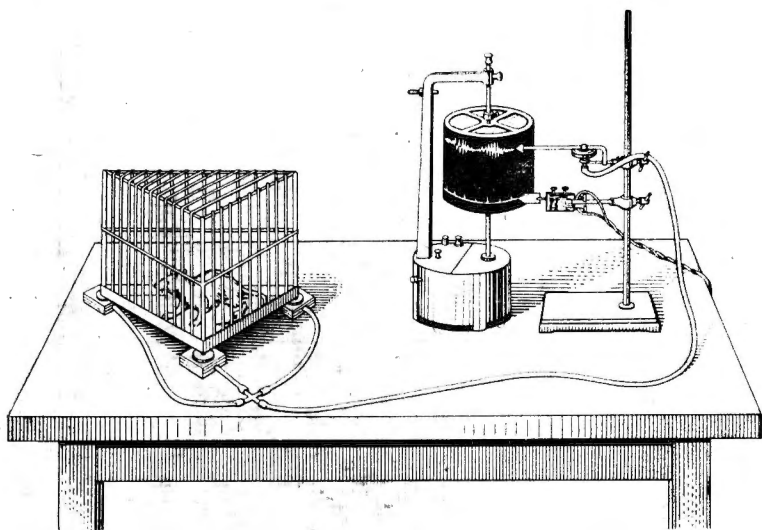

Рис. 1. Клетка активности, установленная на мембранах. Клетка имеет треугольную форму, каждый из ее углов покоится на мембране. Эти мембраны соединены с капсулой Маррея таким образом, что каждое изменение давления передается через нее на перо кимографа, второе перо отмечает на барабане кимографа интервалы времени (по: Richter, 1927,— in: Munn N. L., Handbook of psychological research on the rat, Boston, 1950, p. 55).

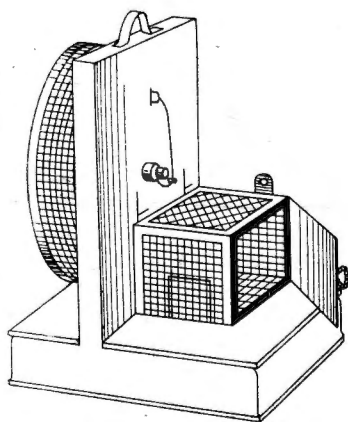

Рис. 2. Колесо активности для изучения общей активности крысы. С правой стороны устройства находится клетка, в которой живет крыса. Всякий раз, когда животное вбегает в отделение-колесо, расположенное в левой части устройства, счетчик оборотов регистрирует движение колеса в обоих направлениях. Клетка и колесо отделены друг от друга дверцей (ее не видно на рисунке). С помощью этой дверцы можно помешать крысе войти в колесо или выйти из него (по: Munn N. L., p. 53).

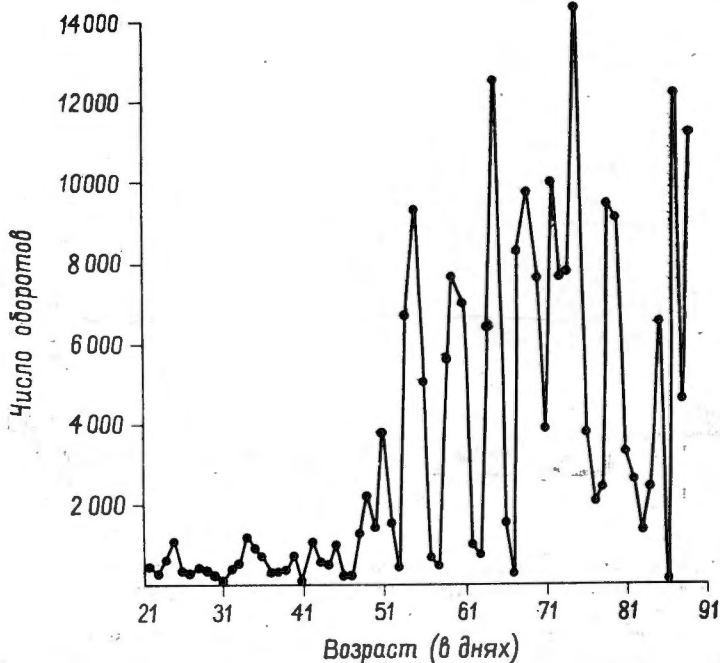

Рис. 3. Общая активность и половые циклы у самки крыс. На графике видно, что до наступления половой зрелости (примерно на 50-й день) уровень общей активности крысы довольно низок. Начиная с этого момента активность возрастает и имеет циклический характер, совпадающий с половыми циклами самки (периодичность циклов 4—5 дней). Активность достигает максимального уровня в период готовности к спариванию. Активность измеряется числом оборотов колеса активности (по: Munn N. L., p. 67).

тер. Известно, однако, что с определенного момента активность начинает уменьшаться с возрастом (Richter, 1927).

У человека индивидуальные различия в общей активности считались важной чертой темперамента. Для Хейманса и Вирсмы (1906) общая активность была одним из трех параметров, лежащих в основе их типологии; они оценивали степень активности по тому, насколько склонен был субъект заниматься какой-либо деятельностью в свободное время и после работы (метод опроса). В других исследованиях, основывавшихся на факторном анализе, было показано, что активность является одним из центральных факторов (см., например, Guilford, 1939; Koch, 1934 и 1942). Гезелл и Аматруда (1941) изучали активность с генетической точки зрения.

§ 2. Энергетическая интерпретация

Способность к активности или энергетические возможности организма, несомненно, зависят в конечном счете от запаса химической энергии, содержащейся в пище во всех ее видах. Однако было бы ошибкой связывать динамические факторы поведения непосредственно с энергией, получаемой за счет обмена веществ. Тем не менее некоторые исследователи делают это. Холт (1931), работа которого «Влечение у животных и процесс научения» оказала большое влияние на психологию, писал: «Если верно, что энергия бензина или другого горючего приводит в действие мотор машины, не менее верно и то, что именно химическая энергия поглощаемой пищи приводит в действие тем или иным способом организм животного. Пока психология не признает связь между активностью животного (и человека) и поглощаемой им пищей, проблема мотивации останется для нее камнем преткновения» (Holt, 1931, p. 8). Это столь же верно, как то, что общая активность организма зависит от самого факта его жизни, но не объясняет изменения этой активности. Действительно, как мы уже показали, в отличие от мотора, который приводится в действие бензином, активность организма вызывает как раз отсутствие пищи. С другой стороны, не удается установить прямой связи между энергией обмена веществ и большинством мотивов человека. Так, например, мотивация, связанная с тем, чтобы получить общественное признание, по-видимому, не изменяется вместе с энергией метаболизма. Такое обращение к химической энергии метаболизма для объяснения мотивации является примером той опасности, которой чревато употребление в психологии термина «энергия» без учета того, что он имеет всего лишь характер аналогии (см. выше стр. 20).

С точки зрения изучения мотивации существенным недостатком лабораторных исследований общей активности является то, что измеряемая активность животного никак не связана с поиском объекта-цели. Напротив, в естественных условиях увлечение активности, характеризующее состояние возникновения потребности, предполагает хотя бы смутную направленность поиска, которую можно сравнить с действиями посредством «проб и ошибок» на начальной стадии научения. Такая активность имеет определенную направленность и никогда не является случайной (Krechevsky, 1932; Tolman, Krechevsky, 1933).

Отметим в заключение, что некоторые авторы относят к общей активности любое поведение, не вызванное одной из основных физиологических потребностей (например: прогулка, умывание, сидение на месте и т. д.). Биндра (1961) считает, что поведение животного представляет собой в значительной мере активность такого рода, поэтому он подчеркивает важность того, что он называет общей активностью животного. Следовало бы

выяснить, не связаны ли некоторые из этих поведенческих актов со специфическими мотивами, как это было показано в отношении деятельности восприятия, манипулирования и исследовательской деятельности (см. ниже стр. 49—60).

IV. ВАЛЕНТНОСТЬ¹

Мотивированное поведение активно ориентировано относительно объектов, обладающих положительной и отрицательной валентностью. Было проведено множество исследований, чтобы установить, какие объекты и сенсорные качества предпочитают некоторые категории испытуемых в определенных условиях.

§ 1. Валентность и органическая потребность

Изучая мотивацию в связи с органическими потребностями, некоторые авторы считали, что организм привлекают вещества, в которых он испытывает биологическую потребность. Физиологической потребности, таким образом, соответствует вполне определенная поведенческая тенденция или импульс. Как отметил еще Дарвин, в этой гипотезе содержится известная доля истины — в противном случае животное не смогло бы выжить. Действительно, организм привлекают некоторые питательные вещества. Более того, для различных видов животных некоторые продукты независимо от их питательной ценности оказываются более предпочтительными, чем другие.

Эксперименты Харриса, Клея, Харгривса и Уорда (1933) подтвердили гипотезу о том, что избирательность пищевого поведения определяется биологической потребностью. Если давать крысам в течение нескольких дней пищу, лишенную витамина В, а затем предложить им на выбор несколько различных видов пищи, как содержащей, так и не содержащей витамин В, то крысы очень быстро обучаются выбирать пищу с витамином В.

Рихтер и Янг досконально изучили зависимость таких предпочтений животного от некоторых специфических потребностей организма. Рихтер (1936) показал, что крысам с удаленной корой надпочечника, которые обычно погибают через 15 дней по-

¹ Термин *валентность* употребляется здесь как эквивалент английских терминов *incentive* и *incentive value*. Он обозначает, таким образом, равно как и термин *ценность*, не только объект, обладающий некоторым качеством, но и само качество (*Aufforderungscharakter*). Поэтому мы скажем, что пища или сладости обладают положительной валентностью, тогда как удар электрического тока — отрицательной. С другой стороны, мы говорим о предмете, имеющем *reward-value* (ценность вознаграждения), как о предмете, обладающем положительной валентностью.

сле операции из-за солевой недостаточности, удавалось выжить благодаря поглощению очень большого количества соленой воды, к которой они имели свободный доступ. Оперированное животное, перед которым находилось два сосуда, один с обычной водой, а второй с 3%-ным раствором соли, предпочитало солевой раствор, который в обычных условиях оно отвергало. В данном случае животное поглощало количество соли, в 15 раз превышающее норму.

В другой серии остроумных экспериментов Рихтер (1942) применял различные питательные вещества: протеины, жиры, железо, соль и т. д. Он показал, что в целом животное предпочитает пищу, в которой оно имеет биологическую потребность. Естественно предположить, что при выборе продуктов питания, в которых нуждается организм, животное основывается на изменениях вкусовых ощущений. Действительно, перерезка нервов, иннервирующих вкусовые рецепторы, устраняла предпочтение солевого раствора (Richter, 1942).

Янг (1948) особое внимание уделил тому факту, что независимо от наличия потребности животные предпочитают продукты и растворы определенного состава или концентрации. Он показал, например, что крысы с удаленным надпочечником, как и нормальные крысы, предпочитают 0,7%-ный солевой раствор семи другим концентрациям от 0,1 до 12%. Янг предложил термин *аппетитность* (palatability) для обозначения предпочтения некоторых продуктов, связанного не с органической потребностью, а с особенностями самого пищевого стимула (см. ниже). В психологической литературе на французском языке отметим работы Ле Маньяна (1959), посвященные изучению влияния запаха и вкуса на выбор и количество потребляемой пищи.

С другой стороны, некоторые органические потребности невозможно непосредственно связать с избирательным поведением. Так, например, Янг (1941, 1948) показал, что животные, испытывающие недостаток витаминов А и D, предпочитали сладкую на вкус пищу, несмотря на то, что кислые вещества в большей степени соответствовали их органическим потребностям. Можно, таким образом, утверждать, что организм не всегда стремится к тому, в чем он испытывает биологическую потребность. Более того, замечено, что некоторые вредные вещества оказываются наиболее привлекательными, причем это в большей степени свойственно человеку, чем менее развитым организмам.

§ 2. Критерии

Каковы же те объекты и ситуации, которые обладают с точки зрения индивида положительной или отрицательной валентностью? Можно предположить, что валентности будут весьма

различными для разных видов живых существ и, кроме того, будут зависеть в значительной степени от прошлого опыта и научения. У человека, в частности, социальные, характерологические и культурные факторы очень сильно влияют на развитие валентностей. То, что привлекает одного, не вызывает никакой активности со стороны другого, а третьего может даже оттолкнуть. Психология и культурная антропология показали, что это явление наблюдается уже на уровне группы индивидов, принадлежащих к одной культуре. Укажем, к примеру, исследование Кардине (1968) о зависимости эстетических предпочтений от личности и работу Периама (1960), посвященную изучению пищевых предпочтений в американской армии. Кроме того, за последние годы возросло число позитивных исследований культурных и человеческих ценностей (см., например, работы Морриса, 1956, и Пеппера, 1958).

Понятие «валентность» коррелирует с понятием «напряжение», или «тенденция». Благодаря наличию определенной тенденции объект или ситуация приобретает положительную или отрицательную валентность. Однако случается, что состояние напряжения не предшествовало появлению объекта, и инициатива, если можно так выразиться, исходит от самого объекта. Можно предположить, что объект вызывает к жизни скрытую тенденцию. Так, неизвестный объект или ситуация вызывают у некоторых видов живых существ исследовательское или манипулятивное поведение (см. ниже, стр. 52).

Экспериментальное изучение валентностей проводилось главным образом в плане изучения объектов, вызывающих приятные и неприятные ощущения. Для этой цели применялись следующие критерии: 1) предпочтение одного объекта другому; 2) количество объекта, потребляемое испытуемым (например, пищи определенного вкуса); 3) степень научения или улучшения результатов деятельности, направленной на достижение объекта; 4) количественная характеристика препятствия или трудности (например, электроудара), которую должен преодолеть испытуемый для достижения объекта (эта величина определялась методом создания препятствия).

Здесь мы ограничимся описанием лишь одного типа исследований, в котором применялся метод создания препятствия, поскольку эти работы представляют особую важность для изучения конфликтов. Примером использования метода предпочтений могут служить исследования Рихтера и Янга, о которых мы уже говорили раньше, а о влиянии мотивации на научение и исполнение в целом мы будем говорить позднее (см. ниже стр. 44).

§ 3. Валентность и препятствие

А) Чаще всего в опытах на животных по методу создания препятствий применяется устройство, разработанное в Колумбийском университете Уорденом (1931) на основе методики, ранее применявшейся Моссом (1924) (рис. 4). Животное помещается в отделение А из которого оно может попасть через дверь d_1 в довольно длинный, но очень узкий и низкий коридор, исключаящий возможность прыжков. Коридор покрыт металлической сеткой, через которую пропускается слабый электрический ток и котбрая, таким образом, является препятствием. E — платформа в отделении С. Дверца d_2 автоматически открывается, как только животное оказывается на платформе E (за исключением опытов с отсроченным вознаграждением). Объект, обладающий положительной валентностью, находится в отделении D (например пища или животное противоположного пола, в зависимости от изучаемой мотивации). Как правило, в этих опытах применяется стандартизованная процедура с целью получения сопоставимых результатов. Когда животное сделает 4 попытки, не встречая препятствия (то есть сетка не подключается к источнику тока), и ознакомится с устройством, начинается эксперимент, продолжающийся обычно 20 мин. После того как животное попадает в отделение D , где находится вознаграждение, его возвращают в отделение А. Обычно в опыте подсчитывается число пробежек через коридор за 20 мин.

Б) Уорнер (1927, 1928а, 1928в) провел серию классических экспериментов (Колумбийское исследование), подтвердивших валидность этой методики. Он показал, что при пищевом вознаграждении количество пробежек возрастает в зависимости от продолжительности голодания (рис. 5). Работая с животными, лишенными пищи в течение 2, 3 и 4 дней, он получил кривую, на которой верхнее плато соответствовало 18 пробежкам за 20 мин. После 4 дней число пробежек уменьшается вследствие общего ослабления организма животного (8 пробежек через 8 дней голодания). В случае половой потребности (в отделении D находится самка) число пробежек достигает максимума по истечении одного дня воздержания (13 пробежек) и остается практически на этом уровне в течение 28-дневного периода (12 пробежек через 8 дней, 11—через 28 дней). В случае жажды максимальное число пробежек наблюдается к концу первого дня (21 пробежка) и падает значительно быстрее, чем в случае голода (в шестой, последний, день опыта—7 пробежек).

В) В исследованиях Уорнера валентность объекта определялась продолжительностью лишения, а интенсивность мотивации измерялась устойчивостью активности, то есть частотой преодоления препятствия, имеющего постоянные характеристики. Применяв методику, где препятствия различались по вели-

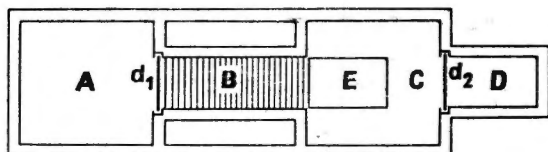

Рис. 4. План клетки с препятствиями, применявшейся психологами Колумбийского университета. А — входное отделение; В — отделение с препятствием в виде решетки, по которой пропускается электрический ток; Е — платформа-включатель; С и D — отделения, где находится приманка: фактически приманка находится в отделении D с дверцей d_2 , автоматически открывающейся в тот момент, когда животное оказывается на платформе. А отделено от В дверцей d_1 , которая открывается по желанию экспериментатора, чтобы позволить животному проникнуть в отделение с препятствием (по: Warden C. J., Jenkins T. N., Warner L. H., *Introduction to comparative psychology*, New York, 1934, p. 533).

чине (животные должны были перемещать препятствия разного веса), Флетчер (1940) показал, что чем больший кусок банана находится в поле зрения шимпанзе, тем более тяжелое препятствие он устраняет.

Г) В целом ряде чрезвычайно интересных исследований Гамильтон (1929) показал, что, если ввести интервал между моментом, когда животное может войти в отделение, где содержится пища, и моментом преодоления препятствия, равный 15, 30, 60 и 180 сек, валентность пищи для животного значительно уменьшается (рис. 6). Когда кормление животных происходило за 48 час до начала опыта, 15-секундная задержка снижала число пробежек на 43%. Различия между эффектом 30- и 60-секундной задержки не наблюдалось, но задержка в 3 мин уменьшала число пробежек на 73% по сравнению с контрольной группой. Эти результаты, которые следовало бы дополнить данными, полученными на животных других видов и детях различного возраста, имеют известное значение в связи с исследованием принципа удовольствия и способности человека отказываться от немедленного удовлетворения потребности в пользу вознаграждения, более или менее отсроченного во времени. (О значении отсрочки вознаграждения в целом см.: Spence, 1956.)

§ 4. Отрицательные валентности

Отрицательная валентность — это боль или все то, что приносит вред и, как следствие, вызывает со стороны индивида инстинктивную, или врожденную реакцию избегания. Как отметил

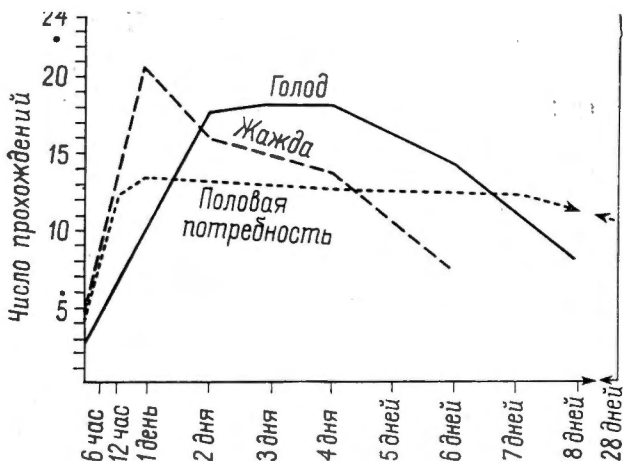

Рис. 5. Устойчивость активности в ситуации с препятствием. (Исследование психологов Колумбийского университета; см.: Warden, 1931, p. 391)

По оси абсцисс: интенсивность потребности, измеренная временем лишения (от 6 час до 28 дней). По оси ординат: активность, измеренная числом пробежек за период в 20 мин. Три кривые соответствуют состояниям голода, жажды и половой потребности. Кривые голода и жажды показывают средние результаты самцов и самок; кривая половой потребности относится только к самцам (по: Munn N. L., 1950, p. 95).

Пьерон (1941, p. 103—104), самой общей тенденцией является тенденция избавить организм от источников мучительных переживаний. Доказано также, что, несмотря на научение и даже продолжительное привыкание, некоторые сенсорные качества остаются неприятными. Так, сладкие вещества имеют положительную валентность практически для всех животных, а кислых последние избегают. Уоррен и Пфаффман (1958) показали, что привыкание не изменяет этой отрицательной валентности. То же самое было установлено и в отношении ощущений вибрации. Хант и Кей (1961) помещали крыс на непрерывно вибрировавшую платформу. Опыт начинался до момента рождения животного и прекращался, когда оно достигало возраста 56 дней. Было установлено, что, если крысам предоставляется выбор либо прекратить вибрацию с помощью рычага, либо продолжить ее, они предпочитают, несмотря на привыкание, состояние покоя. Однако верно и то, что некоторые объекты приобретают отрицательную валентность постепенно. Это относится особенно к человеку. В качестве примера укажем на следующие случаи. Все, что оказывается препятствием на пути к достижению объекта-цели, постепенно приобретает отрицательную валентность,

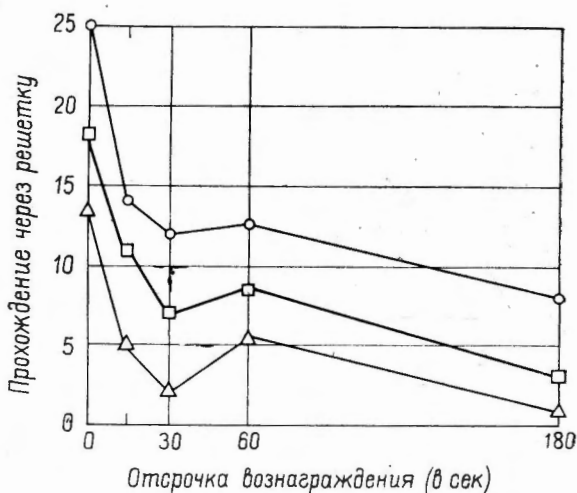

Рис. 6. Влияние отсрочки вознаграждения на число пробежек через решетку-препятствие (по: Hamilton, 1929).

После того как крыса пробегает через отделение с препятствием (решетка, по которой пропускается электрический ток), ей мешают приблизиться к пище в течение некоторого времени — от 0 до 180 сек (ось абсцисс). Кривые показывают влияние различных по длительности отсрочек на число пробежек за 20 мин (время отсрочек не учитывается). Средняя кривая соответствует медиане, две другие — 75 и 25 перцентилем (по: Woodworth R. S., Schlosberg H., 1954, p. 664).

хотя сам по себе такой объект может быть нейтральным (см. исследования конфликтов, стр. 71). Существует феномен насыщения, приводящий к тому, что в определенных условиях мы можем отвергнуть предмет, с которым ранее имели очень частый или избыточный контакт (см., например, Karsten, 1928; Levin, 1935, p. 254—257). Процесс реактивного торможения также является примером того, что повторение только что имевшей место реакции, особенно если она сопровождалась усилием, может оказаться нежелательным (Hull, 1943, 1952); некоторые эксперименты по изучению чередования и тенденции к исследованию (см. ниже, стр. 55 и 58) также показывают, что все, что уже знакомо, приобретает тем самым некоторую отрицательную валентность по сравнению с тем, что еще остается неисследованным (речь здесь идет об относительной отрицательной валентности). Еще более важными являются те случаи, когда объект, прежде нейтральный или даже положительный, начинает вызывать у испытуемого реакцию избегания вследствие процесса научения или образования условных связей. В данном случае объект вы-

зывает страх или тревогу потому, что он является сигналом мучительной ситуации, с которой он был связан (см. ниже стр. 66). Очень сложен вопрос о валентности неудачи. Для некоторых испытуемых задачи, при решении которых они потерпели неудачу, приобретают особую привлекательность (желание исправить ошибку), у других же такая задача вызывает реакцию избегания. Страх перед неудачей, по-разному проявляющийся у различных испытуемых, был описан в большом числе исследований (Norpe, 1930; Rosenzweig, Mason, 1934; McClelland and al., 1953). Гевирц (1959 *a*; 1959 *b*) показал наряду с другими исследователями, что испытуемые, избегающие ситуации, где успех несомненен, имеют высокий коэффициент интеллектуальности, предпочитают трудные задачи и не отступают перед неудачами. Необходимо отметить еще, что некоторым испытуемым свойственна тенденция преувеличивать свои неудачи, в то время как другие переоценивают свои достижения (см. например, Nuttin, 1953 и 1961, p. 73—170).

§ 5. Валентность и нервные центры

Прямая стимуляция нервных центров животного может обладать как положительной, так и отрицательной валентностью. Олдс (1954, 1955, 1958*a*, 1958*b*) показал, что крысы с вживленными электродами прибегают к самораздражению в тех случаях, когда электроды вживлены в определенные области мозга (например, в область перегородки), стимуляция же других областей (например, медиальной петли) не вызывает подобного эффекта. Отсюда можно сделать вывод, что стимуляция некоторых зон является вознаграждением для животного. Олдсу (1958*b*) удалось показать, что потребность в пище приводит к увеличению темпа самораздражения в тех случаях, когда электроды вживлены в медиальную и латеральную области гипоталамуса; половая потребность (обусловленная инъекцией андрогена) такого эффекта не вызывает. Напротив, когда электроды вживлены в другие, более латеральные области, половая потребность приводит к увеличению темпа самораздражения, тогда как пищевая потребность не сопровождается таким эффектом.

V. МОТИВАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В разделах психологии, изучающих поведение человека под углом зрения его эффективности и продуктивности, очень рано было признано важное значение мотивационного фактора. В самом деле, наряду со способностями мотивация является самой

важной переменной, от которой зависит эффективность поведения. Велики различия в продуктивности людей, обладающих равными способностями, но неодинаковой мотивацией (Young, 1936). В этом можно видеть проявление основной функции активации, которую выполняет мотивация.

§ 1. Процесс формирования цели

Центральный процесс, опосредствующий влияние мотивации на результаты деятельности, — это процесс *выбора цели* индивидом. Мы называем этот процесс формированием цели (по аналогии с процессом формирования плана), оба процесса играют важную роль в поведении человека.

Объектом-целью мотивации человека часто оказывается не уже существующий материальный объект (к примеру, пища или сексуальный партнер), а определенный уровень исполнения или результатов, достичь которого собирается человек или достижения которого от него требует, как он полагает, общество. Даже стремление к достижению материальных объектов с целью удовлетворения физиологических потребностей приобретает характер профессиональной или социальной деятельности. Таким образом, в известной мере человек сам выбирает объек-ты-цели своей мотивации (см. выше, стр. 18—19).

А) *Генезис процесса.* В экспериментальном плане некоторый свет на процесс формирования цели был пролит в работах, посвященных уровню притязаний. Многие исследования в области генетической психологии, например, работы Бюлера (1931), Хетцера (1931) и Готтшальдта (1933), показали нам генезис этого процесса. Известно, что трехлетние дети любят рисовать каракули, они просто чертят какие-то линии и явно получают удовольствие от этого. Их мотивация, таким образом, вызывает у них целый ряд моторных реакций. Бюлер и Хетцер (1927, 1928) установили, что трехлетние дети очень редко придают своим каракулям значение какого-нибудь объекта. Если же это происходит, что случается не более чем в 10% случаев, то ребенок дает название своему рисунку только после окончания его. Было замечено, что некоторые четырехлетние дети уже в процессе деятельности поясняют, что будет означать их рисунок; однако среди них есть и такие, которые начинают составлять определенный план действий, то есть ребенок говорит, что он собирается делать до начала деятельности. 80% пятилетних детей составляют предварительный план рисунка до начала его выполнения. В шесть лет так поступают все. То, что говорилось здесь применительно к рисованию, относится ко всем другим видам деятельности. Деятельность высокоорганизованного индивида не носит исключительно исполнительный характер; она протекает также и

на уровне познавательных представлений и предполагает *постановку цели*. Речь идет здесь о форме антиципирующего поведения, имеющего мотивационный характер.

Рассмотрим теперь исследования уровня притязаний, в которых были подвергнуты систематическому изучению некоторые аспекты формирования цели.

Б) *Уровень притязаний*. Наиболее фундаментальной работой в этой области является исследование Хоппе (1930), осуществленное под руководством Левина. Это исследование вызвало к жизни бесчисленное множество экспериментов, в общем более совершенных, чем эксперименты самого Хоппе (Jucknat, 1938¹; Frank, 1935; Lezak, Raskin, 1950; Sutcliffe, 1952). Тем не менее, учитывая важное значение понятий, разработанных Хоппе на основе анализа собственных, недостаточно систематических экспериментальных данных, следует более подробно остановиться на этих понятиях. Результаты последующих 10 лет исследований были подытожены Левиным, Дембо, Фестингером и Сирсом (1944). Общий обзор этих работ на французском языке был сделан Гереном (1958). Определенный интерес в этом плане представляет также работа Робайе (1957).

Успех и неудача. Прежде всего Хоппе показал, что успех и неудача — или на языке торндайковской психологии научения «наказание» и «вознаграждение» — не могут быть определены в объективных терминах. В данном случае, говорит автор, испытуемые, приступая к работе, ставят перед собой конкретную цель: они хотят и стремятся достичь определенного уровня результатов. Это и есть их уровень притязаний (*Anspruchsniveau*): то, к реализации чего они стремятся. Соотношением между уровнем конкретных притязаний и фактическим уровнем исполнения и определяется качественная оценка результатов деятельности, то есть успех или неуспех деятельности. В одном из опытов Хоппе от испытуемого требовалось набрасывать кольца на крючки, закрепленные на ленте, передвигающейся перед ним с установленной скоростью. Оказалось, что один и тот же объективный результат (10 наброшенных колец из 16) может быть успехом для одного и неудачей для другого; и то, что может быть успехом в одном случае, при других обстоятельствах может оказаться неудачей. Более того, полученный результат является успехом или неудачей лишь в той мере, в какой он расценивается испытуемым как его *личное* достижение, а не как, скажем, случайность. Таким образом, для каждого испытуемого зона деятельности, в рамках которой он в состоянии оценивать свой результат как успех или неудачу, достаточно ограничена и более или менее специфична. За пределами этой зоны, то есть

¹ Опыты Юкнат были начаты в 1931 г. в Берлине, когда Левин еще жил там.

когда задачи становятся либо слишком трудными, либо слишком легкими, результат расценивается в зависимости от природы самой задачи. В одном из экспериментов, предполагавшем определенную скорость реакции, испытуемый не расценивал отрицательный результат как неудачу, если данное ему время было меньше 60 сек, точно так же он не считал хороший результат успехом, когда время превышало 2 мин. Можно утверждать, что в этом опыте субъективная зона успеха и неудачи располагалась между 70 и 110 сек. Когда предложенная задача выходила за пределы этой зоны, часто можно было наблюдать появление у испытуемого *замещающих целей* (см. ниже стр. 86—89) или реакцию избегания (игру и т. д.).

В) *Повторение и новые цели.* Очень важным моментом является повторение одной и той же деятельности. Вопреки известному закону эффекта испытуемый повторяет одну и ту же деятельность не потому, что она привела к успеху (см. стр. 35). Повторение деятельности мотивируется, например, тем, что испытуемый предполагает на этот раз набросить на каждый крючок два кольца вместо одного или же хочет испытать новый метод работы и т. д. Другими словами, речь в этом случае идет не о повторении, как таковом, а о новой задаче, которую ставит перед собой испытуемый. Сказанное имеет прямое отношение к изучению процесса формирования и постановки новых целей человеком (*Zielbildung*) в зависимости от предшествующего успеха или неудачи. В данном случае мы имеем дело с такой формой научения и развития поведения, которую нельзя объяснить с точки зрения подкрепления связей. Простое, стереотипное повторение (характерное для некоторых видов профессиональной деятельности) вызывает явления насыщения и скуки, которые порождают потребность в перемене деятельности и исследовании или заставляют пробовать новые действия и ставить новые цели.

Г) *Притязание и ожидание.* В экспериментах Хоппе проводил различие между реальной (*Realziel*) и идеальной (*Idealziel*) целями, которые испытуемые часто смешивают при определении уровня своих притязаний. Фестингер (1942 а) показал, что результаты, которые испытуемые «хотели бы» получить, существенно выше тех, которые они «ожидают» получить. Работы Ирвина и Минтцера (1942) подтвердили необходимость такого различия, что заставило некоторых исследователей говорить об уровне *ожиданий* (Atkinson, 1958; Robaye, 1957). Следует отметить, однако, что для Хоппе (1930, р. 30) термин *Anspruchsniveau* относится к реальной цели. Как показал Хоппе, знание дистанции между идеальной и реальной целями особенно важно при изучении личности.

Д) *Начальный уровень притязаний.* Большее или меньшее постоянство колебаний уровня притязаний в зависимости от эф-

фективности деятельности, по-видимому, как-то связано с динамической структурой «Я». Сначала этот факт привлек к себе внимание Хоппе в связи с постоянством некоторых интраиндивидуальных закономерностей изменения начального уровня притязаний (Anfangsniveau). Испытуемый 19, который терпел неудачу за неудачей и был вынужден снижать всякий раз свой уровень притязаний в процессе испытаний, приступал к каждой новой задаче, имея более высокий уровень притязаний, чем у остальных испытуемых. Напротив, испытуемый 14, добившийся известных успехов, приступал к каждому испытанию с самым низким уровнем притязаний.

Е) *Уровень притязаний после успеха или неудачи.* Более важным, чем начальный уровень (который большинство более поздних исследователей склонно вообще игнорировать, см. например, Frank, 1935), является изменение уровня притязаний в результате ознакомления с реальными результатами. И в этом случае первые важные выводы, в общих чертах подтвержденные позднейшими исследователями, были сделаны Хоппе. В целом в условиях нашей культуры уровень притязаний повышается после успеха и снижается после неудачи. В экспериментах Хоппе вслед за успехом уровень притязаний повышался в 32% случаев (из 165), никогда не снижался (0%) и оставался неизменным в 3% случаев. После неудачи в 27% случаев произошло снижение уровня притязаний, повышения не наблюдалось, в 12% случаев уровень остался неизменным (во всех остальных случаях испытуемые прекратили эту работу и приступили к другой и т. д.). Юкнат (1937), применившая усовершенствованную и более тонкую методику, получила более высокий процент повышения уровня притязаний в зависимости от степени успешности деятельности: 96%, 80 и 55% случаев соответствовали трем степеням успешности: большому успеху, явному успеху и просто успеху; аналогичным степеням неуспешности соответствовало снижение уровня в 88%, 80,5 и 78% случаев. В остальных случаях происходило изменение уровня притязаний в противоположном направлении, так как автор применял метод лабиринтов, который требовал от испытуемого в качестве последующего действия выбора лабиринта большей или меньшей степени трудности. Сохранение неизменного уровня притязаний оказывалось, таким образом, невозможным. Интересный вывод, следующий из целого ряда исследований, состоит в том, что испытуемые, принадлежащие к современной западной культуре, почти всегда выбирают себе в качестве цели при решении новой задачи результат, превосходящий полученный в первой предварительной попытке. Таким образом, можно осуществить сравнительное исследование формирования цели в условиях различных культур.

Ж) *Уровень «Я».* Хоппе проанализировал также, как именно испытуемые повышают и снижают свой уровень притяза-

ний. Некоторые интраиндивидуальные константы позволили ему снова сделать вывод об их связи с динамической структурой личности. Хоппе предложил такие понятия, как «уровень Я» (Ichniveau) и «самосознание», или «концепция Я» (Selbstbewusstsein). Последнее понятие близко к понятию «self-concept». Тщательный анализ Хоппе привел к тому, что исследование уровня притязаний превратилось в чрезвычайно ценный метод экспериментального изучения личности (см., например, Murray, 1938; Rotter, 1942a и 1942b). Следует отметить, однако, что степень общности и постоянства результатов в этой области не всегда достаточно высока. Измерение разницы между результатом исполнения конкретной задачи и уровнем, которого предполагает достичь испытуемый в следующей попытке (эта разница называется goal discrepancy score¹), показало, что значения корреляции между этими двумя величинами в двух опытах, проводимых с одним и тем же испытуемым, могут варьировать от 0,26 до 0,75 (Frank, 1935a) и даже от 0,04 до 0,44 (Gould, 1939).

3) *Приложения.* Изучалась зависимость уровня притязаний от возраста детей (Anderson, 1940; Gottschaldt, 1958), его связь с деятельностью группы (Hertzmann, Festinger, 1940; Shelley, 1954; Nuttin, 1962), а также с потребностью в достижении и рискованным поведением (Atkinson, 1957, 1958) и т. д. Особый интерес представляет тот факт, что большая вариабельность уровня притязаний характерна для патологии и личностей с высоким уровнем тревожности. Группа исследователей лондонского госпиталя Модсли (Eysenck, Himmelweit, 1946; Himmelweit, 1947) показала, что неврастеники и дистимики ставят перед собой, как правило, более высокие цели, чем нормальные люди, тогда как для истериков характерен минимальный уровень притязаний: они часто ставят перед собой более низкую цель, чем та, которую они только что достигли.

§ 2. Мотивация и продукты воображения

А) *Психогенные потребности.* В работах, посвященных уровню притязаний, мотивация изучается в плане реальной сознательной деятельности. Некоторые авторы полагают, что наилучшим способом изучения мотивации является исследование продуктов воображения. Сторонники этого направления основываются на фрейдистских представлениях о функции сновидений и механизме проекций, а также на исследованиях участия воображения и проецирования в процессах восприятия. Две группы исследователей специально занимались анализом продуктов

¹ Величина отклонения цели (англ.).

воображения. Первая — это группа сотрудников Гарвардской психологической клиники под руководством Меррея (1938). В 30—40-е гг. здесь работали такие исследователи, как Сирс, Розенцвейг, Мак-Киннон, Занфорд, Франк, Бек, Овсянкина, Уайт и др., и их исследования явились ценным вкладом в изучение мотивации. Классическая работа этой группы — книга Меррея (1938) — открыла новые пути изучения мотивации и содержала в себе, в частности, первые исследования, в которых был применен метод тематической апперцепции, позволивший выявить такие специфически человеческие (психогенные) потребности, как, например, потребность в успехе, или достижении (need for achievement = n Ach), потребность в аффилиации (n Affiliation), потребность в познании и исследовании и т. д.

Б) *Потребность в успехе, или достижении.* Вторая группа исследователей, не вполне свободная от влияния первой, объединялась вокруг работ Мак-Клелланда (1953), посвященных изучению потребностей в аффилиации и особенно потребности в достижении. Современный обзор этих исследований с обширной библиографией можно найти в книге Аткинсона (1958).

Мак-Клелланд (1953) исходил из предположения, что на первой стадии исследования необходимо стимулировать изучаемую потребность методом лишения, как и при изучении биологических потребностей. Ощущение голода создается путем лишения индивида всякой пищи в течение более или менее длительного времени. Автор полагал вначале, что с помощью экспериментальных неудач можно создать аналогичный метод лишений и для потребностей в достижении. Постепенно стало выясняться важное значение познавательных факторов, вводимых посредством инструкций, предлагаемых испытуемым. Потребность в достижении формировалась Мак-Клелландом таким образом, чтобы имелось 6 ступеней ее интенсивности. С этой целью испытуемые — студенты университета — должны были в течение 12 мин выполнить ряд заданий (анаграммы и т. п.); инструкция создавала либо безразличную ситуацию, не предполагавшую личной заинтересованности в успехе, либо *стрессовую* (испытуемым сообщалось, что их результаты будут использованы для определения их умственных способностей или профессиональной пригодности). Сразу же после этого им предлагалось принять участие в проводимом новым экспериментатором тесте на творческое воображение (типа ТАТ) — с целью определения их идей и образов (thought sampling), вызванных потребностями различной степени интенсивности. В этом испытании использовались следующие 4 стандартных изображения: 1. Сцена между отцом и сыном (заимствованная из ТАТ Меррея). 2. Молодой человек в производственной ситуации неопределенного содержания (там же). 3. Два человека у станка в мастерской. 4. Мальчик сидит за столом, перед ним открытая книга (две по-

следние картинки новые). Интерпретация этих картинок испытуемыми выражалась в форме ответов на 4 вопроса: 1. Что здесь происходит и кто действующие лица? 2. Как возникла эта ситуация, или, другими словами, что происходило до момента, изображенного на картинке? 3. Каковы мысли, желания действующих лиц, кто о чем думает? 4. Что сейчас произойдет? Что будут делать персонажи?

Был разработан способ оценки интерпретаций, даваемых испытуемыми. Обзор этой методики можно найти в книге Аткинсона (1958, р. 177—241, 685—837). С помощью этого метода удается выявить в интерпретации испытуемого все, что является выражением его интереса или эмоциональной оценки действий лиц, изображенных на картинках (например: «Он хочет стать крупным бизнесменом», «Он несчастен, потому что провалился на экзамене», и т. д.). Суммарный результат каждого испытуемого выступает в форме индекса *достижения*, являющегося итогом оценки различных элементов воображения, имеющих отношение к потребности в успехе.

В) *Индекс достижения у мужчин и женщин*. Установлено, что у учащихся мужского пола величина индекса находится в прямой зависимости от уровня стимуляции потребности в достижении в непосредственно предшествовавшем испытании. Аналогичные результаты были получены в исследованиях, проведенных позднее на большой выборке испытуемых-юношей (Veroff and al., 1953) и на индейцах племени навахо. Иначе обстоит дело у испытуемых-девушек. У них индекс остается на постоянном и к тому же довольно высоком уровне независимо от условий мотивации в предыдущем испытании (Veroff and al., 1953). Потребность в достижении у испытуемых-женщин, видимо, более чувствительна к тому, насколько социально приемлема соответствующая деятельность (McClelland, 1953). Можно утверждать также, что существует определенная связь между высоким уровнем потребности в достижении и атмосферой в семье; атмосфера индивидуализма и независимости, вероятно, усиливает у сына потребность в успехе. Так, существует отрицательная корреляция ($-0,56$) между уровнем потребности в успехе у сыновей и их восприятием отца как «помощника» и «друга». В отношении матери такая корреляция равняется $-0,39$ (McClelland, 1953).

Г) *Валидность индекса*. Важно знать, можно ли считать индекс достижения, полученный посредством оценки продуктов воображения испытуемого, валидной мерой мотивации. Это еще весьма проблематично, если принять во внимание следующие факты. Корреляция между первым результатом и результатом, полученным неделю спустя, невелика и не значима ($0,22$ для группы из 40 испытуемых). Между величиной мотивации, полу-

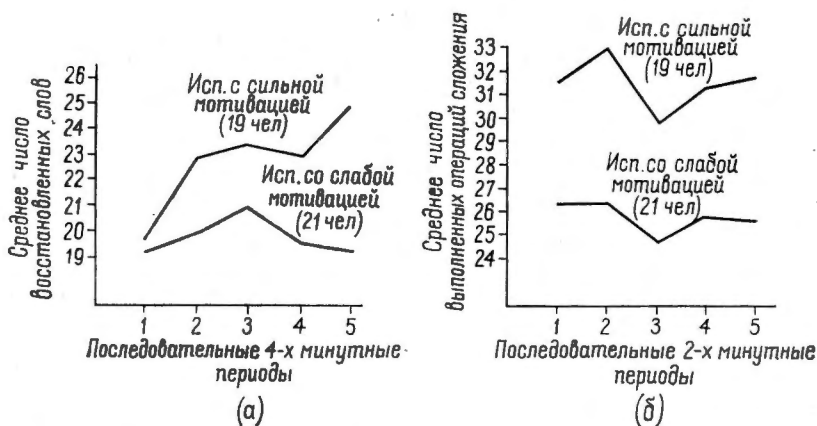

Рис. 7а. Результаты двух групп испытуемых с различными уровнями потребности в успехе при выполнении теста на воспроизведение слов.

Испытуемые должны были восстановить точный порядок букв таким образом, чтобы получилось слово. Среднее число слов, восстановленных к концу каждого 4-х минутного периода, подсчитывалось для каждой группы в отдельности на протяжении 5 последовательных периодов. Верхняя кривая показывает, что результаты испытуемых с более высоким уровнем потребности в успехе улучшаются от периода к периоду; в пятом периоде они воспроизводят в среднем на 5,32 слова больше по сравнению с первым. В группе с низким уровнем потребности в успехе не наблюдается такого заметного прогресса, результат здесь улучшается в среднем на 0,43 слова. Разница между группами — 4,89 слова — статистически значима ($t=3,76$). Можно сделать вывод, что более высокий уровень потребности в успехе обеспечивает более заметное научение в решении сложных задач, допускающих последовательное совершенствование навыка (по: McClelland D., *Studies in Motivation*, New York, 1955, p. 407).

Рис. 7б. Результаты двух групп испытуемых с разными уровнями потребности в успехе при решении простых задач на сложение. Подсчитывалось число простых операций сложения, выполненных испытуемыми 2 групп к концу каждого из 5 двухминутных периодов работы. Кривые показывают, что в группе с более высоким уровнем потребности в успехе результаты выше, чем в другой группе. Выполнявшиеся операции были слишком простыми, чтобы мог иметь место систематический прогресс в научении (по: McClelland, p. 408).

ченной на основании индекса Мак-Клелланда, и клинической оценкой той же самой черты у тех же самых испытуемых при психологическом и психиатрическом изучении нет никакой корреляции. Нет никакой корреляции этой величины и с оценкой самим испытуемым своей мотивации. С другой стороны, индекс имеет несомненное значение, поскольку наблюдается значимая корреляция его со многими видами деятельности. Так, Лоуэл (1952) отметил, что результаты выполнения одного теста группой испытуемых с высоким индексом существенно улучша-

лись на протяжении 5 последовательных 4-минутных периодов работы, тогда как результаты испытуемых с более низким индексом не улучшались ($t=3,76$). Число арифметических операций, выполненных первой группой, также значительно больше по сравнению со второй ($t=2,40$) (рис. 7). Кроме того, испытуемые со средним индексом были больше озабочены тем, чтобы действовать наверняка (у них наблюдалась тенденция избегать неудачи), тогда как испытуемые с более высоким индексом хотели, скорее, идти на риск, чтобы добиться новых успехов и достичь максимального уровня притязаний (McClelland, Liberman, 1949). Ряд исследований (Atkinson, 1958) показал также, что испытуемые с высоким индексом, как правило, проявляют упорство при решении задач, они уверены в правильности получаемых результатов и им свойственно честолюбие в том смысле, что они ставят перед собой высокие цели и способны приложить большие усилия для того, чтобы достичь их; они не выказывают волнения при решении задач, держатся независимо и предпочитают не прибегать к помощи других; кроме того, этот индекс коррелирует с умственными способностями, измеряемыми, например, посредством задач на вычисление.

Интересно было бы выяснить, не приведет ли измерение потребности в достижении при отсутствии фазы предварительной ее стимуляции к другим, столь же значимым результатам, которые более непосредственно связаны с мотивацией. Действительно, исходная мысль Мак-Клелланда о том, что потребность в успехе должна быть «создана» или стимулирована с помощью фазы лишения (как это происходит в случае голода), не совсем верна. Можно измерить потребность, проявляющуюся непосредственно в той или иной активности, и не прибегая к научению и стимуляции. Одно дело изучать чувствительность воображения испытуемого к условиям стимуляции и совсем другое — определять обычный уровень его потребности в успехе. Что касается правомерности анализа *воображения* для изучения мотивации в целом, то встает вопрос: разве воображение нормального человека, который стремится к реализации своих мотивов в реальной деятельности, несет в себе меньше значимых динамических элементов по сравнению с воображением тех, кто воплощает свои мотивы в мечтах, а не в действиях (Nuttin, 1955, p. 169)? Вот почему непосредственное изучение осознанной мотивации на уровне внешнего поведения является более важным для психологии, чем это склонны считать многие психологи (Allport, 1953).

§ 3. Кривая научения и кривая исполнения

А) Нам уже неоднократно приходилось говорить в настоящей главе об известном прогрессе и научении в действиях испытуемого в зависимости от мотивации. Эксперименты, которые

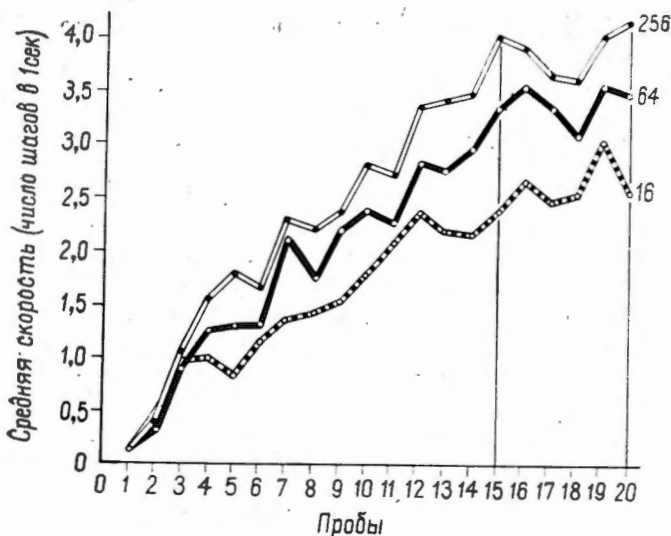

Рис. 8. Зависимость научения и исполнения от объема пищи. Вознаграждение, предлагавшееся крысам, состояло из строго определенного количества пищи (см. цифры с правой стороны каждой кривой: 16, 64, 256 единиц). Хотя средняя скорость больше у тех животных, которые получали большее вознаграждение, уровень прогресса, или научения, в ходе 20 проб одинаков у всех 3 групп животных (*Psychol. Rev.*, 1944, 51, p. 349).

упоминались в связи с методом создания препятствий, являются также хорошей иллюстрацией тесной связи между результатами деятельности и мотивацией (см. стр. 31). Другой вопрос состоит в том, действительно ли научение испытуемого происходит быстрее — то есть он достигает с каждой попыткой все больших успехов — под влиянием усиления мотивации или увеличения вознаграждения. Большинство экспериментов (Crespi, 1944; Zeaman, 1949; Reynolds, 1950) показывает, что, чем сильнее мотивация или чем больше вознаграждение, тем выше на графике кривая исполнения на всем своем диапазоне (крыса быстрее бежит, быстрее осуществляет выбор или дифференцировку и т. п.), однако темп научения (rate of learning) от пробы к пробе не увеличивается в зависимости от мотивации (рис. 8).

Б) Что касается исполнения, то на него оказывает влияние не только вознаграждение или наказание, но также и отмена или отсрочка вознаграждения, то есть та или иная форма *фрустрации*. Перебои в получении привычного вознаграждения активизируют деятельность (*frustration-hypothesis*). Это стало известно благодаря исследованиям Эмзеля (1952, 1954, 1958) и

Вагнера (1959). Испытуемыми в эксперименте Вагнера были три группы крыс, получавших пищу в конце *второго* из двух последовательных коридоров, из которых состояло применявшееся им устройство. Первая группа животных никогда не получала подкрепления в финишной камере *первого* коридора, являвшегося одновременно стартовой камерой второго коридора, вторая группа получала там пищу в 50% случаев; третья же вначале всегда получала там пищу (первые 76 проб), а затем только в 50% случаев. Крысы всех трех групп сделали по 108 проб. Результаты показывают, что отсутствие пищи *в конце первого коридора* в последних 32 пробах заставляло крыс третьей группы быстрее пробегать второй коридор. Эти данные опровергают гипотезу Сьюарда (1957), утверждавшего, что это ускорение относительно. Сьюард полагал, что наличие вознаграждения в конце первого коридора должно привести к снижению скорости во втором коридоре (response-depression hypothesis). Когда же вознаграждения в этом месте нет, замедление не происходит, и скорость, таким образом, должна относительно возрасти. Результаты Вагнера показали, что крысы первой группы, никогда не получавшие вознаграждения в конце первого коридора, во втором коридоре бежали медленнее по сравнению с крысами, испытывавшими фрустрацию, и что их скорость сопоставима со скоростью крыс двух других групп в тех случаях, когда последние *получали* пищу в конце первого коридора.

§ 4. Знание результатов и мотивация

А) В замечательной серии работ, осуществленных в лаборатории Бартлетта в Кембридже, Гриндли и его сотрудники изучали, насколько важно для испытуемого, участвующего в эксперименте, состоящем из ряда последовательных проб, знать результаты своей деятельности (см. например, MacPherson, Dees, Grindley, 1948, 1949). Испытуемого, который держал в правой руке рукоятку диаметром примерно 5 см, сначала просили повернуть ее приблизительно на 20°, а затем одним движением вернуть в исходное положение. Рукоятка и рука находились вне поля зрения испытуемого. Расположенная перед испытуемым шкала позволяла ему определять после каждой пробы, было ли его движение чрезмерным или недостаточным. Регистрирующее устройство давало возможность экспериментатору очень точно фиксировать движения рукоятки. Было замечено (см. рис. 9), что действия испытуемого очень скоро достигают высокой степени точности и достаточно долго удерживаются на этом уровне, если он имеет возможность видеть на шкале свои результаты. Как только условия эксперимента меняются и испытуемый перестает видеть свои результаты, эффект научения полностью

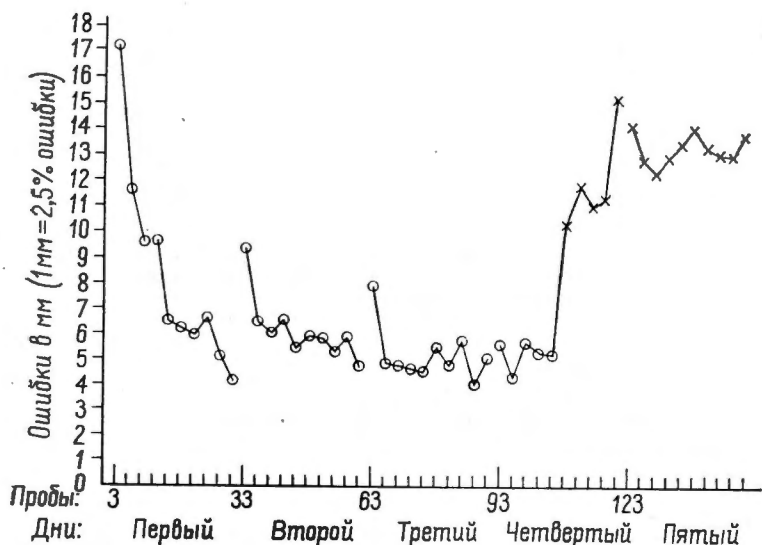

Рис. 9. Зависимость точности реакции от знания результата (MacPherson at al., 1948, 1949).

Кружки обозначают среднюю величину ошибки (в мм) в экспериментах, когда испытуемым сообщались результаты. Крестики относятся к опытам, в которых результат не был известен. Каждый крестик или кружок является средним результатом трех проб 12 испытуемых. Опыты проводились в течение 5 дней подряд. Таким образом, один опыт от другого отделял интервал приблизительно в 24 часа. Оказалось, что первые пробы во второй и третий дни осуществлялись с меньшей точностью, однако достигнутая накануне точность восстанавливалась очень быстро. Как только навык стабилизировался (начиная с 4-го дня), уровень, достигнутый накануне, сохранялся (первая проба в четвертый день давала такой же результат, что и последние накануне). В ходе серии опытов на четвертый день испытуемый внезапно переставал получать сведения относительно точности своих ответов. Начиная с этого момента точность реакций резко ухудшалась (см. первый крестик). Точность реакций в пятый день, также при отсутствии сведений о результатах, по-прежнему была очень низка. В ходе этой последней серии не наблюдалось никакого улучшения результатов (Quarter. J. exp. Psychol., 1949, 1, 169).

исчезает. Действительно, на кривой (рис. 9) наблюдается резкое увеличение дисперсии с того момента, когда испытуемому перестают сообщать его результаты. Средняя ошибка, равная к этому моменту примерно 5 мм, сразу же увеличивается до 14 мм. Авторы отметили также ослабление интереса испытуемого к участию в опытах. Пока испытуемый видит результаты своей деятельности, у него есть мотив *действовать как можно лучше*. Все это имеет, по нашему мнению, непосредственное отношение к тому, что только что говорилось об уровне притязаний. Знание

полученных результатов позволяет испытуемому устанавливать для себя каждый раз определенную цель, которая и поддерживает его мотивацию. Как только испытуемый перестает получать эти знания, задача превращается в слепую и случайную активность. Это проливает дополнительный свет на связь между обучением и мотивацией, и особенно на сложную функцию вербального «вознаграждения», которое предполагает сообщение результатов, в экспериментах, аналогичных опытам Торндайка (1932). Такое сообщение результатов ценно не только в информационном, но и в эмоциональном плане. (Правомерность такой интерпретации подтверждают также результаты Нюттена (1953, 1961, р. 353—358). Добавим, что, как показал Мюнцингер (1934), а вслед за ним и ряд других исследователей, практически не имеет значения, являются ли стимулы, с помощью которых осуществляется передача результатов, приятными или неприятными. Можно, например, с успехом сообщать испытуемому о том, что его ответ правилен, с помощью удара электрического тока, не опасаясь, что это может привести к ухудшению результатов.

Б) Связь между фактором «знание результатов» и уровнем притязаний была, кроме того, отчетливо показана в целом ряде уже довольно старых работ, посвященных проблеме утомления. В опыте, заключавшемся в поднимании тяжестей, у испытуемого рано или поздно возникало ощущение, что прилагаемое им усилие максимально. Когда испытуемому стали сообщать с помощью эргографа точный вес поднимаемого им груза, оказалось, что он в состоянии превзойти предыдущий результат на 13% (Crawley, 1926; см. также Wright, 1906). Сообщение результата ведет к тому, что испытуемый устанавливает для себя уровень притязаний, превосходящий достигнутый им ранее результат. Цель — превзойти полученные результаты — позволяет испытуемому развить чрезвычайные усилия.

§ 5. Мотивация, настроение и продуктивность

Мы не будем приводить здесь многочисленные данные, свидетельствующие о влиянии мотивации на трудовую и профессиональную деятельность, учение и т. д., полученные прикладной психологией (Viteles, 1953; Coumétou, 1956, р. 1141—1155). Существует множество экспериментальных работ, посвященных изучению влияния морального состояния, то есть общего уровня удовлетворенности и мотивации, рабочих на продуктивность труда. Отметим только, что удовлетворение или неудовлетворение некоторых основных потребностей оказывает, по всей вероятности, косвенное влияние на общую продуктивность труда человека. Интересный опыт Кана и Катца (1953) показал,

в частности, различную эффективность двух способов инструктирования и проверки рабочих мастером. Детальное инструктирование, лишаящее рабочего всякой инициативы и самостоятельности, имеет своим результатом значительно более низкий уровень продуктивности труда и морального состояния рабочих по сравнению с тем, к которому приводит лишь указание на конкретную цель без детального описания рабочих операций. Это объясняется, видимо, известной потребностью индивида в самостоятельности, которая противостоит чисто механической, нетворческой работе и оказывает влияние даже на производственную деятельность.

VI. ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ

(Вудвортс (1947) привлек внимание к потребности, о которой прежде мало говорили: потребности в восприятии (will to perceive)). Он справедливо заметил, что наши отношения со средой определяются такими факторами, как желание «видеть, слышать, отчетливо видеть, отчетливо слышать, выяснить или понять то, что мы видим или слышим в данный момент». Аналогичные взгляды высказал Ниссен (1960, стр. 471) применительно к животным. Он отмечал у животного «почти постоянную активность, направленную на то, чтобы быть осведомленным об окружающей обстановке. Значительная часть повседневной активности грызуна, собаки, мартышки или шимпанзе состоит из движений тела и органов чувств, предназначенных для того, чтобы поддерживать контакт животного с происходящим вокруг». В начале века Мак-Дауголл (1908) говорил, что «у обезьян, животных, наиболее близких к человеку, явно выражено любопытство (или потребность в знании) и что оно не только заставляет животное приближаться к объекту и внимательно наблюдать за ним, но также и манипулировать им» (1946, р. 49—50). Начиная с 1950 г. эти выводы были подтверждены и детально проанализированы в многочисленных экспериментах.

В прекрасном критическом обзоре работ, посвященных исследовательскому поведению, Орсини (1957) упоминает, в частности, первые спорадические наблюдения и исследования в этой области. Другие обзоры литературы принадлежат перу Берлайна (1958а), Батлера (1958), Дембера и Фаулера (1958) и Гленцера (1958). Упомянем также работу Дембера и Эрла (1957). Первые систематические экспериментальные исследования познавательных мотивов были осуществлены Берлайном (1950), Харлоу (1950), а также Монтгомери (1951) и Батлером (1953).

§ 1. Любопытство и новые объекты

(А) В своем первом исследовании Берлайн (1950) помещал крыс в пустую экспериментальную клетку и позволял им знакомиться с ней в течение двух часов. Когда позднее, крысы снова оказывались в этой клетке, они обнаруживали в ней три одинаковых предмета (первая группа из трех крыс — три кубика, вторая — три цилиндра), которые они могли обнюхивать два раза по 5 мин. Основная фаза эксперимента состояла в том, что, когда крыс в очередной раз помещали в клетку, один из трех знакомых предметов заменялся новым (два кубика и цилиндр — для первой группы, два цилиндра и кубик — для второй группы). Время, затраченное каждой крысой на исследование (обнюхивание) каждого из трех предметов, регистрировалось с помощью хронографа с тремя циферблатами (экспериментатор нажимал на соответствующую кнопку во время исследования каждого предмета). Время, затрачиваемое на обследование предметов каждой из 6 крыс экспериментальной группы, с точностью до 1 сек приводится в первой строке таблицы 1. Различия между временем, затраченным на исследование знакомого и нового предмета, оказываются статистически значимым. Контрольной группе, также состояв-

Таблица 1

Время (в секундах), затраченное на изучение каждого из трех предметов набора, один из которых является новым (по: Berlyne, 1950, p. 77—78)

Крысы I—VI	Группа А: 2 кубика и 1 цилиндр			Группа Б: 2 цилиндра и 1 кубик		
	I	II	III	IV	V	VI
Экспериментальная группа	8—7—2	0—4—1	0—2—1	4—1—3	1—3—1	1—1—2
Контрольная группа	2—0—0	7—12—9	4—7—7	2—3—2	7—2—6	3—8—2

Порядок цифр соответствует порядку, в котором появлялись предметы в клетке: выделенная цифра относится к новому предмету. 6 крыс экспериментальной группы 20 сек изучали 2 знакомых предмета (то есть в среднем 10 сек на предмет). Время, затраченное на новый предмет, равно 22 сек (то есть на 12 сек больше для 6 крыс или на 2 сек для одного животного). Такое различие является статистически значимым ($t=3,55$; $p=0,017$). У контрольной группы такого различия не наблюдалось (средняя разность для одного животного = $-0,17$). Среднее время исследования 2 сходных (и уже знакомых) предметов в экспериментальной группе также значительно меньше, чем время исследования сходных (но не знакомых) предметов в контрольной группе ($t=2,27$; $p=0,046$).

шей из шести крыс, после ознакомления с пустой клеткой сразу же предлагался набор разнородных предметов) (2 кубика и цилиндр — первой группе, 2 цилиндра и кубик — второй). В контрольной группе не было различия, между знакомыми и новыми предметами, ибо каждый из трех предметов исследовался в первый раз. Время, затраченное на исследование каждого предмета, показано во второй строке таблицы 1. Значимого различия между временем исследования в этом случае не наблюдается.

(Б) Берлайну (1954) принадлежит и первая попытка экспериментального изучения «эпистемической» любознательности человека (в отличие от любопытства на уровне восприятия). Экспериментальной группе из 34 испытуемых — студентов университета — он предлагал список из 48 вопросов, касающихся 12 животных (беспозвоночных), 8 из которых были заведомо известны испытуемому, а 4 являлись достаточно экзотическими животными. Испытуемые должны были осуществить несколько операций с этими вопросами; они должны были выделить 12 вопросов, ответы на которые представляли для них наибольший интерес, указать вопросы, вызывавшие удивление, и пр. Затем им предлагался перечень высказываний, содержащих, между прочим, ответы на вопросы первого списка; после этого испытуемые получали последний список, в котором повторялись вопросы первого списка, но сформулированы они были на этот раз в виде неоконченных предложений, закончить которые должен был сам испытуемый, исходя из того, что стало ему известно из предыдущего списка (изложения фактов). Контрольной группе (состоявшей из такого же числа студентов университета) первый вопросник не предлагался, и они, следовательно, не осуществляли связанные с ним операции. После того как в списке животных они отмечали известных и неизвестных им животных, им предлагался перечень высказываний (таким образом были созданы условия, при которых *любознательность испытуемых не была стимулирована*) с помощью предварительных вопросов). Наконец, испытуемые получали последний список предложений-вопросов, которые они должны были закончить. Эффект любознательности измерялся с помощью различных тестов на запоминание и интроспективных отчетов испытуемых. Было отмечено, в частности, что на те вопросы последнего теста, которые вызвали наибольший интерес испытуемых экспериментальной группы, были даны самые обстоятельные ответы. Точно так же (лучше всего запоминались те изложенные факты (второй список), которые испытуемые считали ответами на вопросы первого списка. Наконец, столь же хорошо запоминались и данные, вызывавшие удивление.)

§ 2. Тенденция к манипулированию

А) Первые систематические исследования тенденции к манипулированию были осуществлены Харлоу (см. Harlow, Harlow, Meyer, 1950; Harlow, 1950). Обе его работы были проведены на макаках-резусах, а в качестве предметов для манипулирования использовались механические головоломки, состоявшие либо из 3, либо из 6 элементов (см. рис. 10). Первый эксперимент (с головоломкой из 3 элементов) показал, что в течение 14 опытных дней обезьяна с интересом манипулировала головоломкой и освоила все операции, с помощью которых головоломка разбирается, не получая за это никакого вознаграждения извне. Во втором эксперименте Харлоу подверг еще более детальному изучению процесс и возможности научения и динамику интереса обезьяны к этому виду манипуляций.

Эксперимент проходил следующим образом. Механическая головоломка (рис. 10) находилась в клетке обезьяны, расположенной в свою очередь в закрытом помещении. Обезьяна все время (12 дней) имела доступ во внешнюю и значительно большую клетку, соединенную с первой. Пять раз в день (почти каждые 2 часа) экспериментатор входил в клетку, чтобы снова собрать головоломку, которую обезьяна успела разобрать в перерыве между его посещениями. В течение первых 5 минут каждого периода экспериментатор наблюдал за поведением обезьяны. Он отмечал, в частности, число правильных и неправильных манипуляций с игрушкой, проделанных обезьяной за это время. Действия считались правильными, если они приводили к разбору или освобождению одного из элементов головоломки, и неправильными, если обезьяна манипулировала с элементами не в установленном порядке или не могла их освободить.

На рис. 11 представлена кривая успехов двух обезьян, принимавших участие в опытах в течение 12 дней подряд; по ординате откладывается отношение неправильных действий к правильным. Кривая показывает, что научение обезьян происходит, несмотря на отсутствие какого-либо вознаграждения (пищи, например) извне. Другие графики автора свидетельствуют о том, что эти две обезьяны осуществляли соответственно 63 и 82 правильных действия в течение первых шести дней и 157 и 134 в течение последующих шести дней (за первые пять минут каждого сеанса). Интенсивность мотивации и активности обезьяны проявлялась, в частности, в том, что в последние 6 дней 81% головоломок разбирался практически в первые 5 мин после предъявления их животному.

На 13-й день Харлоу изучал феномен насыщения — каждые 6 мин в течение 10 часов (всего 100 сеансов) он предлагал каждой из обезьян вновь собранную головоломку. Он отметил

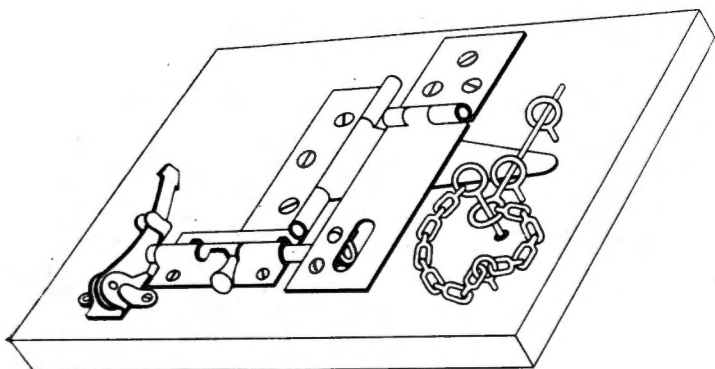

Рис. 10. Механическая головоломка из 6 элементов. Головоломка, применявшаяся в первом исследовании (Harlow, Harlow, Meyer, 1950), была проще и состояла из 3 элементов (по: Harlow, 1950, p. 290).

заметное сокращение числа манипуляций, что свидетельствует об эффекте насыщения. Однако каждая из двух обезьян разобрала почти половину из возможного числа механизмов (100×6), а именно 286, что говорит об удивительной активности обезьяны и предполагает сохранение связанных с ней мотивов.

Б) *Первичная потребность или производная тенденция?* Пытаясь найти объяснение этой очень сильной мотивации, авторы предположили в своей первой работе (Harlow, Harlow, Meyer, 1950, p. 232—233), что она имеет социальный характер из-за присутствия экспериментатора в начале каждого сеанса. Однако в конечном счете они пришли к отрицательному выводу и даже обнаружили, что у двух из четырех участвовавших в эксперименте обезьян уход экспериментатора в большей степени стимулировал активность животных, чем его присутствие. Возможность вторичного подкрепления, связанного с потребностью в пище, также исключается. Таким образом, авторам пришлось признать существование особой потребности в манипулировании. Харлоу (1950) обнаружил также, что удаление некоторых участков головного мозга приводит к снижению активности, связанной с манипулированием. Некоторые исследователи из школы Халла тем не менее подвергают сомнению специфический и первичный характер потребности в исследовании и манипулировании (см., например, Brown, 1961, p. 331—339). Следует отметить также, что до сих пор ни один из ученых не изучил происхождения и развития этой потребности у животных. С другой стороны, до сих пор точно не известны те свойства, которые придают новому стимулу положительную валентность для человека и животного. О более поздних исследованиях в этой об-

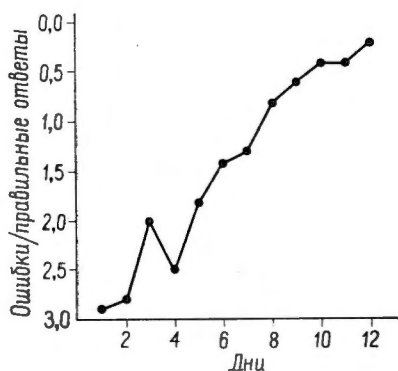

Рис. 11. Кривая обучения (отношение неправильных ответов к правильным) для 5 элементов механической головоломки за 12 дней эксперимента. Головоломка состояла фактически из 5 элементов, шестой — шарнирная петля — был несъемным. Результаты 1-го, 2-го и 4-го дней значительно отличаются от результатов 10-го, 11-го и 12-го дней, $p = 0,01$. В конце каждого 2-часового сеанса экспериментатор входил в клетку и фиксировал число разобранных к этому моменту механизмов. Величина активности обезьян в ненаблюдаемый период определялась путем вычитания из этого числа количества механических элементов, разобранных в течение первых 5 минут. Эта величина также возрастала в течение 12 дней (по: Harlow, 1950, p. 292).

ласти сообщается в работах Биндры и Спиннера (1958), Карра и Брауна (1959), Эрлиха (1959).

В) *Амбивалентность необычного и неизвестного*. При некоторых условиях неизвестное, новое или необычное вызывает негативную реакцию, причем ярко выраженные реакции страха наблюдаются значительно чаще, чем реакции приближения. В отдельных случаях имеет место любопытное сочетание притягательности и страха — тот соблазн опасного, но увлекательного приключения, который столь характерен для некоторых детских игр и поступков взрослых, стремящихся исследовать неизвестное. Виз (см. Lewin, 1935, p. 261—264) изучал негативные реакции ребенка при встрече с чужими или странными людьми. Он проследил развитие таких реакций от полного двигательного торможения и перевозбуждения до постепенного привыкания в зависимости от расстояния до незнакомого человека и времени его присутствия и от того, находится ли ребенок в поле зрения или позади этого человека. С другой стороны, Хебб и Ризен (1943) изучали реакции страха у обезьяны, оказавшейся в незнакомой или новой обстановке. Выросший в изоляции шимпанзе не испытывает страха при первой встрече с человеком, хотя человеческое лицо, несомненно, является для животного «необычным» объектом. Но у той же самой обезьяны обнаруживаются реакции страха при виде нового человека после того, как она познакомилась с рядом людей и научилась их узнавать. Это нельзя объяснить ни образованием условных связей, ни генерализацией опасного стимула, поскольку до сих пор человек был для молодой обезьяны источником лишь приятных ощущений. Страх возникал у шимпанзе даже в

том случае, когда кто-либо из известных уже ей людей приближался к клетке в одежде другого, также знакомого ей человека. На основании этих фактов Хебб (1949, р. 149) сформулировал следующую гипотезу: расхождение между тем, что воспринимают рецепторы в данный момент, и следами того, что было воспринято ранее, приводит к определенному нарушению мозговых процессов, в результате возникает эмоция страха. Некоторые эксперименты (Hunt, Quay, 1961; Waggen, Pfaffman 1958; Meier et al., 1960) поставили под сомнение универсальность этой гипотезы. Все это говорит о том, что проблема валентности неизвестного и непривычного по-прежнему остается нерешенной.

§ 3. Потребность в восприятии и исследовании

Стремление к визуальному восприятию и исследованию наилучшим образом было продемонстрировано в известных экспериментах Батлера (1953). Пять обезьян-резусов помещались в клетку с непрозрачными стенками, освещавшуюся изнутри лампочкой в 25 ватт. На передней стенке находились две небольшие дверцы (см. рис. 12), которые открывались посредством электрического механизма, как только обезьяна нажимала на одну из них. После предварительного периода тренировки перед дверцами вывешивались желтая и синяя картонки с тем, чтобы указать, какая из дверей автоматически откроется при нажатии на нее. Обезьяны, таким образом, обучались визуальному различению. Единственным вознаграждением обезьяне всякий раз, когда она нажимала на правильную дверцу, служило то, что, как только последняя открывалась, обезьяна получала возможность заглядывать через отверстие в лабораторию и наблюдать за тем, что там происходит. Через 30 сек опускалась ставня. Если обезьяна нажимала на заблокированную дверцу, зажигалась маленькая лампочка и сразу же опускалась ставня, закрывавшая обе дверцы. За каждой пробой — как удачной, так и неудачной — следовал 30-секундный интервал, во время которого картонки менялись местами в случайном порядке, затем ставня поднималась, и обезьяна снова могла их видеть. Обезьяна располагала для выбора 5 мин. Если в течение этого времени она никак не реагировала на картонки, дверца открывалась извне, оставалась открытой в течение 30 сек, затем опускалась ставня, и спустя 30 сек снова предъявлялись картонки. Разумеется, пробы могли следовать с большей или меньшей частотой в зависимости от того, насколько быстро обезьяна нажимала на дверцу, после того как поднималась ставня. Каждая обезьяна делала 20 проб ежедневно на протяжении 20 дней (5 дней в неделю).

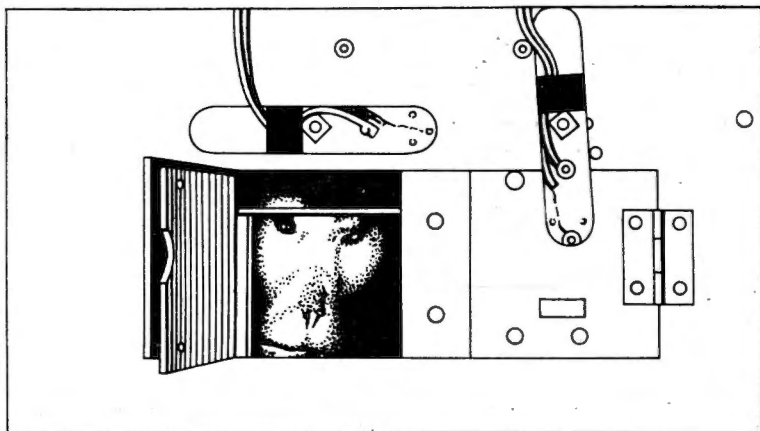

Рис. 12. Частичный вид устройства, применявшегося для изучения визуальной исследовательской деятельности.

Видны две дверцы, закрывающиеся и открывающиеся автоматически с помощью электрического устройства. Через открытую дверцу видна голова макаки-резус, исследующей окружающую обстановку (по: Butler, Harlow, 1954, p. 259).

Полученные результаты показывают, что все животные научились выполнять задачу на различение (см. рис. 13).

Исследователи измеряли также латентное время реакции (то есть время от поднятия ставни до нажатия на одну из дверц). Были отмечены индивидуальные различия у 5 животных, участвовавших в этом эксперименте, но латентное время в последние дни опыта возросло (по сравнению с первыми днями) только в одном из пяти случаев. Следовательно, рассмотренная нами мотивация успешно противостояла насыщению (см. также Butler, Harlow, 1954).

§ 4. Теоретическая интерпретация

Харлоу (1953a; 1953b) подчеркнул различие между потребностью в исследовании и гомеостатическими потребностями. Он говорил о противоположности этих двух категорий потребностей: одни из них имеют внутреннее происхождение, другие — внешнее. Такое противопоставление кажется нам некоторым преувеличением, поскольку оно основывается на различном — внешнем или внутреннем — источнике мотивации. Действительно, наблюдения этологов показали важное значение внешних объектов (releasers, или пусковых механизмов) для развертывания поведения, что, однако, не умаляет значения органиче-

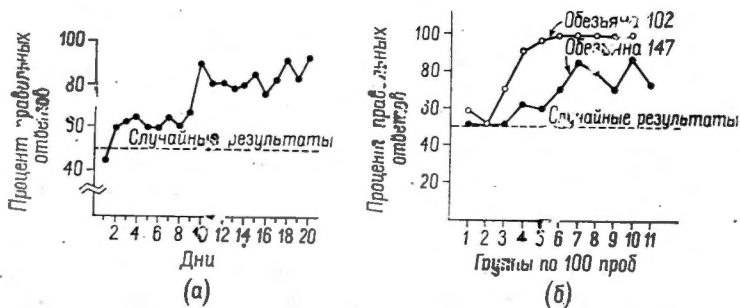

Рис. 13а. Кривая научения 3 обезьян в опыте Батлера с визуальным различием, где мотивацией являлась исследовательская деятельность (по: Butler, 1953, p. 96).

Рис. 13б. Индивидуальные кривые научения 2 других обезьян в опыте Батлера с визуальным различием, где мотивацией являлась исследовательская деятельность.

Показано увеличение числа правильных ответов на протяжении 11 последовательных серий по 100 проб в каждой. Обезьяна 102 достигла и удерживалась на уровне почти безошибочной деятельности в течение 600 последних проб. Результаты обезьяны 147 в последние 600 проб хотя и несколько хуже, однако значительно выше случайных ($p = 0,01$) (по: Butler, 1953, p. 96).

ских или внутренних компонентов мотивационного фактора. С другой стороны, можно считать, что источником всякой мотивации является либо индивид, «имеющий определенную тенденцию», либо объект, обладающий валентностью.

Тем не менее нельзя, видимо, отрицать глубокого различия между гомеостатическими и вообще физиологическими потребностями и познавательными тенденциями (потребностью в исследовательской деятельности, восприятии, познании). Но искать это различие следует, скорее, в природе «завершающих реакций» (Шеррингтон, 1969, стр. 311—314), характерных для того и другого типа потребностей и поведения. В то время как удовлетворение гомеостатических потребностей связано, как правило, с действиями, оказывающими биологическое воздействие на организм или на его потомство, удовлетворение познавательных потребностей связано, видимо, с самим объектом. Отношения организма со средой предполагают, таким образом, некоторую активность, свидетельствующую о том, что организм на определенной ступени эволюции способен выделять некоторые объекты и интересоваться ими как таковыми. Видимо, именно здесь и следует искать источник могущественных объектных мотивов, или подчиненности объекту, столь характерных для некоторых поступков и помыслов человека, например для его научной деятельности. Келли (1955, p. 4) справедливо подчеркивает, что такая установка, характерная для ученых, не является

исключительно привилегией немногих избранных; каждый человек, говорит он, является одновременно *man-the-scientist*¹, стремящимся познать мир таким, каков он есть, и *man-the-biological-organism*², на котором чрезмерно сосредоточен интерес психолога.

Некоторые исследователи пытались объяснить познавательные потребности как *tissue-needs*³, то есть исходя из физиологических потребностей. Ниссен (1960) предположил, что каждому органу присуща своя особая потребность, побуждающая его реализовывать функции, которые он способен осуществлять. Таково, с его точки зрения, общее свойство органических тканей. Познавательные мотивы, в частности, связаны с потребностями ткани клеток головного мозга и нервной системы в целом. И поскольку их функция заключается в том, чтобы «познавать», они и «стремятся» к ее осуществлению. Все это напоминает до некоторой степени *Funktionslust* К. Бюлера (1930), который, однако, не ссылаясь при объяснении его на *tissue-need*. На наш взгляд, нет сомнений в том, что некоторые виды активности объясняются существованием тенденции к упражнению ради упражнения или к функционированию ради функционирования. Эта свойственная каждому органу потребность была отмечена еще Адлером (1907, 1908); он говорил о *Hörtrieb*, *Sehtrieb*, *Ernährungstrieb*⁴ и т. д. Тем не менее не следует придавать чрезмерного значения этому типу мотивации. Нам кажется, например, нелепым объяснять пищеварительную активность тенденцией пищеварительного аппарата упражнять свою пищеварительную функцию. Тем более нельзя объяснять интерес к самому объекту и стремление к объективному познанию исключительно активностью, вызываемой потребностью органа в функционировании. Другими словами, физико-химическая активность нервной клетки и акт познания отнюдь не идентичны (Sherrington, 1951, p. 247—248).

§ 5. Тенденция к чередованию

С потребностью в исследовании, с одной стороны, и феноменом насыщения — с другой, следует связать тенденцию к чередованию, отмеченную у животных, например, при выборе маршрута в лабиринте. Этот феномен можно описать следующим образом: животное, которое в Т-образном лабиринте поворачивает в первый раз направо, при второй пробе чаще всего по-

¹ человек — ученый (англ.).

² биологический организм (англ.).

³ потребности ткани (англ.).

⁴ Потребность слышать, потребность видеть, потребность в пище (нем.).

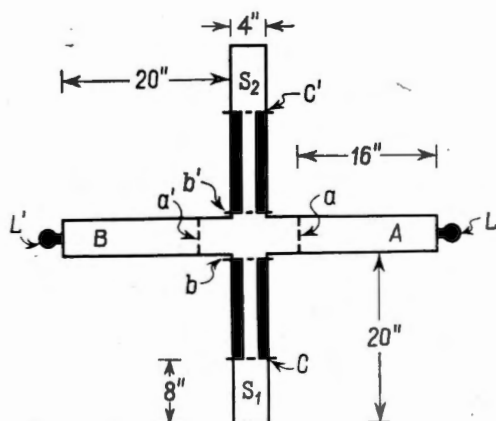
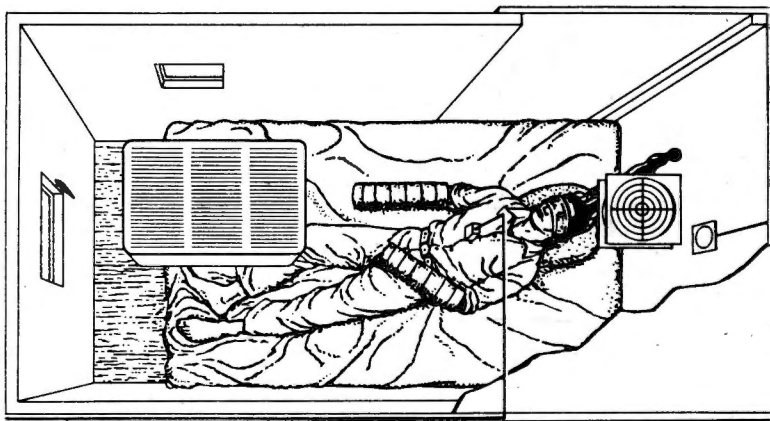

Рис. 14. Схема устройства для изучения спонтанного чередования.

S_1 и S_2 — две стартовые камеры; A и B — два коридора; a и a' — дверцы, открывающиеся только в одну сторону; c и c' — дверцы, открывающиеся в обе стороны; L и L' — лампы (7,5 Вт). Цифры обозначают внешние размеры (по: Montgomery, 1952 а, р. 288).

ворачивает налево. Это происходит не только в опытах без подкрепления, но также и в том случае, если в конце первого коридора находится вознаграждение. Фаулер (1959 а и 1959 б) уточнил этот вопрос, указав, что количественно небольшое вознаграждение (пища) практически не влияет на тенденцию к чередованию, тогда как большое явно уменьшает ее. В последнем случае тенденция к повторному выбору первого пути берет верх над тенденцией к чередованию.

Этот феномен чередования был впервые отмечен Толменом (1925), а затем подвергнут систематическому изучению Деннисом (1935), Монтгомери (1951а,б, 1952а, 1952б) и многими другими (Dember, Fowler, 1958). Это явление нельзя полностью объяснить реактивным торможением, как это пытался сделать Хайл. Оно связано, скорее, как это показал, в частности, Монтгомери, с поиском новых стимулов и потребностью в исследовательской деятельности. Действительно, данный феномен является, видимо, упрощенной формой того, что наблюдается в более сложных ситуациях, например в лабиринте Дешиэлла (1925) с множественным выбором, когда животное выбирало маршруты, охватывавшие большую часть лабиринта. В лабиринте другого типа, в форме креста с двумя входами и двумя камерами на концах (рис. 14), у животных отмечается отчетливая тенденция двигаться по очереди к каждой из камер, а не поворачивать попеременно то налево, то направо, как это тре-

Р и с. 15. Экспериментальная камера для изучения перцептивной изоляции (лаборатория Хебба).

На рис. показан вид камеры сверху (потолок отсутствует). Аппарат кондиционирования воздуха расположен в ногах испытуемого, вытяжной вентилятор — над его головой. Видны микрофон, громкоговоритель и провода для записи электроэнцефалограммы. На отдельных стадиях эксперимента голова испытуемого лежала на подушке, имевшей форму U (по: Sensory Deprivation, A symposium held at Harvard Medical School, Cambridge, 1961, p. 9).

будет закон реактивного торможения (Montgomery, 1951b; 1952). Другими словами, животное не избегает повторения одного и того же движения (например, поворота налево), но оно старается не приходить два раза подряд в то же самое место и, как правило, идет туда, где оно еще не побывало.

§ 6. Изоляция и сенсорное лишение

Среди исследований, показавших существование потребности во внешней стимуляции, необходимо выделить, помимо работ, посвященных исследовательскому поведению, многочисленные работы по изучению изоляции и сенсорного лишения (см. Wexler and al., 1958, и особенно материалы симпозиума, опубликованные под редакцией Соломона и др., 1961). Мы ограничимся сообщением об исследовании, осуществленном на человеке в лаборатории Хебба (Bexton, Heron, Scott, 1954). Экспериментаторы просили испытуемых оставаться в полной неподвижности. Они лежали в удобной позе на диване в звуконепроницаемой камере, на них были надеты специальные очки, пропускавшие рассеянный свет, но не позволявшие различать предметы. Руки испытуемых были помещены в картонные цилиндры, чтобы свести к минимуму тактильные ощущения (рис. 15). Была обеспе-

чена возможность удовлетворения физиологических потребностей; кроме того, испытуемые получали за день «безделья» крупную сумму денег (20 долларов). Результаты показывают, что после 12 часов отсутствия контакта с внешним миром у испытуемых наблюдается ряд психических нарушений; человек начинает испытывать различного рода трудности. Он оказывается не в состоянии правильно думать и поступать, у него наблюдаются даже эмоциональные расстройства. Посредством тестов были обнаружены и нарушения в интеллектуальной деятельности, иногда возникают галлюцинации. Одним словом, испытуемый не переносит отсутствия предметов. Студенты, испытывавшие потребность в деньгах, предпочитали выполнять тяжелую и скучную работу за 7 долларов в день, чем продолжать этот эксперимент, приносивший им 20 долларов, но лишивший их всего внешнего «мира». Это наводит нас на мысль о существовании очень сильной потребности в контакте с внешним миром. Исследования Спитца и многих других показали, что наблюдаемые у детей психические нарушения часто являются прямым следствием отсутствия эмоциональных контактов с человеком (см. Социальная мотивация).

VII. СОЦИАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ

§ 1. Поиски социального контакта

Известно множество различных интерпретаций того факта, что индивид ищет общества себе подобных. Причем такой контакт также может иметь самые различные формы (о половых контактах и этологических исследованиях социального поведения животных см. главу X, посвященную потребностям). Некоторые авторы, например, Мак-Дауголл (1908), ссылались при этом на стадный инстинкт. В настоящее время существует тенденция рассматривать социальные мотивы как производные, обусловленные вторичным подкреплением некоторых физиологических потребностей. Индивид ищет общества других индивидов, поскольку таким образом он сможет удовлетворить свою потребность в пище. Посредством процесса генерализации связь одного индивида с другим, с помощью которого была удовлетворена его потребность, распространяется и на других представителей того же вида.

Такое объяснение подтверждается многими данными. Известно, например, что овца не обязательно в силу врожденного инстинкта следует за бараном или за стадом; если человек будет ухаживать за овцой и кормить ее, она привязывается к этому человеку и уже больше не является неотъемлемым членом группы себе подобных. У этологов можно найти многочисленные данные о таких «пусковых механизмах» поведения, а

также о времени, когда такие связи устанавливаются (Imprinting).

Что касается человека, то тот факт, что ребенок удовлетворяет свои многочисленные потребности благодаря взрослому, создает между ребенком и взрослым совершенно особые аффективные отношения. Тем не менее факты говорят о том, что объяснение социальных тенденций удовлетворением первичных потребностей едва ли правомерно. Известно, что начиная с определенного возраста ребенок ищет не столько общества взрослых, сколько товарищей в игре, которые не способствуют ему в удовлетворении его органических потребностей. Андерсон (1954) и другие подчеркивали, что в этом случае необходимо искать иные факторы. После периода, когда ребенок играет один с какими-то предметами, наступает период, когда ему хочется «делать что-либо» *вместе с другими*. Он явно ищет общества других с целью совместной реализации того или иного игрового замысла, сложность которого увеличивается с возрастом (см. также L. Murphy, 1937, 1943).

Кроме того, систематические наблюдения Спитца (1945) показывают, что удовлетворение органических потребностей не является, видимо, достаточным условием для формирования социальных контактов ребенка. Несмотря на то что в условиях больницы ребенок получает со стороны взрослых все необходимое для удовлетворения его «первичных» потребностей, отсутствие матери отрицательно сказывается на эмоциональном и социальном контактах ребенка и даже на его интеллектуальном и физическом развитии. Таким образом, для нормального развития ребенка необходима, видимо, сложная сеть человеческих взаимоотношений, которая представляет собой самостоятельную ценность. (Критические замечания к работам Спитца см. в статье Пинно, 1955; см. также ответ Спитца, 1955.)

§ 2. Аффективное значение человеческого лица

Эту ценность и особое значение человеческих контактов, не связанных с удовлетворением физиологических потребностей, еще более наглядно показало изучение первых аффективных реакций ребенка на человеческое лицо. Конкретным примером такой эмоциональной реакции является первая социальная улыбка ребенка (в отличие от *гастрической улыбки*, описанной Гезеллом) в двухмесячном возрасте.

Некоторые авторы пытались объяснить эту первую аффективную реакцию образованием условных связей на основе удовлетворения первичных потребностей или физического контакта (Watson, 1924). Напротив, К. Бюлер (1927, 1928, 1933), исследовавший вместе со своими многочисленными сотрудниками

эту проблему, считает социальную улыбку специфической и первичной реакцией на человеческое лицо. Деннис (1935) пытался решить эту проблему, установив безусловный раздражитель, вызывающий социальную улыбку. С этой целью он провел наблюдение за двумя близнецами в строго экспериментальных условиях и был вынужден прийти к выводу, что не существует более первичного раздражителя, чем присутствие человека. Спитцу и Вольфу (1946) удалось даже определить те части человеческого лица, которые являются особенно важными и вызывают реакцию ребенка.

Несмотря на отрицательные результаты, Деннис продолжал считать, что ребенок улыбается при виде человеческого лица потому, что воспринимает его как сигнал, предвещающий удовлетворение той или иной физиологической потребности. Однако все попытки заставить ребенка улыбнуться при виде соски, из которой он регулярно получал пищу, окончились неудачей (Dennis, 1935, p. 220). С точки зрения Бюлера, человеческое лицо имеет для ребенка особое значение. Можно говорить, вероятно, о специфической восприимчивости у человека, лежащей в основе некой первичной потребности в социальном контакте. Как показал Спитц, исчезновение лица человека сопровождается у ребенка реакциями неудовольствия. Все это никоим образом не умаляет значения фактора научения для формирования и повторения улыбки (см. Bowlby, 1956, и цитируемую им докторскую диссертацию Брэкбилла).

§ 3. Социальная детерминация мотивации

Огромное множество мотивов, развивающихся у человека под влиянием культурных и социальных факторов в целом, изучалось в основном не экспериментальными методами (см., например, Klineberg, 1957, p. 84—228; G. Murphy, 1954). Систематические наблюдения, проведенные в рамках культурной антропологии, подчеркивали прежде всего изменчивость и гибкость человеческих тенденций (Mead, 1928); в последнее время применение более тонких методов позволило обнаружить существование в завуалированной форме таких мотивов, о которых раньше не подозревали (Dubois, 1944; G. Murphy, 1954). Исследование Уайтинга и Чайлда (1953) является первой попыткой экспериментального анализа обширного антропологического материала. Результаты изучения 100 групп, принадлежащих к различным культурам, подтверждают, по мнению авторов, влияние на обычаи и привычки различных мотивационных процессов, особенно фиксации.

Добавим к этому, что метод групповой динамики, применявшийся для изучения «ограниченных групп», наиболее близок к строго экспериментальному методу и уже позволил получить

некоторые результаты, представляющие интерес для понимания проблемы мотивации. Ниже (см. стр. 75—76) мы приведем несколько примеров применения этого метода. Первым экспериментальным межкультурным исследованием, проведенным в 7 странах Европы, является исследование Шехтера, Нюттена, де Моншо, Мокора, Осмера, Дюкера, Ромметвейта и Израэля (1954). Изучалась зависимость внутри экспериментальной ограниченной группы между угрозой не достичь цели, которая стояла перед группой, и агрессивными тенденциями по отношению к члену группы с отклоняющимся поведением (в соответствии с планом эксперимента). С методологической точки зрения это исследование показало, в частности, различное мотивационное значение некоторых экспериментальных переменных для различных культурных групп.

VIII. ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ: ИЗБЕГАНИЕ ОБЪЕКТА

Как известно, основной принцип энергетической теории Фрейда состоит в том, что поведение вызывается и направляется тенденцией организма избегать или сдерживать нарастающие стимуляции или напряжения. Эта мысль лежит в основе современных психологических концепций мотивации (см. ниже, стр. 91). Движущей силой поведения является избегание неприятного, а не поиски удовольствия, согласно гедонистической теории. Вспомним также, что Фрейд говорил о принципе неудовольствия еще до того, как им был принят термин «принцип удовольствия». Понимание мотивации как избегания неприятного, тревоги или страха оказало глубокое влияние на теории личности и поведения. Некоторые психологи объясняют всякую мотивацию с помощью одной только категории тревожности. Так, Браун (1953), например, говорит, что стремление к обогащению следует объяснять не позитивным поиском желаемой вещи, а избеганием той тревожности, которую испытывает человек при отсутствии денег. Аналогичный взгляд высказывает Маурер (1952), который пришел к выводу, что чувство страха является единственной движущей силой поведения человека на уровне «Я».

В большинстве экспериментальных работ, посвященных проблеме отрицательной мотивации, исследуются либо конфликтные ситуации (см. стр. 70), либо влияние наказания на научение (см. также главу о научении), либо процессы возникновения тревоги или страха (стр. 65). К этой же проблеме относятся такие, например, явления, как отрицательная валентность (см. стр. 32—35) и реактивное торможение (см. стр. 58—59).

§ 1. Наказание

А) К тому, что уже было ранее сказано о наказании как об отправной точке отрицательной мотивации (причем следует отличать наказание от неудачи), необходимо добавить еще два момента. Объект, ассоциирующийся с наказанием, не приобретает, однако, отрицательной валентности в том случае, если ранее он служил для удовлетворения потребности. Если животное с успехом использовало рычаг для получения пищи, повторные удары электрического тока не вырабатывают у животного отрицательной реакции к рычагу, спустя некоторое время оно снова возвращается к нему (Estes, 1944). Интерес к рычагу угаснет лишь тогда, когда многократные нажатия на него не обеспечат появления пищи. Наказание же само по себе не подавляет интереса. Как показали Вудвортс и Шлосберг (1954), и у ребенка, и у взрослого человека «повторное наказание при осуществлении какого-то действия не мешает непреодолимому желанию прибегать к нему снова и снова». Лишь в том случае, если то или иное действие или предмет не удовлетворяют больше никакой позитивной потребности, индивид начинает терять к нему всякий интерес. Возможно, что у человека мотивация еще больше осложняется тем, что стремление к объекту, ассоциирующемуся с наказанием, является в то же время стремлением к удовлетворению потребности в противодействии или независимости.

Б) С другой стороны, Уорден и Эйлесвортс (1927) показали — и эти выводы были многократно подтверждены впоследствии, — что наказание помогает избегать неверных реакций, вынуждая испытуемого быть более внимательным к сигналам среды всякий раз, когда он сталкивается с необходимостью сделать выбор или принять решение. Таким образом, наказание в этом случае создает мотивацию, побуждающую испытуемого выбирать тот особый тип поведения, который можно определить как «осторожный».

Читатель, видимо, заметил разницу между «наказанием» в смысле собственного эффекта ошибочной реакции и наказанием внешним, присоединяющимся в определенный момент к реакции, которая раньше имела для испытуемого счастливый исход (как, например, в описанных выше опытах Эстеса). Двойное значение этого термина часто является источником противоречивых результатов исследований.

§ 2. Тревожность и приобретенная мотивация

Страх, или тревожность, как приобретенную мотивацию многие авторы изучали в терминах вторичного подкрепления. Следует прежде всего упомянуть классические эксперименты

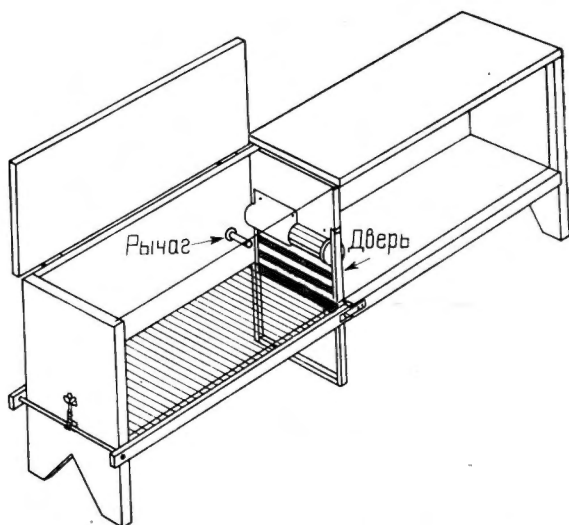

Рис. 16. Аппарат для изучения приобретенного страха.

Левое отделение окрашено в белый цвет, правое — в черный. Когда животное наступает на решетку, служащую полом белого отделения, оно получает удар электрического тока. Дверца из первого отделения во второе обозначена горизонтальными черными и белыми полосами. Дверца открывается, когда животное нажимает на рычаг или, при других экспериментальных условиях, поворачивает колесо, расположенное над дверцей. Экспериментатор также может управлять дверцей, нажимая на кнопку. Время от момента соприкосновения крысы с решеткой до ее правильного ответа регистрируется автоматически (по: Miller, 1948, p. 90).

Уотсона и Райнера (1920) по выработке условных реакций страха (см. главу XI). Более поздние авторы исследовали эту проблему в динамическом плане. Известно, что болезненный стимул вызывает врожденную реакцию избегания (pain drive), но какова мотивация поведения избегания ситуации, ассоциировавшейся ранее с болезненным стимулом (avoidance learning)? Поведение избегания вызывается приобретенной мотивацией (acquired, secondary drive), а именно мотивацией страха, или тревожности (которую следует отличать от тоски, имеющей, скорее, внутреннее происхождение). В работах Уорнера (1932), Маурера (1938, 1940, 1960) и Н. Миллера (1948, 1960) содержатся экспериментальные данные и различные толкования этой проблемы.

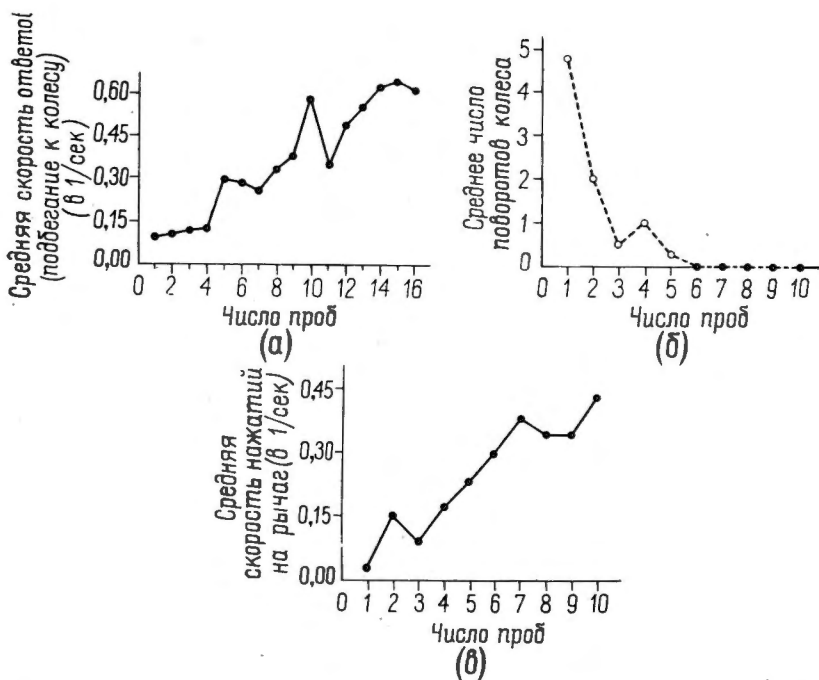

Рис. 17а. Формирование навыка поворачивать колесо в ходе проб, не сопровождаемых болезненной стимуляцией.

Во время предварительных проб животные подвергались слабой болезненной стимуляции (primary drive) и научились, таким образом, перебегать из белого отделения в черное через открытую дверцу. При последующих пробах животные не получали больше удара электрического тока, а дверь, разделявшая два помещения, была закрыта. Однако, повернув несколько колесо (рис. 16), животное могло ее снова открыть. 13 из 25 животных поворачивали колесо по меньшей мере 4 раза на протяжении первых 8 проб с тем, чтобы открыть дверь. Эти 13 животных приобрели навык поворачивать колесо. Кривая показывает постепенное увеличение средней скорости, с которой эти 13 животных подбегали к колесу и вращали его, чтобы дверца открылась, в течение 16 проб без болезненной стимуляции (*J. Exp. Psychol*, 1948, 38, 94).

Рис. 17б. Угасание навыка поворачивать колесо.

Новое условие эксперимента состоит в том, что вращение колеса не оказывает никакого воздействия на закрытую дверь. В этих условиях число реакций животных постепенно сокращается. Кривая отражает это угасание навыка. Каждая точка — средний результат 13 животных (*ibid.*, p. 95).

Рис. 17в. Формирование второго навыка под влиянием приобретенного страха.

В новых экспериментальных условиях вращение колеса по-прежнему неэффективно, тогда как нажатие на рычаг приводит к тому, что дверь открывается и животное получает возможность перейти из белого отделения (где оно раньше получало электрические удары) в черное. В результате серии проб без электрического тока животные в этих условиях приобрели новый навык — нажимать на рычаг. Кривая показывает увеличение скорости нажатия на рычаг на протяжении 10 последовательных проб. Каждая точка соответствует средней скорости 13 животных (*ibid.*, p. 96).

А) *Эксперимент Миллера (1948)*. Экспериментатор помещал крыс в клетку, состоящую из двух отделений (рис. 16). Внутренние стенки первого отделения были окрашены в белый цвет, пол был покрыт металлической решеткой; второе отделение было окрашено в черный цвет. Предварительный эксперимент показал, что у крыс не наблюдалось систематического предпочтения какого-либо отделения. Затем, пропуская ток через металлическую решетку, Миллер научил крыс бояться отделения, окрашенного в белый цвет. Крысы могли свободно проходить из белого отделения в черное, так как дверь была все время открыта. Крысы очень быстро перебежали в черное отделение. Этот этап эксперимента повторялся 10 раз, после чего крыс 5 раз помещали снова в белое отделение, и, хотя они не подвергались больше электрическому удару, они всякий раз быстро перебежали в черное отделение, как на предыдущей стадии эксперимента. Можно предположить, говорит Миллер, что крысы продолжают быстро убежать в другое отделение по привычке. Поэтому, для того чтобы определить, действительно ли мы имеем дело с новой потребностью, то есть действительно ли крыса приобрела новый мотив, необходимо выяснить, может ли крыса усвоить новые привычки, имея в качестве мотивации страх перед этим отделением. С этой целью Миллер закрывал дверцу, ведущую из первого отделения во второе (см. рис. 16), причем открыть ее крыса могла, только опершись передними лапками на колесо и несколько повернув его. В начале этой новой фазы эксперимента крыса, которой не удавалось убежать из первого отделения, выказывала очевидные признаки страха (мочеиспускание, дефекация, возбуждение), хотя она при этом не получала электрических ударов. Спустя какое-то время крыса случайно поворачивала колесо, и дверца открывалась. В последующих пробах (все время в отсутствие электрического удара) крыса все быстрее и быстрее поворачивала колесо (рис. 17 а) до тех пор, пока экспериментатор не изменял еще раз условия эксперимента: поворот колеса переставал оказывать какое-либо воздействие на дверцу. Крыса снова оказывалась в состоянии возбуждения, в конце концов она нажимала на рычаг, расположенный на некотором расстоянии от колеса (рис. 16), дверца открывалась, и крыса могла перейти во второе отделение. Хотя ни в одной из последующих проб по-прежнему не применялся электрический ток, крыса постепенно переставала вращать колесо (рис. 17 б) и с каждой пробой все быстрее нажимала на рычаг, усвоив, таким образом, во второй раз новый навык (рис. 17 в).

На основании этого эксперимента Миллер сделал вывод, что страх перед первым отделением действовал таким же точно образом, как если бы он был первичной потребностью (голодом или жаждой) в том смысле, что он заставлял крысу усваивать

новые навыки. Это доказывает, говорит Миллер, что в данном случае мы имеем дело с истинной мотивацией, или побуждением (drive), и, поскольку этот страх перед белым отделением является приобретенным, можно сказать, что страх является мотивацией или потребностью, которую можно приобрести в результате научения (learnable drive).

Что касается угасания нового приобретенного навыка, то Миллер показал, что у отдельных испытуемых оно происходит крайне медленно. Одна из его крыс, к примеру, продолжала совершенствоваться во вновь усвоенном навыке в ходе почти 200 проб без отрицательного подкрепления. Можно подумать, замечает Миллер, что «механизм» реакции становится, в соответствии с теорией функциональной автономии Вудвортса (1918) и Олпорта (1937), своим собственным мотивом. Однако дальнейшее продолжение опыта показывает, что в конце концов у всех испытуемых реакция все более замедляется и постепенно угасает.

Б) *Критика: проблема приобретенных потребностей.* По теории Халла и Миллера, крыса усваивает новый навык в силу того, что избегание первого отделения уменьшает потребность, в данном случае приобретенный страх. Однако если в функциональном отношении приобретенный страх тождествен первичной потребности, то непонятно, почему реакция угасает. Действительно, тот факт, что ток больше не применялся, не отменяет, согласно этой гипотезе, эффекта подкрепления. Если же страх является приобретенной потребностью, то она будет уменьшаться после каждой реакции избегания, и, таким образом, следует ожидать, что реакция будет продолжаться непрерывно.

а) Эта трудность показывает нам основную слабость теории усвоения новых тенденций в результате вторичного подкрепления. Следует, видимо, рассматривать приобретенный страх не как потребность или тенденцию как таковую, а, скорее, как эмоциональную реакцию на ситуацию, выступающую в качестве сигнала. Истинной потребностью, которая не прекращает действовать и мотивировать поведение испытуемого в ситуации, когда крыса находится в белой клетке, является потребность избежать ожидаемого электрического удара, предвещаемого этим «сигналом». Благодаря прошлому опыту и предварительному научению белое отделение становится сигналом электрического удара. Такая интерпретация позволяет объяснить явление экспериментального угасания (интерпретацию Миллера см. в: Стивенс, 1960, стр. 583).

б) Другое возражение против интерпретации Миллера было высказано Вудвортсом и Шлосбергом (1954, р. 675). Было замечено, что во всех экспериментах этого рода, как только животному удается найти средство, с помощью которого можно избежать угрожающей опасности, у него не наблюдается ни по-

ведения страха, ни соответствующей мотивации. Все первоначальные эмоциональные реакции уступают место действиям, направленным исключительно на то, чтобы открыть дверь и перебежать в другое отделение, и осуществляемым спокойно и без страха (см. также Warner, 1932). С точки зрения бихевиориста, страх исчез, и это понятно, поскольку испытуемому не угрожает больше реальная опасность. Действительно, он обладает эффективным средством, позволяющим вовремя избежать болезненного стимула, как только возникает предвещающая его ситуация. Нет необходимости, на наш взгляд, прибегать к потребности в безопасности, как это делают Вудвортс и Шлосберг в указанном месте, для объяснения того факта, что животное продолжает бежать в черное отделение, несмотря на то, что страх уже исчез. Можно допустить, что потребность избегать болезненного стимула продолжает действовать (до тех пор, пока животное не усвоит, что сигнал не предвещает опасности), но поскольку животное не испытывает ни боли от стимула, ни угрозы опасной ситуации, оно не проявляет более эмоциональной реакции страха. Наиболее удовлетворительным объяснением всех фактов, установленных в этом эксперименте, кажется нам объяснение Толмена с помощью понятия «сигнал».

в) Что касается проблемы приобретенной мотивации, также затронутой в этом эксперименте Миллера, то необходимо подчеркнуть, что речь здесь идет не о развитии мотивации в смысле усвоения новых потребностей или тенденций, а о смещении, распространении существующей мотивации на новые объекты.

IX. КОНФЛИКТ

Бывает, что напряжение, создаваемое какой-нибудь потребностью, задачей или намерением, препятствует возникновению таких форм поведения, которые обеспечивали бы достижение объекта-цели. Можно указать несколько видов препятствий. Случается, что вследствие социального запрета или физических препятствий требуемое действие не может быть осуществлено; возможно также, что индивиду, использовавшему все средства для достижения цели, не удастся все-таки ее достичь, и препятствием в данном случае является его некомпетентность или неспособность; может, наконец, случиться и так, что противоречие между двумя несовместимыми линиями поведения или мотивами одновременно приближает и отдаляет индивида от объекта. Все эти внутренние и внешние формы препятствий, приводящие к фрустрациям и конфликтам, были подвергнуты экспериментальному изучению.

Термин «фрустрация» в широком смысле этого слова обозначает любую помеху на пути к достижению объекта-цели; в

более узком смысле этот термин употребляется в тех случаях, когда между индивидом и желаемым объектом возникает препятствие, имеющее внешнее происхождение. Конфликт же, с позиций бихевиоризма, можно определить как одновременное возбуждение двух конкурирующих тенденций реагирования (например, приближение и избегание или два различных способа приближения). С динамической или мотивационной точки зрения, конфликтной ситуацией является такая ситуация, когда на испытуемого действуют две более или менее эквивалентные, но противоположно направленные (или несовместимые) силы.

Левин (1946, р. 809) различает три основные формы конфликтующих сил и дает им топографическое описание; Халл (1943) и Миллер (1937, 1944) определяют эти же формы в плане конкуренции поведенческих реакций: 1 — конфликт реакций типа «приближение — приближение», когда субъект, подобно Буриданову ослу, никак не может выбрать один из двух страстно желаемых им предметов; 2 — конфликт типа «избегание — избегание», когда субъект хотел бы избежать и Сциллы и Хариды; 3 — конфликт типа «избегание — приближение», когда объект одновременно и притягивает и отталкивает субъекта. Последняя форма особенно часто была предметом экспериментального изучения.

Рассмотрим несколько работ, одни из которых основаны на идеях Фрейда, в то время как в основе других лежат павловские методы выработки условных рефлексов и необихевиористские теории Халла. Некоторые исследования второй группы касаются так называемого экспериментального невроза (см. обзор Liddell, 1944). Отметим также, что многие авторы интерпретируют большинство динамических процессов как «защитные механизмы», направленные на то, чтобы избежать или свести к минимуму конфликт и сопровождающее его чувство страха. Многие из этих процессов, например такие, как вытеснение и проецирование, не будут рассмотрены в этой главе (хотя они и являлись неоднократно объектом экспериментальных исследований), поскольку они изучались в основном в связи с проблемами памяти (забывание) и восприятия (perceptual defence¹ и т. д.).

§ 1. Градиенты приближения и избегания

Поведение избегания и приближения изучалось школой Халла в плане определения градиента этих процессов. Систематические исследования градиента приближения начались с 1934 г. (Hull, 1934). Наиболее известными исследованиями в этой области являются работы учеников Халла Н. Миллера (1944, 1951, 1959) и Брауна (1940, 1948).

¹ Перцептивная защита (англ.).

А) Эксперимент Брауна, проведенный под руководством Миллера, служит прекрасным примером объективного количественного исследования в той области, которая в течение многих лет считалась сферой исключительно клинического изучения. Голодных крыс учат бежать по прямому коридору до строго определенного, освещенного места, где они получают пищу. На крыс надевают шлейку, к которой прикрепляется шнур, не стесняющий, однако, движений животного. Таким образом можно задержать животное на секунду в большем или меньшем отдалении от пищи. Такая остановка приводит к тому, что крыса натягивает шнур с силой, которую можно зарегистрировать на полиграфе с помощью измерительной пружины. Силу, с которой животное натягивает шнур, в двух точках можно, таким образом, сравнить между собой. Результаты (см. рис. 18) подтверждают сформулированную авторами гипотезу *градиента приближения*, состоящую в том, что стремление к объекту-цели возрастает в зависимости от его близости (различие натяжения в двух точках статистически значимо).

Во втором эксперименте, осуществленном на другой группе животных, крыса помещалась в конце того же самого коридора, в котором в предыдущем опыте другие животные получали пищу, после чего она подвергалась удару тока. После двух таких испытаний животное снова помещалось в то же самое место, и, хотя удара тока не следовало, крыса стремилась убежать. С помощью описанной выше методики одну половину крыс останавливали в точке, близкой к месту, избегаемому животным, а вторую — в более отдаленной точке. В этом случае также измерялась сила тяги в двух точках. Результаты (см. пунктирную линию на рис. 18) подтверждают гипотезу *градиента избегания*, согласно которой стремление удалиться от объекта, имеющего отрицательную валентность, возрастает в зависимости от расстояния до него. Сравнение результатов показывает более быстрое и более сильное увеличение тенденции к избеганию, чем тенденции к приближению, в зависимости от близости объекта (рис. 18). Подтвердилась и третья гипотеза авторов, согласно которой градиент избегания возрастает быстрее, чем градиент приближения. Второй эксперимент этой серии подтвердил четвертую гипотезу, в соответствии с которой оба градиента возрастают в зависимости от интенсивности соответствующих потребностей. Было отмечено, например, что пунктирная линия располагается ниже, когда сила тока снижается с 13,5 мА до 1 мА (рис. 18).

Б) Эти 4 гипотезы были положены в основу исследования конфликтной ситуации (Miller et al., 1943). Те же самые крысы сначала получали пищу в освещенном месте, а затем во время еды подвергались удару тока. Сила тока и степень голода были различными у разных групп животных. Помещая

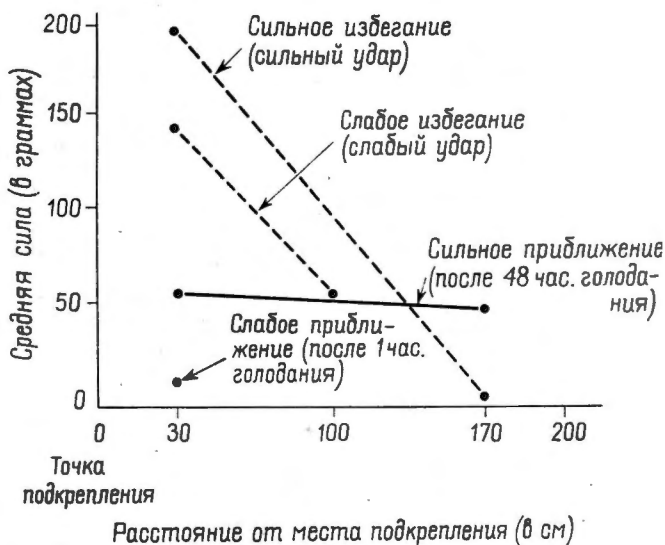

Рис. 18. Влияние интенсивности потребности на градиенты избегания и приближения.

Градиенты избегания (две пунктирные линии) представляют собой силу (в г), с которой крысы растягивают откалиброванную пружину в точке, близкой (30 см) и удаленной (100 или 170 см) от того места, где они получали удар электрического тока. Первый градиент (верхняя линия) относится к опыту с довольно сильным ударом (13,5 мА), второй — к опыту со слабым (1 мА). Градиент приближения (сплошная линия) представляет собой силу, прилагаемую голодавшими в течение 48 час крысами для достижения пищи. Измерения осуществлялись в точках, расположенных на расстоянии 30 и 170 см от пищи. В условиях очень слабой потребности (часовое голодание) сила, прилагаемая животными, минимальна. Ее можно измерить только в точке, отстоящей на 30 см от места подкрепления (Miller, 1944, p. 435).

крыс у входа в коридор, можно было с помощью описанной выше методики регистрировать движения животных, несколько не стесняя их при этом. Предположения, высказанные на основании этих гипотез, подтвердились. Животные приближались вплоть до определенного места, где они останавливались. Исследовались различные формы колебаний. В целом можно сказать, что место остановки животного определяется относительной силой двух потребностей. Чем сильнее голод и слабее ток, тем ближе подходит животное. Конкуренция двух реакций возрастает вместе с силой потребностей. С помощью этого метода Миллеру удалось экспериментально показать приемлемость тезиса Фрейда о том, что отчетливо выраженные проявления страха и избегания могут служить признаком сильных тенденций к приближению.

Миллеру (1944, 1959) принадлежат два прекрасных обзора многочисленных исследований в этой области, осуществленных в плане разработки бихевиористских гипотез Халла. Некоторые из них являются ярким примером стремления бихевиористов экспериментально разрабатывать некоторые теории Фрейда, касающиеся механизмов мотивации. Доллард и Миллер (1950) стали даже применять свои концепции и данные в психотерапевтической практике. Все это привело к известной «либерализации» теории S—R школы Халла, хотя и не получило общего признания; столь же неизбежно происходило и растворение фрейдовских концепций в теориях этих авторов. Такие попеременные реакции то сближения, то расхождения совершенно естественны при столкновении столь противоположных психологических направлений.

§ 2. Избегание конфликта

В работе Массермана и Юма (1946) описана иная расстановка сил, возникающих в конфликтной ситуации. Вначале экспериментаторы обучали кошек манипулировать достаточно сложным устройством (типа ящика Скиннера), чтобы получать пищу. С другой стороны, было установлено, что кошкам не нравится молоко, содержащее 5% алкоголя, — они предпочитают чистое молоко. Затем создавалась конфликтная ситуация: голодные кошки получали удар тока во время поглощения пищи, которую они научились добывать с помощью устройства. После нескольких таких неприятных для них опытов всякий раз, когда голодные кошки оказывались перед этим устройством, у них наблюдались реакции, напоминающие невротическое поведение движения приближения и удаления у человека, описанное ранее Дембо (см. ниже, стр. 79). Животных заставляли принимать небольшие дозы алкоголя, причем было отмечено, что в состоянии легкого отравления кошки не обнаруживают больше реакций страха и, как и прежде, манипулируют устройством, чтобы добыть пищу (без тока). Важно отметить, что кошки, испытав такое облегчение в результате алкогольной интоксикации, оказывают все более и более явное предпочтение молоку с алкоголем, то есть той смеси, которой ранее они пренебрегали. Позднее в результате многократных манипуляций с устройством, не сопровождавшихся наказанием, страх и «невротические» реакции исчезли, а *вместе со страхом исчезло и предпочтение молока, содержащего алкоголь*. Страх и конфликтная ситуация создают, таким образом, положительную мотивацию по отношению к ранее отвергавшемуся объекту, который теперь избавляет животное от травмирующей ситуации. Эту попытку избежать напряжения, создаваемого конфликтной ситуацией,

можно сопоставить с механизмом «выхода из поля», описанным Дембо (см. ниже, стр. 79). Отметим, что Р. Уотсон (1954) рассматривает реакции кошки в этой ситуации как нормальное поведение в отличие от Массермана, который расценивает их как невротические.

§ 3. Конфликт социальный и конфликт познавательный

В последние годы внимание исследователей привлекали к себе и многие другие формы конфликтов, помимо тех трех, о которых говорилось выше. Речь идет прежде всего о межличностных конфликтах и конфликтах познавательных. Некоторые типы таких конфликтов были формализованы Хайдером (1958, р. 174—217). Например, случай, когда два человека претендуют на один-единственный и неделимый объект (два человека соперничают из-за любви к одной и той же особе), или случай, когда два человека стремятся избежать одного и того же объекта в ситуации, когда по крайней мере одному из них придется его иметь (выговор, который должен получить один из двух ответственных лиц); или случай, когда одно из двух лиц (супружеская пара) желает объект, а другое отвергает его (например, ребенка). Человек, поставленный перед необходимостью выбора одного из двух объектов, может выбрать один из них и, уже приняв решение, воспринимать второй объект как имеющий значительно более высокую ценность (post-decision conflict). Возможен также конфликт вследствие того, что человек любит или восхищается двумя индивидами, которые не терпят или ненавидят друг друга. На мнения и поступки отдельного человека может оказывать социальное давление группа. Возможны также конфликты познавательного характера, когда человек сталкивается с информацией, противоречащей сложившимся у него взглядам, и т. д.

Некоторые из перечисленных форм конфликтов наряду с другими изучались с помощью соответствующих, но не одинаково строгих экспериментальных методов. Мы приведем здесь лишь некоторые из результатов, причем большую часть их следует расценивать пока как предварительные.

Тенденция к конформизму изучалась с помощью метода, разработанного Эшем (1953, 1955, 1958). Всех членов группы, за исключением одного, заранее ставили в известность, что им придется высказывать одно и то же суждение, явно не соответствующее действительности. Изучалось, в какой степени отдельный человек склонен соглашаться с единодушным мнением окружающих. Эш проанализировал мотивы, лежащие в основе такого конформизма. Крачфилд (1955 а, 1955 б, 1959) показал связь между некоторыми чертами характера и степенью кон-

формизма. Эти черты весьма различны у мужчин и женщин. Он показал также, что в таких ситуациях, когда для испытуемого становится чрезвычайно важным конформизм по отношению к группе, эта связь с характером практически исчезает.

Другая форма социального давления состоит в том, что убедительно высказанное мнение заставляет человека принять решение (например, выбрать объект), не соответствующее его истинной потребности или тенденции, в результате чего возникает внутренний конфликт. В очень внушительной серии экспериментов, посвященной изучению воздействия убеждения, осуществленной под руководством Ховленда (см. Janis, 1958; Novland, Janis, Kelley, 1953; Janis, Novland et al., 1959; Milton et al., 1961), были проанализированы некоторые процессы, лежащие в основе реакций индивида на конфликтную ситуацию, возникающую в результате принятия им определенного решения. Установлено, в частности, что испытуемый использует свои познавательные функции для того, чтобы обосновать и подкрепить принятое решение, и избегает или игнорирует любые сведения, которые могут поставить это решение под сомнение. С другой стороны, иногда испытуемый, получив интересную информацию из источника, который он невысоко ценит, сначала как бы игнорирует эту новость и оглашает ее через несколько дней, но не ссылаясь на ее источник (sleeper-effect).

Фестингер (1959, p. 389—390) изучал тенденцию к изменению собственного мнения, чтобы оно меньше противоречило внешнему поведению. Он предлагал испытуемым участвовать в очень скучных и неинтересных экспериментах, после чего просил их сообщать за дополнительную плату другим испытуемым, что эти опыты были приятными и интересными. Результаты показали, что впоследствии испытуемые действительно изменили свое мнение, соглашаясь с тем, что они сообщали другим. Особенно интересно отметить, что с увеличением оплаты эта тенденция становится менее явной. Фестингер полагает, что в этом случае получаемая сумма в достаточной степени оправдывает в глазах испытуемого «диссонанс» между его действительным мнением и вербальным поведением. Брем (1956) обнаружил также, что, после того как испытуемый осуществил трудный выбор из двух объектов практически равной валентности, выбранный объект становится более привлекательным, тогда как валентность отвергнутого становится меньшей, чем вначале (см. также Brehm, Festinger, 1957). Отметим, однако, что, как свидетельствует жизненный опыт, выбранный предмет часто теряет свою привлекательность, в то время как отвергнутый начинает казаться более привлекательным.

Фестингер (1957) собрал данные в пользу тезиса, что «когнитивный диссонанс», то есть расхождение между двумя или несколькими когнитивными содержаниями (мнениями о других

людях, среде или о самих себе), само по себе является мотивацией. Для того чтобы уменьшить напряжение, вызванное таким познавательным конфликтом, испытуемые склонны принимать те сведения и те слухи, которые оправдывают предпочитаемое ими мнение и игнорируют или отвергают остальные. Фестингер изучал также в групповом эксперименте процессы, посредством которых приверженцы религиозной секты сохраняют веру в некоторые из своих догм, явно противоречащие фактам (Festinger at al., 1956). Во всех этих случаях, по-видимому, действуют механизмы поддержания внутренней устойчивости, вероятно, свойственные человеку. Такую внутреннюю устойчивость можно считать способом избегания конфликтной ситуации внутри самого человека. Перед нами, таким образом, огромное разнообразие процессов, приводимых в действие стремлением избежать конфликта или уменьшить вызываемое им напряжение.

Х. ПРЕПЯТСТВИЕ И ФРУСТРАЦИЯ

Проблему фрустрации следует изучать в тесной связи с тем, что только что было сказано о конфликте, и с тем, что будет сказано в следующем параграфе о механизмах разрядки неудовлетворенной мотивации. На многочисленные исследования в этой области оказали влияние главным образом две школы: школа Левина и школа Йельского университета. Работа Дембо, ученицы Левина, является фундаментальной для анализа ряда важных понятий.

§ 1. Барьеры внутренние и внешние

А) *Задачи, не имеющие решения.* Дембо (1931) предлагала своим испытуемым — студентам университета — задачи, не имеющие решения, что, однако, не являлось очевидным с первого взгляда. В экспериментах первого типа испытуемый сидел на расстоянии 3,5 м от стола, на котором стояли две бутылки. Испытуемый получал 10 деревянных колец диаметром 15 см. По инструкции от него требовалось набрасывать кольца на одну из бутылок до тех пор, пока ему не удастся набросить все 10 колец подряд. Предварительно экспериментатор установил, что в данных условиях решить эту задачу практически невозможно. В эксперименте второго типа испытуемый находился на огороженной квадратной площадке (со стороной 2,5 м), образованной деревянными планками, лежащими на полу лаборатории. Внутри квадрата стоял стул. На расстоянии 120 см от квадрата находилась подставка (высотой 110 см), на которой

лежал цветок. По инструкции требовалось достать цветок рукой таким образом, чтобы ноги все время оставались на квадрате. Испытуемый вскоре находил способ сделать это (встав на колени). Тогда экспериментатор просил его найти второй способ. Часто испытуемый находил второе решение; он помещал стул между цветком и квадратом и доставал цветок, опираясь на стул и не отрывая ног от квадрата. Ободренный успехом, испытуемый получал задание найти третий способ, хотя это было невозможно, несмотря на неоднократные требования экспериментатора. Таким образом создавалась новая для испытуемого ситуация неразрешимой задачи. Дембо ободряла испытуемого и, если это было необходимо, оказывала на него некоторое давление, чтобы испытуемый продолжал поиски в течение одного-двух часов, а то и больше. В отдельных случаях опыт продолжался даже 2—3 дня подряд. Такая ситуация, постепенно становившаяся для испытуемого все более напряженной и невыносимой, позволяла исследователю изучать процесс возникновения гнева. Он мог быть иногда настолько силен, что вызывал бурные реакции по отношению к некоторым предметам и даже по отношению к экспериментатору.

Б) *Новые понятия.* В работе Дембо впервые были использованы многие понятия, которые позднее стали предметом изучения в целом ряде экспериментальных исследований. Отметим, в частности, понятия уровня притязаний¹ в связи с переживанием успеха и неудачи, замещения (Ersatz), степени реальности и ирреальности действия, а также известные топологические схемы Левина, воспроизводящие различные структуры личности и социальных отношений. Что касается препятствий, то Дембо описала ситуацию и реакцию испытуемого как конфликт между барьерами двух видов. К первому виду относятся внутренние барьеры, препятствующие достижению цели. Такими барьерами могут быть материальные объекты, а также сложность задачи или неумение испытуемого. Внешние барьеры, согласно Дембо, — это барьеры, которые мешают испытуемому уменьшить напряжение путем выхода из поля, то есть путем отказа от задачи; в данном случае таковыми являются вся совокупность социальных отношений между экспериментатором и испытуемым, равно как и то, что последний принял задачу и должен, таким образом, выполнить ее. Конфликт, создававшийся в эксперименте Дембо, соответствовал такой безвыходной для человека ситуации, когда он в ходе бесплодных попыток обнаруживает, что он не отвечает требованиям, которые налагает на него задача и его социальные обязанности. Дембо отмечает в поведении испытуемого суетливое чередова-

¹ Работа Дембо предшествует работе Хоппе (см. выше, стр. 37), хотя опубликована она была на год позже.

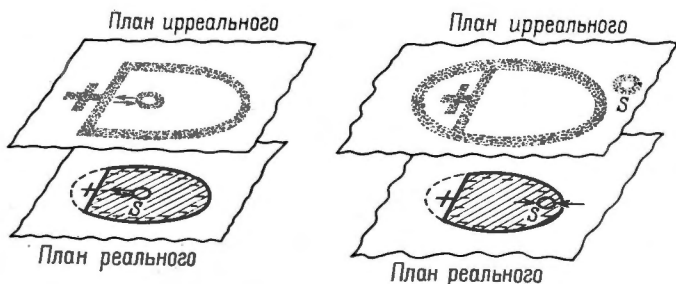

Рис. 19 и 20. Топографические схемы школы Левина.

Над планом реального с его непроницаемыми барьерами (обозначенными сплошной линией) испытуемый помещает, в воображении, ситуацию в ирреальном плане, где и поле и барьер становятся проницаемыми (точечный рисунок), что позволяет испытуемому как приблизиться к предмету, так и выйти из поля (по: Dembo T., 1931, р. 38, 66).

ние приближений и удалений от барьера внутри поля, что свидетельствует об амбивалентном характере препятствия и вызывает реакции невротического характера (см. выше, стр. 74—75, опыты по созданию экспериментального невроза). Именно в такой все более мучительной для испытуемого ситуации можно изучать некоторые характерные процессы. Упомянем прежде всего уход в область ирреального, то есть отход испытуемого — с помощью познавательных способностей и воображения — от реальной ситуации, чтобы найти решения в воображении. В воображении внутренние и внешние барьеры становятся менее ригидными, то есть более преодолимыми для испытуемого. На рис. 19 и 20 представлены топографические схемы Левина. Над планом реального, где испытуемый оказывается внутри некоторого поля действия и отделенным от объекта-цели (крест) сплошной линией, постепенно надстраивается план ирреального, в котором барьеры являются менее плотными (точечные линии). Испытуемый может фактически оставаться внутри поля, но представлять себе путь к цели как менее сложный (см. план ирреального на рис. 19 с испытуемым внутри эллипса); случается также — и это другой очень важный процесс, — что испытуемый «выходит из поля» (см. план ирреального на рис. 20, где испытуемый находится за пределами поля). Испытуемый, например, может приступить к чтению газеты, после того как он пытался убедить экспериментатора закончить опыт. Но даже выйдя из поля, испытуемый тем не менее еще не полностью освободился от задачи. В его поведении проявляется определенная связь с полем: он не чувствует себя свободным и ждет новых инструкций.

Еще одним важным процессом, описанным Дембо, является *разрушение поля*. Структуры внутри поля и структуры личности деформируются, причем не только препятствия или барьеры приобретают отрицательную валентность, но и все поле, включая экспериментатора, становится враждебным миром; с другой стороны, случается так, что испытуемый становится более откровенным (дезинтеграция психических структур).

§ 2. Фрустрация и агрессивность

Другим фундаментальным исследованием фрустрации, определяемой как любая помеха на пути к достижению объекта-цели, является исследование Йельской группы, проведенное под руководством Долларда (1939). Эта работа наряду с исследованиями школы Левина ознаменовала важный этап в развитии современной психологии, сформулировав в виде поддающихся экспериментальной проверке гипотез некоторые феномены человеческого поведения, наблюдаемые в клинике и социальной жизни.

А) *Основная гипотеза*. Гипотеза, сформулированная этой группой, состоит в том, что любая фрустрация создает внутреннее побуждение, или мотив, к агрессии. Сама агрессия понимается как такое действие, которое может принимать различные формы, но цель которого всегда состоит в том, чтобы причинить вред какому-то индивиду или тому, кто с ним отождествляется. Гипотеза предполагает, что не всегда достаточно побуждения к агрессии, вызванного фрустрацией, чтобы спровоцировать явное агрессивное поведение, и что возможны альтернативные реакции (например, замещение). Вначале эта теория была разработана Йельской группой в плане культурно-антропологических исследований, ее целью, в частности, было объяснение некоторых явлений, таких, например, как взаимоотношения черных и белых на Юге США. С тех пор было проведено огромное количество экспериментальных исследований с целью проверки гипотезы «фрустрация — агрессивность». Обзор литературы по этому вопросу принадлежит Берковицу (1958). Мы ограничимся здесь изложением нескольких исследований, в которых были получены новые данные или определены новые переменные.

Б) *Вспомогательные переменные*. Для изучения фрустрации Френч (1944) применил методику неразрешимых задач и прибавил к ней элементы, вызывающие страх (дым в закрытом помещении). Результаты Френча показывают, что фрустрация действительно часто приводит к агрессивности. Согласно гипотезе Йельской группы, агрессивное поведение сопровождается также некоторым катартическим эффектом. Однако Френч по-

казал, что топологическая система Левина служит более правдоподобным объяснением некоторых экспериментальных данных, и, в частности, того, что агрессивность чаще всего возникает тогда, когда агрессивное поведение является либо способом достижения объекта-цели, на пути к которому индивид ранее испытал фрустрацию, либо способом отдаления от объекта, обладающего отрицательной валентностью.

Кроме того, оказалось возможным количественно измерить связь между фрустрацией и агрессивностью. Сирс (1940), Баркер, Дембо и Левин (1941) установили, что сила агрессивного поведения возрастает с интенсивностью мотивации, связанной с фрустрацией. Побуждение к агрессивным действиям возрастает также в зависимости от близости объекта-цели в момент, когда возникает фрустрация (Haner, Brown, 1955). Блок и Мартин (1955) повторили эксперимент Баркера и др. (1941) в оптимальных экспериментальных условиях. Они подтвердили, что агрессивность возрастает в зависимости от интенсивности фрустрации.

Важная переменная была открыта Пастором (1952), который с помощью модифицированной методики Дуба и Сирса (1939) показал, что агрессивные реакции чаще всего возникают в тех случаях, когда в основе ситуации фрустрации лежит произвольный акт, а не акт, в большей или меньшей степени одобряемый вторыми лицами (см. также уточнение Кона — 1955).

В) *Наказание и агрессивность*. Влияние наказания на форму проявления агрессивности изучалось, в частности, Чесди и Лоуренсом (1951) на 50 дошкольниках во время игры с куклами. Было отмечено, что дети, которых дома строго наказывали за агрессивные поступки, проявляли большую агрессивность во время игры, чем дети, которых наказывали не слишком строго. С другой стороны, дети, агрессивные поступки которых по отношению к куклам наказывались в ходе эксперимента, были значительно менее агрессивными, чем дети, которых не наказывали. Работа, опубликованная в том же году Сирсом (1951), показала, что агрессивность на уровне воображаемой деятельности возрастает в зависимости от наказания за агрессивность в реальной жизни (см. также Maslow et al., 1941; Feshbach et al., 1957, а также работы, упоминаемые ниже, стр. 90).

Г) *Генетическое исследование агрессивного поведения* начиная с раннего детства было осуществлено многими учеными (см., например, Lois Murphy, 1956). Было установлено, в частности, что агрессивные импульсы зависят от конституциональных факторов (см., в частности, прекрасные исследования агрессивности самцов-голубей, проведенные Валентини, 1951, 1957).

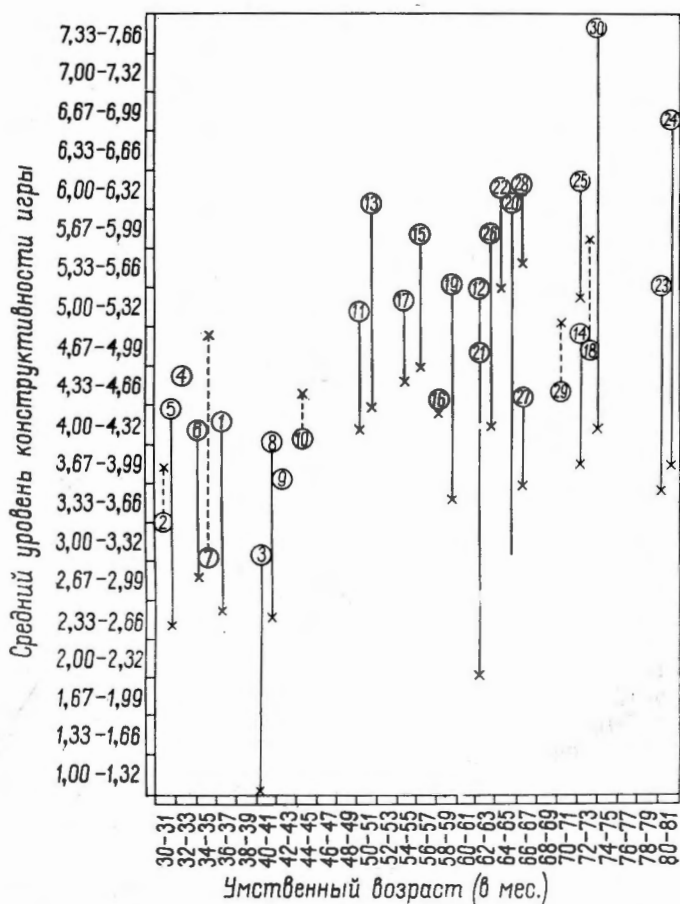
Степень устойчивости к фрустрации изучалась в связи с психологическими и физиологическими факторами (Thiesen, Meis-

ter, 1949). Такая устойчивость является, видимо, весьма специфической (см. также Rosenzweig, 1944).

§ 3. Фрустрация и регрессия

А) Один из эффектов фрустрации состоит в регрессии поведения в смысле возврата к более примитивным его формам (primitivation). Такое понимание регрессии никоим образом не предполагает, что психическое развитие происходит как смена стадий развития либидо. Самым фундаментальным в этой области является экспериментальное исследование Баркера, Дембо и Левина (1941) (первая, теоретическая, глава, предшествующая описанию экспериментов, принадлежит перу Левина). Авторы прежде всего построили шкалу, показывающую по месяцам развитие ребенка, как оно проявляется в игре. Действительно, известно, что игровое поведение становится с возрастом все более организованным и структурированным, оно предполагает все более разнообразные, дифференцированные и детализированные действия, равно как и более богатую фантазию. В опыте 30 способных детей-дошкольников последовательно участвовали в 3 различных игровых ситуациях. Дети были разделены на три возрастные группы: в первую входило 10 детей в возрасте 2—3 лет со средним коэффициентом интеллекта (IQ), равным 114,8 (по Кульману — Бине); во вторую — 12 детей в возрасте 3—4 лет со средним IQ-125,3; в третью — 8 детей 4—5 лет со средним IQ-125,6 (по Стэнфорду — Бине). В течение 30 мин каждый ребенок мог свободно один играть с игрушками в одной из половин комнаты, разделенной перегородкой. На следующий день ему был открыт доступ и во вторую половину комнаты (перегородка поднималась), где он мог 15 мин играть с игрушками гораздо более привлекательными, чем в первый день. Затем без всяких объяснений экспериментатор прерывал игру и отводил ребенка в первую половину комнаты, где он мог продолжать играть в течение 30 мин с менее привлекательными игрушками первого дня. Перегородка, разделявшая комнату, заменялась на этот раз прозрачной сеткой, так что ребенок мог видеть сквозь нее все те прекрасные игрушки, которые были теперь ему недоступны.

Б) *Результаты.* Качество игры — то есть уровень ее организации — измерялось в первый день с помощью упомянутой шкалы. Оно измерялось еще раз в ситуации фрустрации (30-минутная игра с игрушками первого дня на заключительной стадии эксперимента). Таким образом, сравнивая полученные с помощью шкалы результаты каждого ребенка, можно вычислить разницу между уровнями развития игры, выраженными в месяцах. Результаты показывают, что происходит регрессия, или

Р и с. 21. Степень конструктивности игры детей в зависимости от умственного возраста и ее изменение в ситуациях фрустрации.

Степень конструктивности игры каждого ребенка в свободной ситуации обозначена кружком. Цифра указывает номер ребенка, участвовавшего в эксперименте. Степень конструктивности игры каждого из этих детей в ситуации фрустрации обозначена крестиком. Величине изменения степени конструктивности в двух ситуациях соответствует длина линии, соединяющей кружок и крестик. Сплошная линия относится к тем случаям, когда степень конструктивности снижается в результате фрустрации; пунктирная — к противоположным. Отсутствие крестика означает, что степень конструктивности одинакова в обеих ситуациях (по: Barker R., Dembo T., Lewin K., 1941, p. 124).

«примитивизация», игры, выражающаяся в менее организованной и менее дифференцированной деятельности: действия и интересы становятся более ограниченными, манипуляции — невыразительными, наблюдается меньшая степень отражения реальности и временной перспективы (см. рис. 21). Более того, было отмечено, что регрессия глубже у детей с более выраженными признаками фрустрации. Десять детей, у которых наблюдалась меньшая фрустрация в результате прекращения игры с привлекательными игрушками, были также и менее агрессивными.

В) Отметим также, что регрессию могут вызывать и многие другие мотивационные и аффективные факторы. Психоаналитики считают, что все эти факторы так или иначе связаны с фиксацией. Дембо (1931) в уже описанном выше опыте наблюдала развитие регрессии в результате эмоционального напряжения, а Л. Мерфи (L. Murphy, 1937) установил, что регрессия связана с состоянием неуверенности. С другой стороны, Левин (1935, р. 95—96) показал, что некоторая нестабильность в занятиях может быть результатом фрустрации. Он наблюдал, как трехлетний ребенок, испытывавший фрустрацию при занятии излюбленным делом (рисованием), переходил последовательно от одного занятия к другому, затрачивая в среднем на каждое из них 3,5 мин, в то время как в предыдущий и последующий дни (без фрустрации) он уделял отдельным занятиям в среднем по 14,6 мин. Это интересное наблюдение имеет прямое отношение к объяснению неустойчивого поведения.

XI. РАЗРЯДКА ДЛИТЕЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ

Невозможность достичь объекта-цели потребности и вытекающая отсюда блокада активности не всегда приводят к фрустрации. Замещающие объект или действие могут служить компенсацией первоначальной цели. В таких случаях принято говорить о смещении и замещении (Ersatz) — процессах, которые можно рассматривать как механизмы разрядки напряжения с помощью обходных путей. Фрейд прибегал к нескольким механизмам такого типа для объяснения обходных путей и процессов, вызванных вытеснением или блокированием инстинктивных потребностей. Его концепция психического динамизма, основанная на понятии энергии, и принцип превращения этой энергии упрощали для него такую схему объяснения: процессы сублимации и вытеснения, равно как невротические симптомы и мечты, следует рассматривать как трансформацию посредством замещения.

§ 1. Длительность напряжения

Перед тем как приступить к изучению способов разрядки не нашедшего выхода напряжения, следует проанализировать те экспериментальные факты, которые свидетельствуют о длительном сохранении динамического состояния, вызванного неудовлетворенной потребностью. Это кажется очевидным в отношении физиологических, или гомеостатических, потребностей, однако доказательство того, что инструкция, намерение или задача также создают аналогичное напряжение, является заслугой школы Левина (1951, р. 1—29). Такие «квазипотребности», о которых говорил Левин (1926), отличаются от более общих и длительных потребностей — например, психогенной потребности занять соответствующее место в обществе — своим происхождением и весьма специфическим характером. Основной целью большой серии экспериментов школы Левина (см. выше, стр. 23) было доказательство того, что «квазипотребности» действительно обладают основными характеристиками истинных потребностей, а именно могут вызывать напряжение, ведущее к действию и сохраняющееся до тех пор, пока не будет достигнут объект-цель или же не произойдет замещение объекта или действия.

А) *Метод.* Методика создания длительного состояния напряжения, предложенная Левином, заключается в *прерывании* деятельности испытуемого, связанной с выполнением принятой им задачи. Эксперименты Зейгарник (1927) и Овсянкиной (1928) являются классическими в этой области. Поскольку исследование Зейгарник посвящено, скорее, проблеме влияния напряжения на память, оно изложено в другом месте (см. главу о памяти). Исследование же Овсянкиной непосредственно относится к интересующим нас вопросам, и поэтому следует рассказать о нем подробно. Экспериментатор предлагал 124 испытуемым (108 взрослых и 16 детей в возрасте от 3 до 16 лет) решить серию задач. Некоторые из них имели строго очерченный «контур» (Endhandlungen: например, соединить элементы фигуры), другие заключались в последовательном выполнении действий, не имеющих строгого завершения (fortlaufende Handlungen: например, нанизывать бусины на очень длинную нитку). В течение двух сеансов (каждый длился 1 час) испытуемым предлагалось 8—12 задач. Как правило (6—8 раз), их деятельность прерывалась на различных стадиях выполнения задания. Прерывание носило либо достаточно случайный характер (кто-нибудь вызывал экспериментатора), либо экспериментатор предлагал испытуемому новую задачу. В отдельных случаях экспериментатор запрещал испытуемому продолжать прерванную деятельность; в большинстве же случаев экспериментатор ничего не говорил испытуемому.

Б) *Результаты.* Овсянкина отметила, что после случайных прерывов деятельность спонтанно возобновлялась в 100% случаев; если за прерыванием следовала новая задача, возобновление деятельности происходило в 74% случаев. Некоторые испытуемые признавались впоследствии (во время опроса), что они были склонны возобновить и завершить работу, но по той или иной причине не сделали этого (если учитывать и эти случаи, процент возобновления составит 83). Спонтанное возобновление прерванной задачи происходит чаще всего сразу же после выполнения нового задания (в первые 4 сек). В тех случаях, когда материал, относящийся к прерванной задаче, не находится перед глазами испытуемого, последний чувствует, что ему необходимо что-то сделать, однако, не может вспомнить, что именно. Возобновление деятельности объясняется не тем, будто испытуемый думает, что экспериментатор заинтересован в выполнении задачи, поскольку оно происходит как в отсутствие экспериментатора, так даже в том случае, когда возобновление деятельности запрещается инструкцией; оно отвечает личной потребности испытуемого. Соответствующая мотивация возникает отнюдь не при виде незавершенной работы, как таковой,— экспериментатор не замечал за испытуемыми склонности завершать работу, недоделанную другими лицами. Выполнение вполне определенной задачи возобновляется значительно чаще, чем задачи, границы которой недостаточно определены (в опытах с бусинами, например, возобновление имело место в 46% случаев, если условия были сформулированы в самых общих выражениях, а число бусин велико, и в 70% случаев, если инструкция была точной: испытуемому давалось 30 бусин и требовалось все их нанизать). Возобновление происходит чаще всего в тех случаях, когда деятельность прерывается незадолго до конца или в самом начале; она возобновляется даже в тех случаях, когда выполнение задачи прерывается сразу после инструкции. Испытуемый порой не соглашается прервать работу и выражает желание сначала закончить ее. Все это приводит к выводу о существовании личной системы напряжения, создаваемой задачей и направленной на объект-цель, указанный инструкцией. В опыте Овсянкиной были также получены данные, подтверждающие, что частота возобновления зависит от некоторых качеств личности (например, честолюбия), а торможение есть следствие боязни неудачи; аналогичные гипотезы были объектом многочисленных исследований (см. выше, стр. 35).

§ 2. Замещение (Ersatz)

Самые обстоятельные исследования замещения принадлежат школе Левина (1935, р. 180—193), и, в частности, таким его ученикам, как Лисснер (1933), Малер (1933), Кёпке (см. Lewin,

1935, р. 211—213 и 271—273) и Слиосберг (1934). Их интересовало, может ли напряжение, создаваемое задачами (Овсянкина, 1928), разряжаться, хотя бы частично, посредством замещающей деятельности и при каких условиях это происходит. Напряжение создавалось с помощью классического метода прерывания задачи. Можно утверждать, что деятельность, следующая за таким прерыванием, является замещающей, если по завершении этой деятельности не наблюдается стремления к возобновлению или продолжению прерванной задачи. Действительно, если деятельность не возобновляется, то это говорит о том, что произошла разрядка напряжения (Овсянкина, 1928), и это означает, что вторая деятельность действительно обладает подлинной функцией замещения.

А) *Лиснер* (1933), прерывая выполнение испытуемым первой задачи, предлагала ему новую задачу. Эта вторая деятель-

Таблица 2

Возобновление прерванных задач (средние данные, %)

Характер замещающей деятельности				Без замещения
Легкая (N 30)		Трудная (N 30)		
отличающаяся	сходная	отличающаяся	сходная	
80	50	62	33	

ность выбиралась таким образом, чтобы можно было выявить те характеристики, от которых зависит замещающая ценность этой деятельности (легкость и сложность деятельности, сходство и отличие от первой задачи и т. д.). В табл. 2 представлены типичные результаты. Сложная деятельность (требующая больше времени) обладает большей замещающей ценностью по сравнению с легкой. При одинаковой сложности лучшим замещением является деятельность, сходная с первой задачей (например, выложить из мозаики сначала человека, а потом крест).

Б) *Малер* (1933) изучал замещающую ценность деятельности на различных уровнях «реальности». Допустим, испытуемый должен построить домик из кубиков; можно прервать этот процесс и попросить завершить постройку, просто *дорисовав* недостающие части или *рассказав* о том, каким образом он бы закончил постройку; можно попросить его всего лишь *подумать* о том, как можно было бы закончить строительство, не сообщая при этом экспериментатору своего плана. Эти три способа — рисунок или действие, рассказ и обдумывание — можно рассматривать как три уровня «реальности» поведения. Малер

применил методику Лисснер (1933) с той лишь разницей, что после прерывания выполнения первой задачи он использовал в качестве замещающей деятельности не *новую* задачу, а завершение исходной задачи на замещающем уровне. Короткая пауза после завершения деятельности на замещающем уровне давала возможность увидеть, проявляется ли у испытуемого тенденция к возобновлению деятельности на уровне реальных действий. Табл. 3 показывает, что вербальная активность обладает меньшей замещающей ценностью по сравнению с моторной (рисование). В опытах с «конструктором» (Mosaikaufgabe) возобновление вслед за вербальным решением задачи имело место в 75% случаев ($N=17$), в то время как чисто интеллектуальному решению соответствовало 86% ($N=28$)¹. В другом исследовании (арифметические операции) на эти два уровня реальности приходится соответственно 17 и 100%.

Таблица 3

Возобновление деятельности в случае активного и вербального замещения, % (по: Mahler, p. 44)

Незавершенная деятельность (N 66)	Завершение посредством активного замещения (N 71)	Незавершенная деятельность (N 35)	Завершение посредством вербального замещения (N 36)
65	29	67	42
Отношение: 2,2		Отношение: 1,6	

В) *Замещение и внутренняя цель*. Замещающая ценность деятельности зависит главным образом от того, в какой мере в результате ее достигается цель исходной задачи. Малер проанализировал два эксперимента, исходная задача которых состояла в нумеровании ряда объектов. В первом испытуемый должен был нумеровать страницы, во втором от него требовалось написать номер рядом с каждым крестом, нарисованным на листе бумаги. После того как в обоих случаях этот процесс прерывался, испытуемого просили продолжить его устно. Замещающая ценность вербальных действий очень велика при нумеровании крестов (всего лишь 8% возобновлений в группе, состоящей из взрослых и детей) и очень мала при нумеровании

¹ Нужно отметить, что статистическая обработка результатов в этих опытах практически не осуществлялась. Крупной заслугой школы Левина является качественный и собственно психологический анализ поведения.

страниц (85,5% возобновления деятельности с целью завершения исходной задачи). Анализ показывает, что моторная деятельность, связанная с нумерованием, различна в этих двух случаях. При нумерации страниц книги объект-цель действий воспринимается испытуемым как настоящее перечисление, предполагающее написание цифры на каждой странице. При нумерации крестиков, нарисованных на листе бумаги, основная задача состоит, с точки зрения испытуемого, в подсчете изображений. Таким образом, в последнем случае продолжение деятельности на вербальном уровне достигает внутренней цели задачи, тогда как в первом случае дело обстоит совсем по-другому. Важно экспериментально установить, что замещающая ценность действия зависит главным образом от того, насколько с его помощью удастся реализовать внутреннюю цель исходной деятельности. Число возобновлений первоначальной деятельности в соответствующей серии экспериментов составляет в среднем 75% в случае, когда цель задачи не достигается в результате замещающей деятельности, и 13%, когда основная цель считается практически достигнутой. В контрольном эксперименте (прерывание задачи без последующего замещения) деятельность возобновлялась в 75% случаев в первой серии и в 60% — во второй (соотношение с экспериментальной группой: $75:75=1$ и $60:13=4,6$).

§ 3. Смещение и генерализация

Процессом, аналогичным замещению, является смещение. Экспериментально этот процесс изучался в связи с хорошо известными процессами генерализации стимула и генерализации реакции. Баран, у которого выработан условный рефлекс отодвигать правую переднюю ногу при предъявлении светового сигнала, отодвигает заднюю ногу в том случае, когда он лишен возможности двигать передними ногами (Liddell, 1944). Кроме того, чем сильнее становится потребность, тем менее специфичен объект, вызывающий соответствующую реакцию. Именно по этой причине голодный человек может иногда жевать какую-нибудь деревяшку, а некоторые животные в период спаривания направляют свои сексуальные реакции на совершенно неподходящий объект. Процессы генерализации и смещения хорошо известны в клинической психологии, где с помощью игровой терапии, например, можно установить, что мальчик, крайне агрессивно настроенный по отношению к своим товарищам, был первоначально агрессивен по отношению к своему отцу — объекту труднодоступному. Именно в этом контексте следует рассматривать следующий опыт Миллера (1948): у двух крыс вырабатывался условный рефлекс драться друг с другом, как только

через решетчатый пол их клетки пропусклся электрический ток. Если в момент пропускания тока они находились в клетке в одиночестве, они набрасывались на похожий предмет (куклу).

§ 4. Смещение и социальная агрессивность

Смещение, возникающее, подобно агрессивности, вслед за фрустрацией, было отмечено Миллером и Бугельски (1948) при изучении установок по отношению к некоторым социальным группам. Количество отрицательных черт, приписываемых американскими новобранцами японцам и мексиканцам, значительно возрастало вследствие фрустрации, искусственно созданной военными властями. Однако этот факт не получил подтверждения в других экспериментах (Weiss, Fine, 1955; Stagner, Congdon, 1955).

Некоторые авторы объясняют дискриминацию и напряжение, возникающие между социальными группами, смещением агрессивности, вызванной фрустрацией или вытеснением (Adorno et al., 1950; Berkowitz, 1959). Кроме того, изучалась преступность в связи с такими явлениями, как агрессивность, фрустрация и чрезмерные наказания. Тест Розенцвейга (Picture-Frustration Test, 1952) является одним из наиболее известных инструментов исследования в этой области, так же как и методика Дуба и Сирса (1939), предполагающая рассказ испытуемых об их вероятных поведенческих реакциях в ситуациях фрустрации. Фарбер (1955), проводивший исследования в рамках фрейдовской характерологии, обнаружил в помощью метода шкал статистически значимую корреляцию ($r=0,37$) между результатами 130 студентов по шкале черт анального происхождения и результатами по шкале агрессивности их политических взглядов.

§ 5. Эквивалентность потребностей

Возникает вопрос, в какой мере возможен истинный перенос одной потребности на другую. С точки зрения процесса возбуждения эту проблему можно сформулировать следующим образом: как соотносятся между собой системы возбуждения, связанные с различными инстинктивными потребностями,— сходны они или частично перекрывают друг друга, так что состояние жажды, например, может активизировать в отсутствие соответствующего объекта (воды) поведение, связанное с поиском пищи? Опыт Н. Миллера (1948) дал утвердительный ответ на этот вопрос: полученные результаты привели его к выводу, что голод и жажда обладают известной функциональной эквива-

лентностью, что можно объяснить как с помощью понятия генерализации, так и смещения. Более сложными являются случаи, когда разрядкой аффективной потребности становится потребление большого количества сладостей или пищи вообще (Bruch, 1940). Что касается процессов смещения и замещения как определенной формы сублимации, то они еще недостаточно изучены экспериментально, а те исследования, которые проведены, не подтвердили гипотезу сублимации. Попыткой экспериментального изучения формирования реакций является работа Филлипса и др. (1953).

XII. МЕХАНИЗМ МОТИВАЦИИ

С тех пор как психология в значительной мере отказалась от рассмотрения ассоциации как динамической схемы поведения, особое внимание было обращено на такие понятия, как «потребность» и «напряжение». Для объяснения активной направленности на объект-цель, на котором сосредоточивается вся реактивная система индивида, было предложено несколько схем. В настоящее время наибольшее признание получил механизм ослабления потребности, во многом напоминающий гедонистическую схему Торндайка (1932) или Троланда (1928, 1930; см. также Beebe-Center, 1932; Young, 1936, p. 318—387). Различие между этими двумя механизмами заключается в том, что гедонистические процессы формулируются в субъективных понятиях «удовлетворение» или «удовольствие», тогда как психология поведения предпочитает объективную схему «завершающих реакций» и ослабления физиологического состояния потребности. В последней схеме акцент делается в первую очередь на прекращении состояния неудовольствия, а не на позитивном поиске приятного (см. выше, стр. 64). Фрейдовская «метапсихология», которую можно считать прототипом принятой в настоящее время схемы, включает в себя, помимо объективной и физикалистской формулы разрядки энергии, принципы удовольствия и неудовольствия, выраженные в терминах субъективных переживаний. Система Левина (1938) предполагает также схему ослабления напряжения, особенно подчеркивая систему напряжения, создаваемую тем, что он называл квазипотребностями (см. выше, стр. 85).

Источником двух основных вариантов современного понимания механизма мотивации является различное отношение к направленности или избирательности, которой, с нашей точки зрения, характеризуется мотивированное поведение. Для Вудворта (1918, 1958), Мак-Дауголла (1908), Холта (1915), Толмена (1932, 1959), Олпорта (1937), Меррея (1938), Мура (1948) и практически для всех европейских психологов мотивирован-

ное поведение ориентировано главным образом на объект-цель; для Халла и большинства его учеников, особенно Брауна (1953, 1961) и Биндры (1959), направленность поведения — это результат научения. Менее важные варианты основаны на различных представлениях о процессе, посредством которого состояние напряжения или наличия потребности приводит в действие двигательную систему организма. Фрейд и Лоренц, например, полагают, что энергия поступает по афферентным путям и разряжается в эффекторных. Левин (1938, см. также Heider, 1960) предложил более гибкую схему, укладывающуюся в рамки его топологических и гомеостатических концепций. С другой стороны, некоторые нейрофизиологические исследования несколько уточнили наши представления об этих процессах (физиологическим основам мотивации посвящен прекрасный обзор Dell, Lairy, 1959). Поскольку мы не имеем возможности останавливаться на них здесь сколько-нибудь подробно, ограничимся тем, что уточним некоторые позиции на уровне изучения поведения. Коснемся прежде всего механизма, связывающего мотивационное состояние или потребность с моторным поведением, затем рассмотрим проблему направленности мотивированного поведения в связи с научением и, наконец, проанализируем схему ослабления потребности.

§ 1. Моторная разрядка и гомеостатическое равновесие

Мы уже привлекали внимание читателей к понятию *стимул*, понимаемому в бихевиористской и необихевиористской психологии как активный источник поведения (см. выше, стр. 17). Фрейдистская динамическая психология способствовала утверждению подобной точки зрения, поскольку она считает, что стимул, понимаемый как внутренний побудитель физиологической потребности, увеличивает энергию и нарушает, таким образом, равновесие «психического аппарата». Побуждающий стимул (*drive-stimulus*) вызывает, следовательно, разряд энергии, образующий поведение (Freud, 1895, 1900, гл. 7, 1911, 1920). Гомеостатическая схема, сложившаяся под влиянием исследований Клода Бернара о внутренней среде и Кеннона (1932) о гомеостазисе, а также энергетических концепций этологов (Logenz, 1937), предполагает, что в основе мотивации лежит некий фундаментальный механизм, аналогичный механизму ослабления потребности. Этот механизм Халл считает основным законом научения. Таким образом, понятия гомеостатического равновесия, энергетического разряда потребности и избегания стимуляции тесно связаны в современных исследованиях механизма мотивации.

Рассмотрим сначала некоторые экспериментальные данные, ставящие под сомнение старую схему разряда энергии через эффекторы. Кон (1951) установил, что голодные крысы, научившиеся нажимать на рычаг, чтобы получить пищу, могут прекратить делать это, несмотря на отсутствие какого-либо разряда энергии через эффекторные органы. Кон вводил крысам питательный раствор непосредственно в желудок, и они прекращали нажимать на рычаг и не проявляли никакого поведения, связанного с голодом, хотя энергия, якобы накопившаяся в них в результате стимуляции голодом, не разрядилась в пищевой активности. Согласно изложенной теории, активность, связанная с поиском пищи, должна была бы прекратиться только после того, как накопленная энергия будет «выпущена» через эффекторные каналы.

Другие данные говорят о том, что активность вызванная потребностью, прекращается отнюдь не в результате восстановления гомеостатического равновесия. Действительно, в том же эксперименте Кона (1951) крысы прекращали поиски пищи еще до того, как питательный раствор мог внести изменения в биохимическое состояние организма. С другой стороны, Беллоуз (1939) показал, что собака, испытывающая жажду, прекращает пить, проглотив определенное количество воды, даже в том случае, если вода не попадает в желудок, а вытекает через введенную в пищевод фистулу. Количество воды, выпитое собакой в этом случае, равно количеству, выпиваемому ею в обычных условиях. Таким образом, достаточно, видимо, стимулировать некоторые рецепторы, чтобы прекратить поведение, связанное с состоянием жажды. Известно к тому же, что такие рецепторы, имеющие отношение к жажде, расположены во рту и в пищеводе, а к голоду — главным образом в желудке. Таким образом, можно полагать, что достаточно стимулировать эти рецепторы, чтобы временно удовлетворить данные потребности на поведенческом уровне. Эти факты и их объяснение нашли подтверждение в работах Миллера и Кессена (1952) и Беркана, Кессена и Миллера (1952). Однако вполне вероятно, что прекращение питья в этом случае зависит также от образования условных связей, вызывающих ожидание, или антиципацию, насыщения вследствие стимуляции определенной продолжительности. Поэтому важно установить на этом уровне мотивационного механизма возможное влияние антиципации.

§ 2. Направленность, научение и ориентиры (cues)

Как мы уже говорили (стр. 17—18), некоторые психологи рассматривают мотивацию как внутренний фактор сенсibilизации по отношению к определенным стимулам внешней среды. Эти

внешние стимулы вызывают поведенческую реакцию, развертывающуюся либо в соответствии с инстинктивной или врожденной схемой (этологи), либо в соответствии с системой связей, постепенно образующихся в результате научения. Здесь и возникает центральная проблема поведения — проблема направленности. Психологи, считающие мотивацию фактором сенсibilизации, часто отрицают ее направляющую роль. Мотивация передает поведению свою энергию, но не направляет его. Направленность определяется внешними стимулами (cues), и особенно научением. Именно благодаря научению реакция приобретает ту или иную направленность, или, другими словами, за данным стимулом неизбежно последует данный ответ.

А) Эта концепция основывается на следующих конкретных фактах. У новорожденных и у высших животных голод, как таковой, не может вызвать реакции, направленные непосредственно на пищу. Мотивация вызывает различные реакции (крик, увеличение общей активности ребенка), но только благодаря научению поведение постепенно направляется на определенный объект. Таким образом, неверно утверждать, что голод — это влечение к пище (drive for food). Что касается инстинктивных реакций, посредством которых животные направляются к пище, то можно сказать, что в этом случае врожденные связи заменяют связи приобретенные, что ничего не меняет с точки зрения мотивации в собственном смысле. Известно также, что этологи, например Лоренц и Тинберген, отличают понятие *Stimulping* (обозначающее собственно динамический фактор) от понятия направляющей детерминанты, также находящейся во внешней среде. Левин (1938) тоже связывал функцию направленности с объектами или валентностями внешнего мира, хотя его позиция в этом вопросе менее ясна и не одинакова в различных работах.

Б) Разногласие по этому вопросу, видимо, объясняется в значительной мере различным пониманием *направленности* мотивации. Авторы, которые считают направленность результатом научения, понимают ее как вполне определенный путь, ведущий индивида к конкретному объекту. Очевидно, что в случае неинстинктивного поведения такая конкретная направленность является результатом научения. Однако по-прежнему остается непонятным, почему некоторые объекты особенно привлекают индивида и он усваивает пути к их достижению. Это происходит потому, говорят нам эти авторы, что благодаря врожденному механизму одни объекты действуют как подкрепляющие агенты, а другие нет (см. например, Bindra, 1959). Именно так понимают сторонники *целевого поведения* (purposive behavior) направленность мотивации: мотивация вызывает деятельность, которая не оканчивается достижением *какого-то* объекта, причем некоторые объекты действуют как подкрепляющие агенты

(индивид возвращается к этим самым объектам). Действительно, мотивационный фактор прекращает действовать только тогда, когда будет достигнут какой-то объект или более или менее определенный результат. Именно так мы понимаем объективную направленность мотивации. В конечном счете нельзя объяснить эту направленность научением, поскольку подкрепление связей подразумевает и предполагает как раз такое избирательное отношение к определенным объектам.

Тот факт, что мотивация не всегда прямо приводит испытуемого к соответствующему объекту, нельзя считать возражением. Напротив, необходимость *найти путь*, ведущий к данному объекту, и то, что он закрепляется в опыте, показывает, что речь идет о предпочитаемых объектах и, следовательно, о внутреннее присущей ориентации, или направленности.

В) Эта концепция никоим образом не умаляет важности функции указания *конкретного* направления, приписываемой школой Халла и этологами ориентирам (cues) среды. Однако следует подчеркнуть, что в конечном счете эти внешние стимулы приобретают такую направляющую функцию только потому, что направленность и избирательность свойственны самой мотивации. Эксперименты, описанные этологами, как и исследования теоретиков научения, подтверждают эту концепцию. Лоренц и Тинберген (1938), к примеру, описывают реакцию гусыни на выкатившееся из гнезда яйцо. Гусыня вытягивает шею и подталкивает клювом яйцо к гнезду. Эта реакция направляется и корректируется все время таким образом, что гусыня нейтрализует тенденцию яйца откатиться в сторону. Реакция, таким образом, направляется внешними стимулами, то есть положением яйца. Однако наряду с этой направленностью, проявляющейся в постоянной корректировке — обусловленной в данном случае инстинктивными механизмами, а в других — являющейся результатом научения, — имеет место еще и активность, проявляющаяся в общем направленном *движении к гнезду*. Эта общая направленность движения столь мало зависит от внешних стимулов, что реакция остается неизменной и тогда, когда на глазах у гусыни берут яйцо и кладут его в гнездо. На основании этого можно сделать вывод о том, что именно динамическая детерминанта направляет деятельность, связанную с «возвращением в гнездо». Стимулы среды являются, таким образом, опорными точками для постепенной, направляемой изнутри корректировки деятельности.

Г) Что касается приобретенных реакций, то направленность мотивации является, как мы видели, не только условием научения, но объясняет тот факт, что из нескольких приобретенных реакций данной мотивацией *активизируется* лишь одна. Это было показано еще в работах школы Кюльпе о детерминирующих тенденциях (см. выше, стр. 20—21) и в исследовании Липера

(1935), которое и по сей день считается классическим. Американский экспериментатор обучал крыс пробегать по двум коридорам: в конце первого находилась вода, в конце второго — твердая пища. Он установил, что две мотивационные детерминанты — голод и жажда — вызывали из того репертуара реакций, которым располагает животное, два разнонаправленных действия: голод направлял животное по пути, ведущему к пище, а жажда — по пути, ведущему к воде.

Одним словом, когда организм не располагает врожденными схемами, позволяющими ему сразу осуществить направленную адекватную реакцию, мотивация помогает ему определить конкретное направление с помощью ориентиров внешней среды (cues) благодаря направленности, внутренне присущей самому динамическому фактору. Когда же в распоряжении индивида имеется несколько различно направленных реакций, мотивационное состояние актуализирует одну из них в направлении: соответствующего объекта. Как сказал Пьерон (1935), «выбор навыка, который будет актуализирован индивидом, определяется в конечном счете требованием момента».

Отметим еще, что направленность, присущая мотивации, важна также для изучения *развития* мотивов. Именно ориентация на один и тот же тип ситуаций или объектов и создает единство и специфичность потребности, несмотря на различные формы ее проявления (Nuttin, 1959, p. 120—125). Кроме того, такое постоянство внутренней направленности потребностей лежит в основе другой важной функции мотивации, о которой мы можем лишь вскользь упомянуть здесь: мотивационная детерминанта является тем фактором, который *организует* многочисленные сегментарные реакции в целостное *поведение* (организующая роль мотивации).

§ 3. Ослабление напряжения

Что касается общей схемы ослабления напряжения, то она предполагает, по определению, что поведение ведет к уменьшению напряжения, а не увеличению его. Однако очень часто индивид явно стремится увеличить напряжение. Можно предположить, что он стремится к этому, предвидя удовольствие, которое испытает от его разрядки. Не говоря уже о результатах многочисленных систематических и повседневных наблюдений, ставящих под сомнение такую точку зрения (см. Freud, 1924; Goldstein, 1940, p. 140—142; Maslow, 1954; Asch, 1952; Nuttin, 1955, 1956), эксперименты Шеффилда, Вульффа и Беккера (1951) проливают новый свет на эту проблему.

А) Известно, что в некоторых условиях большинство животных стремится разными способами увеличить сексуальное воз-

буждение. Согласно упомянутой теории, такое стремление увеличить напряжение можно объяснить лишь последующим уменьшением его или разрядкой. Испытуемыми в опытах Шеффилда были молодые крысы-самцы, не имевшие предварительного сексуального опыта. Особенностью полового поведения крыс является то, что эякуляции предшествует около 12 очень коротких актов копуляции. Эти предварительные акты способствуют, следовательно, увеличению состояния возбуждения. Экспериментаторы помещали крыс-самцов у входа в коридор, в конце которого находилась клетка, куда сажали самку, но только после того, как в ней оказывался самец. После двух предварительных копуляций самку удаляли, и, таким образом, самцу не удавалось достичь стадии ослабления потребности. Наблюдая за животными в этом состоянии, экспериментаторы пришли к следующим выводам: 1) если снова поместить самца в начале коридора, то время, затрачиваемое им на то, чтобы добежать до клетки, прогрессивно сокращается, так что можно получить типичную кривую научения; 2) не наблюдалось никаких признаков угасания реакции на протяжении 28 проб. Поскольку не было законченной копуляции на предварительной стадии эксперимента, эти факты нельзя объяснить с помощью вторичного подкрепления. Приходится сделать вывод, что увеличение напряжения само по себе является вознаграждением и целью мотивированного поведения. Мы не сомневаемся в том, что у человека возможность предвидения ослабления напряжения или реализации цели часто играет важную роль, но это никак не меняет того, что в данных условиях возбуждающий контакт и напряжение сами по себе привлекают субъекта и, по всей вероятности, приносят большое удовлетворение.

Б) С другой стороны, мотивационный процесс проходит такую стадию, которой часто пренебрегают, но на которую нам хотелось бы обратить внимание. Дело в том, что человек *стремится нарушить состояние равновесия*, как только он достигает поставленной цели. Он строит новые планы и устремляется ко все более и более трудным целям. Он принимает на себя новые обязанности и отнюдь не стремится, как уже было сказано ранее (Nuttin, 1959, p. 138—139, 1961), к такому положению, когда перед ним не стояла бы сколько-нибудь важная задача. Человек чувствует себя несчастным, и у него даже может развиться невроз, когда ему «нечего делать», когда у него нет никакого плана, который нужно реализовать, когда никто от него ничего не ждет. В этом отсутствии «дела» часто кроется причина невротических жалоб на то, что жизнь стала бессмысленной. Эта конструктивная фаза процесса человеческой мотивации должна найти свое место в нашей схеме. Все как будто согласны с тем, что равновесие следует рассматривать не как отсутствие напряжения (Freud, 1895), а как состояние оптимального взаимодей-

ствия со средой; но остается еще объяснить восходящую фазу процесса, побуждающую человека ко все более сложным формам взаимодействия, или, другими словами, ко все более высоким уровням равновесия. Точно так же человек любит строить такие планы и руководствоваться такими идеалами, в неосуществимости которых при его жизни он отдает себе отчет. Это предполагает, что индивид не может надеяться на то, что ему удастся уменьшить созданное им же самим напряжение. Более того, ценности, к которым стремится человек, также очень часто столь дороги ему, что он готов пожертвовать собой ради них. Речь идет о таких ценностях, как свобода, родина, истина и вера, которые обладают как в социальной, так и в личной жизни весьма реальной мотивационной силой. Очень трудно во всех случаях, когда индивид подчиняет свою собственную личность некоей «объективной» ценности, свести мотивацию к схеме ослабления потребности (Allport, 1946, p. 342). Таким образом, механизм ослабления, вероятно, представляет собой лишь одну из двух фаз мотивационного процесса. Действительно, следует подчеркнуть, что формирование новых целей является фазой самого мотивационного процесса, поскольку оно не происходит автоматически, как в случае физиологических потребностей. Новое состояние напряжения, вызываемое голодом, автоматически возникает в организме по завершении акта еды. Но формирование новых целей и планов есть психологическая деятельность, являющаяся составной частью мотивационного процесса у человека (см. выше, стр. 36—37).

В) Отметим также, что эксперименты, связанные с определением градиента цели (см. выше, стр. 71—72), показывают, что мотивация возрастает по мере приближения к цели. Это ставит под сомнение предположение о том, что промежуточные действия-средства способствуют постепенному ослаблению потребности. Утверждают также, что действия-средства должны усваиваться индивидом, поскольку они способствуют частичному ослаблению потребности. Но если напряжение частично и постепенно ослабляется в ходе ряда, иногда длинного, действий-средств, то непонятно, почему оно возрастает по мере приближения к конечной цели. В то же время процесс, позволяющий высшим животным находить и использовать такие средства для достижения объекта-цели, играет особенно важную роль в мотивации. Его следует изучать в связи с развитием тех познавательных функций, которые оказываются неразрывно связанными с потребностями (см., в частности, Tolman, 1932; Köhler, 1921; Schiller, 1957; de Montpelier, 1949, p. 171—260).

Скажем в заключение, что мы не можем в настоящее время сформулировать *единую* динамическую схему, пригодную для объяснения всех видов мотивации поведения. Мы считаем возможным сохранить концепцию ослабления напряжения, однако

при условии дополнения ее некоторыми процессами, объясняющими, в частности, тот факт, что организм стремится не к полной разрядке напряжения, а к установлению его оптимального уровня, а также то, что при приближении к цели происходит усиление мотивации и что важной фазой мотивационного процесса является активное создание новых напряжений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ach N. Über die Willenstätigkeit und das Denken. Göttingen, 1905, 294 p.
 — Über den Willensakt und das Temperament. Leipzig, Quelle & Meyer, 1910, 324 p.
- Adler A. Studie über Minderwertigkeit von Organen. Berlin, Urban & Schwarzenberg, 1907, 92 p.
 — Der Aggressionstrieb im Leben und in der Neurose. *Fortschritte der Medizin*, 1908, 26, 577—584. (Опубликовано также в: *Heilen und Bilden*, München, J. F. Bergmann, 1922, 18—25).
- Adorno T. W., Frenkel-Brunswick E. et al. The authoritarian personality, New York, Harper & Brothers, 1950, 990 p.
- Allport G. W. Personality. A psychological interpretation, New York, Henry Holt, 1937, 588 p.
 — Effect: a secondary principle of learning. *Psychol. Rev.*, 1946, 53, 335—347.
 — The trend in motivational theory, *Amer. J. Orthopsychiat.*, 1953, 23, 107—119.
- Amsel A. The role of frustrative nonreward in noncontinuous reward situations, *Psychol. Bull.*, 1958, 55, 102—119.
- Amsel A., Roussel J. Motivational properties of frustration: I. Effects on a running response of the addition of frustration to the motivational complex, *J. exp. Psychol.*, 1952, 43, 363—368.
- Amsel A., Ward J. S. Motivational properties of frustration: II. Frustrative drive stimulus and frustration reduction in selective learning, *J. exp. Psychol.*, 1954, 48, 37—47.
- Anderson C. The development of a level of aspiration in young children, dissertation doctorale, Univ. de Iowa. 1940.
- Anderson H. Social development.—In L. Carmichael (Ed.). *Manual of child psychology*, 1954, 1162—1215.
- Andrieux C. Les motivations d'“accomplissement” et d'“affiliation”. Recherches du groupe de l'Université de Wesley, *Ann. Psychol.*, 1958, 58, 133—146.
- Asch S. E. *Social psychology*. New York, Prentice Hall, 1952, 646 p.
 — Effects of group pressure upon the modification and distortion of judgments.—In: D. Cartwright, A. Zander (Ed). *Group dynamics*. Evanston, Row, Peterson & Co, 1953, 151—162.
 — Studies of independence and submission to group pressure (prepublication copy), Swarthmore, 1955, 193 p.
- Atkinson J. W. Motivational determinants of risk-taking behavior. *Psychol. Rev.*, 1957, 64, 359—372.
 — Motives in fantasy, action and society. New York, D. Van Nostrand Company, 1958, 873 p.
 — Studies in projective measurement of achievement motivation (докторская диссертация, см: J. W. Atkinson. 1958).
 — (Ed.), *Motives in fantasy, action and society: a method of assessment and study*. Princeton, D. Van Nostrand, 1958, 873 p.
- Barker R., Dembo T., Lewin K. Frustration and regression: an experiment with young children.—In: *Studies in topological and vector psychology*, vol. II, Univ. Iowa Stud. Child Welf., 1941, 18, № 1, 1—314.

- Beebe-Center J. G. The psychology of pleasantness and unpleasantness. New York, Van Nostrand, 1932, 427 p.
- Bellows R. T. Time factors in water drinking in dogs. *Amer. J. Physiol.*, 1939, 126, 13—19.
- Berkowitz L. The expression and reduction of hostility, *Psychol. Bull.*, 1958, 55, 257—283.
- Anti-semitism and the displacement of aggression. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1959, 59, 182—187.
- Berkun M. M., Kessen M. L., Miller N. E. Hunger-reducing effects of food by stomach fistula versus food by mouth measured by a consummatory response. *J. comp. physiol. Psychol.*, 1952, 45, 550—555.
- Berlyne D. E. Novelty and curiosity as determinants of exploratory behaviour. *Brit. J. Psychol.*, 1950, 41, 68—80.
- An experimental study of human curiosity. *Brit. J. Psychol.*, 1954, 45, 256—265.
- The present status of research on exploratory and related behavior. *J. indiv. Psychol.*, 1958 a, 14, 121—126.
- The influence of complexity and novelty in visual figures on orienting responses. *J. exp. Psychol.*, 1958 b, 55, 289—296.
- Conflict, arousal and curiosity. New York, McGraw-Hill, 1960, 350 p.
- Bexton W. H. Effects of decreased variation in the sensory environment. *Canad. J. Psychol.*, 1954, 8, 70—76.
- Bijou S. W. The development of a conditioning methodology for studying experimental neurosis in the rat. *J. comp. Psychol.*, 1942, 34, 91—106.
- Billingslea F. Y. The relationship between emotionality, activity, curiosity, persistence and weight in the male rat. *J. comp. Psychol.*, 1940, 29, 315—324.
- Bindra D. Motivation. A systematic reinterpretation. New York, The Ronald Press Co., 1959, 361 p.
- Components of general activity and the analysis of behavior. *Psychol. Rev.*, 1961, 68, 205—215.
- Bindra D., Spinner N. Response to different degrees of novelty: the incidence of various activities. *J. exp. anal. Behav.*, 1958, 1, 341—350.
- Block J., Martin B. Predicting the behavior of children under frustration. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1955, 51, 281—285.
- Bowlby J. et al. The effects of mother-child separation: a follow-up study. *Brit. J. med. Psychol.*, 1956, 29, 211—247.
- Brehm J. Post-decision changes in the desirability of alternatives. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1956, 52, 384—389.
- Brehm J., Festinger L. Pressures toward uniformity of performance in groups. *Hum. Relat.*, 1957, 10, 85—91.
- Brown J. S. Generalized approach and avoidance responses in relation to conflict behavior. New Haven, Yale University, 1940 (неопубликованная докторская диссертация, см.: Miller, 1944).
- Gradients of approach and avoidance responses and their relation to level of motivation. *J. comp. physiol. Psychol.*, 1948, 41, 450—465.
- Problems presented by the concept of acquired drives.—In: Current theory and research in motivation. A symposium, Lincoln, Univ. of Nebraska Press, 1953, 1—21.
- The motivation of behavior. New York, McGraw-Hill Book, 1961, 404 p.
- Bruch H. Obesity in childhood: III. Physiologic and psychologic aspects of the food intake of obese children. *Amer J. Dis. Child.*, 1940, 59, 739—781.
- Bühler C. Die ersten sozialen Verhaltensweisen des Kindes.—In: Soziologische und psychologische Studien über das erste Lebensjahr (Quellen und Studien zur Jugendkunde, № 5). Jena, Fischer, 1927, 1—102.
- Kindheit und Jugend. Leipzig, S. Hirzel Verlag, 1931, 414 p.
- The social behavior children.—In: C. Murchison (Ed.), Handbook of child psychology, Worcester, Clark Univ. Press, 1933, 374—416.

- Bühler C., Hetzer H. Das erste Verständnis von Ausdruck im ersten Lebensjahr. *Z. Psychol.*, 1928, 107, 50—61.
- Bühler C., Hetzer H., Tudor-Hart B. Soziologische und psychologische Studien über das erste Lebensjahr (Quellen und Studien zur Jugendkunde, Heft 5). Jena, G. Fisher, 1927, 250 p.
- Bühler K. Die geistige Entwicklung des Kindes. Jena, G. Fischer, 1930, 488 p.
- Butler R. A. Discrimination learning by rhesus monkeys to visual-exploration motivation. *J. comp. physiol. Psychol.*, 1953, 46, 95—98.
- Exploratory and related behavior: a new trend in animal research. *J. indiv. Psychol.*, 1958, 14, 111—120.
- Butler R. A., Harlow H. F. Persistence of visual exploration in monkeys. *J. comp. physiol. Psychol.*, 1954, 47, 258—263.
- Buytendijk F. J. J. *Traité de psychologie animale*. Paris, P. U. F., 1952, 362 p.
- Cannon W. B. *The wisdom of the body*. New York, W. W. Norton & Co Inc., 1932, 333 p.
- Cardinet J. Préférences esthétiques et personnalité, *Ann. psychol.*, 1958, 58, 45—69.
- Carr R. M., Brown W. L. The effect of sustained novelty upon manipulation in rhesus monkeys. *J. genet. Psychol.*, 1959, 61, 121—125.
- Cattell R. B. *Personality and motivation structure and measurement*. New York, Yonkers-on-Hudson, 1957, 948 p.
- Champion R. A. Motivational effects in approach-avoidance conflict. *Psychol. Rev.*, 1961, 68, 354—358.
- Chasdi E. H., Lawrence M. S. Some antecedents of aggression and effects of frustration in doll play.—In: W. Wolff (Ed.). *Personality*, 1951, 32—43.
- Cohn A. R. Social norms, arbitrariness of frustration and status of the agent of frustration in the frustration-aggression hypothesis. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1955, 51, 222—226.
- Coumétou M. L'activité professionnelle et ses facteurs.—Dans H. Piéron, *Traité de psychologie appliquée*. Livre V, Paris, P. U. F., 1956, 1093—1160.
- Crawley S. L. An experimental investigation of recovery from work. *Arch. Psychol.*, 1926, № 85.
- Crespi L. P. Amount of reinforcement and level of performance. *Psychol. Rev.*, 1944, 51, 341—357.
- Crutchfield R. S. A new technique for measuring individual differences in conformity to group judgment, *Proc. 1954 Conf. test Probl. Educ. Test Serv.*, 1955 a, 69—74.
- Conformity and character. *Amer. Psychologist*, 1955 b, 10, 191—198.
- Dashiell J. F. A quantitative demonstration of animal drive. *J. comp. Psychol.*, 1925, 5, 205—208.
- Davis R. S. The domain of homeostasis. *Psychol. Rev.*, 1958, 65, 8—13.
- Dell P., Lairy G. S. Bases physiologiques pour l'étude des motivations.—Dans: L. Ancona et al., *La motivation*, Paris, P. U. F., 1959, 55—77.
- Dember W. N., Earl R. W. Analysis of exploratory, manipulatory and curiosity behaviors. *Psychol. Rev.*, 1957, 64, 91—96.
- Dember W. N., Fowler H. Spontaneous alternation behavior. *Psychol. Bull.*, 1958, 55, 412—428.
- Dembo T. Der Ärger als dynamisches Problem. *Psychol. Forsch.*, 1931, 15, 144 p.
- Dennis W. A comparison of the rat's first and second exploration of a maze unit. *Amer. J. Psychol.*, 1935, 47, 488—490.
- Dollard J., et al. *Frustration and aggression*. New Haven, Yale Univ. Press, 1939, 209 p.
- Dollard J., Miller N. E. *Personality and psychotherapy*. New York, McGraw-Hill, 1950, 488 p.

- Doob L. W., Sears R. R. Factors determining substitute behavior and the overt expression of aggression. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1939, 34, 293—313.
- Dreyer A. S. Aspiration behavior as influenced by expectation and group comparison. *Hum. Relat.*, 1954, 7, 175—190.
- Dubois C. The people of Alor. Minneapolis, Univ. of Minnesota Press, 1944, 654 p.
- Duffy E. The concept of energy mobilization. *Psychol. Rev.*, 1951, 58, 30—40.
- Ehrlich A. Effect of past experience on exploratory behavior in rats. *Canad. J. Psychol.*, 1959, 13, 248—254.
- Escalona S. Play and substitute satisfaction.—In: Barker R. G., Kounin J. S. and Wright H. F. (Eds), Child behavior and development, New York, McGraw-Hill, 1943, 363—378.
- Estes W. K. An experimental study of punishment. *Psychol. Monogr.*, 1944, № 263.
- Eysenck H. J. The structure of human personality. London, Methuen & Co, 1960 (2^e ed.), 448 p.
- Eysenck H. J., Himmelfeit H. T. An experimental study of the reactions of neurotics to experiences of success and failure. *J. gen. Psychol.*, 1946, 35, 59—75.
- Farber M. L. The anal character and political aggression. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1955, 51, 486—489.
- Fauville A. Les premières réponses de l'enfant et leurs excitants.—Dans: Michotte A. et al., La perception, Paris, P. U. F., 1955, 111—120.
- Feshbach S., Singer R. D. The effects of fear arousal and suppression of fear upon social perception. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1957, 55, 283—288.
- Festinger L. Wish, expectation, and group standards as factors influencing level of aspiration. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1942, 37, 184—200.
- A theory of cognitive dissonance. Evanston, Row, Peterson & Co, 1957, 289 p.
- Some attitudinal consequences of forced decisions.—In: Actes du XVe Congrès international de Psychologie, Bruxelles (1957), Amsterdam, North-Holland Publishing Co, 1959, 389—390.
- Festinger L., Riecken H., Schachter S. When prophecy fails. Minneapolis, Univ. of Minnesota Press, 1956.
- Fowler H., Fowler D. E., Dember W. N. The influence of reward on alternation behavior. *J. comp. physiol. Psychol.*, 1959 a, 52, 220—224.
- Fowler H., Blond J., Dember W. N. Alternation behavior and learning: the influence of reinforcement magnitude, number and contingency. *J. comp. physiol. Psychol.*, 1959 b, 52, 609—614.
- Frank J. D. Individual differences in certain aspects of the level of aspiration. *Amer. J. Psychol.*, 1935 a, 47, 119—128.
- The influence of the level of performance in one task on the level of aspiration in another. *J. exp. Psychol.*, 1935 b, 18, 159—171.
- Some psychological determinants of the level of aspiration. *Amer. J. Psychol.*, 1935 c, 47, 285—293.
- French J. R. P. Organized and unorganized groups under fear and frustration.—In: Lewin K. Authority and frustration. Studies in topological and vector psychology, vol III, Iowa City, Univ. of Iowa Press, 1944, 231—308.
- Freud S. Entwurf einer Psychologie (1895).—In: Aus den Anfängen der Psychoanalyse, London, Imago, 1950, 372—466.
- Die Traumdeutung (1900).—In: Gesammelte Werke, II—III, London, Imago, 1942, 724 S.
- Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychischen Geschehens, 1911.—In: Gesammelte Werke, VIII, London, Imago, 1943, 229—238.
- Jenseits des Lustprinzips (1920).—In: Gesammelte Werke, XIII, London, Imago, 1940, 1—70.
- Das ökonomische Problem des Masochismus (1924).—In: Gesammelte Werke, XIII, London, Imago, 1940, 369—384.

- Gesell A., Amatruda C. S. Developmental diagnosis: normal and abnormal child development, New York, Hoeber, 1941, 447 p.
- Gewirtz H. Displacement of preference as a function of avoidance-avoidance conflict. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1959 a, 58, 395—398.
- Generalization of children's preferences as a function of reinforcement and task similarity. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1959 b, 58, 111—117.
- Glanzer M. Curiosity, exploratory drive and stimulus satiation. *Psychol. Bull.*, 1958, 55, 302—315.
- Goldstein K. Human nature in the light of psychopathology. Cambridge, Harvard Univ. Press, 1940, 258 p.
- Gottschaldt K. Der Aufbau des kindlichen Handelns (Beiheft 68 zur Zeitschrift für angewandte Psychologie). Leipzig, J. A. Barth, 1933.
- Gould R. An experimental analysis of "level of aspiration". *Genet. Psychol. Monogr.*, 1939, 21, 1—116.
- Guérin F. Aperçu général sur les tests et les expériences de niveau d'aspiration. *Rev. Psychol. appl.*, 1958, 8, 37—89 et 221—251.
- Guilford J. P., Guilford R. B. Personality factors, D.R.T. and A. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1939, 34, 21—26.
- Hall J. F. The relationship between external stimulation, food deprivation, and activity. *J. comp. physiol. Psychol.*, 1956, 49, 339—340.
- Psychology of motivation. Chicago, J. B. Lippincott Co, 1961, 382 p.
- Hamilton E. L. The effect of delayed incentive on the hunger drive in the white rat. *Genet. Psychol. Monogr.*, 1929, 5, 131—204.
- Haner C. F., Brown P. A. Clarification of the instigation to action concept in the frustration-aggression hypothesis. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1955, 51, 204—206.
- Harlow H. F. Learning and satiation of response in intrinsically motivated complex puzzle performance by monkeys. *J. comp. physiol. Psychol.*, 1950, 43, 289—294.
- Mice, monkeys, men and motives, *Psychol. Rev.*, 1953 a, 60, 23—32.
- Motivation as a factor in the acquisition of new responses.—In: Current theory and research in motivation. A symposium. Lincoln, Univ. of Nebraska Press, 1953 b, 24—49.
- The nature of love, *Amer. Psychologist*, 1958, 13, 673—685.
- Harlow H. F., Harlow M. K., Meyer D. R. Learning motivated by a manipulation drive. *J. exp. Psychol.*, 1950, 40, 228—234.
- Harris L. J., Clay J., Hargreaves F. J., Ward A. Appetite and choice of diet. The ability of the vitamin B deficient rat to discriminate between diets containing and lacking the vitamin, *Proc. Roy. Soc., ser. B*, 1933, 113, 161—190.
- Hebb D. O. The organization of behavior. A neuropsychological theory. New York, John Wiley & Sons, 1949, 335 p.
- Drives and the C.N.S. (Conceptual nervous system). *Psychol. Rev.*, 1955, 62, 243—254.
- Hebb D. O., Riesen A. H. The genesis of irrational fears. *Bull. Canad. Psychol. Ass.*, 1943, 3, 49—50.
- Heider F. The psychology of interpersonal relations, New York, John Wiley & Sons, 1958, 322 p.
- The Gestalt theory of motivation, Lincoln, Univ. of Nebraska Press, 1960, 145—172.
- Henle M. The influence of valence on substitution.—In: McClelland D. C., Studies in motivation. New York, Appleton Century Crofts, 1955, 529—537.
- Hertzman M., Festinger L. Shifts in explicit goals in a level of aspiration experiment. *J. exp. Psychol.*, 1940, 27, 439—452.
- Hetzer H. Kind und Schaffen (Quellen und Studien zur Jugendkunde). Jena, G. Fischer, 1931, 108 p.
- Heymans G., Wiersma E. Beiträge zur speziellen Psychologie auf Grund einer Mass enuntersuchung. *Z. Psychol.*, 1906, 42, 81—127; 1906,

- 43, 321—373; 1907, 45, 1—42; 1908, 46, 321—333; 1908, 49, 414—439; 1909, 51, 1—72.
- Himmelweit H. T. A comparative study of the level of aspiration of normal and neurotic persons. *Brit. J. Psychol.*, 1947, 37, 41—59.
- Frustration and aggression: a review of recent experimental work.— In: Pear T. H. (Ed.), *Psychological factors of peace and war*, p. 161—191, New York, Philosophical Library, 1950, 262 p.
- Holt E. B. *Animal drive and the learning process. An essay toward radical empiricism*, New York, Henry Holt, 1931, 307 p.
- Hoppe F. Erfolg und Misserfolg, *Psychol. Forsch.*, 1930, 14, 1—62.
- Hovland C. I. et al. *Communication and persuasion*, New Haven, Yale Univ. Press, 1953, 192 p.
- Hull C. L. The rat's speed-of-locomotion gradient in the approach to food. *J. comp. Psychol.*, 1934, 17, 393—422.
- *Principles of behavior. An introduction to behavior theory*. New York, D. Appleton-Century, 1943, 422 p.
- *A behavior system*, New Haven, Yale Univ. Press, 1952, 372 p.
- Hunt J. McV., Quay H. C. Early vibratory experience and the question of innate reinforcement value of vibration and other stimuli, *Psychol. Rev.*, 1961, 68, 149—156.
- Irwin F. W., Mintzer M. G. Effect of differences in instructions and motivation upon measures of the level of aspiration. *Amer. J. Psychol.*, 1942, 55, 400—406.
- James W. *The principles of psychology*, New York, H. Holt & So 1890, vol. 1, 689 p.; vol. 2, 704 p.
- Janis I. L. Motivational factors in the resolution of decisional conflicts.— In: Jones M. R. (Ed.), *Nebraska symposium on motivation*. Lincoln, Univ. of Nebraska Press, 1959, 198—231.
- Janis I. L., Hovland C. I. et al. *Personality and persuasibility (Yale studies in attitude and communication, vol. 2)*. New Haven, Yale Univ. Press, 1959.
- Jensen A. R. Aggression in fantasy and overt behavior, *Psychol. Monogr.*, 1957, 71, № 16, 1—13.
- Jucknat M. Leistung Anspruchsniveau und Selbstbewusstsein, *Psychol. Forsch.*, 1937—1938, 22, 89—179.
- Kahn R. L., Katz D. Leadership practices in relation to productivity and morale.— In: Cartwright D., Zander A. (Eds), *Group dynamics*, Evanston, Row, Peterson and Co, 1953, 612—628.
- Karsten A. Psychische Sättigung. *Psychol. Forsch.*, 1928, 10, 142—254.
- Keister M. E. The behavior of young children in failure.— In: Barker R. G., Kounin, J. S., Wright G. F. (Eds), *Child behavior and development*, New York, McGraw-Hill, 1943, 429—440.
- Kelly G. A. *The psychology of personal constructs*, New York, W. W. Norton & Co, 1955, 2 vol., 1218 p.
- Man's construction of his alternatives.— In: Lindzey G. (Ed.), *Assessment of human motives*. New York, Rinehart & Co, 1958, 33—64.
- Klineberg O. *Psychologie sociale*. Paris, P.U.F., vol. 1, 1957, 371 p.
- Klüver H. *Behavior mechanisms in monkeys*. Chicago, Univ. of Chicago Press, 1933; 2e ed., 1957, 387 p.
- Koch H. Z. A multi-factor analysis of certain measures of activeness in nursery school children. *J. genet. Psychol.*, 1934, 45, 3, 467—487.
- A factor analysis of some measures of the behaviour of pre-school children. *J. genet. Psychol.*, 1942, 27, 257—287.
- Köhler W. *Intelligenzprüfungen an Menschenaffen*. Berlin, Springer, 1921.
- Kohn M. Satiation of hunger from food injected directly into the stomach, versus food ingested by mouth. *J. comp. physiol. Psychol.*, 1951, 44, 412—422.
- Krechevsky I. "Hypotheses" in rats. *Psychol. Rev.*, 1932, 39, 516—532.
- Lange L. Neue Experimente über den Vorgang der einfachen Reaction auf Sinneseindrücke. *Philos. Stud.*, 1888, 4, 479—510.

- Leeper R. The role of motivation in learning: a study of phenomenon of differential motivational control of utilization of habits. *J. genet. Psychol.*, 1935, 66, 3—40.
- Le Magnen J. Le rôle des stimuli olfacto-gustatifs dans la régulation du comportement alimentaire du mammifère, *J. Psychol. norm. path.*, 1959, 56, 137—160.
- Lewin K. Die psychische Tätigkeit bei der Hemmung von Willensvorgängen und das Grundgesetz der Assoziation. *Z. Psychol.*, 1917, 77, 212—247.
- Das Problem der Willensmessung und das Grundgesetz der Assoziation. *Psychol. Forsch.*, 1922, 1, 191—302; 1922, 2, 65—140.
- Vorsatz, Wille und Bedürfnis, Berlin, Julius Springer Verlag, 1926, 92 S.
- A dynamic theory of personality. Selected papers. New York, McGraw-Hill, 1935, 286 p.
- The conceptual representation and measurement of psychological forces, *Contr. Psychol. Theory*, 1938, 1, № 4, 247 p.
- Behavior and development as a function of the total situation.— In: Carmichael L. Manual of child psychology. New York, John Wiley & Sons, 1946, 791—844.
- Formalization and progress in psychology.— In: Field theory in social science. New York, Harper & Brothers, 1951, 346 p.
- Psychologie dynamique. Paris, P. U. F., 1959, 296 p.
- Lewin K., Dembo T. et al. Level of aspiration.— In: Hunt J. McV., Personality and the behavior disorders, New York, Ronald Press Co, 1944, 333—379.
- Lezak M. D., Raskin N. J. A new method of analyzing the data in an experiment on "level of aspiration". *Amer. J. Psychol.*, 1950, 63, 617—618.
- Liddell H. S. Conditioned reflex method and experimental neurosis.— In: Hunt J. McV (Ed.). Personality and the behavior disorders, 1944, vol. 1, 389—412.
- Lindworsky J. Der Wille. Leipzig, J. A. Barth, 1919, 208 p.
- Lissner K. Die Entspannung von Bedürfnissen durch Ersatzhandlungen. *Psychol. Forsch.* 1933, 18, 218—250.
- London I. D. Psychologists misuse of the auxilliary concepts of physics and mathematics. *Psychol. Rev.*, 1944, 51, 266—291.
- Lorenz K., Tinbergen N. Taxis and Instinktbehandlung in der Eirollbewegung der Graugans, I., *Z. Tierpsychol.*, 1938, vol. 2, 1—29.
- Lowell E. L. The effect of need for achievement on learning and speed of performance. *J. Psychol.*, 1952, 33, 31—40.
- McClelland D. C., Liberman A. M. The effect of need for achievement on recognition of need-related words. *J. Pers.*, 1949, 18, 236—251.
- McClelland D. C., Atkinson J. W., Clark R. A., Lowell E. L. The achievement motive, New York, Appleton-Century-Crofts, 1953, 384 p.
- McDougall W. An introduction to social psychology. London, Methuen & Co, 1908, 355 p. 28 ed. 1948.
- Mac Pherson S. J., Dees V., Grindley G. C. The effect of knowledge of results on learning and performance: II. Some characteristics of very simple skills, *Quart. J. exp. Psychol.*, 1948, 1, 68—78.
- Mac Pherson S. J., et al. The effect of knowledge of results on learning and performance: III. The influence of the time interval between trials. *Quart. J. exp. Psychol.*, 1949, 1, 167—174.
- Madsen K. B. Theories of motivation. Copenhagen, Munksgaard, 1959, 352 p.
- Mahler W. Ersatzhandlungen verschiedenen Realitätsgrades. *Psychol. Forsch.*, 1933, 18, 27—89.
- Maier N. Frustration: The study of behavior without a goal. New York, McGraw-Hill, 1949, 264 p.
- Maslow A. H. Motivation and personality. New York, Harper & Brothers, 1954, 411 p.
- Maslow A. H., Miller N. I., Sears R. R. et al. Symposium on effects of frustration. *Psychol. Rev.*, 1941, 48, 337—338.

- Masserman J. H., Yum K. S. An analysis of the influence of alcohol on experimental neurosis in cats. *Psychosom. Med.*, 1946, 8, 36—52.
- Mead M. Coming of age in Samoa. New York, W. Morrow, 1928, 297 p.
- Meier G. W., Foshee D. P., and a. Helson's residual factor versus innate S-R relations. *Psychol. Rep.*, 1960, 6, 61—62.
- Michotte A., Prüm E. Etude expérimentale sur le choix volontaire et ses antécédents immédiats, Louvain, Travaux du laboratoire de psychologie expérimentale, 1910, vol. I, 113—320.
- Miller N. E. Analysis of the form of conflict reactions. *Psychol. Bull.*, 1937, 34, 720.
- et al. A theoretical and experimental analysis of conflict behavior: III. Approach avoidance conflict as a function of strength of drive and strength of shock (неопубликованная работа, см: Miller, 1944).
- Experimental studies of conflict.—In: Hunt J. McV. Personality and the behavior disorders. New York, Ronald Press Co, 1944, 431—466.
- Studies of fear as an acquirable drive: I. Fear as motivation and fear-reduction as reinforcement in the learning of new responses. *J. exp. Psychol.*, 1948, 38, 89—101.
- Comments on theoretical models illustrated by the development of a theory of conflict. *J. Pers.*, 1951, 20, 82—100.
- Приобретенные побуждения и подкрепления. В: Стивенс С. С. Экспериментальная психология. Т. 1, М., 1960.
- Liberalization of basic S—R concepts: extensions to conflict behavior, motivation and social learning.—In: Koch S. Psychology: a study of a science. Vol. II, New York, McGraw-Hill, 1959, 196—292.
- Miller N. E., Bower G. H. Effect of amount of reward on strength of approach in an approach-avoidance conflict. *J. comp. physiol. Psychol.*, 1951, 44, 582—589.
- Miller N. E., Bugelski R. Minor studies of aggression: II. The influence of frustration imposed by the in-group on attitudes expressed toward outgroups. *J. Psychol.*, 1948, 25, 437—442.
- Miller N. E., Kessen M. L. Reward effects of food via stomach fistula compared with those of food via mouth. *J. comp. physiol. Psychol.*, 1952, 45, 555—564.
- Milton J., Hovland C. I. and a. Attitude organization and change (Yale studies in attitude and communication, vol. 3). New Haven, Yale Univ. Press, 1961.
- Montpellier G. de. Conduites intelligentes et psychisme chez l'animal et chez l'homme. Louvain, Public, Univ. de Louvain, 1949, 414 p.
- Montgomery K. C. The relation between exploratory behavior and spontaneous alternation in the white rat. *J. comp. physiol. Psychol.*, 1951, 44, 582—589.
- "Spontaneous alternation" as a function of time between trials and amount of work. *J. exp. Psychol.*, 1951, 42, 82—93.
- A test of two explanations of spontaneous alternation. *J. Comp. physiol. Psychol.*, 1952, 45, 287—293.
- Exploratory behavior and its relation to spontaneous alternation in a series of maze exposures. *J. comp. Psychol.*, 1952, 45, 50—57.
- Moore T. V. The driving forces of human nature. New York, Grune & Stratton, 1948, 461 p.
- Morris S. J. Varieties of human value. Chicago, Univ. of Chicago Press, 1956, 209 p.
- Moskowitz M. J. Running-wheel activity in the white rat as a function of combined food and water deprivation. *J. comp. physiol. Psychol.*, 1959, 52, 621—625.
- Moss F. A. Study of animal drives. *J. exp. Psychol.*, 1924, 7, 165—185.
- Mowrer O. H. Preparatory set (expectancy): a determinant in motivation and learning. *Psychol. Rev.*, 1938, 45, 62—91.
- Anxiety reduction and learning. *J. exp. Psychol.*, 1940, 27, 497—516.

- An experimental analogue of "regression" with incidental observations on "reaction formation".— In: *Learning theory and personality dynamics*. New York, Ronald Press Co, 1950, 361—390.
- Motivation.— In: Stone C. P., Tay D. W. (Eds). *Annu. Rev. Psychol.*, 1952, 3, 419—439.
- Learning theory and behavior. New York, J. Wiley & Sons, 1960, 555 p.
- Muenzinger K. F. Motivation in learning: II. The function of electric shock for right and wrong responses in human subjects. *J. exp. Psychol.*, 1934, 17, 439—448.
- Murphy G. Social motivation.— In: Lindzey G. (Ed.). *Handbook of social psychology*. Cambridge, Addison-Wesley Publishing Company, 1954, vol. 2, 601—633.
- Murphy L. B. *Social behavior and child personality*. New York, Columbia Univ. Press, 1937, 344 p.
- Personality in young children, 2 vol. New York, Basic Books, 1956, 424 p. et 267 p.
- Murray H. A. *Explorations in personality*. New York, Oxford Univ. Press, 1938, 761, p.
- Murray E. J., Berkun M. M. Displacement as a function of conflict. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1955, 51, 47—56.
- Ниссен Г. В. Филогенетическое сравнение.— В кн.: Стивенс С. С. Экспериментальная психология. Т. 1, М., 1960.
- The nature of the drive as innate determinant of behavioral organization.— In: Jones M. R. (Ed.). *Nebraska symposium on motivation*. Lincoln, Univ. of Nebraska Press, 1954, 281—320.
- Nuttin J. Tâche, réussite et échec. Louvain, Publications universitaires de Louvain, 1953, 2e éd. 1961, 530 p.
- Personality. *Annu. Rev. Psychol.*, 1955, 6, 161—186.
- Human motivation and Freud's theory of energy discharge. *Canad. J. Psychol.*, 1956, 10, 167—178.
- Origine et développements des motifs.— Dans: Ancona L. et al., *La motivation*, Paris, P.U.F., 1959, 95—176.
- Nuttin J., Rombauts J. Le niveau d'aspiration en fonction de l'homogénéité et de l'hétérogénéité ethniques du groupe. Louvain, 1962.
- Olds J. Physiological mechanisms of reward.— In: Jones M. R. (Ed.). *Nebraska symposium on motivation*. Lincoln, Univ. of Nebraska Press, 1955.
- Effects of hunger and male sex hormone on self-stimulation of the brain. *J. comp. physiol. Psychol.*, 1958 b, 51, 320—324.
- Olds J., Milner P. Positive reinforcement produced by electrical stimulation of septal area and other regions of the rat brain. *J. comp. physiol. Psychol.*, 1954, 47, 419—427.
- Olds J., Olds M. E. Positive reinforcement produced by stimulating hypothalamus with iproniazid and other compounds, *Science*, 1958 a, 127, 1175—1176.
- Orsini F. Conduite et besoin d'exploration chez les mammifères. *Ann. psychol.*, 1957, 57, 99—119.
- Osgood C. E. Cognitive dynamics in the conduct of human affairs, *Publ. opin. Quart.*, 1960, 24, 341—365.
- Овсянкина М. Die Wiederaufnahme unterbrochener Handlungen. *Psychol. Forsch.*, 1928, 11, 302—379.
- Pastore N. The role of arbitrariness in the frustration-aggression hypothesis. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1952, 47, 728—731.
- Павлов И. П. Собр. соч., т. III, IV, М.—Л, 1951.
- Pepper S. C. *The sources of value*. Berkeley, Univ. of California Press, 1958, 732 p.
- Peryam D. R., Polemis B. W. et al. Food preferences of men in the U. S. Armed Forces. Chicago, U. S. Department of the Army, 1960, 160 p.

- Philipps E. et al. An experimental analogue of reaction-formation, *J. gen. Psychol.*, 1953, 49, 97—123.
- Piéron H. Compte rendu de Leeper, 1935, *Année psychol.*, 1935, 36, 599—601.
- Psychologie zoologiques — Dans: Dumas G. Nouveau traité de psychologie, t. VIII. Paris, P. U. F., 1941, 1—255.
- Les bases physiologiques de la motivation. — Dans: Ancona L. et al. La motivation, Paris, P. U. F., 1959, 35—54.
- Pinneau S. R. The infantile disorders of hospitalism and anaclitic depression. *Psychol. Bull.*, 1955, 52, 429—452.
- Reynolds B. Acquisition of a simple spatial discrimination as a function of the amount of reinforcement. *J. exp. Psychol.*, 1950, 40, 152—160.
- Ribot Th. Psychologie de l'attention. Paris, Alcan, 1888, 14^e ed. 1921, 182 p.
- Richter C. P. Animal behavior and internal drives. *Quart. Rev. Biol.*, 1927, 2, 307—343.
- Increased salt appetite in adrenalectomized rats. *Amer. J. Physiol.*, 1936, 115, 155—161.
- Self-regulatory functions. *Harvey Lectures Ser.*, 1942, 38, 63—103.
- Robaye F. Niveaux d'aspiration et d'expectation. Critères de personnalité, Paris, P. U. F., 1957, 222 p.
- Rosenzweig S. A test for types of reaction to frustration, *Amer. J. Orthopsychiat.*, 1935, 5, 395—403.
- The experimental study of repression. — In: Murray H. A. et al., Explorations in personality. New York, Oxford Univ. Press, 1938, 472—490.
- An experimental study of "repression" with special reference to need-persistent and ego-defensive reactions to frustration. *J. exp. Psychol.*, 1943, 32, 64—74.
- An outline of frustration theory. — In: Hunt J. McV., Personality and the behavior disorders, New York, Ronald Press Co, 1944, 618 p.
- Rosenzweig S., Mason G. An experimental study of memory in relation to the theory of repression. *Brit. J. Psychol.*, 1933—1934, 24, 247—265.
- Rosenzweig S., Mowrer O. H. et al. Frustration as an experimental problem. *Character and Pers.*, 1938, 7, 126—160.
- Rosenzweig S., Rosenzweig L. Aggression in problem children and normals as evaluated by the Rosenzweig P-F study. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1952, 47, 683—687.
- Rotter J. B. Level of aspiration as a method of studying personality: I. A critical review of methodology. *Psychol. Rev.*, 1942 a, 49, 463—474.
- Level of aspiration as a method of studying personality: II. Development and evaluation of a controlled method. *J. exp. Psychol.*, 1942 b, 31, 410—422.
- Russel R. W. The comparative study of "conflict" and "experimental neurosis". *Brit. J. Psychol.*, 1950, 41, 95—108.
- Schachter S. et al. Cross-cultural experiments on threat and rejection, *Hum. Relat.*, 1954, 7, 403—439.
- Schiller C. H. (Ed.). Instinctive behavior: the development of a modern concept. New York, Intern Univ. Press, 1957, 328 p.
- Schreider E. Les régulations physiologiques. Essai de révision biométrique du problème de l'homéostasie. *Biotypologie*, 1958, 19, 127—215.
- Sears R. R. et al. Minor studies of aggression: I. Measurement of aggressive behavior, *J. Psychol.*, 1940, 9, 275—295.
- Survey of objective studies of psychoanalytic concepts. New York, Social Science Research Council, 1943, 156 p.
- Symposium on genetic psychology: 3. Effects of frustration and anxiety on fantasy aggression. *Amer. J. Orthopsychiat.*, 1951, 21, 498—505.
- Seward J. P. et al. The role of prefeeding in an apparent frustration effect. *J. exp. Psychol.*, 1957, 54, 445—450.

- Schefffield F. D, Wulff J. J., Backer R. Reward value of copulation without sex drive reduction, *J. comp. physiol. Psychol.*, 1951, 44, 3—8.
- Shelley H. P. Level of aspiration phenomena in small groups. *J. soc. Psychol.*, 1954, 40, 149—164.
- Шеррингтон Ч. Интегративная деятельность нервной системы, Л., 1969.
- Man on his nature. Cambridge, Univ. Press, 1951, 300 p.
- Shirley M. Studies in activity: II. Activity rhythms; age and activity; activity after rest. *J. comp. Psychol.*, 1928, 8, 159—186.
- Sliosberg S. Zur Dynamik der Ersatzes in Spiel- und Ernstsituationen, *Psychol. Forsch.*, 1934, 19, 122—181.
- Solomon P. et al. (Eds). Sensory deprivation. Cambridge, Harvard Univ. Press, 1961, 262 p.
- Spence K. W. Behavior theory and conditioning. New Haven, Yale Univ. Press, 1961, 262 p.
- Spitz R. A. Hospitalism. An inquiry into the genesis of psychiatric conditions in early childhood. *Psychoanal. Stud. Child*, 1945, 1, 53—74.
- Reply to Dr Pinneau. *Psychol. Bull.*, 1955, 52, 453—459.
- Spitz R. A., Wolf K. M. The smiling response. *Genet. psychol. Monogr.*, 1946, 34, 57—125.
- Стивенс С. С. (ред.). Экспериментальная психология. Т. I, II, М., 1960—1962.
- Sutcliffe J. P. An evaluation of «A new method of analyzing the data in an experiment on "level of aspiration"». *Amer. J. Psychol.*, 1952, 65, 465—469.
- Thackray R. I. Michels K. M. Externally-aroused drives in the Raccoon. *Anim. Behav.*, 1958, 6, 160—163.
- Thiesen J. W. Meister R. K. A laboratory investigation of measures of frustration tolerance of pre-adolescent children, *J. genet. Psychol.*, 1949, 75, 277—291.
- Thomae H. (Ed.). Motivationslehre.—In: Handbuch der Psychologie. Vol. II, Göttingen, Hogrefe, 1963.
- Thorndike E. L. The fundamentals of learning. New York, Teachers College, 1932, 638 p.
- Tolman E. C. Purpose and cognition: the determiners of animal learning, *Psychol. Rev.*, 1925, 32, 285—297.
- Purposive behavior in animals and men, New York Century Co. 1932, 463 p.
- Principles of purposive behavior.—In: Koch S. Psychology, a study of a science. Vol. II, New York, McGraw-Hill, 1959, 92—157.
- Tolman E. C., Krechesky I. Means-end-readiness and hypothesis. A contribution to comparative psychology. *Psychol. Rev.*, 1933, 40, 60—70.
- Troland L. T. The fundamentals of human motivation. New York, D. van Nostrand, 1928, 521 p.
- Motivational psychology.—In: Murchison C. Psychologies of 1930. Worcester, Clark Univ. Press, 1930, 497 p.
- Valentini E. Tendenza aggressiva e accertamento precoce del sesso nel pavoncello. Roma, Pontificae Academiae, 1951, 301 p.
- Modalita di comportamento aggressivo del pavoncello maschio adulto e loro analisi quantitativa. Roma, Istituto di psicologia, 1957, 129 p.
- Veroff J., Wilcox S., Atkinson J. W. The achievement motive in high school and college age women. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1953, 48, 108—119.
- Viteles M. S. Motivation and moral in industry. New York, W. W. Norton & Co, 1953, 510 p.
- Wagner A. R. The role of reinforcement and non-reinforcement in an "apparent frustration effect". *J. exp. Psychol.*, 1959, 57, 130—136.
- Wang G. H. Relation between "spontaneous" activity and oestrus cycle in the white rat. *Comp. Psychol. Monogr.*, 1923, 2, 6.
- Warden C. J. Animal motivation: experimental studies in the albino rat. New York, Columbia Univ. Press, 1931, 502 p.

- Warden C. J., Aylesworth M. The relative value of reward and punishment in the formation of a visual discrimination habit in the white rat. *J. comp. Psychol.*, 1927, 7, 117—127.
- Warner L. H. A study of sex behavior in the white rat by means of the obstruction method. *Comp. psychol. Mon.*, 1927, 4, № 22, 1—68.
- A study of hunger behavior in the white rat by means of the obstruction method. *J. Comp. Psychol.*, 1928, 8, 273—299.
- A study of thirst behavior in the white rat by means of the obstruction method. *J. genet. Psychol.*, 1928, 35, 178—192.
- Warren R. P., Pfaffmann C. Early experience and taste aversion. *J. comp. physiol. Psychol.*, 1958, 52, 263—266.
- Watson J. B. Behaviorism. New York, People's Inst. Publ. Co, 1924, 254 p.
- Conditioned emotional reaction. *J. exp. Psychol.*, 1920, 3, 1—14.
- Watson J. B., Rayner R. Conditioned emotional reaction, *J. exp. Psychol.*, 1920, 3, 1—14.
- Watson R. E. Experimentally induced conflict in cats, *Psychosom. Med.*, 1954, 16, 340—347.
- Watt H. J. Experimentelle Beiträge zu einer Theorie des Denkens. *Arch. ges. Psychol.*, 1905, 4, 289—436.
- Weiss W., Fine B. J. Opinion change as a function of some intrapersonal attributes of the communicatees, *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1955, 51, 246—253.
- Wexler D. et al. Sensory deprivation, *A.M.A. Arch. of Neurol. and Psychiat.*, 1958, 79, 225—233.
- Whiting J. W. M., Child I. L. Child training and personality: a cross-cultural study. New Haven, Yale Univ. Press, 1953, 353 p.
- Wiener N. Some maxims for biologists and psychologists, *Dialectica*, 1950, 4, 186—191.
- Woodworth R. S. Dynamic psychology. New York, Columbia Univ. Press, 1918, 210 p.
- Reinforcement of perception. *Amer. J. Psychol.*, 1947, 60, 119—124.
- Dynamics of behavior. New York, Henry Holt & Co, 1958, 403 p.
- Woodworth R. S., Schlosberg H. Experimental psychology. New York, Henry Holt, 1954, 948 p.
- Wright H. F. The effect of barriers upon strength of motivation.— In: Barker R. G., Kounin J. S., Wright H. F. (Eds), Child behavior and development. New York, McGraw-Hill, 1943, 379—410.
- Wright W. R. Some effects of incentives on work and fatigue. *Psychol. Rev.*, 1906, 13, 23—34.
- Young P. T. Motivation of behavior. New York, J. Wiley & Sons, 1936, (2 ed. 1948), 562 p.
- The experimental analysis of appetite. *Psychol. Bull.*, 1941, 38, 129—164.
- Motivation and emotion: a survey of the determinants of human and animal activity, New York, J. Wiley & Sons, 1961, 648 p.
- Zeaman D. Response latency as a function of the amount of reinforcement, *J. exp. Psychol.*, 1949, 39, 466—483.
- Зейгарник Б. Das Behalten erledigter und unerledigter Handlungen. *Psychol. Forsch.*, 1927, 9, 1—85.

Г л а в а XVI

ЭМОЦИИ

Поль Фресс

СОДЕРЖАНИЕ

I. Природа эмоций	112
§ 1. Двойственность эмоций, 112; § 2. Теория У. Джемса, 113; § 3. Возражения против теории У. Джемса, 114; § 4. Эмоция как поведение, 116; § 5. Уровни активации, 118; § 6. Мотивация и эмоция, 119; § 7. Оптимум мотивации, 120; § 8. Вариации оптимума. Закон Йеркса — Додсона, 123; § 9. Нарушение адаптации и эмоциональная организация, 125; § 10. Социальное значение эмоций, 127; § 11. Нервные центры эмоций, 128.	
II. Эмоциогенные ситуации	133
§ 1. Недостаточность приспособительных возможностей, 133; § 2. Избыточная мотивация, 137; § 3. Условные эмоции, 142; § 4. Заразительность эмоций, 143; § 5. Хронические эмоции. «Стресс», 144.	
III. Эмоциональные реакции	145
§ 1. Генезис эмоциональных реакций, 145; § 2. Деградация действия. Регрессии, 149; § 3. Специфические эмоциональные реакции, 150; § 4. Вегетативные реакции, 151; § 5. Мышечное напряжение и двигательное возбуждение, 155; § 6. Вегетативные и двигательные реакции, 160; § 7. Внешние проявления эмоций, 162; § 8. Осознаваемые реакции, 173; § 9. «Паттерны» реакций, 174; § 10. Повторяемость эмоций и психосоматические эффекты, 177.	
IV. Эмоциональность	181
§ 1. Эмоциональность как черта личности, 181; § 2. Компоненты эмоциональности, 182; § 3. Эмоциональные конституции, 184; § 4. Приобретенная эмоциональность, 186; § 5. Эмоциональная зрелость, 188.	
Библиография	188

1. ПРИРОДА ЭМОЦИИ

§ 1. Двойственность эмоций

С давних пор человек проявлял больше интереса к контролю над своими страстями, чем к познанию эмоций. Однако с тех пор, как встал вопрос о природе эмоций, особенно в послекартезианский период господства дуализма, человек, вполне естественно, не мог не заметить двойственного характера эмоций, о котором свидетельствовал его опыт: с одной стороны, аффективное волнение, с другой — его органические проявления.

Эта двойственная природа эмоций озадачивала философов и психологов. В XVIII и XIX вв. не было единой точки зрения на эмоции. Самой спонтанной и распространенной была интеллектуалистическая позиция: органические проявления — следствие психических явлений. Герbart (1824—1825) дал наиболее четкую формулировку этой теории. Фундаментальным психологическим фактом является представление. Чувства соответствуют связи, которая устанавливается между представлениями. Эмоция — это психическое нарушение, вызываемое рассогласованием, как сказали бы мы сегодня, конфликтом между представлениями. Образ моего умершего отца, сравниваемый с образом живого, порождает у меня печаль. В свою очередь это аффективное состояние произвольно, почти рефлекторно вызывает слезы и вообще органические изменения, характеризующие скорбь.

Эта традиция не является единственной. Сенсуалисты XVIII в. Ламетри, Кабанис, а также Биша и Бюффон более или менее определенно говорили о влиянии органических реакций на психические явления. Одно из наиболее характерных высказываний принадлежит Дюфуру (1883)¹: «...Разве я недостаточно доказал, что источник нашей естественной склонности к страстям лежит совсем не в душе, а связан со способностью вегетативной нервной системы сообщать мозгу о получаемом ею возбуждении, что если мы не можем произвольно регулировать функции кровообращения, пищеварения, секреции, то нельзя, следовательно, в таком случае объяснять нашей волей нарушения этих функций, возникшие под влиянием страстей» (р. 388).

Существовала также немецкая традиция, представленная, в частности, Фолькманом (1885). Однако во второй половине XIX в. наибольшее распространение в Германии получила, очевидно, точка зрения Вундта. Вундт придерживался той же линии, что и Герbart, но его концепция была более эклектичной.

¹ Эта цитата приводится Титченером (1914), который высоко ценил сенсуалистическую традицию, пытаясь тем самым доказать, что У. Джемс не открыл ничего нового.

Эмоции — это прежде всего внутренние изменения, характеризующиеся «непосредственным влиянием чувств на течение представлений и в некоторой степени влиянием последних на чувств» (1886, II, р. 371). А телесные реакции? Вундт видит в них лишь «следствие», хотя допускает, что эти «телесные следствия эмоций влияют в свою очередь на движения души» (1886, II, р. 374). В его лаборатории в Лейпциге для изучения эмоций применялось два метода, соответствующие двум сторонам эмоции: *импрессивный*, основанный на интроспекции, и *экспрессивный*, состоящий в регистрации органических реакций, главным образом дыхания и пульса (Lehmann, 1892).

§ 2. Теория У. Джемса

Современная история эмоций начинается с появления в 1884 г. статьи У. Джемса «Что такое эмоция». Впервые автор сформулировал ясную, связную теорию эмоций, которую он развивал и защищал в течение почти 20 лет. Вот как резюмирует ее сам Джемс в своей «Психологии» (1905, стр. 322): «Обыкновенно принято думать, что в грубых формах эмоции психическое впечатление, воспринятое от данного объекта, вызывает в нас душевное состояние, называемое эмоцией, а последняя влечет за собой известное телесное проявление. Согласно моей теории, наоборот, телесное возбуждение следует непосредственно за восприятием вызвавшего его факта, и сознавание нами этого возбуждения в то время, как оно совершается, и есть эмоция».

Напомним последовательность фаз, указанных выше: 1) восприятие ситуации; 2) органические проявления; 3) осознание этих проявлений. Таким образом, У. Джемс лишь поменял местами вторую и третью фазы интеллектуалистической теории, но остался в рамках дуалистической мысли, и его теория столкнулась со всеми трудностями интроспективной психологии.

В сущности, речь идет о возможности самой теории. Всякое теоретическое утверждение ограничивается лишь теми фактами, которые можно получить путем самонаблюдения.

Сам Джемс не находит другого основания для своей теории. «Если мы представим себе,— пишет он (1905, стр. 325—

¹ В следующем году совершенно независимо от Джемса датчанин Ланге опубликовал работу, переведенную Ж. Дюма в 1894 г. под названием «Эмоции». Теория Ланге, в сущности, не отличалась от теории У. Джемса. Психологически эмоция является лишь осознанием мозговых, мышечных и органических изменений; впоследствии Ланге отметил, что все эти изменения зависят от кровообращения. Это уточнение приближается к утверждению Кеннона о роли кровообращения в распределении адреналина (см. стр. 118—119 и 152).

326), — какую-нибудь сильную эмоцию и попытаемся мысленно вычитать из этого состояния нашего сознания одно за другим все ощущения связанных с ним телесных симптомов, то в конце концов от данной эмоции ничего не останется... Большинство лиц, которых я просил проверить мое положение путем самонаблюдения, вполне соглашались со мною, но некоторые упорно продолжали утверждать, что их самонаблюдение не оправдывает моей гипотезы».

Однако последним Джемс ничего не отвечает. Его теория не может быть ни доказана, ни опровергнута, так как ни одно из ее положений не поддается проверке.

Конечно, следует согласиться с Джемсом, что существует соответствие между переживаемыми нами эмоциями и мимическими и телесными реакциями. Актеры хорошо знают, как трудно воспроизвести внешние признаки одной эмоции, испытывая при этом другую. А тот, кто может заставить себя улыбнуться сквозь слезы, получает тем самым некоторое облегчение. Использование методики гипноза позволяет обнаружить те же самые феномены: человек не может выполнить движение, характерное для одного вида эмоций, и одновременно переживать другую эмоцию. Он либо меняет движение, либо оказывается неспособным испытать новую, внушенную ему эмоцию (Bull, 1951). Но эти факты позволяют лишь констатировать, что существует связь между двумя — органическим и психическим — аспектами эмоции. Однако Джемс утверждает большее: осознание органических изменений и есть эмоция.

§ 3. Возражения против теории У. Джемса

Поскольку эта теория не может быть ни доказана, ни опровергнута, возражениям против нее недостает обоснованности. Однако, так как они периодически возрождаются, полезно рассмотреть их несколько подробнее.

Одно из таких возражений сформулировал сам Джемс: эмоция усиливается, когда задерживается ее физическое проявление (попытка удержаться от смеха). Наоборот, известно, что рыдания приносят некоторое облегчение. Джемс легко опровергает эти мнимые возражения против своей теории, замечая, что «во время экспрессии эмоция всегда чувствуется. После экспрессии... мы более не испытываем эмоции». С другой стороны, первоначальная эмоция может превратиться в другую эмоцию в результате изменения ее органических проявлений. Так, попытка подавить смех может вызвать другую эмоцию, при которой реакции, не находящие внешнего выражения, могут быть гораздо интенсивнее, чем те, которые проявляются вовне.

Другие возражения были резюмированы и формализованы Кенноном (1927).

А) Если отделить все афферентные волокна от внутренних органов, то эмоциональное поведение не изменится. Первым, кто попытался проверить теорию Джемса — Ланге путем перерезки шейного отдела спинного мозга и даже двух блуждающих нервов, был Шеррингтон. Еще дальше пошел Кеннон, который удалил даже ганглии. В опытах де Сомера и Хейманса (1912) у собаки и кошки были полностью отделены головы от туловища, и процессы жизнедеятельности поддерживались за счет перекрестного кровообращения с другими животными того же вида. Во всех этих случаях у животных при наличии эмоционального стимула наблюдалась вся гамма мимических проявлений эмоций — страха, отвращения, гнева и т. д.

Это возражение не является убедительным, так как подобные эксперименты, поставленные на животных, не позволяют делать выводы относительно человека. Мы не можем знать, испытывает животное эмоцию или нет. Можно наблюдать лишь мимические проявления эмоций. Однако было бы грубой ошибкой считать, что для Джемса эти мимические реакции представляют собой выражение, экстериоризацию состояния сознания, тогда как источник эмоций надо искать во внутренних органах. Напротив, мимические реакции составляют лишь часть этих вызывающих эмоцию периферических реакций. В сущности, даже сильная анестезия никогда не является полной, и черепные нервы продолжают передавать сообщения в кору. Таким образом, подобные эксперименты не дают нам возможности высказаться за или против теории Джемса.

Б) Одни и те же диффузные висцеральные реакции наблюдаются при разных эмоциях; кроме того, эти реакции обнаруживаются при таких органических состояниях, которые нельзя отнести к эмоциям. Первая часть этого возражения не является вполне обоснованной, и в дальнейшем (стр. 174) мы рассмотрим вопрос, существуют ли специфические паттерны эмоциональных реакций. Ответ будет, очевидно, утвердительным, если не отделять, как это и делал Джемс, висцеральные реакции от реакций поперечно-полосатой мускулатуры.

Вторая часть возражения имеет лишь косвенное отношение к теории Джемса. Последний никогда не говорил, что любое органическое изменение является источником эмоций.

В) Внутренние органы обладают относительно малой чувствительностью. Это верно, и повседневные наблюдения убеждают нас в том, что вегетативная нервная система при нормальном функционировании не является источником ощущений. Наоборот, в случае внезапных сосудодвигательных, пищеварительных расстройств, расслабления сфинктеров возникают диффузные — иногда очень сильные — ощущения. Кроме того, Джемс

никогда не сводил органические источники эмоций к внутренним органам. Он говорил о таких поведенческих реакциях, как бегство, смех, скрежет зубов, которые непосредственно не определяются вегетативной нервной системой.

Г) Наконец, искусственно вызываемые висцеральные изменения, характерные для некоторых эмоций, не влекут за собой непосредственно эмоцию, как таковую. Так, инъекция адреналина лишь повышает специфическую восприимчивость, увеличивающую вероятность возникновения эмоции, а не вызывает ее непосредственно. Между ощущением органических реакций и переживанием эмоций не существует параллелизма.

Следует, однако, повторить, что Джемс никогда не говорил, что любое органическое нарушение является источником эмоций. Нельзя забывать, что для Джемса диада органические реакции — переживаемая эмоция всегда была неотделима от ее причины: *восприятия* объекта. А поскольку под объектом, как он отмечал уже в 1894 г. (см. 1910, р. 144), следует понимать «ситуацию в целом», со всеми ее возможными воздействиями на субъекта, то речь идет о *восприятии ситуации*. Если бы Джемс уточнил характер связи между восприятием конкретного объекта и реакциями субъекта, его можно было бы считать основоположником современных концепций. Его заслуга состоит в том, что он подчеркивал, что органические реакции являются непосредственным результатом восприятия ситуации, а не эпифеноменом или следствием состояния духа.

§ 4. Эмоция как поведение

Идею о том, что эмоцию следует рассматривать не как психическое состояние, а прежде всего как ответ организма на ситуацию, можно найти уже у Дарвина. Впрочем, такая позиция является естественной для того, кто исходит из исследования лишь поведенческих реакций животного. Согласно Дарвину (1872), большая часть эмоциональных реакций объясняется либо тем, что они полезны (выражение гнева пугает врага), либо просто тем, что они являются рудиментами движений, которые были целесообразны на предыдущей стадии эволюции¹. Так, если руки становятся влажными при страхе, то это значит, что некогда у наших обезьяноподобных предков эта реакция при опасности облегчала схватывание за ветви деревьев. Дьюи (1894—1895) поставил вопрос о значении эмоций, и его функционализм позволил ему частично избежать дуализма, усугубляв-

¹ Дарвин установил также два других принципа, представляющих меньший интерес. Согласно второму, или принципу антитезы, некоторые выразительные движения эмоций являются просто противоположностью, с физической точки зрения, полезной эмоции. Третий принцип объясняет бесполезные реакции особенностями строения нервной системы.

шего бесплодную дискуссию. В каком-то смысле он сочетал взгляды Дарвина и Джемса. Он вообще не ставил вопрос о хронологическом порядке фаз эмоции. Существует инстинктивная координация между актом восприятия и реакциями организма, причем восприятие как активный процесс предполагает, что объект или ситуация воспринимается не только как таковой, но и в своем эмоциональном значении: мы воспринимаем медведя не только как медведя, но и как опасное животное. Однако Дьюи идет еще дальше. «Главное — это способ поведения, одновременно с ним возникают мысль и эмоциональное возбуждение... Они отражают напряжение стимула и ответа, координация которых и определяет модальность поведения» (1895, р. 19). Любой акт имеет две стороны, о которых мы уже говорили, но эмоция возникает лишь тогда, когда осуществление инстинктивных действий, привычных или произвольных форм поведения наталкивается на препятствие. Драться, спастись — сами по себе эти акты не влекут за собой эмоции, если они осуществляются в обычных условиях; но, как только возникает затруднение, человек, стремясь адаптироваться к условиям жизни, испытывает эмоцию. «Психологически эмоция — это адаптация или напряжение привычек и идеала, а органические телесные изменения, строго говоря, являются проявлением борьбы за адаптацию» (1895, р. 30).

Эта конфликтная теория эмоций значительно ближе к самым современным представлениям. Она была воспроизведена, в частности, Клапаредом (1928). «Эмоции возникают лишь тогда, когда по той или иной причине затрудняется адаптация. Если человек может убежать, он не испытывает эмоции страха» (р. 127).

Уотсон (1919) пошел еще дальше: неважно, что мы испытываем. Эмоции — это реакции организма, то есть «совокупность врожденных реакций, предполагающих глубокие изменения всего телесного механизма, и в особенности висцеральных и секреторных систем».

Итак, идея была сформулирована: эмоция — это реакция организма на ситуацию. Непосредственным результатом этой теории было усиление направления, ведущего свое происхождение от Джемса и занимавшегося не столько психологией, сколько физиологией эмоций (Шеррингтон, Кеннон, Бард и др.). При этом психология эмоций вообще отрицалась. Углублением нашего понимания эмоций мы обязаны исследованиям французских авторов, выполненным в области психопатологии или психофизиологии.

Значительный шаг вперед в изучении эмоций сделал П. Жане¹. Прежде всего он говорит об «эмоции как поведении». Он при-

¹ Я цитирую П. Жане по работе, опубликованной в 1928 г. и являющейся обобщением его взглядов. Однако сам он отмечал, что эта проблема занимала его очень давно.

шел к такому пониманию вследствие того, что патопсихология и психология животных предостерегают от злоупотребления интроспекцией и физиологическими упрощениями. «Эмоция,— говорит П. Жане,—...возникает непосредственно из восприятия ситуации» (р. 458). Сначала он рассматривает ее влияние на действия. «Эмоция, по-видимому, наделена способностью к диссоциации, нарушению, эмоция — это главным образом дезорганизующая сила» (р. 464). И далее: «Именно это резкое нарушение адекватного действия, любого поиска адаптации, эта дезорганизация, распространение возбуждения на весь организм, которые кажутся нам феноменом, совершенно отличным от других регуляций, и характеризуют эмоцию» (р. 467).

Так, эмоция вызывает нарушения памяти, навыков и вообще замену трудных действий более легкими. Достаточно сказать, что «дезорганизация высших действий не является механическим результатом событий, а вызывается активной реакцией субъекта» (р. 472).

Пьерон (1928), изучавший, в частности, автономные реакции краба, поставил вопрос о природе эмоций. «Она состоит, в сущности, в необычайной разрядке нервной энергии, в разрядке, превышающей то количество энергии, которое тратится при обычных реакциях индивида, и она может возникать даже тогда, когда нет причин для реакции» (р. 294).

Благодаря Жане был сделан решающий шаг. Эмоция не сводится к внутреннему переживанию или к физиологическим нарушениям, и тем самым вопрос о первичности одной из ее сторон не является больше проблемой. Эмоция — это реакция всей личности (включая организм) на те ситуации, к которым она не может адаптироваться, и она имеет преимущественно функциональное значение.

§ 5. Уровни активации

Большие успехи в области физиологии эмоций должны были, однако, поставить вопрос о самой специфичности эмоций. С тех пор как психологи обратились к изучению физиологических реакций организма (дыхания, частоты пульса, артериального давления, КГР, биохимических и секреторных реакций), они пришли к выводу, что усиление этих физиологических проявлений происходит еще до того, как субъект испытывает эмоцию. Постепенно они приходили к мысли, что существуют различные уровни активации поведения и что эмоция — это просто реакция, соответствующая очень сильной активации.

Эта идея была сформулирована Кенноном в 1915 г. Действительно, он обнаружил, что у кошки выделение адреналина надпочечниками возрастает при малейшем движении, усиливается

одновременно с активностью животного и становится очень большим, когда кошка видит собаку. Исходя из этих фактов, Кеннон развил свою теорию реакции тревоги (emergency reaction): физиологические изменения являются подготовкой к выполнению действий, к энергетическим потребностям, возникающим при страхе, гневе или боли. Конечно, выделение адреналина само по себе является лишь результатом возбуждения симпатической нервной системы, однако оно усиливает и направляет этот процесс.

Достоинство этой теории состоит в том, что она подчеркивает роль «энергетической мобилизации», достигающей своей наивысшей степени в эмоции. Это и в самом деле двусмысленное выражение подверглось в 1951 г. критике со стороны Даффи, которая начиная с 1934 г. защищает тезис о континууме различных уровней активности и даже ставит вопрос о полезности понятия эмоции (1941).

Последние открытия в области нейрофизиологии подтвердили и развили эти точки зрения. Действительно, раздражая в восходящем порядке ретикулярную формацию у животного (стр. 129), можно проследить сменяющие друг друга различные состояния — от глубокого сна и промежуточных состояний внимания до состояний ярости или страха. Этим различным стадиям соответствуют физиологические проявления, устанавливаемые посредством ЭЭГ или путем измерения интенсивности кожногальванической реакции (КГР). Отсюда идея рассматривать поведение в зависимости от *уровня активации*, который может постепенно увеличиваться от состояния сна до пароксизмальных состояний. Такова концепция, выдвинутая Линдслеем (1950, 1960), который принимал непосредственное участие в фундаментальных исследованиях Мэгюна. С этой физиологической, в сущности, точки зрения нет больше необходимости рассматривать эмоцию как особый феномен. Эмоциональные реакции являются только одним из крайних значений континуума, в котором можно различить все уровни активации.

Если рассматривать лишь физиологический аспект эмоции, то такой подход является вполне обоснованным. Физиологические эмоциональные реакции отличаются друг от друга не качественно, а лишь количественно, причем границу в этом континууме интенсивностей провести невозможно. Однако эти реакции приобретают свое значение лишь в условиях целостного поведения в ситуациях, в которых они были вызваны.

§ 6. Мотивация и эмоция

Психологи, которые интересовались эмоциями главным образом как аффективными переживаниями, часто также были вынуждены рассматривать их как континуум от чувства к эмо-

ции. Эта позиция, как и позиция физиологов, вполне понятна. Если рассматривать лишь один аспект эмоциональной реакции, то оказывается, что он является общим как для эмоции, так и для менее интенсивных реакций. Можно ли на этом основании заключить, что вопрос об эмоции — это лишь вопрос о степени реакции?

Вернемся к эмоциональному поведению. Оно встречается, очевидно, лишь тогда, когда мотивация становится слишком сильной. Этимология раньше, чем наука, установила родство между понятиями мотивации и эмоции, которые оба происходят от слова «movege». Мотивация и эмоция приводят в движение организм, но «е» («ex»), имеющееся в понятии «эмоция», указывает на направление движения. Эмоция — это то, что вызывает движение «вовне», и общепринятое употребление этого слова подтверждает такую интерпретацию.

Между мотивацией и эмоцией имеются сходство и различие. Чтобы произошла адаптация к возникающим перед нами задачам, необходима достаточная мотивация. Однако если мотивация слишком сильна, мы лишаемся части наших возможностей, и адаптация становится менее адекватной действительности. Тогда в деятельности появляются признаки эмоций и иногда адаптивное поведение нарушается, полностью замещаясь эмоциональными реакциями.

Существует оптимум мотивации, за пределами которого возникает эмоциональное поведение. Понятие оптимума мотивации связано с адекватностью или неадекватностью реакций ситуации. Эта связь соответствует отношению между интенсивностью мотивации и реальными возможностями субъекта в конкретной ситуации. Как говорил Хоудж (1935), «эмоциональные реакции обратно пропорциональны способности высших мозговых центров противостоять данной ситуации». Психоналитики, пользуясь своим словарем, утверждают то же: «В общем необычно сильную эмоциональную реакцию можно рассматривать как «производную» от чего-то такого, что в прошлом было подавлено... Эмоциональные вспышки возникают тогда, когда обычный контроль «Я» становится недостаточным: а) из-за чрезмерного усиления возбуждения или б) предшествующей блокады состояния разрядки (Fenichel, 1953, p. 24).

Такое понимание вполне согласуется с существованием континуума как в плане внутренних переживаний — от слабых чувств к сильным, — так и в физиологическом плане — от слабой активации к сильной.

§ 7. Оптимум мотивации

Идея оптимума мотивации, в сущности, столь же стара, как и человеческая мысль, и моралисты всегда осуждали чрезмерные страсти, из-за которых человек терял контроль над собой.

Поэтому психологи разных стран признавали, что интенсивная стимуляция отрицательно сказывается на нашей эффективности, точнее говоря, на адаптации к задачам, которые непрерывно ставит перед нами среда. Как говорил в 1920 г. Пьерон, «объективно эмоция, видимо, характеризуется также довольно сильной диффузной реактивностью, которая выходит за рамки ответов, непосредственно соответствующих возбуждению» (1959, 2, р. 149). Даже психологи, признающие континуум активации, отмечают это нарушение адаптации, возникающее, когда интенсивность ситуации становится слишком сильной. Так, Линдслей (1957) показал, что, когда активация становится чрезмерной, эффективность человека ухудшается, появляются признаки дезорганизации и ослабления контроля. Однако экспериментальное доказательство существования оптимума мотивации было получено гораздо позже ввиду трудностей экспериментального изучения эмоций. Первые работы, в которых был выявлен этот оптимум, не касались собственно эмоции, но они установили зависимость между показателем активации и качеством исполнения. Йеркс и Додсон (1908) были первыми, кто обнаружил оптимум мотивации у животных. В следующем параграфе мы вернемся к их важному вкладу в науку. Однако их работы не сразу получили признание. Даффи (1932) установила, что результаты детей, которые были чрезмерно напряжены (напряжение измерялось с помощью динамографа), оказались хуже. Она вновь высказала мысль о существовании оптимума напряжения, зависящего от задачи и индивидов.

Наиболее важный эксперимент был поставлен Фрименом (1940). Он измерял у одного испытуемого время реакции и одновременно уровень сопротивления кожи (КГР). Эти измерения, сделанные на протяжении нескольких дней и в разное время суток, дали результаты, представленные на рис. 1. На нем отчетливо виден оптимум активации. Шлосберг (1954), сомневаясь в этом, повторил эксперимент, измеряя помимо времени реакции тремор руки (амплитуду дрожания); сопоставив эти два измерения с сопротивлением кожи, он получил ту же самую кривую с максимумом.

С этими результатами изучения спонтанного континуума активации, оцениваемой по физиологическим показателям, следует сопоставить данные, свидетельствующие о том, что с усилением мотивации повышается качество исполнения, но до определенного предела: если она слишком велика, исполнение ухудшается.

Это можно наблюдать и в повседневной жизни. Учащиеся теряются на экзамене, военным хорошо известно, что войска лучше маневрируют на учениях, чем в бою. Установлено, что в бою лишь треть солдат стреляет по команде.

Исследование Стеннетта (1957) показывает отношение между активацией, мотивацией и исполнением. Задача была на слухо-

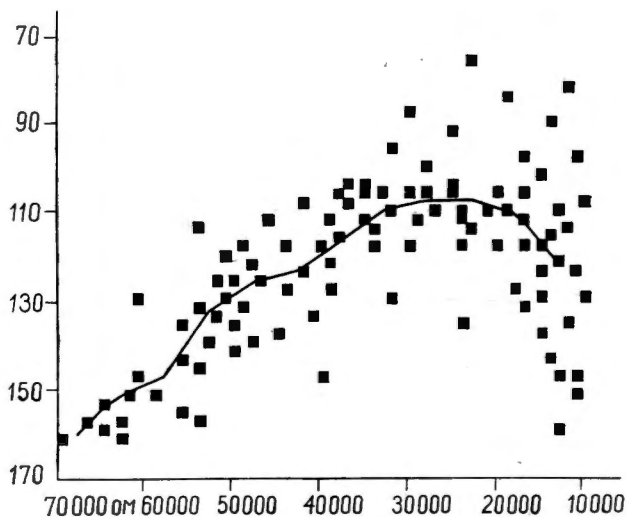

Рис. 1. — Соотношение между величиной сопротивления кожи ладони и временем реакции у испытуемого в различных состояниях бодрствования (по: Freeman G. L., 1940, p. 606).

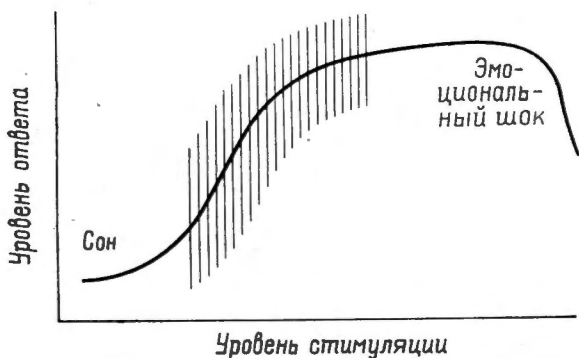
вое слежение (tracking): испытуемый должен был поворачивать ручку так, чтобы исчез звук, при этом точка, соответствующая нулю, периодически перемещалась программистом. После обучения испытуемого вводились три уровня мотивации:

- 1) слабая мотивация: задача представлялась как калибровка прибора;
- 2) средняя: небольшие вознаграждения за успехи;
- 3) сильная: большое вознаграждение за успех, электрические удары за неудачу.

Активация, измеряемая по КГР и тонической активности (ЭМГ активной и неактивной руки), увеличивалась от ситуации 1 к ситуации 3, однако лучшие результаты были получены в ситуации 2.

Фримен (1948, p. 112) обобщил эти результаты и представил их в виде кривой (рис. 2). Он явно связывает ухудшение эффективности с эмоциональной реакцией, чего не было в прежних исследованиях, в которых сильная активация, измеряемая по мышечному напряжению или уменьшению сопротивления кожи, означала только факт превышения оптимума мотивации.

Если точно воспроизвести схему Фримена, то нельзя согласиться со способом выражения переменных, отложенных им на ординатах и особенно на абсциссах. Если принять его формулировку, которая объясняется общей концепцией автора, то окажется, что то, что мы называли уровнем активации, будет

Р и с. 2. — Оптимум реакции (по: Freeman G. L., 1948, p. 114).

просто энергетическим эффектом стимуляции. Эта узкобихевиористская точка зрения не согласуется с психологическими фактами и даже с данными нейрофизиологии, которые показывают, что стимуляция воздействует на ретикулярную формацию в зависимости от чувствительности субъекта.

Хебб (1955) подчеркивает, что ситуация оказывает двоякое действие на нервную систему. Она дает субъекту информацию (cue function), а также посредством восходящей ретикулярной системы определяет уровень активации (arousal). Если этот уровень повышается и более сложная ситуация требует более тонкой адаптации, то происходит взаимодействие двух систем (cue function и arousal) и при наличии тревожных и эмоциональных реакций наблюдается ухудшение исполнения. Таким образом, Хебб получил кривую, которая имела такую же форму, что и кривая Фримена, хотя он стоял на совершенно иной позиции.

Мальмо (1959) также предложил аналогичную кривую, устанавливая зависимость непосредственно между уровнем исполнения и уровнем активации. Ухудшение исполнения при сильной активации, очевидно, связано с природой задачи: замедленные реакции в задачах, требующих быстроты; неловкость, когда надо быть точным; более медленное научение, более низкое качество интеллектуальных решений. Нарушение адаптации может выражаться не только в количественной, но и качественной форме, и, в частности, наблюдается ухудшение во всех областях деятельности. Более подробно на этих аспектах мы остановимся в разделе III при рассмотрении форм эмоциональных реакций

§ 8. Вариации оптимума. Закон Йеркса — Додсона

Оптимум мотивации изменяется, очевидно, при каждой задаче. Йеркс и Додсон провели в 1908 г. важный эксперимент, ко-

Рис. 3. Схема, иллюстрирующая закон Йеркса—Додсона (по: Young P. T., 1943, p. 307).

✓ который дал одинаковые результаты на крысах, цыплятах, кошках и человеке. Задача состояла в различении двух яркостей, при этом один из ответов произвольно оценивался как неправильный. Задача была более или менее сложной и предполагала три уровня трудности различения. Кроме того, предусматривались три уровня мотивации, а именно: слабый, средний или сильный электрический удар как наказание за ошибки.

✓ Общие результаты представлены на рис. 3. На абсциссе отложены уровни силы электрического удара, на ординате — число проб, необходимых для достижения одного и того же критерия хорошего различения. Три кривые соответствуют трем

уровням трудности задачи. Они показывают, что в каждом случае имеется оптимум мотивации, при котором научение является наиболее быстрым. Однако результаты свидетельствуют также о том, что этот оптимум зависит и от трудности задачи, поэтому закон Йеркса — Додсона можно сформулировать следующим образом: «С увеличением трудности задачи интенсивность наказания, определяющая оптимальную скорость научения, должна приближаться к пороговой величине». Это означает, что в случае трудной задачи оптимум достигается при слабой мотивации, тогда как при легкой задаче он соответствует сильной мотивации. Очевидно, что при легкой задаче избыточная мотивация не вызывает нарушений поведения, но такая возможность возникает при трудных задачах.

✓ Такие же результаты были получены Хаммесом (1956) и Броджерстом (1957) на крысах. Другие исследования показали, что усиление возбуждения, или в более общей форме мотивации, влечет за собой ухудшение исполнения.

✓ Так, Кардо (1961) изучал влияние амфетамина на условную реакцию избегания у крыс. Он установил, что слабые дозы улучшают эту реакцию, тогда как сильные вызывают беспорядочные ответы.

Еще одним подтверждением этого закона являются результаты (Патрида (1934), полученные (на человеке. Испытуемого помещали (в кабину с 4 дверями) из которой он должен был как можно быстрее найти выход). Для этого нужно было определить дверь, которая не запиралась, причем место искомой двери менялось в случайном порядке, но никогда не повторялось два раза подряд. Следовательно, логического решения задачи не существовало, однако испытуемый мог найти более или менее рациональную стратегию. (Если усиливали мотивацию испытуемого (в кабине сверху сыпались гвозди или пропускался слабый электрический ток через пол), решения становились менее рациональными; более стереотипными и в конечном счете (неэффективными.)

§ 9. Нарушение адаптации и эмоциональная организация

Сказанное приводит нас к необходимости высказаться по вопросу, который вызывает горячие споры уже на протяжении 50 лет: является ли эмоция нарушением поведения или, напротив, это организующая реакция?

Дарвин, Кеннон, Липер (1948) считали в целом, что эмоция является полезной и что она представляет собой адаптивный процесс благодаря осуществляемой ею энергетической мобилизации в ответ на требования среды. Напротив, большинство других психологов рассматривают эмоцию как дезорганизацию, нарушение деятельности.

Этот спор возник в основном из-за неточного определения двух терминов: эмоции и организации.

Если под эмоцией понимать уровень активации инстинкта, или в более общей форме мотивации, то тогда именно эмоция определяет адаптацию. Но в таком случае мы не сможем описать и, а fortiori, объяснить тот факт, что сильная мотивация вызывает нарушение поведения, что признавал Липер.

Таким образом, мы утверждаем, что эмоция соответствует такому снижению уровня адаптации, которое наступает, когда мотивация является слишком сильной по сравнению с реальными возможностями субъекта. Эмоция — это страх, гнев, горе, иногда радость, особенно чрезмерная радость. Однако мы в силу бедности языка иногда употребляем термин «эмоция» как синоним «чувства», например в выражении «эстетическая эмоция», или для обозначения любого «душевного движения» субъекта.

Термин «организация» является еще более двусмысленным. Его понимают главным образом как упорядоченность в отличие от дезорганизации. До сих пор мы говорили лишь о снижении уровня исполнения, однако следует считать, что это сни-

жение представляет собой дезорганизацию. Это не значит, что эмоциональная реакция становится неорганизованной, но мы определяем ее место по отношению к хорошему ответу, то есть к реакции, более адекватной данной ситуации. Под реакцией, более адекватной или относящейся к более высокому возможному уровню, согласно теории Жане, мы понимаем реакцию, при которой учитывается максимум данных, то есть такую реакцию, в которой функция реального является наиболее полной. Люди впадают в гнев тогда, когда заменяют словами и жестами усилия, направленные на преодоление имеющихся трудностей (разрешить конфликт, обойти препятствие). Однако эмоциональная реакция, например гнев, характеризуется такой организацией и такими общими чертами, которые наблюдаются в разных состояниях гнева. Она представляет собой также реакцию, адекватную ситуации (ударить по объекту или человеку, который оказывает вам сопротивление), однако уровень ее организации в данном случае ниже по сравнению с тем, каким он мог бы быть, и тем, каким он должен быть, учитывая нормы данной культуры.

Принимая во внимание сказанное, следует, однако, во избежание путаницы уточнить некоторые аспекты того явления, которое Хебб (1949) называет эмоциональным «расстройством».

Подобно тому как существуют различные уровни организации поведения, имеются также разные уровни дезорганизации его.

Возьмем пример с учащимся, сдающим устный экзамен и имеющим избыточную мотивацию по сравнению с его возможностями. При слабом уровне дезорганизации эмоция может выражаться в виде несвойственных ему и излишних вегетативных реакций: влажные руки, общее напряжение, затрудненное пищеварение, возбужденность. Эти органические расстройства, если они не слишком сильны, могут сочетаться с высокой успешностью на экзамене. При более значительном уровне дезорганизации экзаменуемый теряет, приходит в замешательство, нарушения охватывают самую психическую деятельность: неясность мыслей, провалы памяти, вербальные затруднения. Вегетативные проявления становятся еще более сильными: слезы, покраснение или побледнение и иногда даже обморок.

Валлон (1949) в другой связи говорил, что система жизненных отношений нарушается и она как бы заслоняется гипертоническими или гипотоническими проявлениями вегетативной нервной системы.

Вопрос о том, является ли эмоция организующей или дезорганизующей, не следует смешивать с вопросом, полезна она или нет. У животных эмоциональные реакции более стереотипны, чем у человека, и для каждого вида они специфичны. Ярость со-

баки, страх кошки перед собакой, несомненно, полезны для этих видов. У человека же, кроме того, есть возможность иначе использовать те реакции, которые вначале были лишь дезорганизующими.

§ 10. Социальное значение эмоций

Как показали Жане и Валлон, эмоциональный ответ можно рассматривать как форму адаптации к ситуации. Экзаменуемый или особенно экзаменуемая, будучи не в состоянии дать удовлетворительные ответы, стремятся повлиять на преподавателя, воздействуя на его чувства.

Жане (1928, р. 471) приводит историю одной больной, которая, рассказывая ему о своей болезни, разразилась рыданиями и упала в обморок. В каком-то смысле ей было легче, по словам Жане, воздействовать на врача, от которого она ждала помощи, слезами, чем объяснениями.

Капризы ребенка в конечном счете имеют ту же цель. Ребенок очень быстро обнаруживает, что его эмоциональные реакции, связанные с физическим нездоровьем, обладают большой силой воздействия на окружающих вследствие заразительности эмоций (см. стр. 143). И эта почти рефлекторная реакция становится средством воздействия на окружающих. Так, ребенок 5 лет говорит: «Я буду плакать до тех пор, пока ты мне это не дашь».

Как это очень хорошо проанализировал Валлон (1949, р. 75—79), эмоция социализируется благодаря драматизации поведения, и, в частности, мимики, которая становится подлинным языком, более выразительным, чем слова. Нередко вместе с эмоцией возникает желание посмотреть, какой эффект она производит на окружающих.

Эта социализация эмоциональных проявлений возникает по двум направлениям, которые необходимо различать:

а) использование органических проявлений эмоций для воздействия на другого: слезы, которые должны разжалобить; проявления страха, вызывающие к помощи;

б) перестройка поведения, ведущая к преобразованию эмоциональных реакций в реакции, относительно адекватные ситуации.

Плач ребенка, топание ногами, катание по полу в состоянии гнева — вот примеры первого рода; удары по препятствию, будь то физическая преграда или человек, — пример адаптации низкого уровня, выражающейся в агрессивности по отношению к трудности.

В ходе психического развития происходит преобразование эмоциональных реакций. Гудинаф (1931) показала это, проанализировав рассказы матерей 45 детей в возрасте от 7 месяцев до 7 лет 10 месяцев. Женщинам предложили описать состояния

гнева у их детей, всего было получено 2124 описания. Оказалось, что эти состояния можно расклассифицировать в две группы: гнев как ненаправленный взрыв и, напротив, гнев, прямо или чаще всего косвенно направленный на лицо, являющееся причиной гнева. Эта направленность может выразиться, например, в таком действии, как сломать что-либо. В следующей таблице приводятся данные (в процентах) относительно реакций гнева, которые можно с большой вероятностью классифицировать по двум категориям в зависимости от возраста детей.

Возраст	Менее года	От 1 года до 2 лет	От 2 до 3 лет	От 3 до 4 лет	От 4 до 8 лет
Взрывные реакции гнева (в %)	88,9	78,4	75,1	59,9	36,3
Направленные реакции гнева (в %)	0,7	6,3	10,6	25,6	28

По-видимому, человек, будучи не в состоянии управлять некоторыми своими реакциями, в известной мере направляет их на то, чтобы извлечь из самого факта дезорганизации поведения какую-то социальную пользу.

В ходе развития индивид в любом возрасте может неоднократно оказываться в одной и той же эмоциогенной ситуации (школьник, когда его дразнят; юноша в обществе женщины; солдат в бою и т. д.). Вначале беспорядочные нарушения берут верх в поведении индивида, затем постепенно эмоциональные реакции образуют его защитную систему, а иногда они даже исчезают, уступая место реакциям, вполне адекватным ситуации.

Таким образом, признавать роль эмоций — это не значит следовать за Сартром, который, стремясь определить значение эмоции, превращает ее в магическое средство, преобразующее свойства живых существ и вещей. Органические проявления лишь подтверждают «серьезность» эмоций. Однако, как поясняет Симона де Бовуар (1960, р. 134—135), когда Сартр писал свое эссе об эмоции, он вовсе не думал об активности вегетативной системы. Неудивительно, что он оказался на интеллектуалистических позициях! Как бы то ни было, его блестящий очерк гораздо дальше от фактов, чем исследования Жане или Валлона, и оставляет в тени, в частности, социальный аспект эмоций.

§ 11. Нервные центры эмоций

Хотя мы уже касались некоторых физиологических данных, до сих пор мы рассматривали вопрос о природе эмоций в поведенческом плане. Теперь необходимо рассмотреть нейрофизи-

ологические данные, которые были получены главным образом на животных, однако наиболее важные результаты, видимо, могут относиться и к человеку.

А. Реакция ярости

Первые сведения о центрах эмоциональных реакций были получены в опытах на животных с удаленными полушариями (Goltz, 1892; de Barenne, 1919, цит. по: Саппоп, 1928). В ответ на разные стимулы животные обнаруживали признаки ярости, причем физиологи называют яростью как состояние гнева, так и страха, поскольку их трудно различить у животного. На основании этих данных Кеннон построил таламическую теорию эмоций. Однако в 1928 г. Бард, применяя метод экстирпации, показал важность заднего отдела гипоталамуса, объем которого у кошки не превышает $1/4$ см³. Именно в этом центре, являющемся также центром вегетативной нервной системы, и интегрируются реакции ярости.

В то время считали, что это и есть центр эмоций гнева и страха, а кора выполняет по отношению к нему тормозящую и координирующую роль.

Однако успехи в области нейрохирургии и особенно электрофизиологии, связанные с возможностью вживления постоянных электродов у животных или разрушения локальных участков мозга с помощью электрокоагуляции, привели к пересмотру этой схемы.

В 1937 г. Папец, основываясь на клинических наблюдениях, считал, что в кортикальной области должен быть центр, интегрирующий переживания и эмоциональные реакции, которые он гипотетически помещал в поясную извилину или в гиппокамп. Мак-Лин (1949) расширительно толкует эту теорию и говорит о висцеральном мозге, который есть не что иное, как обонятельный мозг, находящийся в тесной связи с гипоталамусом и другими рецепторными зонами коры. В настоящее время известно, что обонятельный мозг имеет отношение не только к функции обоняния, судя по этимологии этого слова, но включает несколько образований, из которых наиболее важным является гиппокамп. Эти глубокие структуры относятся к конечному мозгу, от которого они получают информацию, но они тесно связаны с промежуточным мозгом.

Исследования, проведенные в последние 10 лет, подтвердили роль обонятельного мозга. Имеющиеся в этой области знания, согласно Гасто (1957) и Мэгуну (1965), можно схематизировать следующим образом.

Состояние возбуждения, соответствующее ярости, распространяется по стволу мозга, включая ретикулярную формацию, средний мозг и задний отдел гипоталамуса.

Когда такое возбуждение возникает у децеребрированного животного, оно выражается в реакциях так называемой мнимой ярости (*sham-rage*), или псевдоярости, поскольку они отличаются от реакций, возникающих у нормального животного в тех же ситуациях. Эти реакции более интенсивны, но ограничены временем действия стимула; они носят некоординированный характер, защитные же реакции не адекватны ситуации. Внешние проявления мнимой ярости свидетельствуют также о том, что в действительности животное не испытывает соответствующей эмоции.

Реакции промежуточного мозга зависят от структур обонятельного мозга, которые выполняют как тормозящую, так и активирующую роль. Тормозящая функция была обнаружена в результате экстирпации обонятельного мозга, который повышает пороги реакций ярости, а активирующая — в опытах, в которых стимуляция системы, состоящей из амигдалы, свода и гиппокампа, вызывает у неанестезированного животного реакции страха и гнева.

Наконец, все эти центры эмоций находятся под контролем новой коры, которая, помимо своей общей тормозящей функции, оказывает двоякое действие.

а) Благодаря ей сильно увеличивается число стимулов, вызывающих ярость. Очевидно, сочетание в коре множества рецепторных и ассоциативных зон повышает возможности различения стимулов и обеспечивает эффективность условных раздражителей, деятельность же низших зон мозга осуществляется по принципу рефлекса.

б) Благодаря коре агрессивные формы поведения отличаются большей адекватностью ситуации. Этот факт является очень важным. Так, если декортицированную собаку дернуть за хвост, у нее отмечаются характерные проявления состояния гнева (рычание, обильное слюноотделение, реакции атаки и т. д.), однако они не имеют направленного характера, тогда как у нормального животного все эти реакции направлены на соответствующий объект. Впрочем, эта особенность обнаруживается при раздражении обонятельного мозга. Пьерон (1928) справедливо заметил, что эмоциональные реакции характерны для животных с хорошо развитыми ассоциативными зонами. У других животных имеются более или менее выраженные адаптивные реакции, не обладающие этим характером беспорядочной (по отношению к ситуации) разрядки, свойственным эмоциям. И наконец, у человека эмоции играют наиболее важную и различную роль, и этим он обязан не развитию подкорковых центров, а коре.

Создается впечатление, говорил Пьерон, что ассоциативные центры образуют запас нервной энергии, которая освобождается под действием аффективного шока и распространяется на

вегетативную и двигательную системы. Очевидно, в наше время правильнее было бы сказать, что эти центры в связи с образованием огромного числа условных реакций усиливают действие стимулов, имеющих эмоциогенное значение, и что это усиление делает более трудным приспособление к жизненно важным ситуациям. Вернемся к нашему примеру с экзаменом. Учащийся был бы менее взволнован, если бы он был менее чувствителен ко всей обстановке экзамена и не думал о ближайших и отдаленных последствиях своего провала.

Исследования первой половины XX в. показали роль различных структур мозга в эмоциональном поведении. Однако раздражение с помощью микроэлектродов точно локализованных зон мозга интактного животного позволило также измерить влияние раздражения различных центров: в данном случае используется методика выработки условных реакций. Если безусловная реакция, вызываемая непосредственным раздражением какого-либо центра, может стать условной и возникать при действии нейтрального стимула, то можно допустить, что образовалась связь между двумя соответствующими очагами возбуждения, то есть имеет место кортикальный процесс, который ряд авторов описывает как субъективное переживание. Массерману (1943) не удалось получить условных реакций ярости на нейтральный сигнал, если ярость вызывалась стимуляцией гипоталамуса, однако позднее Дельгадо и его сотрудники (1954, 1955, 1956) показали эффективность непосредственного раздражения спинноталамического пути, задне-вентрального ядра таламуса и гиппокампа (см. Мэгун, 1965). В опытах Лилли (1957) при раздражении гипоталамуса обезьяны сами прерывали ток, как только его интенсивность достигала $\frac{1}{5}$ величины, вызывавшей у них панический страх. Надо допустить, что в этом случае кора получает информацию через раздражение (см. Gastaut, 1957). Наконец, можно добавить, что в плане собственно субъективного переживания стимуляция амигдалы у неанестезированного человека вызывает, помимо характерных соматических и вегетативных реакций, переживание страха (Charman, 1954, цит. по: Gastaut, 1957). В общем считается, что субъективные компоненты эмоций формируются в обонятельном мозге.

До сих пор мы рассматривали лишь реакции ярости, включающие в себя беспокойство, страх и гнев. Мы видели, что они зависят от иерархически организованных структур мозга. Кроме того, важно отметить, что эти реакции, как показал Гасто (1957), в своих примитивных формах являются продолжением и дифференциацией взрывных реакций, обусловленных незапным возбуждением ретикулярной формации нижней части ствола мозга (от основания продолговатого мозга до гипоталамуса).

Б. Реакции удовольствия и радости

Во избежание неясности заметим, что, согласно современным представлениям, удовольствие не является эмоцией, и это справедливо и для сексуального удовольствия (сопровождающегося интенсивными вегетативными соматическими процессами) в условиях нормально протекающего полового акта. Копуляция животных подтверждает такую точку зрения, и интенсивность наших субъективных переживаний не должна вводить нас в заблуждение.

Радость может стать эмоцией, когда из-за ее интенсивности мы теряем контроль над собственными реакциями: свидетельством тому являются возбуждение, бессвязная речь и даже безудержный смех.

До последнего времени нельзя было установить центры каждой из этих реакций. Мы могли вызывать реакции ярости, влечения к чему-то или насыщения, сексуальных побуждений путем локальной стимуляции гипоталамуса, но не могли вызывать реакции радости и даже удовольствия. Однако, как отмечает Делей (1946), Форстер и Гогель уже в 1933 г. показали в ходе операций в области основания мозга, что раздражение гипоталамуса путем сжатия дна 3-го желудочка вызывало эйфорию, характерную для маниакального состояния с его эмоциональным возбуждением, бессвязностью речи, скачкой идей.

Эксперименты Олдса (начиная с 1954 г.), с другой стороны, доказали существование участков, раздражение которых вызывает положительное подкрепление поведения. Олдс вживлял крысе постоянные электроды в область поясной коры, амигдаларный комплекс, перегородку, гиппокамп, ядра таламуса, передний отдел гипоталамуса, то есть в области обонятельного мозга и передней части ствола мозга. Он обнаружил, что животные в опытах с ящиком Скиннера вместо избегания электрических стимуляций пытаются, напротив, нажимать на педаль, получая, таким образом, возможность самораздражения мозга. Частота этих самораздражений меняется в зависимости от локализации электродов и состояния потребности организма, но она может достигать 8000 раздражений в час.

Вполне возможно, что животное раздражает свой собственный мозг в «поисках удовольствия». Можно, таким образом, сказать, что нам известны центры радости¹. Интересно, что раздражение этих центров экспериментатором никогда не вызывало реакций удовольствия, не говоря уже о радости, присущей, видимо, приматам. Во всяком случае реакции смеха, вероятно, зависят от раздражения базальных ядер.

¹ Мак-Лин (1954) также установил, что электрическое или химическое раздражение заднего отдела поясной извилины усиливает реакции удовольствия у кошки, когда ее гладят (Arnold, 1960, II, p. 46).

В заключение мы можем только сказать, что если теперь мы довольно много знаем о центрах страха и гнева, то нам гораздо меньше известно о центрах эмоций радости, однако можно предполагать, что они находятся в тех же самых отделах мозга. Вот почему так легко перейти от смеха к слезам.

II. ЭМОЦИОГЕННЫЕ СИТУАЦИИ

Эмоциогенная ситуация возникает при избыточной мотивации по отношению к реальным приспособительным возможностям индивида. Исходя из этого весьма общего принципа, мы попытаемся определить типы ситуаций, которые наиболее часто вызывают эмоции, особенно у человека.

Однако прежде всего следует подчеркнуть, что не существует эмоциогенной ситуации, как таковой. Она зависит от *отношения* между мотивацией и возможностями субъекта.

Сама мотивация зависит от отношений индивида с его окружением. Конечно, существует общий эффект ситуаций, однако каждый реагирует в зависимости от своих потребностей, своего опыта, своей эмоциональности (см. IV). Здесь же речь пойдет о характеристике наиболее типичных и общих ситуаций, которая, однако, не может быть исчерпывающей. Отметим кстати, что экспериментальная и теоретическая психология интересовалась чаще всего реакциями, а не эмоциогенными ситуациями. Исключения составляют Янг (1943) и Валлон (1949).

Вначале мы попытаемся сгруппировать причины эмоций в две большие категории в зависимости от того, в каком из двух факторов в балансе мотивации и возможностей субъекта быстрее наступает несоответствие.

§ 1. Недостаточность приспособительных возможностей

Эмоция возникает часто потому, что субъект не может или не умеет дать адекватный ответ на стимуляцию. Нерешительность человека, захваченного врасплох, превращается в эмоциональные реакции под прямым влиянием побуждения к действию, которое не находит выхода в реальной ситуации (Wallon, 1949, p. 67).

В целях классификации разнообразных ситуаций мы сгруппируем их по трем рубрикам: новизна, необычность, внезапность, сознавая, что многие ситуации обладают несколькими из этих признаков.

А. Новизна

Ситуации являются новыми, когда мы совсем не подготовлены к встрече с ними. Возникающее возбуждение может разрядиться лишь в виде эмоциональных реакций. Хороший пловец,

услышав призыв о помощи, не испытывает или почти не испытывает эмоции, он плывет, но зритель, не умеющий плавать и остающийся пассивным на берегу, волнуется.

Это правило объясняет, с одной стороны, почему чем младше ребенок, тем больше эмоций он испытывает. С самого рождения и до юношеского возраста он непрестанно сталкивается с ситуациями, на которые у него еще нет приобретенной системы ответов. Младенец, погруженный в слишком горячую ванну, кричит, в то время как взрослый просто делает воду более прохладной. Этим объясняется также тот факт, что повторение первоначально новой ситуации приводит к ослаблению эмоций и даже к их исчезновению, поскольку индивид может постепенно вырабатывать адекватные схемы реакций. Этот принцип объясняет также, почему животные испытывают меньше эмоций, чем люди. В самом деле, животные обладают схемами инстинктивных реакций почти на все раздражения, к которым они чувствительны. Чем больше роль научения в выработке адекватных ответов, тем больше возможность оказаться в новых ситуациях, порождающих эмоциональные реакции.

По мере выработки адекватной реакции происходит уменьшение эмоциональных реакций. В качестве примера рассмотрим реакцию избегания вредного стимула. Животное помещают в станок, одной лапой оно опирается на пластину, по которой пропускают электрический ток. Электрическому удару, вызывающему болевые реакции, предшествует звонок или свет. Вначале, когда животное замечает сигнал, оно волнуется, проявляя в условиях этой новой ситуации сильное беспокойство, затем постепенно оно адаптируется и научается с появлением сигнала спокойно поднимать лапу, чтобы избежать электрического удара.

Влияние новизны получило подтверждение в эксперименте Хебба (1946) на обезьянах. 30 шимпанзе показывали различные неподвижные или движущиеся объекты, изображавшие животных, отдельные части тела шимпанзе или человеческие головы. Обезьяны пугались неподвижных или расчлененных тел. Хебб объясняет возникновение этого страха новой стимуляцией, к которой высшие центры не адаптировались, то есть дает такое же объяснение, которое было приведено нами выше.

Б. Необычность

Есть ситуации, которые даже при повторении будут всегда новыми, потому что на них нет «хороших ответов». Так, сильный шум в любом возрасте вызывает эмоциональную реакцию. Последняя, очевидно, сильнее у очень маленького ребенка прежде всего потому, что эмоции интенсивнее тогда, когда еще не развиты тормозящие силы, создаваемые воспитанием, а так-

же потому, что резкий шум вызывает тоническую реакцию архаического типа, «причина которой в этом возрасте, когда слуховые волокна еще не миелинизированы, связана скорее с колебанием звука, чем с самим звуком, скорее с совместной работой слухового и лабиринтного аппарата, чем с собственно слухом» (Wallon, 1949, p. 100).

Такова же реакция и на потерю опоры, которую Уотсон относил к первичным эмоциям и даже рефлексам. С возрастом эта реакция изменяется во всех своих модальностях, однако ее эмоциональный характер не исчезает. Любая «неустойчивость позы» вызывает реакцию страха, замечает Валлон.

К этим необычным ситуациям относятся также и те, которые, несмотря на возможные изменения, остаются потенциально неопределенными, это темнота, в меньшей степени одиночество (которого также боятся шимпанзе) и образы воображения.

Валлон также подчеркивает (p. 102), что у ребенка необычное может возникнуть в результате соединения знакомого и незнакомого. Ребенок может быть испуган, если, против обыкновения, он увидит мать с перчатками или в шляпе. Он пугается звука, издаваемого безобидной куклой. Его привычные представления нарушаются, ребенок оказывается неподготовленным к необычным ситуациям. Последние могут даже сильнее взволновать его, чем совершенно новые стимуляции, вызывающие лишь любопытство. Эти случаи хорошо согласуются с теорией Хебба (1949), который объясняет происхождение эмоций нарушением последовательности фаз реакции.

Очевидно с возрастом и накоплением опыта ребенок реже сталкивается с новыми и необычными ситуациями. Рис. 4 показывает относительную частоту пугающих ситуаций для детей различного возраста. Развитие ведет к уменьшению причин страха, однако оно и создает их, особенно благодаря тому, что у ребенка появляются новые возможности предвидеть опасность, но еще не выработано достаточно средств для подавления страха перед воображаемой неопределенностью.

В. Внезапность

«Удивление — важная причина эмоций» (Janet, 1928, p. 491). Эмоция, вызываемая удивлением, является одной из самых известных и относится к числу наиболее изученных в лабораторных условиях. Чтобы понять ее специфику, следует отличать ее от новых и необычных стимуляций, внезапность которых часто усиливает их эмоциогенность. Пример из области патологии, приведенный Жане (1928, p. 491), подтверждает это. Молодая женщина ждала мебель, которую она заказала и ко-

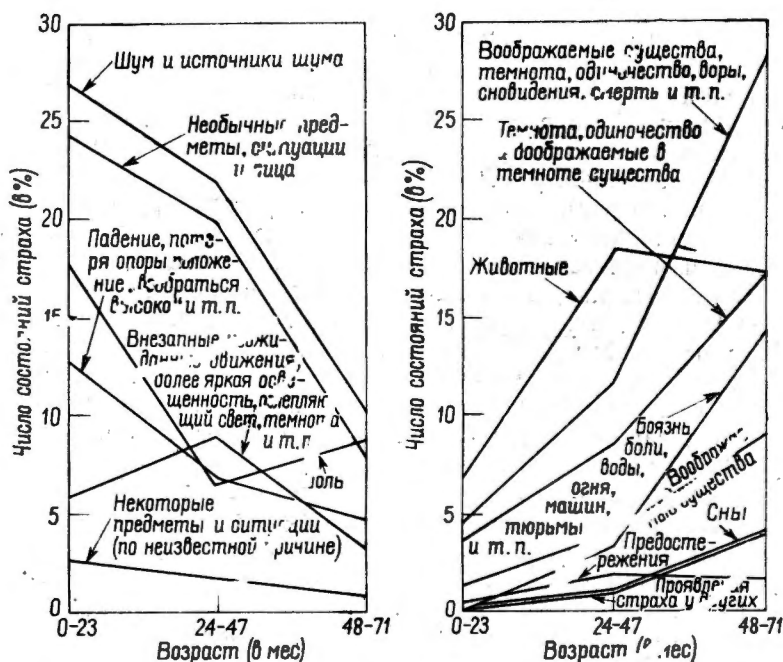

Рис. 4. — Относительная частота различных ситуаций, вызывающих страх у детей в зависимости от возраста; по результатам наблюдений родителей и воспитателей в течение 21 дня (соответственно по возрастам детей было получено 31, 91 и 24, или всего 146 описаний). Рядом приводятся данные несистематических наблюдений за 117 детьми (соответственно 27, 67 и 23 описания) (по: Carmichael L., Manuel de psychologie de l'enfant, Paris, 1942, t. III p. 1210).

торую очень хотела иметь. Неожиданно эту мебель доставили слишком рано, и вместо того, чтобы испытать чувство удовольствия, женщина была очень взволнована. Сама она объясняет так: «Если бы меня предупредили, если бы я увидела машину в окно, я бы не заболела». Здесь явное несоответствие между ритмом ответа и стимуляции. В этом случае возможности адаптации существуют, однако внезапность стимуляции мешает им реализоваться. Хорошо известно, что нужно подготовить друзей к плохим новостям, а иногда и к сильным радостям, если мы хотим уберечь их от эмоциональных переживаний.

Реакции на новизну, необычность, внезапность сходны между собой. Наиболее простая их форма соответствует генерализованному возбуждению. Гасто (1957) показал, что реакция удивления представляет собой первичную эмоциональную реакцию, которая соответствует просто возбуждению ретикулярной формации.

Возбуждение является своего рода формой возникновения любой эмоции. «Возбуждение — это наш ответ на ситуацию, вызывающую, по нашему мнению, нечто иное, чем простой и привычный ответ», — говорил Стрэттон (1928), который показал, что возбуждение затем дифференцируется по двум полюсам — состоянию депрессии и душевного подъема.

Эта схема была применена Бриджесом (1932) к генетическому развитию эмоций. Первые реакции младенца представляют собой недифференцированное возбуждение, постепенно они дифференцируются. При новых и внезапных стимуляциях развитие идет от более сильного страха к менее сильному.

§ 2. Избыточная мотивация

Что касается возможностей субъекта, то при прочих равных условиях все, что вызывает сильную мотивацию, или, точнее, избыточную мотивацию, является причиной эмоциональных реакций. Напомним еще раз, что специфически эмоциогенных ситуаций не существует. Мы рассмотрим лишь некоторые типичные случаи, которые, впрочем, имеют сложный характер.

А. Избыточная мотивация, не находящая применения

Часто избыточная мотивация возникает из-за несоответствия между состоянием мотивации субъекта и обстоятельствами, которые не позволяют ему действовать.

а) Избыточная мотивация перед действием: волнение. В тех случаях, когда человек сильно заинтересован в каком-то трудном деле, мотивация мешает ему отвлечься и думать о чем-то другом. Он испытывает волнение или тревогу, которые выражаются в возбуждении и неприятных вегетативных реакциях. Создается впечатление, будто неиспользованная энергия выливается в эмоциональные разряды. Чаще всего волнение проходит, как только субъект начинает действовать.

б) Избыточная мотивация после действия. Жане (1928, р. 477) приводит случай с одним альпинистом, который поскользнулся и покатился в пропасть. Когда ему удалось удержаться и выйти к скале, где ему больше не угрожала никакая опасность, его охватила сильная дрожь. «Сердце, — рассказывал альпинист, — часто билось, тело покрылось холодным потом, и только тогда я испытал страх, какой-то ужас». В газете недавно сообщалось о случае с киноактрисой, автомобиль которой занесло на повороте и он перевернулся на бок, актрисе удалось вылезти через окно автомобиля невредимой, после чего она упала в обморок!

К подобным случаям можно отнести и поведение учащихся в момент публичного объявления оценок (или — что лучше — когда они узнают об оценках из списков, поскольку социально эта ситуация менее тягостная). Одни хлопают в ладоши, обнимаются, кричат от радости. Они приняты. Другие бледнеют, а некоторые даже плачут. Эти провалились. Характер эмоции зависит от результата, но причина в обоих случаях одна и та же. Ожидание вызывает энергетическую мобилизацию, которая не находит выхода. Она проявляется в эмоциональных реакциях, природа которых зависит от ситуации в целом. Те, кто был свидетелем перемирия в ноябре 1918 г., помнят шумные, возбужденные толпы, наводнившие улицы городов и сел. Напряжение окончилось, больше не надо было себя сдерживать. Простейшую форму такого поведения можно найти у младенца. Свободное движение является источником различных видов возбуждения, и легко установить, что у ребенка «с легкостью движений рождается радость» (Wallon, 1949, p. 94). Ребенок часто смеется при купании или когда он передвигается по своей кроватке. Однако, как говорит Валлон (p. 98), «встречаются люди, у которых работа вместо удовлетворения их потребности в активности вызывает раздражительность. Их темперамент таков, что движение вызывает больше энергии, чем нужно для его совершения, и не удерживает те установки, которые оно порождает... Такие люди торопятся упредить события, они беспокойны, без подготовки включаются в действие... не располагая достаточными двигательными и интеллектуальными возможностями, выражают свое беспокойство и бессилие в раздражительности и гнев».

Как утверждает Валлон (1949, p. 51) на основании наблюдений Инсабато (1921), источником некоторых эмоций, в том числе радости, может быть легкое щекотание. Возникающее состояние проприоцептивного возбуждения выражается в безудержном смехе, который может перейти в рыдания, если это возбуждение является чрезмерным и спазматические реакции разрядки становятся болезненными.

Такой тип эмоции лежит в основе большинства игр детей (а также взрослых). Принцип их состоит в том, чтобы создать умеренно напряженную ситуацию, порождающую, как правило, чувство легкого страха; когда он снимается, это вызывает приятную эмоциональную разрядку. Таков принцип игр, в которых дети пугают себя, чтобы посмеяться затем над своим страхом. Таков же принцип напряженного ожидания в спектаклях. Бергсон говорил, что смех возникает из-за несоответствия действительного хода событий тому, что обычно ожидают. Это высказывание можно интерпретировать, согласно нашей схеме, следующим образом: реакция на что-то необычное, не вызывающее страха и не влекущее за собой активных действий, выражается в смехе. Разве не то же самое утверждал Фрейд, рас-

смаывая смех как механизм защиты? Возбуждение субъекта находит свое выражение в смехе раньше, чем оно станет мучительным.

Последние случаи относились к эмоциям радости. Горе, состояния скорби подчиняются аналогичным законам. Часто после кончины близкого человека социальные обязанности, многочисленные хлопоты требуют мобилизации энергии и как-то отвлекают. Однако в последующие дни, когда потеря является еще живой раной, достаточно иногда незначительного повода, чтобы сдерживаемое горе прорвалось в рыданиях.

Б. Избыточная мотивация в социальном поведении

Действие, легко осуществляемое, когда человек один, становится трудным, как только его нужно выполнить в присутствии другого. Валлон (1949, р. 94) указывает, что при этом возникает реакция на присутствие других лиц, вызывающая расстройство постуральных функций. Жане (1928, р. 495) дает более общее объяснение. Социальное поведение должно учитывать более сложную ситуацию, и, следовательно, оно является более трудным. Перейти от индивидуального поведения к социальному значит отдать его на суд другого и даже превратить его в соперничество.

Волнение, которое при этом возникает, весьма характерно. Мы не любим писать, когда кто-то заглядывает через плечо, и даже лица творческого труда не любят сочинять в присутствии других. Ребенок, успешно работающий за партой, часто волнуется, сбивается, когда его вызывают к доске; говорят, что он теряется.

В. Избыточная мотивация при фрустрации

Фрустрация возникает всякий раз, когда физическое, социальное и даже воображаемое препятствие мешает или прерывает действие, направленное на достижение цели. Фрустрация создает, таким образом, наряду с исходной мотивацией новую, защитную мотивацию, направленную на преодоление возникшего препятствия. Прежняя и новая мотивация реализуются в эмоциональных реакциях, иначе они оказались бы блокированными и неиспользованными. Неудивительно, что типичные реакции на фрустрацию представляют собой все типы эмоциональных реакций в том смысле, в каком мы их определили.

а) *Агрессивность*. — Самой распространенной реакцией на фрустрацию является возникновение генерализованной агрес-

сивности, направленной чаще всего на препятствия. Адекватная реакция на препятствие состоит в том, чтобы преодолеть или обойти его, если это возможно; агрессивность, быстро переходящая в гнев, проявляется в бурных и неадекватных реакциях.

Когда Уотсон писал, что неподвижное положение тела является источником простейшей формы эмоции, он определил тем самым одну из форм депривации, к которой очень рано чувствителен младенец: это ограничение свободы движений. Доказательство того, что раздражительность, агрессивность, гнев чаще всего вызываются фрустрацией, можно найти в исследовании Гейтса (1926). Он просил 45 студентов отмечать в течение недели случаи, когда они испытывали раздражение или гнев. Большая часть случаев соответствовала фрустрациям: обвинения, несправедливость, саркастические замечания, выговоры, ожидание, грубое обращение, занятое место, получение отказа, сломанные авторучка или телефон. В 115 случаях из 145 причиной фрустрации был человек, а не предмет. В 113 случаях фрустрации вызвали агрессивность: словесный отпор, оскорбления, физические нападки на человека (щипать, бить, толкать) или объект (сломать его).

б) *Отступление и уход*.— Гейтс в своем исследовании установил, что в некоторых случаях субъект реагирует на фрустрацию уходом (например, выходит из комнаты), сопровождаемым агрессивностью, которая не проявляется открыто, если только он не замыкается в себе и не замышляет ничего плохого. В этом случае говорят о фиксации. Так, крыса в аппарате для прыжков Лешли, не находя выхода, неподвижно застывает на платформе.

в) *Регрессия*.— Этот типичный результат фрустрации служит прекрасной иллюстрацией того, что мы говорили о природе эмоций. Трудная задача заменяется более легкой. Более подробно мы рассмотрим этот вопрос в следующем параграфе.

Очевидно, фрустрация влечет за собой эмоциональные нарушения лишь тогда, когда возникает препятствие для сильной мотивации. Если у ребенка, начавшего пить, отнять соску, он реагирует гневом, однако в конце сосания ее можно взять, не вызывая с его стороны никаких эмоциональных проявлений.

Поведение маленьких детей показывает также, что препятствие при удовлетворении потребностей имеет силу лишь в зависимости от того, какое значение придает ему субъект. Ребенок трех месяцев кричит во время подготовки к кормлению, поскольку ожидание для него непереносимо; однако через несколько месяцев в той же ситуации он может смеяться, предвосхищая предстоящее удовольствие.

Г. Избыточная мотивация при конфликтах

Между фрустрацией и конфликтом трудно провести различие, однако обычно считают, что конфликт возникает тогда, когда у индивида имеется одновременно два несовместимых друг с другом побуждения действовать. Конфликты являются главной причиной эмоций, и, как уже говорилось, такие психологи, как Дьюи и Клапаред, видели в них основной источник эмоций. Как и фрустрация, конфликт, очевидно, усиливает мотивацию. Ярким примером этого может служить эксперимент Рея (1936). Морскую свинку обучали при пропускании электрического тока прыгать из одного отделения клетки в другое. Условным сигналом к прыжку был звук, раздававшийся за 5 сек до электроудара. Если в момент звучания сигнала в отделение клали морковь, то у животного явно возникал конфликт, выражавшийся в том, что, прежде чем прыгнуть, оно торопливо, с жадностью съедало морковь. Мотивация «съесть» была сильнее.

Не всякий конфликт вызывает эмоциональные реакции. Конфликты являются источником эмоции главным образом тогда, когда субъект не может легко найти решение. Если прибегнуть к полезной классификации Левина (1935), использованной Миллером (1944) и Брауном (1948), то можно различать конфликты типа: приближение — приближение, приближение — избегание и избегание — избегание. Первые никогда не являются драматическими, даже если трудному выбору предшествует период колебаний. Конфликты приближение — избегание являются уже более сложными. Одни из них имеют решение, другие — нет. Так, в ящике Скиннера крысы обучались нажимать на рычаг, чтобы получить пищу (Estes, Skinner, 1941). Если после звука нажатие на рычаг сопровождалось электрическим ударом, то возникал конфликт приближение — избегание. По мере повторения этой ситуации нажатие на рычаг замедлялось либо полностью прекращалось. Поведение животного свидетельствует о состоянии тревожности, возникшей в результате конфликта. К этому типу ситуаций относятся также и те, которые Павлов называл экспериментальным неврозом и которые представляют собой крайний случай эмоций. В опытах у собаки вырабатывались положительные реакции на круг и отрицательные — на эллипс. Затем предъявлялась трудная задача на дифференцировку: эллипс все меньше и меньше отличался от круга. Наконец наступал момент, когда различие раздражителей оказывалось невозможным для животного. Тогда у него возникало сильное и длительное двигательное возбуждение, животное пыталось сорвать датчики.

Конфликты избегание — избегание являются еще более драматичными, поскольку при этом нет «хороших решений». Инди-

вид находится между Сциллой и Харибдой. В такой ситуации часто оказывается ребенок, когда воспитатель грозит ему наказанием за то, что тот отказывается выполнить неприятное для него требование (съесть суп, сделать задание и т. д.). Эти конфликты вызывают те же типы реакций, как и фрустрации: реальный или воображаемый уход, агрессивность, регрессию, торможение, различные эмоциональные нарушения поведения.

§ 3. Условные эмоции

В рассмотренных выше случаях причиной возникновения эмоций была наличная ситуация. Однако бывает, что эмоции можно объяснить как результат процесса образования условных связей. Нейтральный стимул приобретает эмоциональное значение благодаря своей связи с эмоциогенной ситуацией. Валлон (1949, р. 70) приводит рассказ Фере о случае, когда за обедом женщине сообщили о смерти дочери. При этом ее вырвало, и с тех пор каждый раз, когда подавались блюда, которые были в тот момент на столе, женщину начинало тошнить.

Однако еще более показательными являются эксперименты Уотсона и Райнера (1920) с ребенком 11 месяцев. В начале экспериментов ребенок совсем не боялся белой крысы. Затем каждый раз, когда он дотрагивался до животного, раздавался резкий звук, вызывавший у ребенка страх и слезы. В следующие дни уже при виде крысы ребенок начинал кричать и убегал. Этот страх был условной реакцией; более того, по законам условных реакций этот страх распространился на других животных с мягкой шерстью и на все мягкие на ощупь предметы, хотя эти стимулы до начала эксперимента были нейтральными. Такие же результаты получила Джонс (1924), она показала также, что эти реакции могут быть «угашены» в результате довольно сложных процессов (предъявления объекта, вызывающего страх, одновременно с другим, желаемым объектом или использование социального подражания).

Я тоже наблюдал 4-летнюю девочку, боявшуюся собак. Общаясь с другими детьми, игравшими с пуделем, девочка постепенно привыкла ласкать его и играть с ним. Произошло угашение страха, и это угашение также носило генерализованный характер. Так, на даче девочка не проявляла никакого страха перед сторожевыми собаками или овчаркой, безбоязненно подходила и ласкала их.

Условными могут быть не только двигательные, вербальные, одним словом зримые, реакции, но также и вегетативные, которые чаще всего не осознаются человеком. Так, сужение сосудов может происходить в ответ на звонок, движение, свет, произнесение слога (Menzies, 1937). Быков (1954) пока-

зал, что вегетативные реакции могут быть вызваны интероцептивными раздражениями, что значительно увеличивает число условных стимулов.

Несомненно, именно установлением таких условных связей объясняется большинство тех часто диффузных тревожных эмоциональных реакций, которые мы наблюдаем у самих себя и причину которых не можем найти. Нейтральные по своему характеру стимуляции приобретают эмоциогенность в результате образования условных связей, хотя мы этого не замечаем.

§ 4. Заразительность эмоций

Бывает, что ситуация, как таковая, не вызвала бы у нас никаких эмоций, если бы только один или несколько из окружающих нас людей не испытывали эмоцию. Страх заразителен, как и радость. Существует довольно высокая корреляция (0,67) между числом состояний страха, о которых сообщают матери и о которых рассказывают дети (Hogman, 1932). Заражение эмоциями может распространяться даже на целую группу, и панические реакции имеют место как в животном мире, так и среди людей.

Были сделаны многочисленные попытки объяснить эти явления заразительности эмоций, в частности симпатии и эмпатии, однако чаще всего они оставались недостаточно обоснованными. Видимо, следует различать два типа заражения эмоциями. Один из них соответствует тем случаям, когда одна и та же ситуация вызывает у одного, а затем у нескольких индивидов одинаковую реакцию страха, гнева или радости. Эти ситуации аналогичны описанным выше, при одном отличии: наличие группы вызывает усиление аффективных состояний и эмоциональных реакций.

Другой тип более специфичен. Он соответствует тем случаям, когда эмоция овладевает нами, хотя сама ситуация нас не затрагивает. Бурная ссора двух людей может привлечь наше внимание или оставить нас равнодушными, но может и привести к тому, что мы сами будем охвачены гневом. В этом случае, как отмечал Янг (1943, р. 332), мы отождествляем себя с одним из ссорящихся. Так же заразителен может быть смех. Мы можем засмеяться, потому что смеются вокруг нас, но лишь при условии, если мы отождествляем себя с тем, кто смеется. В противном случае мы остаемся равнодушными или даже раздраженными.

Все, что облегчает идентификацию, усиливает заразительность эмоций. С одной стороны, последняя возникает тем чаще и является тем сильнее, чем ярче выражены внешние эмоциональные проявления. С другой стороны, все, что сокращает социальную дистанцию между двумя или несколькими индивидами

ми, усиливает заразительность эмоций. Так обстоит дело с любовью как физической близостью.

Валлон (1949, р. 76—77) считает, что различение себя и другого происходит лишь постепенно. Эмоция возвращает нас к предшествующим стадиям общности. «Именно в больших скоплениях людей, когда в каждом в значительной мере стирается представление о своей индивидуальности, эмоции вспыхивают с наибольшей легкостью и силой». В сообществах, где знают о роли этих коллективных проявлений, придается большое значение церемониям, ритуалам и играм, которые благодаря совпадению одних и тех же эмоциональных реакций способствуют усилению общей сплоченности.

§ 5. Хронические эмоции. «Стресс»

Существуют как кратковременные, так и хронические источники эмоций. При повторении стимуляции, вызывающей обычно эмоциональные реакции, в ситуации, к которой невозможна адаптация, развиваются состояния тревожности и даже невротические состояния.

Лидделл начиная с 1927 г. проводил весьма детальные исследования на баранах и козах. Используя методику выработки условного оборонительного рефлекса, он вызывал у этих животных, не являющихся особенно чувствительными, состояния тревоги и даже неврозы (1956). Животное привязывали ремнями¹ и к передней ноге прикрепляли электрод. После сигнала, длившегося 10 сек, следовал электрический удар средней интенсивности. Животное реагировало на звук типичным способом: отдергиванием ноги, что, впрочем, не мешало тому, что оно тем не менее получало электроудар. Если эту ситуацию повторять каждые 5 минут, то вначале, в перерыве между стимуляциями, животное оставалось спокойным, дыхание регулярным, пульс нормальным. Однако, как правило, внезапно возникал невроз — диффузное возбуждение, беспорядочные движения, неравномерное дыхание, учащенный пульс. Такое состояние наблюдалось не только во время экспериментов в лаборатории. Животное находилось в состоянии повышенного бодрствования и днем и ночью. Если кто-нибудь приближался к нему, даже когда оно было в стаде, животное убегало, ночью реагировало на малейший шум. При изменении интервалов между электроударами наблюдалось изменение симптомов. При 2-минутных интервалах у животного отмечались замедление пульса и различные виды ригидности, то есть возбуждение сменялось торможением. В этом

¹ Аналогичные результаты были получены и в том случае, когда животное не стояло в станке.

случае животное оставалось неподвижным, у него не отмечалось частого мочеиспускания и дефекации, как прежде. Лидделл подчеркивал, что эти явления не возникали, если электроду удару не предшествовал сигнал как при 2-х, так и 5-минутных интервалах. Можно сказать, что именно повторение в определенном ритме состояний тревожности лежит в основе невроза.

Этот эксперимент помогает нам понять человеческое поведение. В жизни часто бывают более или менее постоянные причины избыточной мотивации. Источник их часто социального происхождения: женщина боится оказаться покинутой; рабочий опасается увольнения; солдат боится быть убитым; эти внутренние страхи, которые не находят внешнего проявления, поддерживают более или менее выраженное состояние тревожности.

Такое состояние может возникнуть также из-за неразрешенного внутреннего конфликта, например подавления сексуального влечения. Самое возобновление побуждения вызывает повторное возникновение конфликта.

Все эти личные или социальные конфликты, не находящие своего разрешения, образуют то, что Селье (1956, 1960) назвал *стрессом*¹.

Это напряжение влечет за собой более или менее диффузные состояния тревожности, а если оно очень сильное, то и невротические состояния. Последствия их проявляются не только в плане психики — они могут также в силу самого факта их повторения вызывать нарушения органического характера посредством раздражения симпатической нервной системы, что относится к области психосоматической медицины. Мы рассмотрим их в III разделе.

III. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ

§ 1. Генезис эмоциональных реакций

Для Уотсона (1919) все было просто. Индивид рождается с набором эмоциональных реакций, и последующее их развитие осуществляется в соответствии с классическими законами образования условных связей. Уотсон считал, что имеются три типа первичных реакций — страх, гнев, любовь, — обозначенные им впоследствии символами X, Y, Z.

Страх, вызываемый у младенца громким звуком или поте-

¹ Обычно *стрессом* называют любую эмоциогенную ситуацию, однако следовало бы употреблять этот термин применительно к ситуациям повторяющимся, или хроническим, в которых могут проявиться нарушения адаптации.

рей опоры, характеризуется реакцией вздрагивания, задержкой дыхания, подергиванием рук и рта и — гораздо позднее — слезами.

Гнев, причиной которого является ограничение свободы движений ребенка, выражается в общей напряженности всего тела, хаотических движениях рук и ног, открывании рта, незначительном посинении лица.

Любовь, пробуждаемая убаюкиванием ребенка или при прикосновении к эrogenным зонам, характеризуется гулением, лепетом и позднее — смехом.

Однако дальнейшие исследования не подтвердили гипотезу Уотсона. Реакции маленького ребенка не являются столь дифференцированными. Шерман (1927, 1928) снял на киноплентку эмоции детей в возрасте нескольких дней в 4 ситуациях: падение с небольшой высоты, укол булавкой, ограничение движений головы и, наконец, проявления голода. Затем этот фильм демонстрировался наблюдателям — кормилицам, врачам, студентам — при 4 различных условиях.

1. Фильм демонстрировался полностью, наблюдатели видели и ситуацию, и ответ.

2. Демонстрировались только эмоциональные реакции.

3. Демонстрировались эмоциональные реакции, предваряемые неадекватной ситуацией.

4. Наблюдателям показывали самих детей. Стимуляция осуществлялась за экраном, который быстро убирали.

В каждом случае наблюдатели должны были назвать эмоцию ребенка. При первом условии, когда интерпретации эмоции предшествовало знание ситуации, почти все наблюдатели были единодушны в определении эмоции. Этот результат подтверждается еще и тем фактом, что при 2-м и 4-м условиях оценки наблюдателей мало отличались друг от друга; чаще всего наблюдатели говорили о гневе. Решающим экспериментом служило третье условие. Оказалось, что, как и при первом условии, наблюдатели интерпретируют эмоциональные реакции в зависимости от предшествующей этим реакциям стимуляции. Так, если реакции ребенка на ограничение движений головы предшествовала ситуация падения, то наблюдатели определяли эту реакцию как страх.

Все психологи сегодня согласны с тем, что первичные реакции ребенка являются недифференцированными. К этому выводу пришел еще Шерман. Реакции ребенка, за исключением некоторых очень специфических сегментарных рефлексов, являются беспорядочными и не поддаются классификации. Они могут служить прекрасной иллюстрацией того, что мы только что сказали о природе эмоций. Голоден ли ребенок, или он мокрый, затруднены ли его движения — все эти состояния характеризуются диффузным возбуждением, проявляющимся в двигатель-

ном оживлении. Если возбуждение слишком сильно или слишком продолжительно, это двигательное оживление становится спазматическим: ребенок плачет и кричит.

Бриджес (1930) представлял генетическое развитие эмоций как их постепенную дифференциацию. Первичной формой эмоций является возбуждение, которое дифференцируется, по-видимому, к 3 месяцам на реакции огорчения и удовольствия. Бриджес не проводит различия между эмоциями и чувствами.

В экспериментах Штоффельса (1940—1941), убедительно иллюстрирующих недифференцированность реакций у детей в возрасте до 10 дней, были получены следующие результаты.

1. Возбуждение лишь увеличивает спонтанные движения, не изменяя их характера. При отсутствии возбуждения у 30 детей за 15 сек наблюдалось 75 движений обеими ногами, в то время как при ограничении движений головы за тот же период было зафиксировано 378 таких движений.

2. Спонтанные и ответные реакции на возбуждение одинаковы: $r = 0,85$.

3. Частота возникновения различных сегментарных реакций приблизительно одинакова. Так, коэффициент корреляции (r) движений, вызываемых неподвижностью головы и возбуждением, связанным с голодом, равен 0,82, а коэффициент корреляции тех же движений с реакциями на холод при соприкосновении с металлическими весами равен 0,72.

Другой ученик Фовилла — Лин Чуан-тинг (1949) уточнил результаты этого первого исследования. Наблюдая за 556 новорожденными, он показал, что реакции ребенка на голод и на насыщение неодинаковы. Он сравнивал частоту возникновения 54 парциальных движений, относящихся к 5 сегментам тела: голова, рука и кисть, голень и стопа, общие движения тела, различные реакции (крик, вздохи, зевота).

Если реакции на голод являются, по-видимому, просто усилением спонтанных движений, то явственно отличная от них реакция на насыщение характеризуется преимущественно движениями конечностей. Такая же реакция наблюдается у ребенка после купания.

Еще Валлон (1949), основываясь, скорее, на клинических наблюдениях, отмечал, что приятные ощущения вызывают волну тонуса, которая, достигая определенного уровня, проявляется в свободных движениях, в то время как тонус, вызываемый неприятными ощущениями, особенно если они мало-мальски сильны, еще более усиливается от того, что не может найти проявления в непосредственных реакциях организма, в этом случае возникают спазмы (напряженность, подергивания, крик, плач, двигательные судороги).

Таким образом, уже с самого рождения начинают проявляться две основные реакции, вызываемые ощущениями приятного и неприятного. Однако в этом возрасте источником еще недифференцированных эмоциональных реакций являются преимущественно неблагоприятные ситуации, которые только и могут оказывать достаточно сильное воздействие.

Недифференцированности реакции соответствует отсутствие связи с причинной эмоцией.

Исследования, проведенные на детях, подтверждаются данными, полученными на животных, выращенных в условиях полной изоляции от внешнего мира. Так, Хебб (1949, р. 266) обнаружил, что, когда выращенных в темноте шимпанзе помещали в более естественные условия, то в первые моменты их поведение характеризовалось недифференцированным общим возбуждением, которое лишь постепенно заменялось дифференцированными реакциями.

Мелзак (1954) выращивал в клетке в условиях сенсорной депривации 9 шотландских терьеров. Контрольная группа состояла из 8 собак той же породы, выращенных в лаборатории или в частных домах, где они были окружены всяческим вниманием. Затем все эти животные помещались в аналогичные экспериментальные условия. Им предъявлялись в движении сделанная из воска человеческая голова, череп медведя, маленькая автомашинка, внезапно раскрывающийся зонтик, надуваемый мяч, живой кролик и т. п. Наблюдаемые реакции были расклассифицированы на 3 категории: эмоциональное возбуждение, бегство и агрессивность. В первый месяц у собак, выращенных в изоляции, наблюдались в основном диффузные реакции возбуждения, тогда как у собак, воспитанных на свободе, преобладала реакция бегства. Через год у выращенных в клетке собак наряду с реакциями бегства и некоторыми другими еще продолжали сохраняться фазы недифференцированного возбуждения. Напротив, у собак, воспитанных на свободе, наблюдалось агрессивное поведение.

Эти опыты показали, что недифференцированное возбуждение является простейшей формой эмоциональных реакций, а дифференциация эмоций и их поляризация по отношению к вызвавшей их причине, будь то бегство или гнев, не являются простыми следствием созревания.

В период между 3 и 6 месяцами жизни у ребенка появляются реакции гнева и страха, дифференцированной формой которых является отвращение. Реакции удовольствия начинают сопровождаться смехом. Ревность в сочетании с гневом и страхом появляется в возрасте 12—18 месяцев. Позднее, между 2 и 5 годами, к гневу прибавляется разочарование и зависть, а к страху — тревожность и стыд (Bridges, 1930; Mairieu, 1952, 1960).

§ 2. Деградация действия. Регрессии

Как мы видели, первым следствием эмоций является не только снижение уровня успешности выполнения действия, но также и целый ряд соматических проявлений, дезорганизующих как вегетативные функции, так и систему жизненных отношений.

Мы еще вернемся к этим нарушениям, которые считаются классическими, однако прежде необходимо особо отметить тот факт, что эмоция оказывает влияние на все наши адаптивные функции. Нарушается контроль над двигательными реакциями, нам трудно сосредоточиться, и, как принято говорить, «мы теряем нить наших мыслей», обнаруживаем провалы памяти, делаем глупости и т. д.

Невозможно перечислить все нарушения такого типа. Они специфичны для каждой формы деятельности. Часто, однако, их можно определить как регрессию, то есть как ответы более низкого или предшествующего уровня. Эксперимент Сандерса (1937) иллюстрирует этот феномен. В простом лабиринте (рис. 5)

перед местом, где крыса получала пищевое подкрепление (F), находилась «камера заточения» (G_1 — G_2). В предварительных пробах заточение не применялось, более того, животному позволяли свободно выбирать правый или левый коридор лабиринта. После того как определялась предпочитаемая каждым животным сторона, в первой фазе эксперимента эту сторону начинали подкреплять: животное задерживалось в камере заточения только 5 сек, тогда как при выборе противоположной стороны время заточения увеличивалось до 90 сек. Во второй фазе эксперимента крыса должна была сделать противоположный выбор, то есть она задерживалась в камере заточения 5 сек, если выбирала противоположную (по отношению к первой фазе эксперимента) сторону, и 90 сек, если выбор был таким же, как и в первой фазе. После того как был выработан новый навык, крыса подвергалась воздействию сильных раздражителей: удар тока в момент выхода из точки А или сильный звук при приближении к точке В. В этом случае наблюдалась регрессия: животное возвращалось к первому способу поведения, «забывая» новый, наиболее близкий во времени,

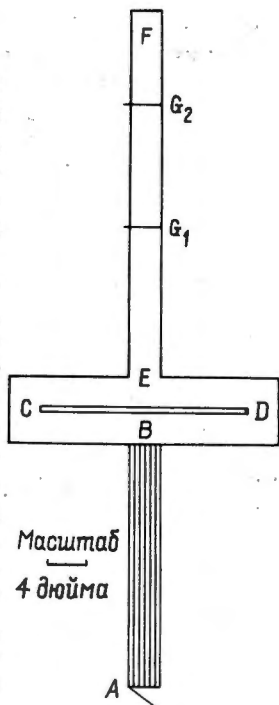

Рис. 5. — Вид лабиринта (горизонтальный разрез), (по: М. J. Sanders, 1937, 496).

хотя он оставался более адекватным; так как характер подкрепления не изменялся.

Рассматривая закон Йеркса — Додсона (стр. 123—124), мы приводили множество примеров деградации или регрессии.

При научении часто можно наблюдать стереотипные плохие ответы, как будто страх фиксирует совпадающие ответы (Schaffer, 1954).

§ 3. Специфические эмоциональные реакции

Эмоции вызывают в организме множество характерных реакций.

Разумеется, не всякая реакция организма соответствует эмоции; усилие, усталость, сексуальное возбуждение, болезнь сопровождаются определенными реакциями, некоторые из них могут наблюдаться также и при эмоциях. Только зная ситуацию, можно объяснить, например, ускорение сердечного ритма или увеличение сахара в крови.

Однако существуют реакции, характерные именно для эмоций. Чтобы не оставаться в рамках общих утверждений, приведем в качестве примера список «ощущений», испытанных американскими летчиками во время воздушного боя (Schaffer, 1947). В этом списке, составленном на основании ответов на вопросник, указывается число случаев (в %) возникновения каждого ощущения.

Сердцебиение	86%
Мышечное напряжение	83
Раздражительность	80
Сухость во рту и в горле	80
Холодный пот	79
Спазмы желудка	76
Потеря чувства реальности	69
Частая потребность в мочеиспускании	65
Дрожь	64
Чувство замешательства	53
Ощущение слабости	41
Невозможность вспомнить детали полета после возвращения	39
Тошнота	38
Неспособность сосредоточиться	35

и т. п.

Интересно было бы составить подобные списки и для реакций на другие ситуации. Анализируя вышеприведенный список, мы видим, что эти реакции можно сгруппировать в три категории:

А) Вегетативные реакции;

- Б) Мышечные реакции;
- В) Импрессивные реакции.

В этом аспекте мы и будем рассматривать эмоциональные реакции, добавив, однако, еще четвертую категорию: экспрессивные реакции, которые в данном списке, естественно, не могли быть отмечены летчиками, поскольку речь шла об их самооценке.

§ 4. Вегетативные реакции

Эмоции характеризуются прежде всего нарушениями вегетативных функций. Последние являются, бесспорно, составной частью эмоций. Вегетативные проявления эмоций весьма разнообразны: изменение сопротивления кожи (КГР), частоты сердечных сокращений, кровяного давления, сужение и расширение сосудов, изменение скорости, амплитуды и ритма дыхания, температуры кожи, потоотделения, диаметра зрачка, секреции слюны; наблюдаются расстройства пищеварительной системы, сокращение и расслабление сфинктеров, изменяется электрическая активность мозга, химический и гормональный состав крови, мочи, слюны, основной обмен.

С каждым годом благодаря достижениям физиологии и биохимии, позволяющим с все большей легкостью и точностью фиксировать новые проявления вегетативных реакций, список вегетативных проявлений эмоций увеличивается. Однако нелишне, по-видимому, напомнить, что лишь немногие изменения вегетативных функций могут рассматриваться как характерные проявления эмоций. Всякая активация изменяет сопротивление кожи, частоту сердечных сокращений, кровяное давление, частоту дыхания, характеристики ЭЭГ и т. п. Так, например, под влиянием страха или быстрой ходьбы ускоряется деятельность сердца, а при боязни или счете в уме нарушается нормальный ритм дыхания. Основываясь только на показателях активации, невозможно обнаружить собственно эмоцию, поскольку она определяется лишь отношением к ситуации. Приведем один пример: в группе, состоящей из 17 студентов, непосредственно перед экзаменом частота сердечных сокращений возросла в среднем на 25 сокращений в минуту, а кровяное давление увеличилось на 15 мм ртутного столба (Brown, Van Gelder, 1938). Взятые изолированно, эти цифры не позволяют ответить на вопрос, имеем ли мы в данном случае дело с нормальной активацией или с активацией, превышающей пороговую, при которой возникают эмоциональные реакции.

Однако и сама по себе чрезмерная активация, нарушающая гомеостатическую регуляцию, может приводить к расстройствам некоторых функций. Крайними проявлениями такого рода активации являются расслабление сфинктеров, потеря сознания,

рвота. Наряду с этим все мы когда-либо испытывали сами или были свидетелями таких нарушений, которые не могут быть объяснены простой активацией: сухость во рту, потные руки, покраснение или побледнение, не говоря уже о недоступных непосредственному наблюдению биохимических реакциях.

Основной проблемой является проблема роли симпатической и парасимпатической систем в этих вегетативных реакциях.

Обе эти системы осуществляют непосредственную регуляцию всех вегетативных функций, но, с другой стороны, эта автономная система связана со спинным и головным мозгом на всех уровнях их функционирования, и особенно с гипоталамусом, обеспечивающим регуляцию всего комплекса вегетативных функций.

Автономия симпатической и парасимпатической систем является относительной, и роль этих систем в организме неодинакова. Первая, обеспечивая энергетические потребности организма, играет в основном активирующую, или катаболическую, роль, в то время как вторая, называемая анаболической, регулирует преимущественно образование резервов организма.

Эти две системы часто оказывают противоположное действие. Возбуждение симпатической системы ускоряет деятельность сердца, вызывает расширение зрачка, сосудов кожи и сужение сосудов внутренних органов, секрецию потовых желез и надпочечников, торможение слюноотделения, оргазм и т. п. Возбуждение парасимпатической системы замедляет деятельность сердца, вызывает сужение сосудов кожи и расширение сосудов внутренних органов, слюноотделение, секрецию инсулина, эрекцию половых органов и т. п. (рис. 6).

Наше равновесие, «мудрость нашего тела», по выражению Кеннона (1946), зависит от равновесия этих двух систем. Очевидно, при эмоциях это равновесие нарушается. Работы Кеннона начиная с 1911 г. определили дальнейшие исследования и дискуссии по этой проблеме. По его мнению, вегетативные нарушения при эмоциях вызываются возбуждением симпатической системы, следствием которого является увеличение содержания адреналина в крови, выделяемого корой надпочечников, что в свою очередь усиливает возбуждение симпатической системы. Действие симпатической системы еще более усиливается, если парасимпатическая система не оказывает тормозящего влияния на секрецию адреналина.

Увеличение содержания адреналина в крови оказывает возбуждающее действие на ганглии симпатической системы, ускоряя деятельность сердца и выработку гликогена печенью. Необходимо, однако, подчеркнуть, что стимуляция симпатической системы посредством адреналина является сравнительно медленной. Наличие адреналина в крови может быть установлено через 16 сек, а гипергликемия лишь через 5 мин. Влияние адреналина было доказано опытами Кеннона. Когда кровь кошки,

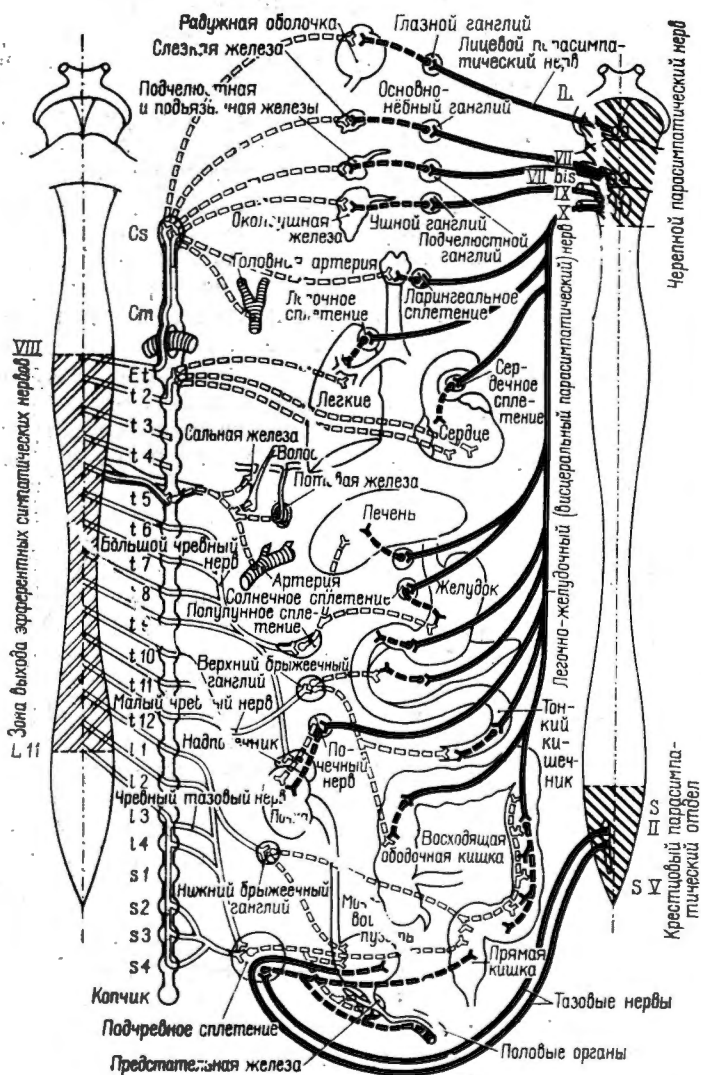

Рис. 6.— Расположение основных симпатических (слева) и парасимпатических (справа) центральных путей. Сплошная линия — преганглионарные нервные волокна, прерывистая — постганглионарные (по: Bresse G. Morphologie et physiologie animales. Paris, 1953, p. 416 b).

возбуждаемой видом собаки, вводилась другой кошке, то у последней возникали вегетативные реакции, не наблюдавшиеся при переливании крови от животного, находившегося в спокойном состоянии.

Впрочем, Кеннон не считает адреналин необходимым условием эмоциональной реакции: адреналин лишь усиливает действие симпатической системы. При виде собаки у кошки увеличивается частота сердечных сокращений, это увеличение наблюдается и при удалении надпочечников, хотя уже в значительно меньшей степени (рис. 7).

Основываясь на этих фактах, Кеннон выдвинул утилитарную концепцию эмоций как реакций тревоги, о которой мы уже упоминали (см. стр. 119). Горячие споры возникали также и по вопросу о том, какое влияние оказывает возбуждение парасимпатической системы на эмоции. Кеннон не отрицает этого влияния, однако, исходя из данных физиологии, подчеркивает преобладающую роль симпатической системы вследствие ее более «глобального» влияния на организм. Кеннон сравнивает роль симпатической системы в организме с действием педали рояля, в то время как действие парасимпатической системы является более фрагментарным и аналогично удару по отдельным клавишам.

Разумеется, интерпретация эмоциональных реакций очень сложна, а их механизмы еще мало изучены. Чем, например, объяснить ускорение деятельности сердца при эмоциях: возбуждением симпатической системы или уменьшением тормозящего действия блуждающего нерва? Уайтхорн (1935) считает второе предположение более правильным, так как латентный период ускорения сердечной деятельности при эмоциях настолько мал, что можно скорее думать о более быстром действии нерва, чем о значительно более медленном симпатическом влиянии. Геллхорн (1943) также доказал, что после удаления симпатико-адреналиновой системы электрическое раздражение левого мамиллярного тела вызывает у собаки проявления ярости, сопровождающиеся гипогликемией. Геллхорн полагает, что при эмоциях наблюдается возбуждение обеих систем при преобладании, как правило, симпатической.

Эта гипотеза лучше объясняет совокупность фактов. Еще Дюма (1932), опираясь на многочисленные примеры из области патологии, отмечал, что эмоциональные реакции чаще всего объясняются возбуждающим действием симпатической системы, однако в некоторых случаях они могут объясняться также и тормозящим действием парасимпатической системы (например, сухость во рту). Наряду с этим он подчеркивал также положительное влияние парасимпатической системы, проявляющееся при эмоциях, в частности, в расслаблении сфинктеров, иннервируемых этой системой.

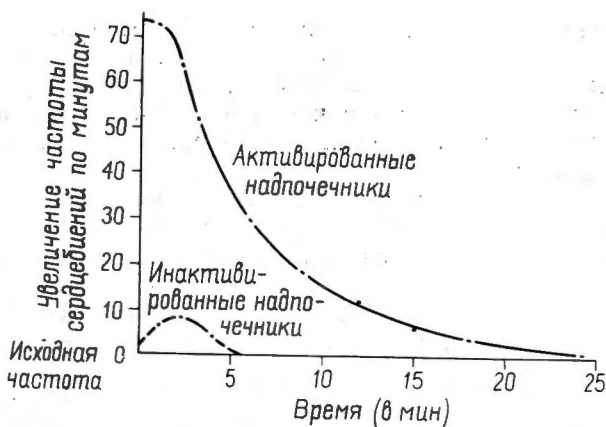

Рис. 7. — Продолжительное устойчивое увеличение частоты сердечных сокращений (при активации надпочечников) у кошки, возбуждаемой (в течение одной минуты) лаем собаки. Незначительное увеличение и быстрое возвращение к норме частоты сердечных сокращений в той же ситуации при длительности возбуждения, в два раза превышающей первоначальную, но неактивированных надпочечниках.

В обоих случаях сразу же после стимуляции животное возвращалось в клетку и находилось в покое до наступления нормального состояния (по: Саппон W., 1946, р. 206).

Некоторые авторы, например Морган (1949), считают, однако, что действие парасимпатической системы связано главным образом с деятельностью, вызывающей состояние удовольствия: питание, опорожнение кишечника или мочевого пузыря, эрекция. Эти реакции, источник удовольствия, не наблюдаются при нарушениях адаптации.

§ 5. Мышечное напряжение и двигательное возбуждение

Когда мы говорим, что человек, только что переживший состояние эмоционального шока, «окаменел», мы хотим тем самым подчеркнуть, что его мышцы находятся в состоянии гипертонуса.

Валлон (1949), которого мы уже неоднократно цитировали, положил этот факт в основу своей теории эмоций. На одном полюсе он поместил «жизнь в системе отношений» (la vie de relation), когда регуляторами деятельности являются ощущения, на другом — «аффективную жизнь», при которой внешняя стимуляция трансформируется в тоническую, висцеральную и мышеч-

ную активность всего организма. Заслуга Валлона заключается в том, что он показал значение постурального тонуса в эмоциях.

Эмоция начинается с гипертонуса, внешним проявлением которого является преобразование неиспользованной по назначению энергии в спазматические движения: смех, слезы, беспорядочные действия.

Соразмерная тоническая реакция является естественной и необходимой предпосылкой любого действия; в этом случае тоническая реакция локализована. В эмоциях же, наоборот, эта тоническая реакция диффузна, генерализована и может лишь затруднить выполнение предполагаемого движения. В конечном счете она ведет к тремору и хаотическим неупорядоченным движениям.

Регуляция тонуса, впрочем, очень сложна. Поддержание тонуса зависит от автономной нервной системы; в частности, увеличение содержания адреналина в крови оказывает тормозящее влияние на возбуждение мышечных волокон, однако механизмы регуляции тонуса автономной системой еще мало изучены. Общая регуляция осуществляется: а) ретикулярной формацией и центрами продолговатого мозга и таламуса, в которых объединяются, в частности, проприоцептивные импульсы от головы и вестибулярного аппарата; эти центры оказывают преимущественно возбуждающее влияние; б) экстрапирамидной системой, образованной базальными ганглиями, премоторной зоной лобных долей коры и сенсомоторными зонами теменной доли; эта система оказывает преимущественно тормозящее влияние.

В регуляции мышечного тонуса принимают участие все уровни нервной системы, однако особо нужно подчеркнуть значение обратной связи (feed back), потому что частично связанные с мышечным тонусом проприоцептивные импульсы действуют в свою очередь на ретикулярную формацию. К сожалению, гораздо легче клинически определить наличие мышечного напряжения, чем его измерить (Davis, 1942). Впрочем, это напряжение может быть локализованным или генерализованным (у человека большую роль играет напряжение шейных мышц).

Тонус кисти руки можно измерить по силе сжатия или нажима на инструмент. Тонус группы мышц плеча или предплечья можно приблизительно определить по объему мышц. В настоящее время чаще всего используется метод регистрации электрических потенциалов мышц (электромиография, или ЭМГ), однако при помощи этой методики, особенно при использовании интеграторов, дающих количественную оценку электрической активности мышц, очень трудно отделить тоническую активность мышц от клонической. Косвенным показателем состояния напряжения может служить интенсивность рефлекторного ответа. Этот метод очень часто используется в медицинской практике. Якобсон (1927) показал, что если испытуемых проси-

ли вызвать состояние произвольного напряжения, то вздрагивание при действии внезапного раздражителя было тем сильнее, чем больше было напряжение испытуемого. Необычайная сила реакций в состоянии гнева имеет ту же природу. Мышечный тонус зависит от уровня активации, он минимален во время сна и увеличивается при пробуждении и переходе к активности. Было отмечено увеличение мышечного тонуса (электроды устанавливались на лбу) во время прослушивания детективного рассказа в течение 10 мин (Wallenstein, 1954). Одно только представление о движении вызывает увеличение электрической активности соответствующих групп мышц (Jacobson, 1932 и 1951). При чрезмерной активации наблюдается тем большее увеличение мышечного напряжения, чем сильнее стремление субъекта подавить вызываемые стимуляцией движения; это напряжение еще более усиливается под влиянием социальных и моральных запретов. Напряжен юноша, не решающийся обнять нравящуюся ему девушку; напряжен ребенок, не желающий подчиниться какому-либо требованию; напряжен человек, испытывающий страх и не осмеливающийся убежать.

Это напряжение, вызванное стремлением подавить действие, очень трудно обнаружить. Смит (1953) сделал попытку решить эту задачу, однако возникающее в его эксперименте мышечное напряжение было недостаточно сильным: во время рисования по зеркальному изображению, всегда вызывающему легкий сенсомоторный конфликт, регистрировалась электромиограмма предплечья. Испытуемые были разделены на 2 равноценные группы. Одни выполняли задание до конца, деятельность других прерывалась в тот момент, когда задание было выполнено ими лишь на 84%. Были получены следующие показатели электрической активности (в условных единицах):

Активность ЭМГ	В начале	После выполнения задания на 50%	После выполнения задания на 84%	После эксперимента
Испытуемые, закончившие выполнение задания	89,9	161	172	98,9
Испытуемые, деятельность которых была прервана	90,3	167	173	125,7

Оказалось, что до того момента, когда деятельность одной из групп испытуемых была прервана, электрическая активность мышц в обеих группах испытуемых почти одинакова. Однако после окончания эксперимента остаточное напряжение сильнее выражено у испытуемых, не завершивших задания. Социологи

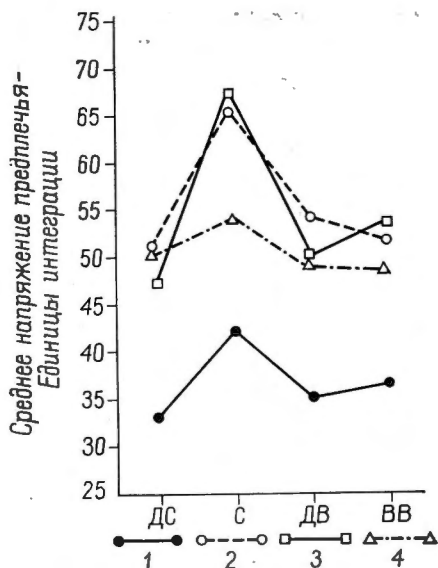
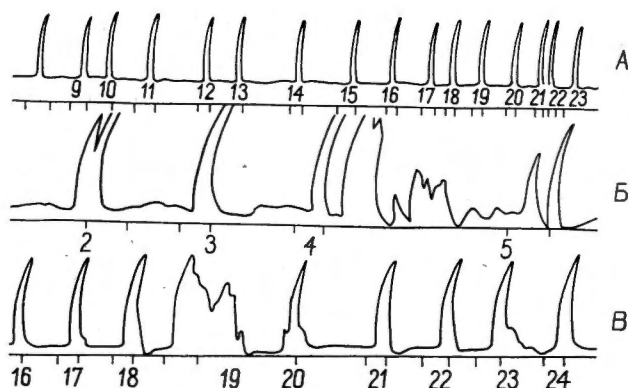

Рис. 8. — Напряжение мышц предплечья (средние данные) у 4-х групп испытуемых на различных стадиях эксперимента. 1) Контрольная группа; 2) Психоневротики; 3) Лица, страдающие острыми психозами; 4) Хронические шизофреники.

ДС — до стимуляции; С — во время стимуляции; ДВ — перед субъективной оценкой; ВВ — во время оценки (по: Malmö R. B., Shagass C., Davis J. F., 1951, 12).

заметили, что дети, воспитывавшиеся в большой строгости, сильнее скованы в движениях по сравнению с детьми, которым предоставлялась известная свобода.

Лица, страдающие от различных конфликтов и даже с невротическими отклонениями, характеризуются, как правило, большей скованностью движений, чем другие. Психоаналитики заметили, что наибольшее напряжение и скованность наблюдаются у их пациентов в момент припоминания ими конфликтных ситуаций. Мальмо и его сотрудники (1951) показали, что напряженность психически больных выше, чем в контрольной группе. Больные были разделены на три группы: а) психоневротики с преобладанием патологической тревожности, б) лица, страдающие острыми психозами с признаками шизофрении или паранойи, в) хронические шизофреники. Никто из больных не госпитализировался. Эксперимент проводился следующим образом: испытуемый сидел с закрытыми глазами, держа руку на кнопке; подбородок испытуемого закреплялся на специальной подставке. Лоб испытуемого подвергался воздействию сильных тепловых раздражителей, каждый длительностью в 30 сек. Испытуемого предупреждали, что он может нажать на кнопку, если раздражение будет слишком болезненным. Электроды устанавливались на соответствующем предплечье, а электромиограмма записывалась каждые 10 сек. Через 30 сек после действия раздражителя испытуемый должен был субъективно оценить его. Интервал между двумя последовательными раздражениями составлял 90 сек. Представленные на рис. 8 результаты до стимуляции (ДС),

Р и с. 9.— Двигательные реакции, сопровождающие вербальные ответы студентов в аффективной ситуации
А — контроль; Б и В — студенты (по: Лурия А. Р., 1932, р. 50).

во время болезненной стимуляции (С), перед субъективной оценкой (ДВ) и во время оценки (ВВ) весьма убедительны: даже до начала стимуляции напряженность у больных больше, чем у испытуемых контрольной группы.

Многие психотерапевтические приемы связаны со снятием этой напряженности. Например, постепенная релаксация Якобсона (1928) и аутогенная тренировка Шульца (1958) заключаются в том, чтобы научиться расслабляться, в результате чего уменьшаются раздражительность, тревожность и связанные с ними нарушения.

Лоботомия также предполагает снятие мышечного напряжения у больных путем перерезки проводящих путей между лобными долями и двигательными зонами.

Избыточный тонус, проявляющийся в треморе и хаотических движениях, наблюдается и в некоторых других случаях.

Когда испытуемому предлагалось представить ситуацию, вызвавшую у них состояние гнева, то у 85% испытуемых наблюдалось значительное увеличение тремора (измеряемого треметром), а 15% остальных признались, что им не удалось вызвать у себя такого представления ситуации (Edwards, 1949). Лурия (1932) предложил оригинальную методику, позволяющую выявлять неуверенность движений в конфликтных ситуациях. Испытуемый, сидящий в удобной позе, держит руку на пневматическом ключе, передающем малейшее его движение регистрирующему устройству. Эксперимент проводится по методу свободной ассоциации слов; при каждом ответе испытуемый должен нажимать на ключ. Предвосхищающие или слишком нарушенные движения, различные последствия являются показателем хотя и незначительных, однако весьма симптоматичных

двигательных расстройств. На рис. 9 представлены результаты трех испытуемых: испытуемый А в спокойном состоянии, Б и В — студенты в ожидании комиссии, решающей вопрос об их

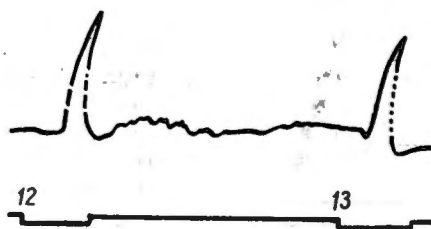

Рис. 10. — Двигательные симптомы персеверации возбуждения (по: Лурья А. Р., 1932, стр. 223).

дальнейшей судьбе. Можно заметить, что у испытуемых Б и В наблюдаются не только нарушения ответных двигательных реакций, но и признаки тремора и двигательного возбуждения в период между стимулами. Еще более убедительными являются представленные на рис. 10 двигательные эффекты последствия, возникающие при предъявлении в списке слов-раздражителей слова, имеющего отношение к аффективной ситуации.

§ 6. Вегетативные и двигательные реакции

Эмоциональный шок вызывает реакции как автономной системы, так и гладкой и поперечно-полосатой мускулатуры, однако скорость возникновения этих реакций неодинакова. Дэвис, Бухвальд и Франкман (1955) установили такую последовательность возникновения эмоциональных реакций, вызываемых у находившихся в спокойном состоянии испытуемых воздействием непродолжительного сильного звука (цифры показывают время наступления максимальных изменений):

Мышечное напряжение (ЭМГ) предплечья	0,2—0,3 сек
Электродермограмма (ЭДГ) левой руки	4 сек
Сужение сосудов (указательный палец левой руки)	5—10 сек
Учащение пульса	5—10 сек
Повышение кровяного давления	5—10 сек
Дыхание (максимальная амплитуда)	15—20 сек

Совокупность этих реакций может свидетельствовать лишь о наличии активации, предшествующей или сопутствующей адаптивным реакциям органов. Впрочем, оба вида реакций могут быть условными, однако вегетативные условные реакции воз-

никают гораздо быстрее и являются более стойкими, чем адаптивные двигательные условные реакции. Так, ускорение сердечного ритма при действии вредного раздражителя наблюдается гораздо раньше, чем условная реакция избегания (по: Schaffer, 1954). Андерсон и Парменстер (1941) выработали у барана отсроченный условный рефлекс с интервалом в 10 сек между сигналом и действием тока, затем этот интервал был увеличен до 20 сек. Когда выработался новый двигательный условный рефлекс на интервал в 20 сек, через 10 сек все еще отмечались изменения сердечной деятельности, как если бы существовали два уровня условных связей. Впрочем, переход реакций из одной системы в другую является обычным. Валлон (1949, р. 51) придавал особое значение факту, подмеченному Инсабато: при щекотании маленького ребенка увеличение напряжения перерастает в спазмы, проявляющиеся в смехе, переходящем в рыдания. В одной и той же ситуации меньшей интенсивности раздражителя соответствует смех, а большей — страх или слезы. В процессе генетического развития наблюдаются факты, подтверждающие это положение. Так, например, один и тот же комический эпизод фильма у маленьких детей вызывает реакции страха и тревоги, в то время как дети постарше весело смеются (Leroy-Boussion, 1955).

Возможность такого замещения реакций наводит на мысль о существовании определенного равновесия между вегетативными и мышечными реакциями. При «подавляемом» гнев висцеральные реакции значительно сильнее, чем при аффективной вспышке; реакция убления уменьшает вегетативные проявления страха. Деррбен и Пьерон (1923) наблюдали во время войны 1914—1918 гг., что под влиянием страха и боли при поясничной пункции увеличивалось содержание сахара в крови и спинномозговой жидкости. Причем это увеличение было меньше у солдат, которые выражали свои эмоции двигательным возбуждением и криком, чем у лиц, пытавшихся скрыть эмоции и подавить их проявление. Лэндис (1932) нашел, что при выполнении трудного задания (слежение за движущейся целью) электродермографические реакции (ЭДГ) ¹ слабее выражены у детей, более непосредственно проявлявших свои эмоции и затруднения.

Этой проблемой много занимался Джонс (1950). Он нашел, что трудно (однако возможно) зафиксировать электродермографические реакции у детей в возрасте до 1 года, и объяснил этот факт преобладанием в этом возрасте экстериоризованных реакций. В самом деле, у легко возбудимых детей электродермографические реакции часто менее выражены. Изучая детей,

¹ Электродермографические реакции соответствуют электрическим проявлениям кожногальванического рефлекса.

посещающих детский сад («классы для малышей»), он установил наличие корреляции (по групповым средним) между проявлениями ЭДГ и внешними эмоциональными реакциями, не позволяющей, однако, предсказывать форму проявления реакций отдельного конкретного индивида. Джонс выделил 3 типа детей: 1) дети, которые выражают свои реакции вовне (слабые электродермографические реакции), 2) дети, у которых наблюдается «интериоризация» эмоциональных реакций (сильные электродермографические реакции), 3) дети, у которых наблюдаются «генерализованные» реакции всего организма. Он пытался получить аналогичные результаты и на подростках, сравнивая их социальное поведение и электродермографические реакции.

Фресс и Блок (1957), считая ЭДГ показателем активации симпатической системы, обнаружили, что даже в самых слабых конфликтных ситуациях (рисование по зеркальному изображению) активация симпатической системы больше до начала пробы, чем во время нее, как будто деятельность, даже если она трудна, уменьшает нейровегетативное напряжение. Бартошек (1955), проведя аналогичный эксперимент, показал, что во время выполнения задания электродермографические реакции уменьшаются, а электромиографическая активность возрастает.

К таким же выводам пришли Фримен и Патмен (1942), применив совершенно иную методику. У испытуемых, уложенных на актографический матрац, измерялось число движений и электродермографическая активность до, во время и после выстрела из пистолета. Оказалось, что у наиболее подвижных испытуемых продолжительность электродермографической реакции гораздо меньше.

Клинические наблюдения усиленного потоотделения на ладони подтверждают эти результаты. У подростков (у которых оно наблюдается чаще, чем у взрослых) оно сильнее выражено на нетренированной руке, чем на тренированной. У некоторых людей потливость рук исчезает сразу же при переходе к какой-нибудь деятельности: например, один зубной врач вспоминал, что стоило ему приступить к операции, как его руки сразу же становились сухими (Parmentier-Beloux, 1953).

§ 7. Внешние проявления эмоций

А. Пути и центры

Чаще всего эмоция осознается самим субъектом как проявление каких-то нарушений в его организме; другие же судят о ней по внешним проявлениям этих нарушений, среди которых особую роль играет мимика. Все, что говорилось об эмоциональных реакциях, относится и к внешним проявлениям этих

реакций. Всякое выражение эмоции соответствует какой-то аффективной реакции, и нелегко бывает отличить адаптивные реакции от проявления каких-то нарушений. Между улыбкой, смехом и безудержным смехом, между выражением грусти и криками боли имеется бесконечное множество переходов. И нам будет очень трудно в этом параграфе отделить мимические проявления эмоций от всего многообразия выражений человеческого лица.

Исторический обзор этой проблемы дал Дюма (1933). Изучая проявления эмоций, Дарвин (1874) нашел доказательства «утилитарной» роли эмоции. Поза разъяренной собаки устрашающе действует на ее противника. Широко раскрытые глаза при испуге позволяют лучше различить опасность, и это выражение стало передаваться по наследству.

Наряду с этой телеологической концепцией со времен Декарта существует механистическая концепция эмоций, согласно которой выражение наших эмоций зависит от строения лицевых мышц и особенностей их иннервации. Моссо (1888) удалось найти подтверждение этой гипотезы. Раздражая электрическим током лицевой нерв собаки, он заметил, что при увеличении силы тока увеличивается число сокращающихся мышц, и у собаки наблюдается весь диапазон различных выражений от простой настороженности до агрессивности. Дюма (1933), заинтересованный этим экспериментом, попытался повторить его на человеке, раздражая лицевой нерв при выходе его из шилососцевидного отверстия. Ему также удалось вызвать улыбку при слабых раздражениях, однако при увеличении раздражения происходило сокращение всей мускулатуры лица, что соответствовало выражению радости, но ни разу таким путем не удавалось вызвать выражение гнева. Дюма, не отказываясь от механистического объяснения, вынужден был признать, что у человека благодаря усвоению социального опыта реакция гнева является гораздо более сложной по своей природе, чем ярость животного. Тем не менее все проявления наших эмоций зависят от лицевого нерва и двух его ответвлений: височно-лицевого и шейно-лицевого, подразделяющихся в свою очередь на множество нервных окончаний. Возбуждением этого нерва и определяется многообразие выражений человеческого лица, состоящего из большого числа мускулов, сокращающихся уже при самых минимальных энергетических затратах. Эта особенность была подмечена еще Спенсером. Дюма указал на другой принцип организации мышц лица — принцип синергии. Возбуждение проявляется лишь в тех группах мышц, сокращения которых скоординированы.

Проблема механизма выражения эмоций является вторичной по отношению к проблеме центров, регулирующих возбуждение.

Данные экспериментальной психологии и физиологии свидетельствуют в пользу того факта, что эмоциональные проявления складываются из спонтанных реакций и произвольных мимических реакций, образующих своеобразный язык эмоций.

Лицевой нерв получает импульсы по двум различным путям. Один путь идет непосредственно от коры, через него осуществляется сознательная регуляция мимических реакций; другой проходит через таламус и базальные ядра, которые представляют собой центры спонтанных эмоциональных реакций. Эта двойная регуляция особенно явно обнаруживается при патологии, когда, например, может наблюдаться избирательное нарушение спонтанных проявлений эмоций при полной сохранности произвольных мимических реакций, либо, наоборот, нарушается произвольная регуляция, а спонтанные эмоциональные реакции остаются непораженными (Migliorino, 1957).

Б. Спонтанные выразительные движения и приобретенные мимические реакции

Структура иннервации лица наводит на мысль, что в основе всякого выразительного движения лежит спонтанная реакция, видоизменяемая под влиянием усвоенных в результате социального опыта произвольных мимических реакций.

Эту гипотезу подтверждают два типа исследований. Во-первых, сравнение эмоциональных выразительных движений у слепорожденных и зрячих. Первый, кому пришла мысль провести такое исследование, был Дюма (1932). Он установил, что в эмоциональных ситуациях (страх, гнев, радость) выразительные движения тех и других одинаковы, однако у слепорожденных затруднены произвольные выразительные движения.

Томпсон (1941), применив кинематографическую съемку, подтвердил идентичность спонтанных выразительных движений у слепых и зрячих: улыбка, смех, слезы, отметив, однако, несколько большую интенсивность реакций у слепых. Наблюдателям одинаково хорошо удавалось идентифицировать выражение эмоций в обеих группах испытуемых. Фулчер (1942) изучал произвольные мимические реакции (способность выразить счастье, грусть, гнев, испуг). Испытуемыми были слепые и зрячие в возрасте от 5 до 20 лет. Различия между маленькими детьми оказались незначительными, однако с возрастом мимика зрячих становилась более выразительной и генерализованной, в то время как у слепорожденных она не только не совершенствовалась, но даже регрессировала.

Эти результаты свидетельствуют о двойной регуляции мимики, а также о том, что выразительные движения развиваются путем социального подражания.

Подтверждением этого являются и этнологические исследо-

вания (Klineberg, 1957, 1959). Основные способы выражения эмоций универсальны: смех — при радости, слезы — при печали и т. п. Однако влияние общества проявляется в двух направлениях.

а) Общество поощряет выражение одних эмоций и порицает другие. Так, по выражению Жане, имеются «правила поведения при трауре». Западные цивилизации мирятся со слезами женщин, мальчикам же внушается, что мужчине не подобает плакать. Однако такой обычай существует не везде. Например, раньше юноши из племени маори плакали так же часто, как и женщины, однако под влиянием англо-саксонской цивилизации они утратили эту привычку. Некоторые проявления радости и гнева зависят от социальной среды, и воспитание направлено на то, чтобы подавить неодобряемые проявления эмоций. Это влияние социальной среды тем сильнее, чем более социальным характером обладает эмоция. Так, проявления нравственных страданий (траур) являются более социализированными, чем выражение гнева, а последнее в свою очередь более социализировано, чем проявления страха.

б) Общество создает настоящий язык мимики, обогащающий спонтанные выразительные движения и делающий их более многообразными. Язык мимики может быть универсальным или, напротив, весьма специфичным, и тогда его интерпретация возможна лишь при знании данной этнической или социальной группы. Например, на Западе плевок свидетельствует о презрении, а в арабских странах он означает благословение. Даже в разных семьях способы выражения эмоций могут быть различными и часто непонятными непосвященному.

Все эти факты служат объяснением результатов эксперимента Мея (1938, цит. по: Klineberg, 1957, р. 221). Две группы судей, китайцы и американцы, должны были идентифицировать выражение эмоций на фотографиях китайцев и американцев. Обе группы судей в основном правильно оценили большую часть выразительных движений, запечатленных на фотографиях, однако китайцы лучше истолковывали выразительные движения китайцев, а американцы — американцев. «Чтобы понять поведение народа, нужно знать не только его разговорный язык, но также и язык его тела» (Klineberg, 1957, р. 220).

В. Идентификация выразительных движений

По выразительным движениям, и особенно по выражению лица, человека мы судим о характере испытываемых им эмоций. Природа подобных суждений, по-видимому, очень сложна, и экспериментальная психология только начинает ее анализировать. Для этого в зависимости от времени и поставленной задачи использовались 4 методических приема.

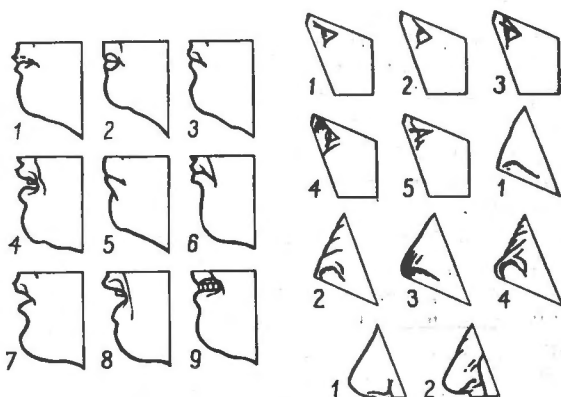

Рис. 11. — Черты лица (по Пидериту).

Рот: 1) нормальный; 2) нежный; 3) скорбный; 4) очень недовольный; 5) упрямый; 6) упрямый и недовольный; 7) внимательный; 8) недовольный и внимательный; 9) злобный или насмехающийся. **Глаза:** 1) нормальные; 2) восторженные; 3) внимательные; 4) очень внимательные; 5) невнимательные, блуждающий взгляд.

Брови: 1) нормальные; 2) внимательные; 3) недовольные или задумчивые; 4) внимательные к чему-то неприятному.

Нос: 1) нормальный; 2) внимательный к чему-то неприятному (по Вудворту Р. С., 1950, стр. 629).

а) *Реконструкция лица.* По рисункам отдельных частей (рта, носа, глаз) можно восстановить все лицо и определить его выражение. Этот метод применялся, в частности, Борингом и Титченером (1923). В своих экспериментах они использовали рисунки немецкого анатома Пидерита (1859) (рис. 11), долгое время прожившего в Чили и сделавшего много зарисовок, подтверждающих его теорию полезности выразительных движений. Пидерит считал, что функционирование мышц лица осуществляется согласованно с органами чувств и облегчает или затрудняет восприятие стимула: например, открывание или закрывание рта, глаз, раздувание ноздрей и т. п.

Другие лица составлялись из фотографий двух половин (верхней и нижней) лица одного и того же человека: к выражению глаз в ситуации А подбиралось выражение рта в ситуации Б, или к выражению глаз в ситуации Б — выражение рта в ситуации А (Dunlap, 1927).

б) *Фотографии поз актеров.* Актеры обладают навыками изображения различных эмоций, поэтому они могут служить богатым источником экспрессивного материала. Первая серия такого рода фотографий была составлена художником Рудольфом (1903), собравшим несколько сотен ретушированных фото-

снимков одного очень выразительного актера. С тех пор по тому же самому принципу были подобраны многие другие серии: актер принимает позу, соответствующую данной эмоции (удивление, гнев, радость и т. п.). Лучшей среди них, бесспорно, является серия фотографий Фруа-Виттмана (1930).

в) *Фотографии спонтанных проявлений эмоций*. Источником этих фотографий могут быть материалы прессы или различных иллюстрированных изданий; они могут быть также получены и в лабораторных условиях путем создания адекватных ситуаций, вызывающих соответствующие эмоции. Однако опыт показывает, что в лабораторных условиях значительно проще вызвать удивление или страх, чем гнев или радость. Впервые этот метод был применен Дарвином. Впоследствии он часто использовался и другими исследователями. Шульц (1906), например, пытался вызвать у своих испытуемых эмоции, показывая им фотографии, изображающие различные эмоциогенные ситуации; Лэндис (1924) и Дунлап (1927) создавали такие ситуации в лаборатории (например, неожиданно для испытуемых раздавался выстрел из пистолета или им предлагали раздавить руками улитку и т. п.).

г) *Спонтанные проявления эмоций, заснятые на киноленте*. В отличие от предыдущих этот метод позволяет наблюдать проявления эмоций в их динамике. Можно снимать игру актеров, однако чаще всего применяется киносъемка эмоций, вызываемых в лабораторных условиях, как, например, в экспериментах Шермана (1927) на младенцах и в опытах Коулмена (1949). Коулмен в одинаковых ситуациях сначала снимал спонтанные проявления, а затем (во второй серии эксперимента) произвольно вызываемые выражения тех же эмоций, когда испытуемым предлагалось «изобразить» эмоцию, соответствующую данной ситуации.

Мы перечислим отмеченные Вудвортсом (1950) основные трудности, возникающие при применении каждого из этих методов.

1) *Идентификация эмоций*. Каков бы ни был метод предъявления материала, при определении характера эмоции испытуемыми нельзя исключить использование речи. Если не ставить испытуемым никаких ограничений в выборе слов, то можно заметить, что во всех случаях — хотя и в разной степени — для определения одних и тех же эмоциональных проявлений они пользуются самыми различными словами. Так, например, в эксперименте Фелеки (1922) 100 испытуемым предъявлялась фотография актрисы, пытавшейся изобразить ненависть. При идентификации этой эмоции испытуемые использовали 39 различных слов, среди которых наиболее частыми были «омерзение» (13 раз), «отвращение» (11), «ненависть» (8), «презрение» (8), «насмешка» (7), «неприязнь» (5), «гадливость» (5), «вызов» (5). Одно это перечисление свидетельствует о богатстве используе-

мого словаря; для обозначения одной и той же реакции существуют многочисленные более или менее синонимичные понятия.

Однако в этих же экспериментах было отмечено, что, несмотря на значительное разнообразие ответов, испытуемые производят известный отбор и ответы на различные фотографии почти не совпадают. Так, ни один из 100 испытуемых не истолковал предъявленную позу как выражение удивления или радости.

Чтобы уменьшить дисперсию ответов, испытуемых просили как можно полнее охарактеризовать эмоцию, представив себе вызвавшую ее ситуацию и возможные высказывания субъекта в этой ситуации. Крамер (1931) обнаружил, что, несмотря на всю сложность такой идентификации эмоций, удивление в позе актера правильно распознают 77%, страх — 70, ужас — 62, стыд — 53, гнев — 50, подозрение — 27, жалость — 19% испытуемых.

При другом методе испытуемых просят выбрать только один ответ из списка слов, в котором отсутствуют слова-синонимы; иногда этот список ограничивается несколькими ключевыми словами, которые испытуемый должен соотнести, например, с предъявляемыми ему фотографиями (Schlosberg, 1941).

Речевое опосредствование можно исключить, если предлагать испытуемым классифицировать фотографии по определенным эмоциональным проявлениям. Однако результаты применения этого метода оказались малоубедительными.

2) *Значимость признаков.* Различие методов, применяемых для того, чтобы вызвать мимические проявления эмоций, не позволяет получить сопоставимые результаты. Уже из приведенных выше данных следует, что не все проявления эмоций одинаково легко идентифицировать. Мы рассмотрим теперь способ реализации эмоциональных проявлений независимо от этой переменной. Выражение лиц, сконструированных экспериментатором по методу Боринга и Титченера, тоже довольно трудно идентифицировать. Однако ужас правильно распознается 57% испытуемых, отвращение — 48, удивление — 34% (Fernberger, 1928). На фотографиях поз актеров радость правильно идентифицировали 49% испытуемых (51% испытуемых определили ее как счастье), удивление — 77, страх — 66, страдание — 70, презрение — 86% (Feleky, 1922).

Спонтанные проявления эмоций, вызываемых в лабораторных условиях, распознаются значительно хуже, а число возможных в этих условиях проявлений эмоций невелико. Напротив, при определении выражения лица на фотографиях из иллюстрированных изданий были получены такие же результаты, как и при идентификации поз актеров (Мипп, 1940). Эмоция, изображенная хорошим актером, гораздо легче распознается по сравнению со спонтанной эмоцией, потому что она получила выражение в конвенциональной мимике, интерпретация которой лег-

че, поскольку она больше соответствует нашему социальному опыту. Экспериментаторы поставили дополнительный вопрос: какая часть лица (рот или глаза) играет решающую роль в выражении лица. Дунлап (1927) разрезал пополам (по горизонтали) две фотографии лица одного и того же испытуемого, полученные в лабораторных ситуациях, вызывающих смех, удивление, страдание и т. п., и склеивал верхнюю и нижнюю половины, соответствующие разным ситуациям. Составленные таким образом фотографии предъявлялись судьям для идентификации; оказалось, что выражение эмоции определяет главным образом рот. Если рот выражает удивление, отвращение, страдание или радость, то кажется, что и все лицо принимает соответствующее выражение.

Коулмен (1949) снимал на кинолентку испытуемых в различных ситуациях и создал 3 варианта фильмов: обычный и 2 контрольных, в которых были прикрыты глаза или рот. В отличие от Дунлапа Коулмен обнаружил, что выражение рта не всегда является наиболее информативным признаком при идентификации эмоций: в зависимости от ситуации степень значимости этого признака изменяется. Коулмен производил киносъемку своих испытуемых в естественных условиях и в ситуации, когда им предлагалось «изобразить» ту или иную эмоцию. Оказалось, что рот играет значительно большую роль в изображаемых эмоциях. Это объясняется тем, что произвольная регуляция мускулатуры рта имеет более важное значение и является более совершенной, чем регуляция мускулатуры глаз.

Как мы видели, в любом проявлении эмоции имеется элемент неопределенности, исключающий возможность ее однозначной интерпретации. Убедительным подтверждением этого (наряду с дисперсией ответов испытуемых) является тот факт, что испытуемых очень легко склонить к ошибочной интерпретации эмоций как при предъявлении им сконструированных фотографий (Fernberger, 1928), так и подлинных фотоснимков (Langfeld, 1918). Выражение лица всегда несколько двусмысленно, и поэтому естественно, что любые дополнительные признаки облегчают идентификацию эмоций. Одним из таких признаков может быть знание ситуации. Шерман (1927) на материале фильмов, в которых были сняты младенцы, и Манн (1940), используя фотографии из иллюстрированных изданий, показали, как влияет знание ситуации на суждения испытуемых. В эксперименте Манна при предъявлении изолированной фотографии лица оценки испытуемых были самыми разнообразными — от удивления до отвращения; когда же предъявлялся весь снимок (рабочий, схвативший за воротник штрейкбрехера), большинство испытуемых определили эмоцию как гнев или ненависть.

Дополнительными признаками, облегчающими идентификацию эмоций, могут служить также поза и особенно движения

рук и звуковые выражения эмоций. Роль рук в эмоциональных реакциях особенно велика. Кармайкл, Робертс и Вессель (1937) показали, что по движениям рук эмоция распознается так же хорошо, как и по выражению лица. Аналогичные результаты получены и при идентификации эмоций по голосу. Дазенберри и Ноуер (1939) записали голоса лиц, пытавшихся выразить различные эмоции при чтении букв от А до К. Испытуемые идентифицировали эти эмоции столь же успешно, как и по выражению лица.

Иными словами, идентификация эмоций является результатом анализа всех воспринимаемых признаков, и это подтверждается фактом улучшения идентификации эмоций вследствие научения. Знание особенностей функционирования мышц лица и их роли в выражении эмоций, а также многих других признаков улучшает распознавание эмоций (Allport F. H., 1924; Guilford, 1929).

Хебб показал, что для определения эмоциональных выразительных движений шимпанзе нужно хорошо знать этих животных. Вот почему для В. Келера и для Н. Н. Ладыгиной-Котс не составляло никакого труда распознавать эмоции своих обезьян. Наблюдается также улучшение идентификации эмоций с возрастом, однако характер научения, заключающегося главным образом в усвоении значения некоторых признаков и обогащении словарного запаса, является в этом случае более сложным. Вот почему некоторые эмоции начинают распознаваться гораздо раньше, чем другие. Эти факты были установлены в исследовании Гейтса (1923), предъявлявшего детям в возрасте от 3 до 14 лет фотографии актеров. 50% правильных ответов (при выборе слов испытуемым не ставилось никаких ограничений) были получены при идентификации

.....	смеха — до 3-х лет,
.....	боли — к 5—6 годам,
.....	гнева — в 7 лет,
.....	страха—ужаса — в 9—10 лет,
.....	удивления — в 11 лет,
.....	презрения — после 14 лет.

Недавние исследования Хонкаваары (1961) показали роль уровня умственного развития в идентификации эмоций.

Г. Параметры эмоциональных проявлений

Одной и той же фотографии могут быть даны самые различные толкования. Вудвортс высказал предположение о существовании континуума эмоциональных проявлений, в соответствии с которым (при условии исключения синонимов) каждому выразительному движению соответствует одна наиболее вероят-

ная оценка. Вероятность других оценок тем меньше, чем теснее их связь с проявлениями полярной по отношению к данной эмоции. Придерживаясь этой гипотезы и основываясь на результатах многих других авторов, он предложил следующую линейную шкалу эмоций:

I — Любовь, веселье, радость	IV — Гнев, решимость
II — Удивление	V — Отвращение
III — Страх, страдание	VI — Презрение

Это значит, что удивление иногда ошибочно идентифицируется как радость или страх и почти никогда — как отвращение. Шлосберг (1941), заинтересовавшийся этой проблемой, пришел к такой же шкале, отметив, что шкала эмоций является, в сущности, не линейной, а круговой. В самом деле, могут ошибочно приниматься одна за другую не только смежные эмоции, но также и эмоции, расположенные на противоположных концах шкалы, так, например, презрение может быть принято как за отвращение, так и за любовь. В следующей табл. представлены результаты идентификации 6 фотографий с изображением полярных проявлений основных эмоций: испытуемые должны были выбрать одно из 6 предложенных слов-ответов. Цифры в колонках обозначают число правильно выбранных слов-ответов для каждой фотографии.

Номер фотографии	6	10	35	63	40	15	Номер фотографии	6	10	35	63	40	15
Любовь	67	39	7	2	3	50	Гнев	2	0	37	72	17	3
Удивление	5	62	21	10	1	0	Отвращение	2	1	3	29	91	12
Страх	0	8	59	5	9	0	Презрение	52	3	2	15	12	54

Продолжая свой анализ, Шлосберг (1952) предложил расположить эти 6 основных эмоций относительно двух взаимно перпендикулярных осей: удовольствие — неудовольствие и внимание — пренебрежение так, как это показано на рис. 12.

Если эта схема соответствует действительности, то должна существовать сильная корреляция между классификацией фотографий по 6 группам и их классификацией на основании оценок относительно каждой из двух осей по девятипозиционной шкале. В ряде исследований Шлосберг показал, что корреляция между этими двумя способами идентификации эмоций превышает 0,90.

В 1954 г. Шлосберг по аналогии с принципом насыщенности цвета счел нужным ввести третий параметр выражений эмоций и предложил ось сон—напряжение. Различные исследования, предпринятые с целью проверки концепции Шлосберга, показа-

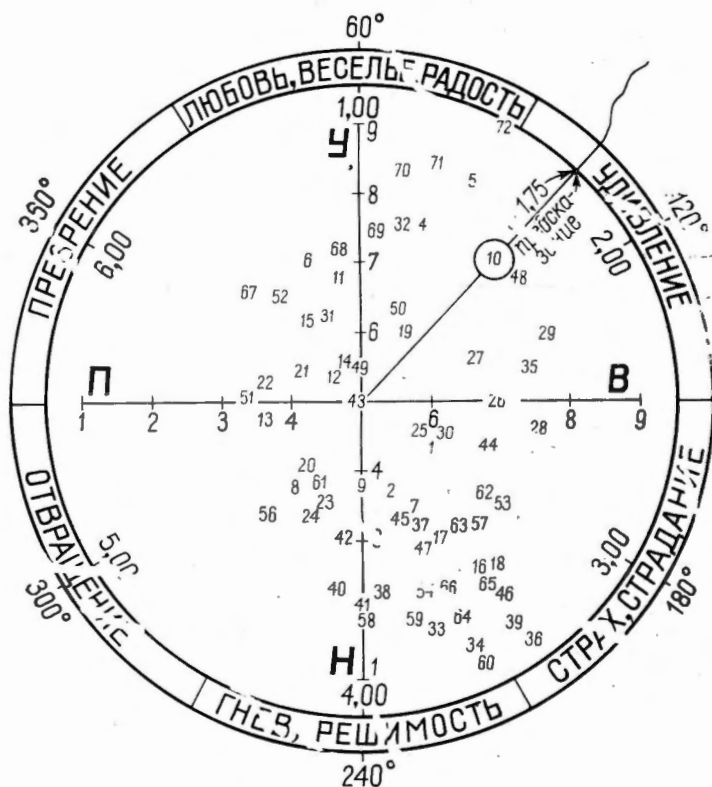

Рис. 12. — Расположение каждого из 72 изображений Фруа-Виттмана на круговой шкале.

Цифры соответствуют 72 наиболее характерным выражениям лица одного и того же актёра. На примере цифры 10 (в кружочке) показано, как пользоваться методом. Положение этой цифры определяется двумя осями координат: У—Н (удовольствие — неудовольствие) и В—П (внимание — пренебрежение), а именно точками 7 на оси У—Н и 7 на оси В—П, определяемыми путем непосредственной оценки. Место пересечения линии, проведенной через основание осей (5,5) и точку 10, с окружностью дает выражение этой величины в градусах. Сравнение полученной таким образом величины с величиной, определяемой непосредственно по шкале Вудвортса, показало, что они весьма близки по значению (1,75 — по круговой шкале и 1,65 — по линейной) (по: Woodworth R. S., Schlosberg H., 1954, p. 127).

ли, что наиболее валидной и надежной является ось удовольствия — неудовольствие.

§ 8. Осознаваемые реакции

Эмоция сопровождается столь сильным осознаваемым аффективным переживанием, что на первый взгляд именно оно может показаться сущностью эмоции. Сейчас уже отошли в прошлое споры о том, являются ли эти осознаваемые реакции причиной или следствием органических реакций. Теперь эта проблема ставится иначе: сознание рассматривается не как состояние, а как деятельность, сущностью которой является осознание. Какова же природа этого осознания в эмоции?

Одним из возможных подходов к решению этой проблемы является анализ содержания рассказов испытуемых о пережитых ими эмоциях. В результате такого анализа (испытуемыми были студенты) удалось обнаружить преобладание следующих компонентов:

- а) описание обстоятельств возникновения эмоций;
- б) восприятие органических реакций: сердцебиение, ощущение усталости или легкости, сухость в горле, потливость и т. п.;
- в) осознание нарушений психической деятельности: неспособность сосредоточиться, ухудшение памяти, невозможность найти убедительные аргументы в споре и т. п.;
- г) чувства: страдание, радость, стыд, презрение и т. п.

Легко заметить, что по сравнению с характеристикой эмоциогенных ситуаций и возникающих при этом органических и психических нарушений чувствам и аффективному переживанию вообще в этих рассказах отводится весьма незначительное место. По-видимому, эмоция характеризуется для субъекта установлением связи между ситуацией и вызываемыми ею нарушениями.

Как показали исследования Мандлера и его сотрудников (1958), степень осознания органических нарушений зависит от степени выраженности этих органических реакций. В зависимости от восприятия органических нарушений в ситуации тревожности, или стресса, испытуемые были разделены на две группы. Оказалось, что у испытуемых, ощущавших больше органических изменений, эти изменения были более многочисленными.

Вместе с тем, одним из характерных признаков сознательных эмоциональных реакций является осознание аффективной тональности эмоций.

Какова же роль этого осознания? Ответить на этот вопрос непросто, так как влияние эмоций на поведение еще мало изучено, и эта проблема является объектом особенно оживленных теоретических дискуссий. Мак-Дауголл считал, что каждый инстинкт связан со специфическим аффективным опытом: инстинкт драчливости сопровождается переживанием гнева, ин-

стинкт бегства — страхом, самоутверждение — душевным подъемом и т. п. П. Жане рассматривал чувства как реакции субъекта на эту первичную адаптацию или ее нарушение. Чувства служат, по-видимому, регуляторами поведения.

Может, однако, возникнуть вопрос, какими чувствами сопровождается каждая эмоция? Хант (1937) предлагал испытуемым (224 человека) подчеркнуть в списке, состоящем из 14 расположенных в случайном порядке слов, слова, соответствующие испытанным чувствам при 4 различных эмоциях: страхе, радости, гнев, печали. Были получены следующие результаты (в процентах).

Эмоция	Приятно	Неприятно	Ярко	Мрачно	Возбуждение	Депрессия	Напряжение	Расслабление	Горячо	Холодно	Легко	Трудно	Кратко	Продолжительно
Страх	1	77	5	6	55	14	95	0	8	45	0	82	4	5
Гнев	3	73	21	5	59	14	72	2	44	13	2	59	4	10
Радость	96	1	77	0	81	1	9	34	73	0	46	5	1	19
Страдание	2	86	0	64	0	94	21	8	2	33	3	45	13	10

Аналогичные результаты были получены и на других группах испытуемых. Этот метод достаточно надежен, однако валидность его остается весьма проблематичной. Во-первых, как отмечает сам автор, предлагавшийся испытуемым список слов был случайным. Во-вторых, неизвестно, отражают ли ответы ощущения самих испытуемых или сложившиеся в обществе представления о различных эмоциях? Почему, например, страдание, боль чаще ассоциируется с холодом, чем с теплом? Очевидно, в данном случае речь идет не столько о личном опыте, сколько о семантике.

Здесь мы сталкиваемся с одной из трудностей всякого наблюдения. Мы осмысливаем наши переживания через уже познанное, однако при интроспекции разграничение их невозможно.

§ 9. «Паттерны» реакций

Мы последовательно рассмотрели различные формы реакций, возникающих при эмоциях. Теперь встает вопрос, не существуют ли некие *паттерны* реакций, то есть комплекс реакций, одновременно возникающих в специфических ситуациях. Мы уже касались одного из аспектов этой проблемы в § 6, когда говорили о том, что интенсивность вегетативных реакций

обратно пропорциональна двигательной активности. Однако эта проблема требует комплексного рассмотрения. Согласно концепции Джемса, поскольку периферические реакции определяют переживание эмоции, должен существовать некий реактивный паттерн, свойственный каждой эмоции.

Повседневное наблюдение показывает, что разные эмоции сопровождаются различными реакциями. Следует, однако, отметить, что наблюдению доступны главным образом двигательные реакции, а изменения в деятельности сердца или кровяного давления остаются за пределами непосредственного наблюдения. С другой стороны, результаты опытов Шермана (стр. 146) позволяют думать, что интерпретация эмоциональных реакций зависит, как правило, от знания ситуации. При встрече с человеком, только что пережившим эмоциональный шок, нам нелегко определить его эмоции. Трудности, возникающие при интерпретации выражения лица, подтверждают это.

Поэтому данная проблема может быть решена при условии самой полной регистрации всех вегетативных и двигательных реакций. Однако подобный подход сталкивается со множеством трудностей. Первая заключается в том, что для получения такой подробной информации нужно укрепить на испытуемом многочисленные датчики, что само по себе создает очень искусственную ситуацию, обуславливающую возникновение самых различных побочных эмоций. Вторая трудность — технического порядка — связана с различием латентных периодов и динамики возникающих реакций (см. стр. 160).

Как сравнить эти столь различные феномены и дать им количественную оценку, чтобы определить, например, корреляции? Эта проблема кажется неразрешимой. На практике чаще всего учитывается максимальная величина реакций. Сравнивая наблюдаемое изменение с исходным состоянием, получают показатель реактивности.

А. Ситуативные «паттерны» эмоциональных реакций

Несмотря на эти трудности, многие авторы предпринимали попытки выявить характерные для различных эмоций паттерны и установить корреляции между определенными формами реакций. Результаты были самые противоречивые (Woodworth, Schlosberg, 1954, p. 182). Типичным примером может служить исследование Дж. Леси и В. Леси (1958). Изучались реакции 42 женщин в различных стандартных ситуациях. Ниже приводятся некоторые корреляции, рассчитанные по максимальной величине функции, полученные в трех таких ситуациях:

а) ожидание болевого раздражителя. Испытуемой говорили, что нужно будет в течение одной минуты держать ногу в ледяной воде;

- б) воздействие болевого раздражителя (холод);
в) счет в уме.

	Покой	Ожидание	Боль	Счёт в уме
Систолическое давление и частота сердечных сокращений	0,03	0,29	0,34	0,36
Систолическое давление и КГР ладони	0,20	0,06	0,08	0,03
КГР и частота сердечных сокращений	0,05	0,11	0,20	0,22

Акс (1951) попытался дифференцировать реакции, возникающие при страхе и гневе. Страх вызывался ударом электрического тока, гнев — замечаниями помощника экспериментатора о недостаточном усердии испытуемого. Регистрировалась частота сердечных сокращений, кровяное давление, КГР, дыхание, температура кожи. Корреляция между этими функциями оказалась очень слабой (0,12), а их изменения в обеих ситуациях происходили в одном направлении, однако одни показатели (систолическое давление, частота пульса, КГР) увеличивались больше при страхе, а другие (диастолическое давление, понижение температуры кожи лица и рук) — при гневе.

Эти интересные результаты свидетельствуют о сходной природе страха и гнева, если можно говорить об этих эмоциях применительно к данной экспериментальной ситуации.

В исследовании Дэвиса, Бухвальда и Франкмана (1955) при действии простых раздражителей во всех случаях наблюдалось увеличение КГР и мышечного напряжения. Кроме того, реак-

	з	и	т
КГР	+	+	+
ЭМГ	+	+	+
Частота пульса	+—	—	—
Объем пульса	—	—	—
Пульсовое давление	—+	—	+
Объем пальца	—	—	+
Объем подбородка	+	—	+
Частота дыхания	—	—	+—
Амплитуда дыхания	+	—	—+

ции на сильные слуховые раздражители несколько отличались от реакций на сильные тактильные раздражители или на предъявление (мужчинам) фотографий обнаженных женщин. На стр. 176 приводится таблица реакций на сильный звук (З), тактильное раздражение (Т) и на изображение обнаженной женщины (И). Знаки показывают увеличение или уменьшение активности функции при действии раздражителя по сравнению с покоем. Двойной знак свидетельствует о том, что может наблюдаться как увеличение, так и уменьшение активности.

Дэвис, однако, не считает, что здесь мы имеем дело со специфическими паттернами.

Шнор (1959) установил, что лишь 4 показателя: частота сердечных сокращений, кровяное давление, частота дыхания и напряжение мышц правого предплечья могут свидетельствовать о повышении или о понижении уровня активации.

Б. Индивидуальные «паттерны» эмоциональных реакций

Безуспешные попытки выявить ситуационные паттерны реакций, возможно, объясняются существованием идентичных для различных ситуаций специфических индивидуальных паттернов, обнаруженных в целом ряде исследований.

Леси (1950) экспериментально установил существование индивидуальных паттернов реакций: у испытуемых, лежащих на кровати, измерялось систолическое и диастолическое давление, частота пульса, КГР, изменения сердечного ритма в покое и при умственном напряжении. От испытуемого требовалось назвать как можно больше слов, начинающихся с данной буквы. На протяжении 300 дней этот эксперимент повторялся 10 раз. Оказалось, что для каждого испытуемого характерен не изменяющийся во времени индивидуальный паттерн ответных реакций.

Шнор (1959), регистрируя 9 различных физиологических реакций при выполнении арифметических операций и задачи на слежение, обнаружил, что особенности реакций испытуемых не зависят от характера задачи и уровня мотивации. Рис. 13 показывает реакции двух разных испытуемых и стабильность этих реакций у каждого из испытуемых при разных задачах и различных уровнях мотивации.

Эти результаты не относятся, собственно говоря, к эмоциям, однако они подтверждают наши повседневные наблюдения: каждый по-своему реагирует в состоянии гнева, страха или радости.

§ 10. Повторяемость эмоций и психосоматические эффекты

Сильная эмоциогенная ситуация является, если можно так выразиться, агрессией против организма. Мобилизация энергетических ресурсов организма в этом случае столь велика, что

исключает возможность их использования в адаптивных реакциях; возбуждение приводит к «биологическому травматизму», характеризующемуся, в частности, нарушениями функционирования органов, иннервируемых симпатической и парасимпатиче-

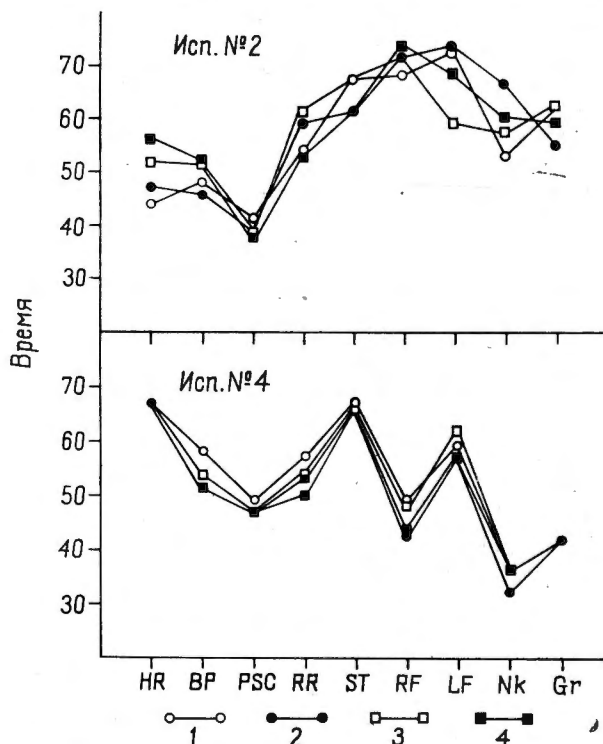

Рис. 13. — Два примера паттернов реакций, наблюдающихся при разных задачах и различных уровнях активации. 1) Задача на слежение при низком уровне активации; 2) задача на слежение при высоком уровне активации; 3) счет в уме при низком уровне активации; 4) счет в уме при высоком уровне активации.

HR — частота сердечных сокращений; BP — давление крови; PSC — КГР пальца; RR — частота дыхания; ST — температура кожи; RF — ЭМГ правого предплечья; LF — ЭМГ левого предплечья; Nk — ЭМГ шеи; Gr — сила сжатия (по: Schnore M. M., 1959, p. 122).

ской системой. У субъекта, постоянно находящегося в ситуации напряжения или конфликта, часто возникают эмоциональные реакции. Не всегда проявляясь вовне, они могут тем не менее приводить к вегетативным нарушениям функционирования желудка, кишечника, сердца или регуляции кровяного давления и т. п.

Как мы видели, субъективно эти эмоциональные состояния переживаются чаще всего как состояния тревожности.

Однако вегетативные реакции зависят не только от актуальных эмоциональных состояний. В результате образования условных связей нейтральные стимулы, ранее связанные с эмоциогенными стимулами, начинают сами вызывать интерцептивные реакции. Эти реакции изучались К. М. Быковым (1954). Мы уже упоминали (на стр. 142) о больной, у которой возникла рвота, когда во время обеда ей сообщили о смерти близкого человека. С тех пор при виде блюд, которые находились в тот момент на столе, эта больная всякий раз начинала испытывать состояние тошноты. У диабетика, которому обычно делали укол инсулина для уменьшения содержания сахара в крови, такой же эффект может возникнуть и при введении нейтрального физиологического раствора. Сквозняк, не вызывающий никакого охлаждения, приводит в действие механизмы терморегуляции, потому что обычно сквозняк сопровождается охлаждением организма. Нейтральные стимулы могут явиться причиной неосознаваемых органических реакций; понятно, почему механизмы реагирования, постепенно возникшие под влиянием испытанных в прошлом, и особенно в ранней юности, эмоций, являются более устойчивыми, чем механизмы системы жизненных отношений.

Каковы же последствия этих повторяющихся раздражений? Кеннон считал, что при эмоции происходит выделение адреналина, необходимого для адаптации организма к вредным воздействиям.

Селье начиная с 1936 г. развивает свое учение об общем адаптационном синдроме. Стресс, то есть действие неблагоприятных физических (сильный звук) или психологических (страх) факторов, вызывает реакцию тревоги, первой стадией которой является шок, сопровождающийся гипотензией, гипотермией, гипогликемией и т. п., сменяющийся затем стадией противошока, когда под влиянием выделения адреналина, усиливающегося под действием гипофизарного, или адренокортикотропного, гормона (АКТГ) реакции меняются на противоположные. Инъекция АКТГ вызывает симптомы противошоковой стадии реакции тревоги, а при удалении гипофиза эти нейровегетативные проявления исчезают.

Реакции тревоги характеризуют фазу сопротивления организма, адаптирующегося к стрессу. Однако если последние становятся слишком многочисленными, то сопротивление сменяется стадией истощения, являющейся уже настоящей «болезнью адаптации», при этом возникают органические нарушения: язва желудка, инволюция тимико-лимфатического аппарата и т. п.

Однако в действительности синдром Селье является лишь частным случаем возбуждения симпатической системы. Всякое

сильное возбуждение симпатических нервов может благодаря своему действию на капилляры вызвать нарушения, приводящие иногда к язвенной болезни. Этот феномен можно объяснить следующим образом: симпатические нервы воздействуют на соответствующие органы посредством химических медиаторов. Усиленное образование этих медиаторов приводит к фактору в аномальное состояние: ухудшается снабжение клеток питательными веществами и удаление продуктов распада. Это способствует накоплению образующихся в процессе функционирования клеток токсических веществ, и особенно гистамина, усиливающего нервное возбуждение и тем самым ускоряющего возникновение нарушений. В результате начинают развиваться кишечные, сердечно-сосудистые, легочные, кожные и даже, как показал Рейли (P. Chauchard, 1955), мозговые нарушения. Так функциональное нарушение перерастает в болезнь.

Это подтверждается как работами физиологов, так и психологическими исследованиями. После работы Дунбара (1938) было твердо установлено, что многие так называемые психосоматические расстройства возникают в результате эмоциональных потрясений: наиболее типичный пример — язва желудка. Гринкер и Робинс (1959) приводят в своей работе клинические подтверждения этого. Оказалось, что возможно даже вызвать такие заболевания у животных. Саури с сотрудниками (1956) провел следующий эксперимент: две группы по 5 крыс (экспериментальная и контрольная) находились в течение 30 дней в двух разных клетках. Животные каждой группы получали пищу и воду лишь в течение часа, один раз в два дня, так что как те, так и другие испытывали голод и жажду. В разных концах клетки для экспериментальной группы животных находились вода и пища. Однако, чтобы достать ее, нужно было преодолеть решетку, через которую пропускаться электрический ток. Вид пищи и воды и невозможность их получить являлись источником постоянного стресса. Через 30 дней животных обеих групп умертвили. У 76% животных экспериментальной группы были обнаружены язвы (всего 434), в то время как у животных контрольной группы, страдавших лишь от голода и жажды и не испытывавших «танталовых мук», эти явления наблюдались только в 20—30% случаев.

Наряду с чисто биологическими нарушениями эмоция может быть причиной неврозов и даже психозов, когда вегетативные нарушения усугубляются явлениями конверсионной истерии с символическим переносом аффектов на уровень системы жизненных отношений (Delay, 1961).

Исследованиями Павлова и его учеников, а также Лидделла (стр. 144) доказана возможность возникновения экспериментальных неврозов у животных, находящихся в конфликтной ситуации. Экспериментальные неврозы проявляются прежде всего в

классических эмоциональных реакциях: возбуждение, агрессивность, направленная на станок и аппараты, или, наоборот, торможение, каталептическое состояние. При длительном эксперименте наблюдающиеся нарушения поведения начинают проявляться уже и в обычной, не экспериментальной ситуации и могут становиться постоянными (Саїн, 1959).

IV. ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ

§ 1. Эмоциональность как черта личности

Эмоциональность характеризуется чувствительностью к эмоциогенным ситуациям. В принципе она может быть слабой или сильной, но об эмоциональности обычно говорят, имея в виду людей с более сильными и более частыми эмоциональными реакциями, чем это в среднем свойственно человеку. Эмоциональность употребляется как синоним гиперэмоциональности.

Великие авторы прошлого, еще до научного исследования этого вопроса, пытались выявить на основе наблюдений главные черты человеческой личности и, как правило, считали одной из таких черт эмоциональность.

Уже Гиппократ особо выделял холерический темперамент среди четырех основных темпераментов. В новое время Рибо (1895) отличал сензитивных от активных и апатичных. Малапер (1897) считал эмоциональных особым типом категории чувствительности, к которой он относил также апатичных, сензитивных и страстных. Дельма и Болл (1922) рассматривали эмоциональность как один из пяти основных факторов личности. Бюрлу (1942) отличал возбудимый тип от флегматичного и депрессивного.

Однако лишь Хейманс и Вирсма (1908 и 1909) в работе, основанной на большом анкетном материале, выделили три главных фактора личности: эмоциональность, активность и реактивность. Определение эмоциональности дается в 9 пункте их вопросника: «Эмоционален (принимает ли пустяки близко к сердцу; восторгается или плачет по незначительному поводу) или неэмоционален (менее чувствителен, чем другие; холодно-кровен)?»

Гоше и Ламбер (1959) проанализировали вопросник Г. Берже, составленный на основе исследования Хейманса и Вирсмы. Основываясь на матрице интеркорреляций для 9 вопросов, касающихся эмоциональности, они нашли лишь один общий фактор; наиболее насыщенным этим фактором был первый вопрос, очень сходный с тем, который мы цитировали выше¹.

¹ Однако работа Гоше и Ламбера показала также, что три основных свойства: эмоциональность, активность и вторичность, выявленные вопросником Г. Берже, не являются независимыми. Эмоциональность и вторичность независимы, однако между эмоциональностью и активностью существует отрицательная связь.

Однако эти результаты были получены при применении достаточно неопределенного вопросника, в котором вопросы в значительной мере перекрывали друг друга и в котором были недостаточно дифференцированы понятия аффективности и эмоциональности.

§ 2. Компоненты эмоциональности

Мы уже говорили о трудностях измерения эмоциональных реакций. Тем не менее некоторые авторы подвергли результаты широких исследований факторному анализу.

Фримен и Катцов (1942) получили 30 показателей в нескольких травмирующих ситуациях. 10 из них представляют собой измерения физиологической активности (увеличение проводимости кожи (КГР) и продолжительность возвращения к состоянию покоя), 11 являются измерениями мышечной активности (испытуемого помещали на пневматический матрац, что позволяло регистрировать его движения) и 9 — оценки, основанные на вопросниках (невротизм, тревожность, самоконтроль, висцеральные нарушения).

С помощью факторного анализа, проведенного лишь для 24 испытуемых и основанного на ранговых корреляциях, удалось выделить 3 фактора. Первый, названный «эмоциональный контроль», соответствует быстрому возвращению к состоянию покоя и незначительному увеличению двигательной активности во время опытов. Второй, обозначенный как «arousal», или возбудимость, имеет сильную корреляцию с 4 измерениями увеличения проводимости кожи в эмоциогенных ситуациях. Наконец, третий фактор соответствует ответам на вопросник и может быть обозначен как «самооценка эмоциональности».

Берт (1950), первые работы которого по этой проблеме относятся к 1915 г., основывался преимущественно на результатах интервью, длительных наблюдений и наблюдений в стандартных ситуациях. Применяя свой собственный метод факторного анализа, он неоднократно обнаруживал:

а) общий фактор эмоциональности, составляющий 40 или 50% общей дисперсии;

б) биполярный фактор, подразделяющий эмоциональные реакции в соответствии с делением на стеников — астеников, или экстравертов — интровертов, или агрессивных — заторможенных. Этот фактор составляет около 13% дисперсии;

в) второй — менее значимый — биполярный фактор, отличающий эйфорические реакции от дисфорических.

Общий фактор имеет больший вес у детей, чем у взрослых. Первый биполярный фактор достаточно хорошо коррелирует с противопоставлением, которое проводит Шелдон (1951) между выражением эмоций у висцеротоников и церебротоников. У пер-

вых эмоции носят непосредственный и мало контролируемый характер, тогда как вторые «сдержанны» и не поддаются своим эмоциям, это люди с «каменным сердцем».

Кэттел (1956), сопоставив многочисленные факторные анализы личности, установил, что некоторые факторы являются сходными, и среди них фактор С. Этот фактор С он снова обнаружил прежде всего в анализах, основанных на оценках поведения в реальных ситуациях.

Речь идет о биполярном противопоставлении аффективно устойчивого характера общей невротической эмоциональности. Ниже приводятся их основные признаки.

С+

Аффективно устойчивый
Не проявляющий невротических симптомов
Не проявляющий ипохондрических черт
Устойчивый, владеет собой
Спокойный, терпеливый
и т. д.

С—

Неудовлетворенный, эмоциональный
Проявляющий различные невротические симптомы
Ипохондрический, часто жалуется
Неустойчивый
Возбудимый, нетерпеливый
и т. д.

Фактор С обнаруживается также при анализе ответов на вопросники, ему соответствуют склонность к интроспекции, аффективная устойчивость и зрелость в противоположность общей эмоциональности. Вот несколько вопросов, отобранных с этой точки зрения:

Огорчают ли вас больше, чем они того заслуживают, отсутствие хороших манер у других или их безнравственные поступки?

Часто ли вы испытываете тревогу и напряженность по незначительному поводу?

Стремитесь ли вы придерживаться в разговоре какой-либо одной темы и трудно ли вам следить за мыслью людей, которые перескакивают с одной темы на другую? (Ответ «да» соответствует устойчивости.)

Сильно ли волнуют вас ситуации, связанные с эмоциональными переживаниями, и стараетесь ли вы избегать их? (Ответ «нет» соответствует устойчивости.)

Хотя сходный фактор обнаруживается, следовательно, как при объективных наблюдениях, так и при ответах на вопросник, отражающих самооценку испытуемого, Кэттел замечает, что корреляция между этими двумя типами данных невелика, и он считает, что еще не найдены правильные вопросы, которые выявляли бы этот фактор аффективной устойчивости. Можно также думать, что между поведением испытуемого и оценкой им своего поведения наблюдается некоторое расхождение.

Таким образом, авторы этих работ единомысленны в одном: существует совокупность связанных друг с другом поведенческих реакций, которые соответствуют чувствительности субъекта к

событию, тому, что Мунье (1946) предложил назвать по аналогии со свойствами живой материи психической раздражимостью.

§ 3. Эмоциональные конституции

Является ли эмоциональность конституциональной или она представляет собой результат одного или нескольких эмоциональных потрясений? Впервые об эмоциональной конституции говорил Дюпре (1925). Исходя из психопатологических наблюдений, он считал, что она характеризуется «определенным нарушением равновесия нервной системы, сопровождающимся диффузным повышением чувствительности и недостаточностью двигательного торможения, как непроизвольного, так и произвольного, вследствие чего реакции организма становятся настолько более сильными, генерализованными и длительными, что он оказывается неспособным адаптироваться к неожиданным обстоятельствам, непредвиденным ситуациям и новой среде» (р. 295).

Действительно ли это конституция, то есть совокупность наследственных соматических данных? Дюпре¹, Дельма и Болл пришли к этому выводу, основываясь на клинических наблюдениях. Экспериментальные исследования на человеке сложны, тем более что измерение эмоциональности весьма трудно и последняя изменяется с возрастом. Чтобы провести решающие исследования, необходимо изучить в одинаковом возрасте, то есть с разрывом в 20 или 30 лет, родителей и детей в идентичных условиях аналогичными методами. Леси (1956) предпринял такое исследование и нашел корреляции между нейровегетативными реакциями матерей и детей.

То, что трудно сделать на человеке, осуществлено на животных. Холл (1941) провел важный эксперимент, используя свой тест на эмоциональность. Он часто наблюдал, что у крыс, помещенных в травмирующие ситуации, учащается мочеиспускание и дефекация. Тогда Холл решил поместить крыс в эмоциональную ситуацию, например в центр ярко освещенного поля. Если мочеиспускание и дефекация являются признаками эмоциональную ситуацию, например в центр ярко освещенного поля. та, и тем быстрее, чем менее эмоционально животное. Холл установил, что этот критерий хорошо коррелировал с отказом от пищи, который также рассматривался как явный признак эмоциональности. Он обнаружил также высокие корреляции, применив этот критерий в различных эмоциональных ситуациях².

¹ Дюпре считал, что такая конституция может быть приобретенной.

² Фактор эмоциональности, измеряемый тестом Холла, был обнаружен в факторных анализах Биллингсли (1942) и Уиллингхема (1956). Наряду с этим основным фактором Биллингсли нашел фактор *freezing* (дрожание от страха) и фактор неуверенности. Уиллингхем наряду с факторами удаления

С помощью этого теста Холл изучал вопрос о наследственности эмоциональности. Он отобрал из исходной группы эмоциональных крыс (у которых продолжалось усиленное мочеиспускание и дефекация в течение нескольких дней в тестовой ситуации) и неэмоциональных. Скрещивая их внутри групп, он получил следующие результаты по 8 поколениям (цифры указывают число дней, в течение которых у крыс наблюдалось мочеиспускание и дефекация в ходе 12 опытов).

Генерация	Эмоциональные	Неэмоциональные
1	3,07	0,46
2	4,72	1,94
3	3,92	1,02
4	4,69	1,40
5	4,96	0,41
6	6,87	0,51
7	7,82	0,17
8	8,37	1,07

Таким образом, эмоциональность в группе неэмоциональных животных остается почти неизменной, а в группе эмоциональных возрастает.

Роль наследственности подтвердили также и другие исследования.

Йекел и Родес (1941) изучали анатомические различия между двумя группами крыс и установили, что у эмоциональных животных по сравнению с неэмоциональными были увеличены надпочечники, щитовидная железа и гипофиз.

Павлов и его школа подошли к этой проблеме несколько иначе. Павлов считал, что существуют два противоположных нервных процесса: возбуждение и торможение, равновесие которых определяет два типа темперамента. Наряду с этим он различает два других типа: слабый, с преобладанием торможения, и сильный, с преобладанием возбуждения. Возбудимый тип с недостатком контроля, который Павлов сближает с холериком по классификации Гиппократа, и является эмоциональным. Павлов (1951) считает, что эти различия между животными или людьми зависят от *самого типа* нервной системы, а также от тех влияний, которым подвергался индивид с момента рождения. Красногорский (1958) обнаружил павловские типы у детей, в частности сильный тип легко возбудимых детей с недостаточным самоконтролем. Физиологически этот тип характеризуется преобладанием подкорки над корой.

(elimination) и freezing обнаружил факторы аккуратности (grooming) и реактивности по отношению к экспериментатору. Эти исследования подтверждают ценность критерия Холла.

Итак, очевидно, твердо установлено, что существуют физиологические конституции, предрасполагающие к эмоциональности. Мы говорим о конституциях во множественном числе, поскольку возможно, что эмоциональность обуславливается различными особенностями организма. Это предположение будет обосновано лишь тогда, когда мы сможем лучше определять эндокринный и нервный баланс организма. Во всяком случае исследование физиологических компонентов будет каждый раз осложняться интерпретацией наличной ситуации и прошлого опыта индивида.

§ 4. Приобретенная эмоциональность

Возбуждение, усиливающееся в трудных ситуациях, может зависеть от одного или нескольких предшествующих переживаний, которые в той или иной мере способствуют повышению восприимчивости субъекта.

Эти переживания, разумеется, легче возникают у субъектов с эмоциональной конституцией, однако это условие, по-видимому, не является необходимым.

Безотносительно к собственно эмоциональной конституции было доказано, что недостаточно хорошее здоровье приводит к усилению эмоциональных реакций. Так, Стрэттон (1929), сопоставив медицинские карты 1000 студентов и их ответы на вопросник о частоте страха и гнева, сделал следующие выводы.

1. Лица, которые перенесли когда-либо тяжелое заболевание, сильнее реагируют на ситуации, вызывающие гнев (а также страх), чем те, которые всегда обладали хорошим здоровьем.

2. Среди больных лица, имевшие несколько заболеваний, сильнее реагируют на ситуации, которые могут вызвать страх (а также гнев).

3. Большое значение имеет возраст, в котором индивиды перенесли болезнь. Страх связан преимущественно с заболеваниями, перенесенными от 11 до 15 лет, а гнев — с заболеваниями в младшем возрасте, то есть до 6 лет. Очевидно, возникает вопрос, можно ли объяснить эти результаты лишь перенесенными заболеваниями? Ведь лица, которые чаще болели, имеют слабое здоровье, а это, возможно, способствует эмоциональности. Однако болезнь как психологическое переживание может, несомненно, оказывать свое специфическое воздействие.

Как уже говорилось, некоторые эмоциональные реакции носят условный характер. Если образование условных связей оказывает длительное влияние, можно сказать, что оно является источником эмоциональности.

Холл и Уайтмен (1951) провели следующий эксперимент на двух группах крыс, выращенных в одинаковых условиях. Одна-

ко крысы экспериментальной группы в течение первой недели своего существования подвергались воздействию очень громкого и резкого звука. В период зрелости обе группы были обследованы по тесту Холла (количество дней, после которых прекращается мочеиспускание и дефекация в эмоциогенных ситуациях). Авторы установили, что экспериментальная группа проявляла эмоциональные реакции в течение более длительного времени по сравнению с контрольной.

Как мы уже говорили, Лидделлу (1956) удалось выработать у барана (и козы) состояния эмоциональности, которые автор рассматривает как длительные экспериментальные неврозы. К ноге барана прикреплялись электроды. За 10 сек до удара электрического тока подавался предупредительный сигнал. Если эту последовательность сигнал—удар повторять каждые 5 мин, то спустя некоторое время спокойное состояние животного в промежутке между сигналами сменяется возбуждением, частота пульса и дыхания становятся нерегулярными, и оно бурно реагирует на каждый электрический удар. Самое примечательное состоит в том, что животное проявляет тревожность и вне лаборатории; днем и ночью, на пастбище и в стойле. Оно убегает при приближении к нему, не спит ночью, оставаясь бдительным, при малейшем шуме у него учащается пульс. Эти эффекты являются весьма длительными. Лидделл констатировал их проявление спустя несколько лет после эксперимента. Интересно, что если электрические удары не предваряются сигналами, то эти феномены не развиваются.

Подобные факты, представляющие трудность при их экспериментальном изучении, проявляются также и у человека. В ходе последних мировых войн приходилось отправлять в тыл солдат, подвергшихся сильным и неоднократным бомбардировкам, так как при слабом шуме у них наступало шоковое состояние.

Эмоциональные потрясения имеют более или менее генерализованный эффект, а эмоциональность может носить избирательный характер. Фобии—это избирательные формы страха (клаустрофобия, нозофобия, эритрофобия и т. д.), которые чаще всего являются последствиями эмоциональных шоков (Lacaze, 1937). Комплекс, по Юнгу, соответствует системе чувств и установок, недостаточно интегрированных в личности. Как правило, он порождается конфликтом и проявляется в бурных реакциях, часто амбивалентных по отношению к некоторым ситуациям или стимуляциям. Классическим примером такого комплекса является комплекс неполноценности Адлера. Источником весьма многочисленных эмоциональных реакций является тревожность или чувство неизбежной и неопределенной опасности в сочетании с неуверенностью в себе. Тревожные субъекты, каково бы ни было происхождение их тревоги, явля-

ются эмоциональными. Так, Мальмо (1950) показал, что у них в условиях болевой ситуации (тепловой стимул, приложенный ко лбу) наблюдается усиление тремора конечностей и головы, напряжения мышц шеи, нерегулярности дыхания по сравнению с испытуемыми контрольной группы в той же ситуации.

Одним словом, у эмоциональных субъектов независимо от того, обусловлена ли их эмоциональность конституцией или трудными экспериментальными условиями, отмечается высокая энергетическая мобилизация, с трудом поддающаяся контролю и порождающая часто эмоциональные реакции, тогда как у субъектов неэмоциональных или менее эмоциональных наблюдаются лишь приспособительные реакции.

§ 5. Эмоциональная зрелость

При прочих равных условиях ребенок более эмоционален, чем взрослый.

Разумеется, эмоции ребенка с возрастом все больше дифференцируются. Он становится восприимчив к новым ситуациям, у него развиваются новые мотивы, особенно после полового созревания. Однако наиболее важным с точки зрения обсуждаемых в этой главе проблем является уменьшение абсолютной частоты эмоций. И в этом нет ничего удивительного. Зрелость характеризуется главным образом развитием самоконтроля и усвоением реакций, адекватных различным ситуациям, с которыми мы сталкиваемся. Ребенок безоружен перед полным неожиданностей физическим миром и перед сложными социальными ситуациями, в которых он может оказаться. Взрослый предвидит ситуации, с которыми он может столкнуться, способен адаптировать к ним свои реакции в гораздо большей мере, чем ребенок. С другой стороны, даже если он не всегда может избежать эмоций, он способен по крайней мере затормозить двигательные реакции и крики, что зависит от волевого контроля.

Если такое представление является правильным в своих основных чертах, то остается еще сказать, что, как отмечал Джерсилд (1952), наши знания в этой области являются еще весьма неполными и что лишь кропотливые продольные исследования позволят создать точную картину генетического развития эмоций.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Achille-Delmas F., Boll M., *La personnalité humaine*. Paris, Flammarion, 1922.
Allport F. H. *Social psychology*, Boston, Houghton Mifflin, 1924.
Anderson O. D., Parmenter R. *A long term study of the experimental*

- neurosis in the sheep and the dog, *Psychosom. Med. Monogr.*, 1941, 2, № 3, 4.
- Arnold M. B. Emotion and personality, 2 vol., New York, Columbia University Press, 1960.
- Ax A. F. The physiological differentiation of fear and anger in humans *Amer. Psychologist*, 1951, 6, 271.
- Bard P. A diencephalic mechanism for the expression of rage with special reference to the sympathetic nervous system, *Amer. J. Physiol.*, 1928, 84, 490—515.
- Central nervous mechanisms for the expression of anger in animals.—In: Reymert M. L. Feelings and emotions, 1950, p. 211—237.
- Barker R. G., Dembo T., Lewin K. Frustration and regression: an experiment with young children, Univ. Jowa. St. Child Welfare, 1941, 18.
- Bartoshuk A. K. Electromyographic gradients in goal directed activity, *Canad. J. Psychol.*, 1955, 9, 21—28.
- Beauvoir S. de. La force de l'âge, Paris, N. R. F., 1960.
- Billingslea F. Y. Intercorrelational analysis of certain behavior salients in the rat, *J. comp. Psychol.*, 1942, 34, 203—211.
- Binet A. Qu'est-ce que l'émotion?, *Année psychol.*, 1910, 17, 1—47.
- Bloch V. Sur les conceptions actuelles de l'émotion, *J. Psychol. norm. et path.*, 1954, 47—51, 79—90.
- Boring E. G., Titchener E. B. A model for the demonstration of facial expression, *Amer. J. Psychol.*, 1923, 34, 471—486.
- Bridges K. M. B. A genetic theory of emotions, *J. genet. Psychol.*, 1930, 37, 514—527.
- Emotional development in early infancy, *Child Development*, 1932, 3, 324—341.
- Broadhurst P. L. Emotionality and the Yerkes—Dodson Law, *J. exp. Psychol.*, 1957, 54, 345—352.
- Brown C. H., Van Gelder D. Emotional reactions before examinations, *J. Psychol.*, 1938, 5, 1—9.
- Brown J. S. Gradients of approach and avoidance responses and their relation to level of motivation, *J. comp. physiol. Psychol.*, 1948, 41, 450—465.
- Brush F. R. The effects of shock intensity on the acquisition and extinction of an avoidance response in dogs, *J. comp. physiol. Psychol.*, 1957, 50, 547—552.
- Bull N. The attitude theory of emotion, *Nervous and mental disease monographs*, 1951.
- Burloud A. Le caractère, Paris, P. U. F., 1942.
- Burt C. The factorial study of emotions.—In: Reymert M. L. Feelings and emotions, 1950, p. 531—551.
- Быков К. М. Избранные произведения, т. II, М., 1954.
- Caïn J. Le problème des névroses expérimentales, Paris, Desclée de Brouwer, 1959.
- Кеннон В. Физиология эмоций. Телесные изменения при боли, голоде, страхе и ярости, Л., 1927.
- The James—Lange theory of emotions. A critical examination and an alternative theory, *Amer. J. Psychol.*, 1927, 39, 106—124.
- Cannon W. B., Britton S. W., Lewis J. T., Groeneveld A. The influence of motion and emotion on medulliadrenal secretion, *Amer. J. Physiol.*, 1927, 79, 433—465.
- Cannon W. B. Neural organization for emotional expression.—In: Reymert M. L. Feelings and Emotions, 1928.
- La sagesse du corps, Paris, Ed. Nouvelle Revue Critique, 1946.
- Cardo B. Rapports entre le niveau de vigilance et le conditionnement chez l'animal. Étude pharmacologique et neurologique, Paris, Masson, 1961.
- Carmichael L., Roberts S. O., Wessell N. Y. A study of the judg-

- ment of manual expression as presented in still and motion pictures, *J. soc. Psychol.*, 1937, 8, 115—142.
- Cattell R. B. La personnalité, Paris, P.U.F., 1956.
- Chauchard P. La médecine psychosomatique, Paris, P.U.F., 1955.
- Claparède (Ed.), Feelings and emotions.—In: Reymert M. L. Feelings and emotions, 1928, p. 124—139.
- Coleman J. C. Facial expressions of emotion, *Psychol. Monogr.*, 1949, 63, № 296, 36 p.
- Davis R. C. Methods of measuring tension, *Psychol. Bull.*, 1942, 39, 329—346.
- Davis R. C., Buchwald A. M., Frankmann R. W. Autonomic and muscular responses and their relation to simple stimuli, *Psychol. Monogr.*, 1955, 69, № 405.
- Davis R. C. Responses patterns, *Trans. N. Y. Acad. Sci.*, 1957, 19, 731—739.
- Davis R. C., Buchwald A. M. An exploration of somatic responses patterns: stimulus and sex differences, *J. comp. physiol. Psychol.*, 1957, 50, 44—52.
- Дарвин Ч. Выражение эмоций у человека и животных, Соч., т. 5, М., 1953.
- Dejean R. L'émotion, Paris, Alcan, 1933.
- Delay J. Introduction à la médecine psychosomatique, Paris, Masson, 1961.
- Delgado J. M. R., Roberts W. W., Miller N. E. Learning motivated by electrical stimulation of the brain, *Amer. J. Physiol.*, 1954, 179, 587—593.
- Delgado J. M. R. Cerebral structures involved in transmission, and elaboration of noxious stimulation, *J. Neurophysiol.*, 1955, 18, 261—275.
- Delgado J. M. R., Rosvold H. E., Looney E. Evoking conditioning fear by electrical stimulation of subcortical structures in the monkey brain, *J. comp. physiol. Psychol.*, 1956, 49, 373—380.
- Derrien E., Piéron H. De la réaction glycémique émotionnelle, *J. Psychol. norm. et path.*, 1923, 20, 533.
- Dewey J. The theory of emotion: I. Emotional Attitudes. II. The significance of emotions, *Psychol. Rev.*, 1894, 1, 553—569; 1895, 2, 13—32.
- Duffy E. The relationship between muscular tension and quality of performance, *Amer. J. Psychol.*, 1932, 44, 535—546.
- Emotion: an example of the need for reorientation in psychology, *Psychol. Rev.*, 1934, 41, 184—198.
- An explanation of "emotional" phenomena without the use of the concept "emotion", *J. gen. Psychol.*, 1941, 25, 283—296.
- The concept of energy mobilization, *Psychol. Rev.*, 1951, 58, 30—40.
- Dufour Ph. Essai sur l'étude de l'homme considéré sous le double point de vue de la vie animale et de la vie intellectuelle, Paris, Person, 2 vol., 1883.
- Dumas G. Les chocs émotionnels. Les émotions.—In: Dumas G. Nouveau Traité de Psychologie, t. II, Paris, P. U. F., 1932, p. 297—443.
- La mimique des aveugles, *Bull. Acad. de Méd.*, 1932, 107, 607—610 (см. также La vie affective, Paris, P.U.F., 1948).
- Le désagréable et l'agréable. La douleur et le plaisir.—In: Dumas G. Nouveau Traité de Psychologie, t. II, Paris, P. U. F., 1932, p. 221—296.
- L'expression des émotions. Les mimiques.—In: Dumas G. Nouveau Traité de Psychologie, t. III, Paris, P. U. F., 1933, p. 39—360.
- Dunbar F. Emotions and bodily changes, New York, Columbia Univ. Press, 1938.
- Dunlap K. Role of eye-muscles and mouth muscles in the expression of emotions, *Genet. psychol. Monogr.*, 1927, 2, 197—233.
- Dusenberry D., Knower F. H. Experimental studies of the symbolism of action and voice: II. A study of the specificity of meaning in abstract tonal symbols, *Quart. J. Speech*, 1939, 25, 65—75.
- Dupré E. Pathologie de l'imagination et de l'émotivité, Paris, Payot, 1925.

- Edwards A. S. Involuntary movements following perceived and recalled emotional situations, *J. gen. Psychol.*, 1949, 41, 233—238.
- Estes W. K., Skinner B. F. Some quantitative properties of anxiety, *J. exp. Psychol.*, 1941, 29, 390—400.
- Feleky A. Feelings and emotions, New York, Prouer Press, 1922.
- Fenichel O. La théorie psychanalytique des névroses, 2 vol., Paris, P. U. F., 1953.
- Fernberger S. W. False suggestion and the Piderit model, *Amer. J. Psychol.*, 1928, 40, 562—568.
- Fraisse P., Bloch V. Activité psycho-galvanique et rapidité dans une épreuve sensori-motrice complexe, *Acta Psychol. Amst.*, 1957, 13, 127—139.
- Freeman G. L. The relationship between performance level and bodily activity level, *J. exp. Psychol.*, 1940, 26, 602—608.
- Freeman G. L., Katzoff E. T. Individual differences in physiological reactions to stimulation and their relation to other measures of emotionality, *J. exp. Psychol.*, 1942, 31, 527—537.
- Freeman G. L., Pathman J. H. The relation of overt muscular discharge to physiological recovery from experimentally induced displacement, *J. exp. Psychol.*, 1942, 30, 161—174.
- The energetics of human behavior, Cornell Univ. Press, 1948.
- Frois-Wittmann J. The judgment of facial expression, *J. exp. Psychol.*, 1930, 13, 113—151.
- Fulcher J. S. "Voluntary" facial expression in blind and seeing children, *Arch. Psychol.*, N. Y., 1942, № 272.
- Gastaut H. Données actuelles sur les mécanismes physiologiques centraux de l'émotion, *Bull. de Psychol.*, 1957, II, 119—130.
- Gates G. S. An experimental study of the growth of social perception, *J. educ. Psychol.*, 1923, 14, 449—461.
- An observational study of anger, *J. exp. Psychol.*, 1926, 9, 325—336.
- Gellhorn E. Autonomic regulations. Their significance for physiology, psychology and neuropsychiatry, New York, Interscience, 1943.
- Goodenough F. L. Anger in young children, Minneapolis Univ. Press, 1931.
- Grinker R. R., Robins F. P. Cliniques psychosomatiques, Paris, P. U. F., 1959.
- Guilford J. P. An experiment in learning to read facial expressions, *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1929, 24, 191—202.
- Hagman R. R. A study of fears of children of preschool age, *J. exp. Educ.*, 1932, 1, 110—130.
- Hall C. S. Temperament: a survey of animal studies, *Psychol. Bull.*, 1941, 38, 909—943.
- Hall C. S., Whiteman P. H. Effects of infantile stimulation upon later emotional stability in the mouse, *J. comp. physiol. Psychol.*, 1951, 44, 61—66.
- Hammes J. A. Visual discrimination learning as a function of shock fear and task difficulty, *J. comp. physiol. Psychol.*, 1956, 49, 481—484.
- Hebb D. O. On the nature of fear, *Psychol. Rev.*, 1946, 53, 259—276 (a).
- Emotion in man and animal. An analysis of the intuitive processes of recognition, *Psychol. Rev.*, 1946, 53, 88—106 (b).
- Drives and the conceptual nervous system, *Psychol. Rev.*, 1955, 62, 243—254.
- Hodge F. A. The emotions in a new role, *Psychol. Rev.*, 1935, 42, 555—565.
- Honkavaara S. The psychology of expression, *Brit. J. Psychol. Monogr. Suppl.*, 1961, 32.
- Hörmann H., Todt E. Lärm und Lernen, *Zeits. exp. angew. Psychol.*, 1960, VII, 422—426.
- Hunt W. A. The reliability of introspection in emotion, *Amer. J. Psychol.*, 1937, 49, 650—653.
- Recent developments in the field of emotion, *Psychol. Bull.*, 1941, 38, 249—276.

- Jacobson E. Response to a sudden unexpected stimulus, *J. exp. Psychol.*, 1927, 10, 19—25.
- Progressive relaxation, Univ. of Chicago Press, 1928.
 - Electrophysiology of mental activities, *Amer. J. Psychol.*, 1932, 44, 677—694.
 - Muscular tension and the estimation of effort, *Amer. J. Psychol.*, 1951, 64, 112—117.
- James W. What is emotion, *Mind*, 1884, 9, 188—205.
- La théorie de l'émotion, Paris, Alcan, 1902, 3e éd., 1910.
 - Précis de Psychologie, 9e éd., Paris, Rivière, 1932.
 - Психология, СПб., 1905, стр. 320—336.
- Janet P. De l'angoisse à l'extase, 2 vol., Paris, Alcan, 1928.
- Jersild A. T. Le développement émotionnel.— In: Carmichael L., Manuel de psychologie de l'enfant, 3 vol., Paris, P.U.F., 1952, p. 1190—1253.
- Jones H. E. The conditioning of overt emotional responses, *J. educ. Psychol.*, 1931, 22, 127—130.
- The galvanic skin reflex as related to overt emotional expression, *Amer. J. Psychol.*, 1935, 47, 241—251.
 - The study of patterns of emotional expression.— In: Reymert M. L. Feelings and emotions, 1950, p. 161—168.
- Jones M. C. The elimination of children's fears, *J. exp. Psychol.*, 1924, 7, 382—390.
- A laboratory study of fear: the case of Peter, *Ped. Sem.*, 1924, 31, 308—315.
- Kanner L. Judging emotions from facial expressions, *Psychol. Monogr.*, 1931, 41, № 186.
- Klineberg O. Psychologie sociale, 2 vol., Paris, P.U.F., 1957, 1959.
- Красногорский Н. И. Высшая нервная деятельность ребенка, М., Медгиз, 1958.
- Lacey J. I. Individual differences in somatic response patterns, *J. comp. physiol. Psychol.*, 1950, 43, 338—350.
- The evaluation of autonomic responses. Toward a general solution, *Ann. N. Y. Acad. Sci.*, 1956, 67, 123—164.
- Lacey J. I., Lacey B. C. Verification of the principle of autonomic response stereotypy, *Amer. J. Psychol.*, 1958, LXXI, 50—73.
- Lacroze R. L'angoisse et l'émotion, Paris, Boivin, 1937.
- Landis C. Studies of emotional reactions: II. General behavior and facial expression, *J. comp. Psychol.*, 1924, 4, 447—509.
- Landis C., Hunt W. A. The startle pattern, New York, Farrar, 1939.
- Lange C. Les émotions, Paris, Alcan, 1895.
- Langfeld H. S. The judgment of emotions from facial expressions, *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1918, 13, 172—184.
- Leeper R. W. A motivational theory of emotion to replace "emotion as disorganized response", *Psychol. Rev.*, 1948, 55, 5—21.
- Lehmann. Die Hauptgesetze des menschlichen Gefühlslebens, Leipzig, Reissland, 1892.
- Leroy-Boussion A. De l'inquiétude au rire. Contribution à l'étude expérimentale du rire enfantin, *Enfance*, 1955, 8, 455—483.
- Le Senne R. Traité de caractérologie, Paris, P. U. F., 1945.
- Lewin K. Environmental forces in child behavior and development.— In: Murchison C., A Handbook of child Psychology, Worcester Clark Univ. Press, 1931.
- Lewin K. The dynamic theory of personality, New York, 1935.
- Liddell H. S. Animal origins of anxiety.— In: Reymert M. L. Feelings and emotions, 1950, 181—188.
- Emotional hazards in animals and man, Springfield, Illinois, Thomas, 1956.
- Lin Chuan Ting. Les réactions chez les nouveau-né avant et après le repas, Louvain, Nauwelaerts, 1949.
- Lindsley D. B. Emotions and the electroencephalogram.— In: Reymert M. L. Feelings and emotions, 1950.

- Линдслей Д. Б. Эмоции.— В: Стивенс С. С., Экспериментальная психология, Т. 1, ИЛ, 1960.
- Psychophysiology and motivation.— In: Jones M. R. Nebraska symposium on motivation, Lincoln, Univ. Nebr. Press, 1957, p. 44—104.
- Лурия А. П. The nature of human conflicts, New York, Liveright, 1932.
- Mac Lean P. D. Psychosomatic disease and the "visceral brain"; recent developments bearing on the Papez theory of emotion, *Psychosom. Med.*, 1949, 11, 338—353.
- Мэгун Г. Бодрствующий мозг, М., 1965.
- Malapert P. Les éléments du caractère et les lois de leur combinaison, Paris, Alcan, 1897.
- Malmö R. B. Experimental studies of mental patients under stress.— In: Reymert M. L. Feelings and emotions, 1950.
- Shagass C., Davis J. F. Electromyographic studies of muscular tension in psychiatric patients under stress, *J. clin. exp. Psychopath.*, 1951, 12, 45—66.
- Activation. A neuropsychological dimension, *Psychol. Rev.*, 1959, 66, 367—386.
- Malrieu P. Les émotions et la personnalité de l'enfant, Paris, Vrin, 1952.
- Evolution et fonction des émotions dans la première année de l'enfant, *Rev. suisse Psychol.*, 1960, 19, 132—151.
- Masserman J. H. Behavior and neurosis, Univ. Chicago Press, 1943.
- McDougall W. The group mind, New York, Pritnam's sons, 1920.
- Melzack R. The genesis of emotional behavior: an experimental study of the dog, *J. comp. physiol. Psychol.*, 1954, 47, 166—168.
- Menzies R. Conditioned vasomotor responses in human subjects, *J. Psychol.*, 1937, 4, 75—120.
- Migliorino G. Les bases anatomiques du rire, *Bull. Psychol.*, 1957, 11, 50—57.
- Miller N. E. Experimental studies of conflict.— In: Hunt J. Mc. V. Personality and the behavior disorders, New York, Ronald Press, 1944.
- Morgan C. T. Psychologie physiologique, 2 vol., Paris, P. U. F., 1949.
- Mosso A. La peur, Paris, Alcan, 1888.
- Munn N. L. The effect of knowledge of the situation upon judgment of emotion from facial expression, *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1940, 35, 324—338.
- Olds J., Milner P. Positive reinforcement produced by electrical stimulation of septal area and other regions of rat brain, *J. comp. physiol. Psychol.*, 1954, 47, 419—427.
- Olds J. Physiological mechanisms of reward:— In: Jones M. R. Nebraska Symposium on motivation, Lincoln, 1955, p. 73—139.
- Papez J. W. A proposed mechanism of emotion, *Arch. Neur. Psychiat.*, 1937, 38, 725—743.
- Parmentier-Beloux M. Etude statistique de l'hyperidrose palmaire chez les enfants et les adolescents, *Presse méd.*, 1953, 61, 783.
- Patrick J. R. Studies in rational behavior and emotional excitement: the effect of emotional excitement on rational behavior of human subjects, *J. comp. Psychol.*, 1934, 18, 153—195.
- Павлов И. П. Полное собрание сочинений, т. IV, М.-Л., 1951.
- Piéron H. Emotions in animals and man.— In: Reymert M. L. Feelings and emotions, 1928, p. 284—294.
- De l'actinie à l'homme, 2 vol., Paris, P. U. F., 1959.
- Rey A. Les conduites conditionnées du cobaye, *Arch. de Psychol.*, 1936, 25, 217—312.
- Reymert M. L. Feelings and emotions. The Wittenberg symposium, Worcester Clark Univ. Press, 1928.
- Reymert M. L. Feelings and emotions. The Mooseheart symposium, New York, McGraw-Hill Co, 1950.
- Рибо Т. Современная германская психология (Опытная школа), СПб, 1895.

- Sanders M. J. An experimental demonstration of regression in the rat, *J. exp. Psychol.*, 1937, 21, 493—510.
- Sartre J.-P. Esquisse d'une théorie des émotions, Paris, Hermann, 2 éd., 1948.
- Sawrey W. L., Conger J. J., Turrell E. S. An experimental investigation of the role of the psychological factor in the production of gastric ulcers in rat, *J. comp. physiol. Psychol.*, 1956, 49, 457—461.
- Schaffer H. R. Behavior under stress. A neurophysiological stress, *Psychol. Rev.*, 1954, 61, 323—333.
- Schlosberg H. A scale for judgment of facial expressions, *J. exp. Psychol.*, 1941, 29, 497—510.
- Three dimensions of emotions, *Psychol. Rev.*, 1954, 61, 81—88.
- Schnore M. M. Individual patterns of physiological activity as a function of task differences and degree of arousal, *J. exp. Psychol.*, 1959, 58, 117—128.
- Schultz J. H. Manuel pratique du training autogène, Paris, P. U. F., 1958.
- Schulze R. Die Mimik der Kinder beim künstlerischen Geniessen, Leipzig, Voigtländer, 1906.
- Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме, М., Медгиз, 1960.
- The stress of life, New York, McGraw-Hill, 1956.
- Schaffer L. F. Fear and courage in aerial combat, *J. consult. Psychol.*, 1947, 11, 137—143.
- Sheldon W. H. Les variétés du tempérament, Paris, P. U. F., 1951.
- Sherman M. The differentiation of emotional responses in infants, *J. comp. Psychol.*, 1927, 7, 265—284; II, *ibid.*, 335—351; III, 1928, 8, 385—394.
- Sherrington C. S. Experiments on the value of vascular and visceral factors for the genesis of emotion, *Proc. Royal. Soc.*, 1900, 66, 390—403.
- Siyavusgil S. E. Recherches sur la compréhension des mimiques, *Socyo-logi Dergisi*, Istanbul, 1949, 421—441.
- Somer E. de, Heymans J. F. Méthode pour conserver à l'état de survie la tête isolée des animaux mammifères, *J. de Physiol.*, 1912, 14, 1138—1142.
- Stennet R. G. The relationship of performance level to level of arousal, *J. exp. Psychol.*, 1957, 54, 54—61.
- Stoffels M. J. La réaction dite de colère chez les nouveau-née, *J. Psychol. norm. et path.*, 1940, 41, 37—38, 92—148.
- Stratton G. M. Excitement as an indifferenced emotion.—In: Reymert M. L. Feelings and emotions, 1928, p. 215—221.
- Emotion and the incidence of disease: the influence of the number of diseases and of the age at which they occur, *Psychol. Rev.*, 1929, 36, 242—253.
- Thompson J. Development of facial expression of emotion in blind and seeing children, *Arch. of Psychol.*, 1941, № 264.
- Titchener E. B. An historical note on the James-Lange Theory of emotion, *Amer. J. Psychol.*, 1914, 25, 427—447.
- Volkman W. Lehrbuch der Psychologie von Stand des Realismus und nach genetischer Methode, 1885.
- Wallenstein H. An electromyographic study of attentive listening. *Canad. J. Psychol.*, 1954, 8, 227—238.
- Wallon H. Les origines du caractère chez l'enfant, Paris, Boivin, 1934, 2e éd., Paris, P.U.F., 1949.
- Watson J. B., Morgan J. J. B. Emotional reactions and psychological experimentation, *Amer. J. Psychol.*, 1917, 28, 163—174.
- Watson J. B., Rayner R. Conditioned emotional reactions, *J. exp. Psychol.*, 1920, 3, 1—14.

- Watson J. B. A schematic outline of the emotions, *Psychol. Rev.*, 1919, 26, 165—196.
- Experimental studies on the growth of the emotions, *Ped. Sem.*, 1925, 32, 328—348.
- Whitehorn J. C., Kaufman M. R., Thomas J. M. Heart rate in relation to emotional disturbances, *Arch. Neurol. Psychiat.*, 1935, 33, 712—731.
- Willingham W. W. The organization of emotional behavior in mice, *J. comp. physiol. Psychol.*, 1956, 49, 345—348.
- Вудвортс Р. Экспериментальная психология, М., ИЛ. 1950.
- Woodworth R. S., Schlosberg H. Experimental psychology, New York, Henri Holt, 1954.
- Вундт В. Основы физиологической психологии, СПб, 1874—1881, т. II и III.
- Yeakel E. H., Rhoades P. P. A comparison of the body and endocrine gland, Weights of emotional and non emotional rats, *Endocrinology*, 1941, 28, 337—340.
- Yerkes R. M., Dodson J. D. The relation of strength of stimulus to rapidity of habit formation, *J. comp. neurol. Psychol.*, 1908, 18, 458—482.
- Young P. T. Emotion in man and animal, New York, Wiley, 1943.
- Emotion as disorganised response. A reply to Professor Leeper, *Psychol. Rev.*, 1949, 56, 184—191.

Г л а в а XVII

СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ

Ришар Мейли

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	197
§ 1. Определение, 197; § 2. Три аспекта личности, 197; § 3. Теория и практика, 198; § 4. Проблемы метода, 198; § 5. Средства исследования, 200; § 6. План главы, 203.	
II. Связь между физическими и психическими аспектами личности	204
§ 1. Изолированные черты, 204; § 2. Типы, 205.	
III. Черты личности	215
§ 1. Важность понятия «черта», 215; § 2. Первичная черта, 217; § 3. Черты как переменные, 219; § 4. Черта как генерализованная реакция, 221; § 5. Исследование черт, 222.	
IV. Факторный анализ личности	228
§ 1. Факторная стратегия, 229; § 2. Список факторов, 233; § 3. Оценка результатов, полученных с помощью факторного анализа, 243.	
V. Генезис личности	248
§ 1. Отправные моменты, 248; § 2. Разнообразие поведения, 251; § 3. Выводы, 257.	
VI Инстанции личности	259
§ 1. «Оно» и подсознание, 260; § 2. Различные аспекты «Я», 261; § 3. Образ самого себя, 265; § 4. Уровень притязаний и уровень ожиданий, 270; § 5. Равновесие и сила «Я», 271; § 6. Социально желательные качества, 273; § 7. Идеальный образ и «сверх-Я», 274; § 8. Общие выводы, 275.	
Библиография	278

1. ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Определение

Понятие «личность» определяли по-разному. Олпорт (1949), например, приводит 50 различных определений. Между тем эти различия касаются не столько самого объекта нашего исследования, сколько его концептуализации, и отражают, таким образом, теоретические разногласия авторов. В настоящей главе, где нам предстоит познакомить читателя с современными представлениями о структуре личности, мы вправе ограничиться определением того объекта, структуру которого мы собираемся изучать. Определение природы личности может быть только результатом исследования и не может ему предшествовать. Что же касается объекта нашего исследования, то им является тот конкретный человек, с которым мы встречаемся на улице, на работе или во время отдыха. Таким образом, под термином «личность» мы понимаем ту совокупность психологических качеств, которая характеризует каждого отдельного человека. Личность является, следовательно, не абстракцией, а тем живым существом, которое мы можем воспринимать вовне или ощущать изнутри и которое весьма индивидуально. Психология личности должна, стало быть, обязательно учитывать индивидуальные различия, и целью ее должно стать как можно более точное их определение и объяснение.

§ 2. Три аспекта личности

В этом широком смысле термин «личность» включает в себя такие понятия, как характер, темперамент и способности, соответствующие трем ее частным аспектам.

Относительно любого действия всегда можно задать три вопроса, хотя для исследователя особый интерес может представлять ответ лишь на один из них. Можно интересоваться тем, какие инструменты, или механизмы, участвовали в осуществлении действия; можно спросить, как оно разворачивалось, какова его энергетика, динамика — каковы его скорость, регулярность, интенсивность; наконец, можно попытаться выяснить, в чем смысл, каковы происхождение и цель действия. Ответ на первый вопрос связывают со способностями, на второй — с темпераментом и на третий — с мотивацией. До того как последнее понятие получило широкое распространение, все в личности, что не удавалось объяснить ни способностями, ни темпераментом, называлось характером. В настоящее время принято считать, что к сфере темперамента в указанном выше смысле следует относить все, что связано с врожденными предраспо-

ложениями, в то время как способности и в еще большей степени мотивация связаны с воздействием внешних событий или, другими словами, с научением.

§ 3. Теория и практика

Личность является конечным и, следовательно, наиболее сложным объектом психологии. В известном смысле она объединяет в одно целое всю психологию, и нет в этой науке такого исследования, которое не вносило бы вклад в познание личности. В этом замечании не кроется притязание на чужие территории, равно как и не претендует оно на то, чтобы превратить психологию личности в головную дисциплину; нам просто хотелось подчеркнуть, что каждый, кто изучает личность, не должен игнорировать другие области психологии.

В настоящей главе нам предстоит говорить о структуре личности. Понятие «структура» предполагает, что многочисленные и всегда разные проявления личности детерминированы более стабильной структурой, составляющей их основу. Большая часть определений личности является фактически попытками уточнить сущность этой структуры. Поскольку последняя является чрезвычайно сложной и имеет бесчисленное множество качественно различных проявлений, необходимо найти ее основные компоненты или категории, с помощью которых стало бы возможным ее однозначное описание.

Экспериментальное изучение структуры личности началось сравнительно недавно, и даже в настоящее время количество «теорий» личности обратно пропорционально числу систематических исследований. Такая диспропорция неизбежна в области, где каждый эксперимент относится лишь к частному факту, абсолютно несоразмерному сложности самого объекта. Необходимо и полезно пытаться время от времени осуществлять синтез всех накопленных фактов; кроме того, столь же правомерно обращение к личному опыту и интуиции. Такие суммарные точки зрения имеют лишь относительную и преходящую ценность, подсказывая пути возможной экспериментальной проверки. Мы не предполагаем изложить здесь все существующие позиции, однако по мере необходимости будем говорить о теоретических концепциях, лежащих в основе тех или иных исследований.

§ 4. Проблемы метода

Чтобы понять те особые трудности, которые возникают при исследовании личности, полезно остановиться на общеметодологических проблемах. В классическом физико-химическом эксперименте изучаются изменения зависимой переменной как функции контролируемой экспериментатором независимой пе-

ременной. В психологии такая стратегия эксперимента также оказалась чрезвычайно плодотворной. Однако в той ее области, о которой идет речь в настоящей главе, она едва ли приемлема. Здесь, как правило, группе или нескольким группам испытуемых предлагается тест или анкета либо поведение испытуемых наблюдается в заданной ситуации с целью регистрации их индивидуальных реакций. Независимой переменной в каждом из этих случаев является, следовательно, структура личности испытуемых. Но эта переменная неуправляема, поскольку она как раз и является тем неизвестным, для исследования которого задуман данный эксперимент. Обозначившийся таким образом замкнутый круг позволяет нам понять, почему так медленен прогресс в этой области психологии и почему в ней могут сосуществовать самые различные теории, которые никак не удается классифицировать на экспериментальной основе.

Можно попытаться несколько уменьшить неопределенность независимой переменной, исследуя вариации ответов не индивидов, а целых групп, подбираемых с достаточной степенью точности. Так, можно изучать реакции в зависимости от возраста, пола или клинической категории группы (к примеру, шизофреники, маньяки, невротики). Чем выше уверенность в том, что члены группы подобраны тщательно и на основании достаточно специфического признака — что случается не так уж часто, — тем больше этот метод приближается к подлинному эксперименту. Можно сделать еще один шаг в этом направлении, выбирая испытуемых на основе предварительных экспериментов (например, по их результатам в тестах на общую тревожность, или интроверсию, или ригидность и т. д. либо по совокупности таких критериев). Но такие исследования, требующие длительной подготовки, поскольку образование гомогенных в том или ином отношении групп является делом нелегким, имеют смысл только в том случае, если можно сформулировать достаточно конкретные гипотезы относительно одновременно происходящих изменений и если есть уверенность в том, что выбранный критерий подбора групп имеет точное психологическое значение.

Немногие исследования могут удовлетворить этим требованиям; как правило, в них реализуется одна из следующих трех стратегий:

А) Ответы, получаемые в так называемых прожективных тестах, рассматриваются как отражение личности в целом; далее делается попытка построить на основании различия индивидуальных ответов модель структуры личности. Однако, поскольку соответствующие интерпретации неизбежно опираются на некоторые предварительные гипотезы о структуре личности, то и конечный результат также частично определяется ими.

Б) Анализируется зависимость между некоторой чертой личности, определенной, например, с помощью теста или анкеты, и другими переменными. В этом случае считается правомерным использование данной черты в качестве независимой переменной. На самом деле в этих опытах мы имеем два проявления, связь которых с фундаментальными свойствами или переменными личности является гипотетической. Этот метод может представлять известную ценность лишь в том случае, если в ходе предварительных опытов в достаточной мере определена независимая переменная.

В) Чтобы обойти эти трудности, обычно прибегают к методу факторного анализа, позволяющего одновременно анализировать всю совокупность результатов с целью нахождения переменных, посредством которых можно объяснить связи между исходными данными. В этом случае трудности возникают при интерпретации факторов, которая возможна только при условии, что известно психологическое значение по крайней мере некоторых из измеряемых переменных; между тем, как правило, такие знания основываются лишь на интуиции.

Таким образом, едва ли возможно полностью освободиться от неточностей, с которыми сопряжено использование независимых переменных, необходимо, однако, отчетливо видеть те аспекты выбранной методики, которые непосредственно обусловлены характером предварительных гипотез, и по возможности свести их к минимуму. Все попытки ограничиться в этой области операционально определяемыми переменными заранее обречены на неудачу, поскольку в этом случае мы оказываемся за пределами интересующих нас проблем. Следует рассчитывать лишь на постепенное уточнение наиболее важных понятий и появление возможностей для проведения более строгих экспериментальных исследований.

§ 5. Средства исследования

В принципе адекватным средством исследования в данной области является непосредственное наблюдение поведения, поскольку повседневное поведение в реальных ситуациях, в семье, на работе, в процессе общения со знакомыми и незнакомыми людьми, с друзьями, посторонними и врагами, собственно, и является выражением личности. Ввиду того что практически невозможно наблюдать всю совокупность поступков человека, а рассмотрение случайно зарегистрированных ответов различных испытуемых, то есть весьма разрозненных и трудно сопоставимых данных, носит явно произвольный характер, приходится применять специальные методики, из которых основными являются следующие.

А. Изучение биографий и автобиографий

Эти документы наиболее близки к непосредственному наблюдению, поскольку они охватывают самые важные моменты жизни человека. Однако из-за своей субъективной окраски они не могут служить полным и объективным отражением поведения индивида. Правда, длительность наблюдений частично компенсирует этот недостаток. Видимо, первым, кто стал систематически пользоваться этим источником информации, был Хейманс (1908), и нет никаких сомнений в том, что детальное сопоставление автобиографических описаний поведения в типичных ситуациях может дать интересные результаты. Вутсинас (1959) подчеркнул важность таких исследований и сформулировал несколько правил их осуществления.

Б. Вопросники

Для того чтобы суждение о человеке не основывалось на нескольких изолированных наблюдениях, какими бы характерными ни казались наблюдаемые поступки, очень часто прибегают к помощи вопросников, ответы на которые могут давать как сами испытуемые, так и третьи лица: родители, преподаватели, друзья и т. д. В вопросниках может идти речь о поведении, чертах характера, интересах, отношениях и т. д. Хейманс и Вирсма (1909) первые применили этот метод в широком масштабе. Есть основания полагать, что ответы на вопросы выявляют более постоянные и менее случайные характеристики по сравнению с несистематическими наблюдениями, однако этот метод, естественно, содержит в себе множество источников возможных ошибок. Для индивидуальной диагностики этот метод значительно более трудоемок по сравнению с определением ковариации переменных. Нам еще предстоит убедиться в том, насколько широко применяется этот метод.

В. Создание экспериментальных ситуаций

Еще одно средство освобождения от недостатков несистематических наблюдений состоит в создании экспериментальных ситуаций, строго одинаковых для всех испытуемых. Этот метод более объективен, но, к сожалению, весьма ограничивает рамки исследования. Дело не только в том, что применение его сложно и требует длительного времени, но сам выбор ситуаций весьма ограничен. Например, почти невозможно создать достаточно выраженные экспериментальные ситуации, вызывающие фрустрацию, разочарование или опасность, кроме того, никогда

нельзя быть уверенным, что реакция испытуемого такова, какой она была бы в аналогичной, но не экспериментальной ситуации. Хотя этот метод в целом использовался не очень широко, необходимо тем не менее упомянуть исследования, проводившиеся в английской и американской армиях с целью отбора офицерского состава (*assessment of personality*).

Г. Применение тестов

В качестве примера можно указать тесты Роршаха, Спонди, Виллажа, ТАТ и т. п., которые в настоящее время обычно называют «проективными тестами», придавая этому термину достаточно неопределенное значение «отражающий личность». Спецификой этих тестов является слабая структурированность их материала. Поэтому ответы определяются главным образом особенностями самих испытуемых. Ответы рассматриваются как отражения, или проекции, личности в целом. В них содержится буквально все, в чем и заключается их ценность, однако чрезвычайно трудно выделить в них частные и вполне определенные факторы. Интерпретация ответов основывается на некоторой концепции структуры личности, которую и требуется, как правило, подтвердить. Такого рода логический круг неизбежен в науке, изучающей структуру, элементы которой зависят от целого, а последнее в свою очередь приходится определять через его элементы; но он становится порочным, как только мы забываем о том, что анализ результатов приводит лишь к появлению гипотез, требующих проведения новых экспериментов. Истина в данном случае может быть достигнута только в результате непрерывного процесса приведения исходных гипотез в соответствие с новыми фактами.

Помимо этих глобальных тестов, возможны тесты «аналитические», предназначенные для уточнения какого-либо одного аспекта или качества личности: экстраверсии, чувства юмора, характера принятия решения и т. д. Гипотезы, являющиеся следствием применения глобальных тестов, должны подвергаться проверке с помощью специальных тестов, содержащих меньшее число переменных. В настоящее время встает вопрос о построении таких тестов.

Д. Изучение экспрессивных проявлений

Уже с давних пор выражение лица служило средством изучения личности. Не восходя в поисках первоисточников к античным временам, отметим Ла Шамбра (1640—1662) и Лаватера (1775—1778), которые систематически пользовались этим ме-

тодом. В настоящее время место лица занимает почерк. Научные исследования почти не пользуются этими средствами, слишком дискредитированными в результате часто неразборчивого их применения. Однако гипотеза о том, что в лице, почерке, жестах, словах и т. д. отражается личность, уязвима не больше, чем гипотеза о том, что личность отражается в рисунках, рассказах и т. д., поэтому едва ли целесообразно отказываться от этого важного источника информации, находящегося в нашем распоряжении.

С помощью перечисленных средств можно исследовать намеченные выше три аспекта личности. Тесты, связанные с выполнением действий, говорят главным образом о способностях; тесты, выявляющие интересы, и проективные тесты (ТАТ, например) — о мотивации; наконец, другие тесты и различные экспрессивные движения выявляют в первую очередь особенности темперамента. При непосредственном наблюдении реального поведения эти три аспекта личности можно изучать по отдельности. Однако, разделяя их в целях анализа, в силу того, что нам еще очень мало известно относительно степени их автономности, не будет излишним помнить все время, что по отдельности эти аспекты существовать не могут.

§ 6. План главы

История исследований структуры личности предстает перед нами отнюдь не как последовательность наслаивающихся друг на друга открытий, результатом которых является все большая ясность и разработанность концепции, лежащей в их основе. Она является, скорее, совокупностью независимых исследований, основывающихся на различных теоретических представлениях и использующих разные методы.

Если в начале экспериментальных исследований доминировала тенденция считать черты личности независимыми (по аналогии с независимыми способностями), то на смену ей пришла более синтетическая точка зрения, кристаллизовавшаяся вокруг понятия «тип». Позднее появились новые орудия исследования — факторный анализ и соответствующая теоретическая система, благоприятствующие, как и раньше, аналитическому подходу. Психоаналитические теории и теория Левина ввели динамический аспект в исследование личности и вместе с бихевиристской психологией научения положили начало изучению процесса формирования личности.

Все эти течения и сейчас продолжают стимулировать многочисленные исследования, но теперь все более вырисовывается и возможность синтеза разнообразных знаний. В настоящее время, однако, такой синтез не может быть осуществлен, пока

не найдут теоретического решения многие спорные вопросы. Поэтому в данной главе нам придется ограничиться изложением главных результатов, полученных представителями различных направлений исследования. Наше изложение будет, несомненно, нести на себе некоторую печать субъективизма, по крайней мере при определении важности той или иной проблемы, однако я постараюсь не опустить ничего такого, что в экспериментальном плане является вехой в развитии психологии личности и продолжает по сей день приносить полезные результаты.

Что же касается последовательности изложения материала, то я буду придерживаться одновременно и систематического, и исторического принципов, поскольку ни один из них в отдельности не является вполне удовлетворительным. В разделах II, III и IV будут рассмотрены — примерно в порядке их возникновения — вопросы, связанные с тремя большими группами исследований в области определения основных типов, свойств и факторов личности. В разделах V и VI будут проанализированы генетические исследования и исследования, посвященные инстанциям личности, формирующимся в процессе ее эволюции.

II. СВЯЗЬ МЕЖДУ ФИЗИЧЕСКИМИ И ПСИХИЧЕСКИМИ АСПЕКТАМИ ЛИЧНОСТИ

В результате непосредственного наблюдения мы схватываем множество частных проявлений личности и, таким образом, ее глобальную форму, однако структура личности от нас ускользает. Между тем построить ее можно только на основе наблюдений. Анатом и физиолог находятся в этом отношении в более выгодном положении. Этим, наверно, и объясняется, почему психологи всегда стремились установить зависимость между физическими и психическими аспектами личности. Действительно, если бы некоторые психические черты личности находились в постоянной и тесной связи с особенностями конституции и физиологических процессов, значение их сразу же возросло бы. Вторая причина, вынуждающая искать корреляции между физическими и психическими чертами, состоит в том, что это позволило бы отделить врожденные факторы от влияния среды и, в более широком плане, от влияния индивидуального опыта.

§ 1. Изолированные черты

Очень много исследований было проведено с целью установить корреляцию между измерениями черепа и тела, с одной стороны, и интеллекта — с другой. Первые работы, начатые Пирсоном (1906), дали полностью отрицательные результаты, за

исключением обнаружения очень слабой зависимости между ростом и весом, с одной стороны, и интеллектом — с другой (особенно в период роста).

Эти достаточно удручающие результаты отнюдь не вдохновили исследователей на изучение отношений между физическими переменными и другими психологическими качествами, измерять которые более сложно, чем интеллект. Айзенку (1960) принадлежит, вероятно, самый исчерпывающий обзор работ в этой области. Статистически значимые корреляции встречаются, как правило, очень редко и практически никогда не превышают значения 0,30. Дэрроу и Хит (1932), исследование которых представляет наибольший интерес в этой области, использовали вопросник Терстона, предназначенный для выявления невротических тенденций, тест Северо-западного университета на интроверсию — экстраверсию, а также измеряли кровяное давление, регистрировали движения рук, дыхание и кожно-гальванический рефлекс в различных ситуациях. Из 240 корреляций только 19 превысили значение 0,20, статистически значимое на уровне 0,05.

§ 2. Типы

Совсем другая картина, по крайней мере на первый взгляд, открывается перед нами, как только мы обращаемся к типологическим исследованиям.

А. Типология Кречмера (1921)

Издавна делались попытки свести практически бесконечное множество индивидуальностей к небольшому числу типичных портретов. Гиппократовские 4 типа темперамента — наиболее древний и наиболее известный пример, в котором уже предполагается наличие соответствия между психологическим типом и физической формой. После появления в 1921 г. работы Кречмера «Строение тела и характер» такие типологические очерки обрели более научную базу. Кречмер подчеркивал научный характер своей типологии. Он более или менее произвольно подразделял всех людей на несколько «идеальных» типов. В клинике после Крепелина принято было различать *dementia praecox*, впоследствии в результате исследований Блейлера получивший название шизофрении, и циклический (маниакально-депрессивный) психоз. Кречмер показал, что между этими двумя формами психоза и строением тела наблюдается довольно четкая корреляция. *Маниакально-депрессивный* психоз чаще наблюдается у людей *пикнического* склада, для которых характерны «средний рост, плотная конституция, мягкие черты лица, округлая

голова на массивной шее... живот с хорошо развитой жировой прокладкой, переходящий в выпуклую грудную клетку, расширяющуюся книзу». Среди *шизофреников*, напротив, чаще можно встретить людей с *лептосомным* телосложением, для которых характерны уменьшенные поперечные размеры при нормальном росте, то есть худое и тонкое тело. К этим двум главным конституциональным типам добавляются атлетический и диспластический типы, имеющие меньше характерных черт и не слишком специфические психические корреляции.

В таблице 1 суммированы результаты различных исследований, объектом которых, помимо *шизофреников* и лиц с маниакально-депрессивным психозом, были еще и эпилептики.

Таблица 1

Распределение форм психоза по различным типам телосложения
(по Вестфалю, цит. Kretschmer, 1955)

Тип телосложения	Психоз			
	шизофрения	маниакально-депрессивный	эпилепсия	всего
Лептосомный	2632	261	378	3271
Пикнический	717	879	83	1679
Атлетический	884	91	435	1410
Диспластический	550	15	444	1009
Атипичический	450	115	165	730
Всего:	5233	1361	1505	8099

Цифры указывают на наличие зависимости между физической и психической структурами трех главных категорий больных ($\chi^2=26,40$, в то время как уже 20,09 является статистически значимой величиной на уровне 0,01). Однако, с другой стороны, очень большое число испытуемых не удается ни подвести под одну из этих форм, ни отнести к одному из частных психических типов.

Эти факты, относящиеся исключительно к сравнительно редким патологическим случаям, возможно, не представили бы большого интереса для психологии личности, если бы Кречмер не расширил поле своих исследований. Для него психозы — это лишь «экстремальные отклонения больших конституциональных групп, к которым принадлежат нормальные люди». Кречмер описал два типа личности: шизотимический и циклотимический, крайними патологическими формами проявления которых являются *шизофреники* и люди, страдающие маниакально-депрессивным психозом. Эти типы имеют множество

вариантов, наиболее характерными из которых у циклотимиков являются: «веселые болтуны», «спокойные юмористы», «сентиментальные тихони», «беспечные любители жизни» и «активные практики»; среди шизотимиков выделяются «тонко чувствующие джентльмены», «идеалисты-мечтатели», «холодные, властные натуры и эгоисты», «сухари» и «безвольные».

В норме корреляция между этими типами и строением тела выражена не столь хорошо, как в патологических случаях. Кречмер смог сослаться всего на три работы, в которых у нормальных испытуемых, принадлежавших по строению тела к двум или трем различным группам, определялась принадлежность к одному из двух психических типов на основании ответов на вопросник, специально составленный для этой цели. Результаты этих работ приведены в таблице 2.

Таблица 2

Зависимость между типом телосложения
и психологическим типом в норме
(по: Van Horst, 1924; Kibler, 1925; Lüth, 1936).

Тип телосложения	n	Циклотимики		Шизотимики		Смешанный, или неопределенный, тип
		Ван Хорст, Киблер	Лут	Ван Хорст, Киблер	Лут	Ван Хорст, Киблер
Пикнический	69	94,4%	93,8%	2,8%	6,2%	2,8%
Лептосомный	125	12,2	7,6	70,7	92,4	17,1
Атлетический	29		18,1		81,9	

Следовательно, достаточно очевидно, что пикники, как правило, циклотимики, а лептосомы и атлеты — почти исключительно шизотимики. Надо сказать, однако, что эти исследования не удовлетворяют всем необходимым условиям научного исследования. Так, например, в них не осуществлялся в достаточной степени контроль за такими переменными, как возраст, профессия и социальное происхождение (позднее мы еще вернемся к этому вопросу — см. стр. 211).

Б. Типология Шелдона

В 1927 г. американец Шелдон приступил к изучению основных компонентов личности, обнаруживаемых на самых различных ее уровнях. В отличие от Кречмера он отказался от рас-

Шкала темпераментов по Шелдону

I. Висцеротония	II. Соматотония	III. Церебротония
() 1. Расслабленность в осанке и движениях () 2. Любовь к физическому комфорту () 3. Замедленные реакции — 4. Любовь к пище — 5. Социализация пищевой потребности — 6. Удовольствие от пищеварения () 7. Любовь к галантному обхождению. () 8. Социофилия — 9. Приветливость со всеми — 10. Жажда любви и одобрения — 11. Ориентация на других людей () 12. Стабильность эмоциональных проявлений () 13. Терпимость () 14. Безмятежная удовлетворенность — 15. Глубокий сон () 16. Бесхарактерность () 17. Легкость в обращении и выражении чувств; висцеротоническая экстраверсия	() 1. Уверенность в осанке и движениях () 2. Любовь к физическим нагрузкам () 3. Энергичность () 4. Потребность в движениях и удовольствие от них — 5. Стремление к господству, жажда власти () 6. Склонность к риску. () 7. Решительные манеры () 8. Храбрость в бою () 9. Агрессивность в соревновании () 10. Психологическая нечувствительность. — 11. Клаустрофобия — 12. Отсутствие жалости и такта () 13. Громкий голос — 14. Спартакское безразличие к боли — 15. Любовь к шумным играм () 16. Внешний вид соответствует более пожилому возрасту — 17. Горизонтальное психическое раздвоение; соматотоническая экстраверсия	() 1. Сдержанность манер и движений, чопорность () 2. Чрезмерная физиологическая реактивность () 3. Повышенная скорость реакций () 4. Склонность к интимности () 5. Чрезмерное умственное напряжение, повышенный уровень внимания, тревожность () 6. Скрытность чувств, контроль над эмоциями () 7. Беспокойные движения глаз и лица () 8. Социофобия () 9. Затруднения в установлении социальных контактов — 10. Трудность приобретения новых привычек, слабый автоматизм — 11. Агорафобия — 12. Неумение предвидеть отношение к себе других людей () 13. Тихий голос. боязнь вызвать шум — 14. Чрезмерная чувствительность к боли — 15. Недостаточный сон, хроническая усталость () 16. Юношеская живость манер и внешнего облика — 17. Вертикальное психическое раздвоение, интроверсия

I. Висцеротония	II. Соматотония	III. Церебротония
— 18. Общительность и расслабленность в состоянии опьянения — 19. Потребность в людях в тяжелую минуту. — 20. Ориентация на детей и семью	— 18. Агрессивность и самодовольство в состоянии опьянения — 19. Потребность в деятельности в тяжелую минуту — 20. Ориентация на юношеские цели и занятия	— 18. Устойчивость к действию алкоголя и других депрессантов — 19. Потребность в уединении в тяжелую минуту — 20. Ориентация на пожилой возраст

(тридцать черт, перед которыми стоят скобки, в совокупности образуют сокращенный вариант шкалы)

смотрения типа как специфической совокупности физических и психологических черт и попытался сначала определить некоторые главные параметры, в соответствии с которыми можно классифицировать индивидов. Телосложение определяется по Шелдону тремя параметрами: 1) эндоморфизмом (крупные внутренние органы и слабые соматические структуры); 2) мезоморфизмом (преобладание соматических структур) и 3) эктоморфизмом (худощавость, преобладание линейных размеров, плоская грудная клетка и хрупкое телосложение). Семнадцать измерений позволяют определить «соматотип» человека, выражающийся в виде формулы из 3 цифр от 1 до 7, которые указывают место, занимаемое каждым из трех параметров на шкале, состоящей из 7 пунктов. Так, например, испытуемому 1, 5, 7 соответствует 1 по шкале эндоморфизма, 5 по шкале мезоморфизма и 7 по шкале эктоморфизма.

Аналогичным образом Шелдон (1951) выделил, основываясь на корреляциях между определенным числом черт, 3 группы, соответствующие трем психологическим компонентам личности, или, как он предпочитал говорить сам, темперамента. Таблица 3 объединяет те черты, которые включает в себя шкала Шелдона.

Нетрудно заметить, что соматотипы Шелдона соответствуют трем конституциональным типам Кречмера и что характерные черты висцеротоников и церебротоников во многом напоминают циклотимические и шизотимические типы. Шелдон указывает также на наличие корреляции между физическими и психическими формами личности (см. таблицу 4).

Между конституциональными и психическими типами корреляция удивительно велика. Все другие корреляции отрицательные, иногда даже сильно отрицательные; это указывает на то, что компоненты не являются независимыми и, более того, взаимно исключают друг друга, — факт довольно любопытный. Экман (1951) показал, что все параметры как одного, так и

**Корреляция между первичными параметрами
по Шелдону ($n=200$)**

	Висцеро- тония	Мезо- морфизм	Сомато- тония	Эктомор- физм	Церебро- тония
Эндоморфизм	+0,79	—0,29	—0,29	—0,41	—0,32
Висцеротония		—0,23	—0,34	—0,40	—0,37
Мезоморфизм			+0,82	—0,63	—0,58
Соматотония				—0,53	—0,62
Эктоморфизм					+0,63

другого вида можно свести к двум. Необходимо отметить также, что в других исследованиях-проверках системы Шелдона значения корреляции между соматотипом и темпераментом не были столь высокими. У Чайлда (1950), например, значения корреляции между соответствующими физическими и психическими типами равнялись 0,13, 0,38 и 0,27 (см. также Guilford, 1959).

В. Существуют ли типы?

Эти типологические исследования, результаты которых частично совпадают, оказались, следовательно, более успешными, чем исследования, основывающиеся на изолированных чертах личности, до сих пор оканчивавшиеся неудачей. Таким образом были установлены сомато-психические соответствия. Означает ли это, что типологический метод является более адекватным в области исследования личности, чем психометрический, — эту позицию упорно отстаивает Кречмер, — или же следует поставить под сомнение полученные типологами результаты по примеру тех, кто подвергает критике эксперименты школ Кречмера и Шелдона?

Прежде чем перейти к обсуждению этой весьма важной в теоретическом отношении проблемы, необходимо уточнить, что термин «тип» по-разному понимается различными авторами, например Кречмером и Шелдоном. С точки зрения последнего, каждый человек обладает определенным соматотипом и темпераментом, который можно выразить с помощью его трехзначной формулы. Правильнее было бы говорить в этом случае о «форме». Однако, поскольку все возможные формы можно разделить на 3 группы (в зависимости от доминирующего компонента, по которому и получает наименование группа), они приобретают некоторое сходство с типом. Сам же этот компонент является не изолированной чертой, а синдромом, как и у Креч-

мера. Различие между Кречмером и Шелдоном сводится, таким образом, к различию методов. Шелдон старался как можно более точно установить критерии, определяющие принадлежность к различным типам или классам, и характеризовал человека на основании трех параметров; Кречмер же определял человека на основании его принадлежности к тому или иному прототипу.

Сторонники психометрии указывают в своей критике прежде всего на отсутствие точных критериев, позволяющих объективно, то есть на основе количественных измерений, определять тип личности. Известно, что Кречмер тоже произвел очень много антропометрических измерений и его психологические эксперименты позволили выявить существенные различия между циклоидами и шизоидами. В последнем издании своей работы Кречмер подвел итог этим исследованиям. Так, индивидуальный ритм у циклотимиков медленнее, чем у шизотимиков, их рабочая активность имеет менее регулярный характер, внимание более рассеянно и имеет более широкое поле; в тестах на цвет — форму они предпочитают цвет, а их диссоциативная способность в сложных задачах низка. Для Кречмера эта диссоциативная способность (*Spaltbarkeit*) является центральной: ею объясняется большинство умственных различий между двумя типами.

Однако не все такие доказательства убедительны. Действительно, можно упрекнуть Кречмера и его учеников, равно как и Шелдона, в том, что в их опытах недостаточно учитывалось влияние посторонних переменных. Поскольку подбор испытуемых осуществлялся достаточно произвольно, нельзя утверждать, что различия между циклоидами и шизоидами не являются следствием неоднородности состава соответствующих групп с точки зрения возраста, пола, образования, социального происхождения и пр. Чтобы разрешить возникшие сомнения, Кляйнберг и его сотрудники (1934) подбирали группы пикников и лептосомов таким образом, чтобы они не отличались друг от друга по всем этим переменным. В результате им не удалось обнаружить сколько-нибудь существенного различия между группами в психологическом плане. Однако этот опыт нельзя считать убедительным, поскольку применявшиеся в нем психологические методы отличались от методов школы Кречмера. К тому же один-единственный эксперимент едва ли правомерно противопоставлять многочисленным работам, в которых влияние этих факторов лишь предполагается, но не доказано.

В методике типологов есть еще одно слабое, с точки зрения сторонников психометрии, место. Понятие «тип» предполагает существование корреляции между отдельными чертами личности, совокупность которых и характеризует тип. Однако в школе Кречмера это положение не получило экспериментального подтверждения, и, как мы уже видели в первом параграфе, значения таких корреляций всегда весьма невелики. Пейн

(1955), в частности, исследовал с помощью 8 диссоциативных тестов 100 испытуемых, большинство из которых участвовало ранее в опытах Ван дер Хорста, Киблера и Энке. Так как большинство этих тестов допускало несколько измерений, он смог подсчитать значения 133 корреляций. Половина из них была положительной, половина отрицательной при среднем значении, равном нулю; лишь 3 значения отличались от нуля на уровне значимости 0,01.

Результаты психометрических наблюдений явно противоречат, таким образом, качественным описаниям и нашему повседневному опыту, как будто бы свидетельствующему о существовании типов. Итак, признание существования типов или их отрицание определяется тем, какому методу — качественному или количественному — отдается предпочтение. Другими словами, мы касаемся здесь проблемы идиографических и номотетических методов, постановкой которой в плане изучения личности мы особенно обязаны Олпорту (1949). Как бы ни были убедительны доводы в защиту применения психометрических методов, пока еще не пришло время для решительного отказа от понятия «тип» в пользу психометрических методов, по крайней мере в том виде, в каком они применяются сейчас.

В сущности, не исключено, что основные постулаты, на которых базируются эти методы, имеют ограниченное значение и в принципе не допускают существования типов. Психометрия требует, чтобы связи между отдельными чертами имели гомоседатический характер, то есть чтобы соответствие двух черт у одного из полюсов (у представителей одного и того же типа) оставалось неизменным на всем протяжении шкалы. Только в этом случае степень корреляции может быть высокой. Если же мы предположим, что соотношения имеют гетероседатический характер, то низкие значения корреляций совершенно необязательно будут отрицать существование типов. Теоретическая модель типа, учитывающая возможность отсутствия корреляций между отдельными чертами, очевидно, более сложна, чем та модель, которая лежит в основе современных психометрических методов. Однако это не может служить решающим аргументом против существования типов. Кроме того, Делапорт (1946) и Кэттел (1957) предложили новые методы проведения типологических исследований, и можно надеяться, что изучение типов, как экспериментальное, так и теоретическое, будет осуществляться впредь с помощью более адекватных методов.

Г. Другие типологии

Можно считать аргументом в пользу существования типов тот факт, что некоторые другие типологические деления, предлагаемые под тем или иным названием различными авторами,

довольно точно совпадают друг с другом. Мы уже могли убедиться в сходстве типов Кречмера и Шелдона, выдвигавшими на первое место зависимость между психологическими чертами и соматическими свойствами. Необходимо сказать несколько слов и о других типологиях, построенных на несколько иных принципах¹.

Прежде всего следует вспомнить о предложенном К. Юнгом (1960) делении индивидов на интровертов, и экстравертов, получившем очень широкое распространение и, видимо, соответствующем повседневному наблюдению большинства людей. Самого Юнга мало интересовало экспериментальное подтверждение его гипотезы. Позднее мы увидим, что Кэттел и Айзенк определили факторы, соответствующие этим типам; напомним также в этой связи, что Роршах (1948) выделил на основании интерпретации своего теста с чернильными пятнами 2 типа «интимного резонанса», которые он обозначил терминами «экстратенсивный» и «интроверсивный» с тем, чтобы указать на близость и в то же время на отличие их от типов Юнга.

Интерес к последним объясняется тем, что в основе их лежит отношение индивида к объекту. Субъект может быть открытым по отношению к объекту, умножать свои связи с ним, в результате чего объект будет оказывать сильное влияние на индивида — таков экстраверт. Интроверт, напротив, замкнут ко всему, что вне его; он защищается вместо того, чтобы позволить себя формировать; он не может уступить объекту. В зависимости от других качеств индивида — Юнг в первую очередь рассматривает следующие четыре функции, которые он называет: мышление, эмоции, ощущение и интуиция — взаимоотношения между индивидом и объектом могут иметь еще более сложный и многообразный характер. Отклонения в рамках основного типа могут, наконец, объясняться тем, что, как говорит Юнг, сознательное всегда дополняется подсознательным. Таким образом, основой юнговского определения типа — ключом к пониманию структуры конкретной личности — является не совокупность тесно связанных между собой качеств, а представление о весьма важном отношении. Это утверждение может показаться странным, если мы вспомним детальные описания Юнга. Нетрудно, однако, убедиться в том, что все упоминаемые им черты суть иллюстрации фундаментального отношения, образующего тип. Эта гипотеза была частично подтверждена с помощью факторного анализа (см. стр. 241), выявившего фактор, соответствующий экстраверсии—интроверсии. Но этого недостаточно для доказательства существования типов в том смысле, какой вкладывал в это понятие Кречмер. Однако Юнга, как мы

¹ См.: Rohrercher (1961), Eysenck (1960).

уже говорили, интересовало прежде всего различие двух основных позиций, а не группирование черт личности.

Пфалер (1929) попытался с помощью оригинальных экспериментальных методов уточнить психологические характеристики кречмеровских типов нормальной личности. По его мнению, последние отличаются друг от друга в зависимости от ригидности или подвижности психических процессов (*starre und fließende Gehalte*). Е. Йенш (1929) и его ученики получили множество экспериментальных данных (к сожалению, не всегда достаточно точных) в пользу различия индивидов на основе понятий «интеграция» и «дезинтеграция», физиологическую основу которых попытался найти В. Йенш (1926). Это направление опиралось на идеи Лейпцигской школы (Крюгер и Зандер), предложившей деление на синкретические и аналитические типы (*ganzheitlich-analytisch*); эта гипотеза, однако, не была подвергнута систематической экспериментальной проверке.

Связи между этими различными типологиями были проанализированы в исследовании Эйхингера (1952). 80 испытуемых участвовали в многочисленных экспериментах, и, кроме того им предлагалось ответить на вопросы анкеты. На основе полученных результатов их относили к одному из типов самых распространенных немецких школ (Йонг, Кречмер, Йенш: интеграция-дезинтеграция; Крюгер, Зандер: *ganzheitlich-analytisch*). Критерии различения типов по Юнгу были выбраны самим Эйхингером; в случае остальных типологий он воспользовался методами, предлагавшимися самими авторами. В таблице 5 показаны обнаруженные соотношения между типологиями Юнга, Пфалера и других исследователей.

Статистические критерии, применявшиеся автором, не соответствуют общепринятым. Можно вычислить приблизительное значение коэффициента ϕ для соотношения между типами по Юнгу и Кречмеру: значение его — 0,45 — статистически значимо, а поскольку все полученные Эйхингером значения, за исклю-

Таблица 5

Соотношения между распределением 80 испытуемых по различным типам (по: Eichinger, 1952)

	Пфалер	Кречмер	Крюгер— Зандер	Йенш
Юнг	41	34	29	35
Пфалер		62	65	69

чением одного, превышают эту величину, можно сделать вывод о явном перекрытии рассмотренных им типов.

Предлагалось много других типологий, на которых нет необходимости здесь останавливаться, во-первых, потому, что, как правило, они затрагивали лишь какой-нибудь один аспект личности — активность или пассивность, эмоциональность или неэмоциональность и т. д.; во-вторых, потому, что все эти типологии не имели никакой экспериментальной основы. Фактически они являлись, скорее, дихотомическими классификациями, основанными на некоторых более или менее произвольно выбранных принципах. Наиболее типичным примером такой системы является характерология Ле Сенна (1945), опирающаяся на исследования Хейманса и Вирсмы, о которых мы еще будем говорить позднее.

Биологическая основа и по меньшей мере частичное совпадение тех типов, о которых мы говорили здесь более подробно, предполагают существование некоторых коренных факторов, от которых зависит конкретная форма той или иной личности. Теория типов, таким образом, еще только начинается, и ее дальнейшее развитие должно быть связано с применением адекватных методов проверки.

III. ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ

§ 1. Важность понятия «черта»

Мы предпочитаем пользоваться термином «черта», а не «качество» или «свойство», поскольку он более нейтрален. Согласно наиболее распространенному определению, «личность» — это совокупность черт, характеризующих индивида. Ле Сенн (1957) определил характер как «совокупность врожденных предрасположений, формирующих умственный остов человека», к которой присоединяются «все элементы, приобретаемые на протяжении жизни», образуя, таким образом, личность. В США Принс (1924) дал сходное определение, и оно получило широкое распространение; совсем недавно Гилфорд предложил следующую, очень сжатую формулу: «Личность индивида есть специфическое созвездие черт». Отметим, что эти определения не являются результатом теоретических размышлений, они лишь отражают общепринятое мнение: описать личность можно, только указав ее характерные черты.

Эти очень широко распространенные, хотя и несколько сомнительные определения подчеркивают важность понятия «черта» в психологии личности. Непосредственно наблюдаемая черта выступала вплоть до наших дней в качестве первичного мате-

риала психологии личности. На непосредственное выявление черт личности рассчитаны все вопросники и анкеты, предназначенные для изучения личности; к определению черт неизменно приходит исследователь, наблюдая поведение испытуемого или анализируя результаты выполнения какого-то теста. Наиболее распространенный способ раскрытия структуры личности — во всяком случае до настоящего времени — был сформулирован еще Поланом (1894) следующим образом: «Надо свести все черты характера к простейшим психологическим элементам и к простейшим формам основных психологических законов, выявляя при этом природу обнаруживаемых связей». Мунье (1947), процитировавший это высказывание, добавляет: «Что касается этих так называемых «элементов», то это выражение употреблено здесь некритически, просто как речевой оборот».

Действительно, язык предоставляет в наше распоряжение обилие слов, с помощью которых можно охарактеризовать личность или поведение. Олпорт и Одберт (1936) обнаружили в английском языке около 17 000 таких слов, из которых 4505 являются названиями черт, как таковых; Клагес насчитал 4000 таких слов в немецком языке, а Баумгартен, выбравший более строгие критерии, — 1093. Этому множеству слов соответствует, очевидно, еще большее разнообразие различных проявлений человека. Однако большинство этих терминов используется в самых разных смыслах и относится, как правило, то к одному аспекту личности, то к другому, причем автор нередко не отдает себе в этом отчета. Робость, например, может обозначать манеру поведения по отношению к другим лицам; это же самое слово может относиться к черте (свойству) личности, объясняющей, почему человек ведет себя так робко. В этом случае можно на основании ряда наблюдений прийти к выводу, что человек должен обладать такой чертой. Можно еще более отдалиться от первоначального значения этого термина, превратив эту черту в некоторое измерение личности, что означает, что каждый индивид занимает определенное место на шкале, охватывающей все степени робости от минимальной до максимальной, и что этим положением определяется значительное число поступков или черт менее общего характера, которые как будто бы вообще не имеют никакой связи с робостью в первоначальном смысле этого слова. Наконец, черта может служить указателем типа, примером этого является употребление слова «экстраверсия». В самом общем виде следует признать, что один и тот же термин может употребляться на самых различных уровнях обобщения.

Чтобы избежать возможных недоразумений и придать большую строгость нашим рассуждениям о чертах и структуре личности, необходимо более четко выделить категории, которыми принято оперировать в этой области.

§ 2. Первичная черта

Под первичной чертой следует понимать результат непосредственного восприятия того или иного аспекта личности. Мерфи (1947) рассказывает, что Вертгеймер любил проигрывать на фортепиано небольшие музыкальные пьесы, характеризующие присутствующих людей, а затем просил своих помощников определить их. Число угадываний значительно превышало уровень случайности. Вот пример глобального восприятия личности, тогда как при восприятии черт выделяется только один ее частный аспект. Вспомним, кстати, что дети, даже совсем маленькие, научаются правильно употреблять названия черт, не имея при этом никаких, по крайней мере явных, психологических знаний. Такое научение было бы невозможным, если бы эти слова не соответствовали реальному опыту детей.

В своем первоначальном смысле черты — это гештальты высшего порядка, представляющие рефлексии и психологическому анализу и представляющие собой сырой материал научной работы. Этот непосредственный опыт тем не менее не всегда имеет чистую перцептивную природу, и необходимо различать разные степени его сложности в зависимости от того, является ли черта выражением того, что воспринимается в данный момент, или же в основе ее лежит продолжительный опыт. Так, у нас может сложиться непосредственное впечатление об отношении к нам какого-либо человека сразу же, как только мы с ним встретимся, или мы можем заметить, что человек боится, сконфужен, печален, весел, колеблется и т. д. Во всех этих случаях мы схватываем одномоментные черты поведения. Когда же в других случаях мы говорим, что некто робок, боязлив, нерешителен, недоверчив, эмоционален и т. д., мы выражаем результат совокупности наблюдений, конденсирующихся в одно целостное впечатление. Такая идентификация черты в известной мере аналогична распознаванию формы, являющемуся результатом многочисленных зрительных раздражений. Даже психолог, привычный к анализу, чаще всего основывает свои выводы не на формальных рассуждениях, а на непосредственных впечатлениях.

Первичная черта является, таким образом, результатом субъективного опыта. Однако все науки зависят от субъективного опыта. Даже точные науки основываются большей частью на восприятии цвета и формы, на смену которому лишь очень постепенно приходит объективное измерение. Субъективное происхождение черт не является, следовательно, само по себе препятствием к обращению к ним в научной психологии, однако неточность этих понятий — их «субъективность» в смысле «отсутствия объективности» — такова, что применение их связано с рядом трудностей.

Точность субъективного описания личности нельзя контролировать таким же образом, как сенсорное восприятие. Если в каком-то конкретном случае объективные измерения не соответствуют субъективным впечатлениям, было бы неправильно считать последние неточными. Можно утверждать только, что в этих двух случаях, возможно, была отражена не одна и та же реальность. Этот факт необходимо подчеркнуть, потому что в литературе очень часто отрицается ценность эксперимента, если его результаты не соответствуют непосредственному наблюдению, и наоборот, в то время как в действительности оба результата обладают собственной ценностью, и не следует их смешивать.

Мы, безусловно, не можем обойтись без первичных черт, несмотря на всю их субъективность. Очень часто они незаметно для нас проникают в наши рассуждения. В целях анализа структуры личности часто прибегают к помощи объективных тестов, как это делали Кэттел и Айзенк, или же пользуются так называемыми прожективными тестами. Чтобы интерпретировать результаты этих тестов, создаются новые понятия, не связанные с непосредственно наблюдаемыми чертами. Так, например, в случае теста Роршаха говорят об «интимном резонансе» или «типе апперцепции». В других случаях из общей психологии заимствуются такие понятия, как персеверация, фрустрация, уровень притязаний и т. д.

Однако в конечном счете оказывается необходимым обращение к чертам в первичном значении этого слова. Невозможно удержаться от того, чтобы не попытаться узнать, чему же в реальном поведении человека соответствуют результаты, полученные в тесте, как соотносятся они с личностью в том виде, в каком она предстает перед нами и какую мы описываем с помощью черт. Важность, которая придается обнаружению таких корреляций, настолько велика, что ценность теста определяется тем, в какой мере с его помощью удастся их выявить. Действительно, валидность теста обычно определяется тем, насколько полученные благодаря ему результаты согласуются с нашими знаниями об этой личности. В этом и заключается то, что можно назвать драмой личностных тестов: ценность таких тестов, устанавливаемая на основе этого метода, оказывается, как правило, весьма низкой, результаты тестов в большинстве случаев лишь приблизительно соответствуют применяемым критериям (Meili, 1958). Проблема валидности очень важна с практической точки зрения, но решение ее сопряжено с многочисленными теоретическими осложнениями. Нет никаких сомнений в том, что определение черты играет очень важную роль. Основная цель наших замечаний, касающихся тестов и их валидности, состояла в том, чтобы еще раз подчеркнуть необходимость четливого понимания природы черты.

Пониманию черты как явления восприятия противостоит понимание черты как переменной.

§ 3. Черты как переменные

Как только исследование личности приобретает научный характер, сразу же появляется потребность в том, чтобы заменить субъективное восприятие объективными данными. В результате черта начинает определяться посредством реакций или поступков, наблюдаемых в определенных ситуациях. В вопросниках перечисляются ситуации, в которых должна проявиться эта черта.

В вопроснике Нигневитского, о котором сообщает Бренгельман (1960), мы находим, например, следующие утверждения, соответствующие черте, называемой ригидностью:

Вы никогда не позволяете Вашим друзьям беспокоить Вас во время работы.

Перед тем как отправиться в путешествие, Вы всегда заранее составляете план и точный маршрут, отклонения от которого всегда для Вас болезненны.

Вы всегда предпочитаете знакомые и безопасные ситуации новым и неизведанным возможностям.

Вас всегда чрезвычайно раздражает, если непрошенные посетители проникают в Вашу частную жизнь.

В других случаях можно оценить степень выраженности какой-нибудь черты (пунктуальности, например, или стремления к порядку) с помощью оценочных шкал, в которых определенным степеням выраженности черты соответствуют конкретные поступки. В случае пунктуальности на одном полюсе шкалы находится педантичность или чрезмерная скрупулезность, а на другом — небрежность или бесцеремонность.

В этих примерах, число которых можно при желании умножить, выделяются два факта: 1) понимание черты в первичном и субъективном смысле этого слова и стремление отыскать посредством интуиции или собственного опыта такие поступки, с помощью которых можно было бы проиллюстрировать ее; 2) для того чтобы не приписывать черте слишком специфическое значение, обычно подбираются различные ее проявления.

Такая методика приводит к тому, что подлежащая определению черта превращается в переменную личности (или свойство), которая проявляется в той или иной степени в некоторых поступках или детерминирует их.

Измерить переменную — это значит не только констатировать ее присутствие, но и определить ее количественно. В случае переменных поведения, которые нас в данном случае инте-

ресуют, обычно прибегают к следующим двум способам: либо в вопросниках количество ответов, указывающих на присутствие соответствующего качества, рассматривается как показатель его интенсивности, либо степень выраженности переменной определяется непосредственно с помощью шкалы оценок. Однако эти два метода искажают весьма характерным образом ту черту, для выявления степени проявления которой они созданы. В вопроснике число значимых ответов указывает, скорее, на количество случаев, в которых проявилась искомая черта у индивида, чем на ее «интенсивность». Систематическое изучение того, согласуются ли между собой результаты измерения черты, полученные с помощью этих двух методов, не проводилось, однако из практики известно, что человек может быть очень смелым (или ригидным) в одних ситуациях и совсем несмелым — в других. Мы еще будем говорить ниже об этой весьма противоречивой проблеме генерализованности черт; здесь же достаточно сказать, что с помощью вопросников можно непосредственно измерить только вероятность проявления черты, что совершенно необязательно связано с ее «интенсивностью».

Измерение по шкале оценок влечет за собой другую трансформацию черты. Часто оказывается очень трудным определить на вербальном уровне различные степени таких черт, как храбрость, робость, мягкость и т. д. В этом случае мы также имеем дело с вероятностью проявления черты или же с указанием различных поступков или ситуаций, характерных для каждой ее степени, не имея, однако, никаких доказательств того, что они обуславливаются одной и той же переменной.

Учитывая все сказанное, не приходится удивляться, что очень часто «измеренная» черта мало соответствует черте, полученной на основании глобальной оценки. Можно считать все это результатом субъективности и, стало быть, недостоверности оценок, но, очевидно, более правильным было бы сделать вывод, что переменная и черта являются просто различными реальностями. Черта — это воспринятый гештальт, а переменная — это измеримый аспект поведения. Исследователь, учитывающий это различие, может избавить себя от излишней работы.

Специальным методом, позволяющим объективно выявлять фундаментальные переменные личности, является факторный анализ, речь о котором пойдет в следующем разделе. Чтобы отличить эти переменные от других, выявляемых с помощью иных методов анализа, их принято называть факторами. По Кэттелу, как мы позднее увидим, факторы — это «глубинные черты», лежащие в основе «поверхностных черт». Таким образом, мы снова приходим к различению понятий «первичная черта» и «переменная».

§ 4. Черта как генерализованная реакция

Под влиянием бихевиоризма в Соединенных Штатах появилось много сторонников третьей концепции черты. Утверждение Уотсона, в котором выразилась его уверенность в том, что из одного и того же ребенка можно сделать как преступника, так и гения, высказанное им в его фундаментальном изложении теории бихевиоризма, приобрело большую известность. Это утверждение предполагает отрицание детерминирующих черт личности с самого начала ее становления. Если бихевиорист и говорит о черте, то только как об ответе, наблюдаемом в нескольких ситуациях и имеющем некоторые общие элементы, то есть в смысле генерализованной реакции. Если же в результате повторных подкреплений определенный ответ распространяется на различные ситуации, то можно говорить о черте. Газри (1944), сформулировавший теорию личности с позиций ассоциативного научения, приводит в качестве примера профессиональную деятельность, где человек очень часто оказывается в аналогичных ситуациях, требующих реакции с его стороны.

Согласно этой теории, вероятность того, что ответ станет генерализованным, не слишком велика и, стало быть, не может существовать слишком много генерализованных черт. Действительно, получившая широкую известность важная серия исследований Хартшорна и Мея (1928—1930) как будто бы подтверждает это мнение. Целью экспериментов, в которых участвовало несколько сот детей, было изучение таких черт, как честность, склонность к оказанию помощи, склонность к сотрудничеству, упорство и самоконтроль. Детям предлагались небольшие задания, в ходе выполнения которых можно было наблюдать эти черты. Так, например, детям предоставлялась возможность жульничать, давать неточные сведения о том, что они делали, кланчить небольшие суммы денег и т. д. — предполагалось, что на основании всех этих поступков можно судить о честности детей. Корреляция между отдельными поступками, относящимися к одной и той же генерализованной черте, была настолько мала (например, 0,13 между воровством и ложью с целью скрыть жульничество), что авторы не без основания пришли к выводу, что все эти черты вообще не существуют.

Дискуссия, разгоревшаяся в результате экспериментов в защиту и против существования генерализованных черт, является исключительно следствием различного понимания термина «черта». Хартшорн и Мей показали отсутствие генерализованных реакций в данной области. Однако отрицать на основании этого существование генерализованных черт совсем другого порядка, таких, например, как переменные темперамента, можно лишь при наличии дополнительных доказательств.

§ 5. Исследование черт

На основании вышесказанного становится очевидным, что структуру личности нельзя определить посредством одних только черт и что необходимо прибегнуть к помощи переменных, факторов или других теоретических понятий. Это не означает, что психология личности должна перестать интересоваться чертами, которые по-прежнему остаются важным объектом изучения.

А. Исследования Хейманса и Вирсм

Эти два голландских психолога первыми осуществили систематические исследования в области личности, и их влияние до сих пор весьма сильно, особенно во Франции — благодаря Ле Сенну и Берже. Хейманса и Вирсму можно считать предтечами «факторизаторов», поскольку они применяли статистический метод для одновременной обработки многочисленных данных и, как и «факторизаторы», пытались обнаружить наиболее фундаментальные качества. Однако мы говорим об этих исследованиях в данном разделе, чтобы избежать смешения с факторами тех свойств, экспериментальному изучению которых были посвящены их исследования.

Таковыми свойствами, подвергнутыми впоследствии изучению Ле Сенном (1957), «*Traite de Caractérologie*» которого целиком основывается на данных groningenских психологов, и Берже (1950), являются: эмоциональность, активность и вторичность (или, как говорит Ле Сенн, последствие воспроизведения). Понятие «вторичность», введенное в психологию психиатром Отто Гроссом (1902), обозначает процесс перестройки состояния нервной клетки вслед за первичным процессом. У «вторичника» этот процесс имеет большую продолжительность, что с психологической точки зрения влечет за собой ограниченное, но глубокое переживание по сравнению с широким, но поверхностным переживанием у «первичника». Гросс предложил типологию, построенную на этих двух процессах, которые лежат также в основе типологии Юнга.

Всем голландским врачам (около 3000) и некоторым другим лицам были разосланы вопросники, содержащие по 90 вопросов. Они должны были дать ответы на эти вопросы в отношении всех членов хорошо знакомых им семейств (отец, мать, дети). Хейманс и Вирсма проанализировали ответы, касающиеся более чем 400 семей (всего 2523 случая). Кроме того, сам Хейманс ответил на эти вопросы на основании 110 биографий. Таким образом, авторы располагали значительным материалом, не свободным, разумеется, от ошибок, в чем авторы, впрочем, отдавали себе отчет.

Для каждого испытуемого Хейманс и Вирсма определяли (анализируя ответы на некоторые вопросы) наличие или отсутствие трех указанных фундаментальных свойств, с тем чтобы подсчитать затем, сколько раз каждая из 90 черт, отраженных в вопроснике, оказывается связанной с этими свойствами. Однако, несмотря на чрезвычайно богатый материал, конечные результаты этого колоссального предприятия оказались все-таки разочаровывающими — сочетания черт были такими сложными, что авторы не смогли выявить сколько-нибудь очевидные закономерности. Некоторый интерес представляют только соотношения между фундаментальными качествами, приведенные в таблице 6.

Таблица 6

Частота связей между различными фундаментальными чертами
(по: Heymans, Wiersma, 1909)
 $n = 2523$

	Активные	Неактивные	Вторичные	Первичные
Эмоциональные	74,8%	25,2%	62,2%	37,8%
Неэмоциональные	73,6—	26,4—	73,4—	26,6—
	Эмоциональ- ные	Неэмоцио- нальные	Вторичные	Первичные
Активные	61,5%	38,5%	74,6%	25,4%
Неактивные	59,9—	40,1—	43,2—	56,8—
	Эмоциональ- ные	Неэмоцио- нальные	Активные	Неактивные
Вторичные	57,1%	42,9%	83,3%	16,7%
Первичные	60,1—	39,9—	56,4—	43,6—

Нетрудно заметить, что для эмоциональных и неэмоциональных значения частоты связей практически одинаковы во всех четырех колонках. Это значит, что эмоциональность и два других свойства не коррелируют друг с другом. То же самое можно констатировать и относительно активности. Таблица показывает также, что активность чаще ассоциируется с вторичностью, чем с первичностью и vice versa.

Гоше и Ламбер (1959) исследовали три группы испытуемых с помощью вопросника Берже (1950), составленного на основе голландской типологии; обработка полученных данных с помощью факторного анализа показала: 1) что все три свойства являются, видимо, факторами, 2) что фактор «активность» зависит как от вторичности, так и от эмоциональности. Такое

почти полное (за исключением одного пункта) совпадение указывает на то, что голландские психологи достаточно хорошо выбрали свои фундаментальные качества, которые заслуживают более детального изучения.

Б. Изолированные черты

В характерологической литературе издавна принято описывать и анализировать черты личности, показывая их различные аспекты и вариации, в зависимости от их сосуществования с другими чертами, а также от той или иной ситуации в жизни индивида. *Характеры* Теофраста и Лабрюйера — классические примеры такого подхода. Эти авторы показали, что они обладали острой наблюдательностью, глубокой и тонкой психологической интуицией, которыми совершенно напрасно пренебрегает современная научная психология. Между тем такой подход позволяет развить способность к наблюдению и наводит на размышления, которые могут послужить толчком для последующих психологических исследований.

В современной экспериментальной психологии существует множество исследований, посвященных конкретным чертам личности. В то время как Хейманс и Вирсма, как мы уже видели, еще надеялись охватить всю совокупность черт, с тем чтобы выделить наиболее фундаментальные из них, и факторный анализ, основанный на гораздо более совершенных методах, также был направлен на решение подобной задачи, исследования, к рассмотрению которых мы сейчас приступаем, преследовали значительно более узкие цели. Их цель заключалась в том, чтобы исследовать и определить как можно более полно и точно некоторые черты или переменные личности, рассматриваемые как наиболее важные либо с практической, либо с теоретической точки зрения.

В этих исследованиях чаще всего употреблялся метод корреляций с целью определения влияния изучаемой переменной на другие черты или конкретные поступки индивида, а также изучения ее связи с некоторыми факторами среды. С развитием наших знаний изучаемые качества все больше и больше отличаются от классических черт характерологии и превращаются в переменные, описывающие динамику личности. Это предполагает в свою очередь необходимость предварительных теоретических гипотез; таким образом, все эти исследования являются отражением различных направлений современной психологии, к которым они относятся (бихевиоризм, психоанализ, гештальт-психология).

Следствием различия концепций, лежащих в основе этих исследований, является то, что они не приводят к выработке

согласованных точек зрения на структуру личности; тем не менее они позволяют уточнить некоторые частные моменты и достаточно глубоко проследить сплетение переменных. Одна из основных трудностей, возникающих при проведении этих исследований, состоит в том, что операциональное определение переменных неминуемо сводит их к конкретным поведенческим реакциям или ответам на вопросы анкеты и таким образом они сразу же теряют свой теоретически предполагаемый более общий характер. На результатах это отражается таким образом, что получаемые значения корреляции, как правило, очень малы, непостоянны и, тем самым, с трудом поддаются интерпретации. По этой причине мы ограничимся тем, что очень кратко представим некоторые наиболее изученные черты, чтобы читатель смог составить себе представление о направлении этих исследований.

а) *Индивидуальный стиль*. Типологи уже давно заметили, что люди отличаются друг от друга, помимо всего прочего, характером восприятия и мышления, и попытались построить соответствующие тесты. Эта идея вдохновила Роршаха, создавшего тест с чернильными пятнами, и Вартегга, предложившего тест на завершение рисунка (1953; см. также Biedma, 1955). Они полагали, что некоторые формальные характеристики, каковы бы ни было их происхождение, должны проявляться в самых различных действиях индивида; спустя несколько лет для обозначения этих черт был предложен термин «индивидуальный стиль». Наиболее изученной чертой является, видимо, «ригидность» — тенденция к сохранению своих установок, принципов, способов мышления и неспособность к изменению своей точки зрения, переструктурированию форм и т. д. (см. Oléron, 1955). В исследовании авторитарной личности, осуществленном Адорно и др. (1950), ригидности отводилось довольно заметное место, однако едва ли правомерно сводить различные формы проявления этой черты к одной-единственной первопричине, поскольку значения корреляции между различными измерениями часто очень малы; к тому же ниже мы покажем, что фактор ригидности не существует вообще. Однако, хотя мы и вынуждены отказаться от идеи существования генерализованной черты «ригидность», нельзя отрицать, что некоторым людям в определенных ситуациях свойственна выраженная ригидность. В этом плане необходимо упомянуть гипотезу Сарбина (1954), согласно которой неспособность к перемене роли является результатом фиксации на одной из предыдущих стадий развития «Я». Результаты исследования Мэтьюсом, Хардиком и Сарбином (1953) адаптации к требованиям, возникающим при решении познавательных проблем, можно интерпретировать в соответствии с этой гипотезой.

Психологов интересуют и другие черты того же порядка, такие, как *внушаемость*, *устойчивость* и *персеверация* (последняя является, видимо, одной из форм ригидности). Обзор важнейших работ, посвященных изучению этих черт, принадлежит Айзенку (1960). В сборник «Восприятие: путь к изучению личности», изданный под редакцией Блэйка и Рэмси (1951), включены работы, посвященные изучению других переменных восприятия, связанных, видимо, с этими чертами личности. Так, например, установлено (Frenkel-Brunswik, 1949), что можно различать индивидов в зависимости от легкости, с которой они готовы допустить, что один и тот же предмет является одновременно и хорошим, и плохим, или могут любить и в то же время ненавидеть какого-либо человека; опыты на восприятие в основном подтвердили существование соответствующих индивидуальных различий. После того как была проведена целая серия исследований, результаты которых можно расценивать как подтверждение этой гипотезы, появились сомнения в генерализованности таких переменных: Кенни и Гинзберг (1958), изучавшие терпимость к неопределенным ситуациям, обнаружили всего 7 значимых корреляций из 66. Примерно такая же судьба постигла другую переменную индивидуального стиля, «зависимость от поля» (field-dependency). Уиткин и др. (1954), изучавшие индивидуальные различия в степени влияния фона на фигуру, смогли обнаружить в личности некоторые проявления этой переменной.

Линтон (1955) обнаружил корреляцию между некоторыми феноменами восприятия и конформизмом в других областях, тем не менее он пришел к выводу, что конформистское поведение определяется более чем одной переменной. Все эти результаты, однако, удается подтвердить далеко не всегда (см., например, Franks, 1956), что позволило Грузну (1957) подвергнуть эти работы критике.

Можно было бы изложить и много других исследований. Упомянем только работы Кляйна (1959), вдохновленные психоанализом, Гарденера и др. (1959), изучавших индивидуальные константы в сфере познания, и Крега (1955), предложившего модель личности, основанную на изучении генезиса непосредственного восприятия (aktual-genetische Methode). Уже одного этого достаточно, чтобы показать, какая непрерывная работа идет в области исследования связей между познавательными процессами и чертами личности, однако и эта сфера не свободна от противоречий. Эти исследования, несомненно, помогут пролить свет на проблему основ структуры личности, даже если они и не приведут к установлению черт общего характера.

б) *Мотивационные черты*. Поскольку речь о мотивации идет в другой главе, мы ограничимся тем, что упомянем только наи-

более изученные черты. Едва ли удивительно, что объектом многочисленных исследований стала *тревожность*, этому способствовало, впрочем, создание Дженет Тейлор (1953) шкалы «выраженной тревожности». Насколько мне известно, общего обзора работ, посвященных тревожности, не существует. Как правило, тревожность рассматривают в психоаналитическом плане как результат внутренних конфликтов, однако проблема большей или меньшей предрасположенности к именно такому способу реагирования до сих пор является неизученной. В генетических исследованиях Мейли (1957) и Пулвера (1959) можно, видимо, обнаружить отправную точку для исследований в этом направлении (см. также ниже, стр. 252). Де Кастро (1958) предложил на основе экспериментальных исследований бифакторную теорию тревожности, согласно которой одним из решающих факторов является неуверенность; таким образом, мы, видимо, снова подходим к проблеме неопределенности, о которой уже говорилось выше.

Еще одна черта, оказавшаяся в центре многочисленных исследований, — это *агрессивность*. Благодаря книге Долларда, Дуба, Миллера, Маурера и Сирса (1939), в которой был сформулирован тезис о том, что агрессивность является реакцией на фрустрацию, выделение агрессивности в качестве самостоятельной черты стало общепризнанным. Не следует, однако, пренебрегать и психоаналитической концепцией агрессивности, подчеркивающей ее импульсивную природу, на что указывает Басс (1961), работа которого является обзором различных точек зрения по этому вопросу. Мэндел (1960), подвергший факторному анализу результаты весьма многочисленных непосредственных наблюдений агрессивных поступков школьников, обнаружил 4 фактора, из которых наиболее важным является желание господствовать, что приближается к точке зрения Пьерона (1959), объединявшего агрессивность и склонность к господству.

Тот факт, что у разных индивидов агрессивная реакция на фрустрацию бывает выражена в различной степени, вызвал к жизни понятие *сопротивляемости фрустрации*. Эта черта, особенно часто изучавшаяся с помощью теста на фрустрацию, предложенного Розенцвейгом (1954), как правило, интерпретируется в плане психологии «Я», поскольку, видимо, существуют индивидуальные различия в отношении стойкости к *стрессу* вообще; возможно также, что эта черта имеет физиологическое происхождение. Значение фрустрации для понимания личности людей, страдающих физическими недостатками, было показано в работе Ван Роя (1954), использовавшего тест Розенцвейга. Крамер (1959) изучал эту черту у различных профессиональных групп, особенно у летчиков и военных.

Вдохновленное Левином исследование Хоппе эффекта успеха и неуспеха деятельности привело к возникновению поня-

тия «уровень притязаний», о котором нам еще предстоит говорить в другом контексте (стр. 270).

В то время как в начале развития характерологии на первом плане, как это явствует из книги Олпорта (1937), являющейся в известном смысле поворотным пунктом в эволюции этой дисциплины, были такие черты поведения, как честность, стремление к порядку или господству, инициативность и прочие установки, те черты, несколько примеров которых мы только что привели, имеют иную направленность. Они уже не являются больше качествами поведения, понимаемого как последовательность поступков, а становятся качествами психического процесса. Таким образом, мы имеем право говорить о прогрессе наших знаний, хотя нам еще не удастся обнаружить явные связи между этими качествами и поведением.

IV. ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТИ

Как только получил общее признание тот факт, что наблюдаемые черты не соответствуют отдельным психологическим сущностям, а являются лишь аспектами личности или поведения, сразу же возникла необходимость выявить фундаментальные переменные, стоящие за этими чертами. Хейманс и Вирсма, а также целый ряд других ученых после них пытались решить эту проблему. Однако все эти исследования носили фрагментарный характер, их результаты были обусловлены предварительными гипотезами, а выбор черт определялся, как правило, личным вкусом исследователя. Факторный анализ, разработанный в области психологии способностей, по-видимому, является средством, помогающим избавиться от большинства отмеченных недостатков; вот уже более двадцати лет он интенсивно применяется в психологии личности с целью выявления фундаментальных качеств. Вслед за Спирменом, получившим обнадеживающие результаты в области изучения умственных способностей, один из его учеников — Уэбб (1915) применил факторный метод с целью анализа черт характера и обнаружил, что, помимо спирменовского фактора «*g*», существует еще один фактор, обозначенный им буквой «*w*», который он интерпретировал как «однородность поступков, являющихся результатом сознательного желания». Однако только после того, как Тёрстон предложил свой мультифакторный метод, число исследований проблемы личности резко возросло. В своем обзоре Френч (1953) подсчитал, что за период с 1931 по 1935 г. появилось 109 таких работ. Наиболее ценный и систематический вклад в эти исследования внесли Кэттел, Гилфорд и Айзенк. Кэттел (1957) был первым, кто определил основные правила применения этого метода.

Прежде всего мы расскажем об основных принципах этих исследований, затем изложим наиболее важные результаты, после чего перейдем к их обсуждению.

§ 1. Факторная стратегия

А. Анализируемые данные

Известно, что факторный метод заключается в математическом анализе корреляций внутри некоторой группы данных. Первая возникающая методологическая проблема — это проблема анализируемых данных. Каким способом следует получать количественные факты, чтобы из них можно было извлечь фундаментальные факторы личности? В то время как есть все основания полагать, что большинство проявлений интеллекта могут быть зарегистрированы с помощью тестов, очевидно, что в отношении личности дело обстоит несколько иным образом. Принято думать, что следует исходить из результатов непосредственного наблюдения, однако практически это осуществимо далеко не всегда и только в очень ограниченных сферах поведения. Кроме того, надежность получаемых таким образом сведений не слишком велика из-за большой вариабельности наблюдаемых проявлений. В факторных исследованиях до сих пор применялись три вида данных: 1) то, что Кэттел называет *L* — данные, или «факты жизни», получаемые главным образом посредством метода шкал оценок. С помощью последних наблюдатель должен определить, обладает ли испытуемый той или иной чертой. Характер данных зависит от выбора черт, от оценок наблюдателя и от понимания им используемых терминов; 2) вопросники и анкеты, на которые отвечает сам испытуемый; 3) объективные тесты и эксперименты (в весьма ограниченном объеме).

Б. Список черт

Как и Айзенк, Кэттел пытался создать как можно более широкую исходную базу для дальнейших исследований. Приняв гипотезу о том, что в обыденном языке достаточно точно отражаются все аспекты личности, он взял за основу уже упоминавшуюся работу Олпорта и Одберта (стр. 216). Исключив все термины, которые «каждый говорящий на данном языке считает синонимами», Кэттел сократил их список с 4505 до 160 слов, которые он считал «чем-то вроде Basic English для полного описания личности». Чтобы придать списку законченный вид, Кэттел дополнил его 11 терминами из научного словаря, получив, таким образом, в совокупности 171 «описательную пере-

менную». С помощью различных и недостаточно подробно описанных автором методов, включавших в себя как подсчет корреляций, так и учет сходных субъективных суждений, Кэттел образовал 42 «грозди» (clusters) тесно связанных между собой черт, которые он определил как «поверхностные черты». Для того чтобы этот метод стал более понятным, можно сравнить грозди с интеллектуальными тестами: черты, составляющие грозди, соответствуют отдельным заданиям теста. Вместо анализа по меньшей мере 4505 имеющих наименование черт, которым соответствует значительно большее число поступков, можно, согласно Кэттелу, сосредоточиться в исследовании на этих поверхностных чертах, ничего не теряя при этом в целом. Создается, однако, впечатление, что процедура образования гроздей такова, что поверхностные черты имеют чрезвычайно сложное психологическое содержание, что отнюдь не облегчает факторный анализ. Чтобы читатель мог представить себе более конкретно весь объем черт, лежащих в основе такого анализа, приведем кэттеловский список поверхностных черт.

Список поверхностных черт по Кэттелу

1. Уверенность в себе — покорность.
2. Интеллектуальность, аналитичность — ограниченность, отсутствие воображения.
3. Зрелость ума — глупость, непоследовательность, подверженность влиянию.
4. Непостоянство, суетность — рассудительность, стоицизм, сдержанность.
5. Невротичность — отсутствие невротичности.
6. Черствость, цинизм — мягкость.
7. Своевольность, эгоизм — доброта, ненавязчивость, терпимость.
8. Ригидность, тираничность, мстительность — покладистость, дружелюбие.
9. Злобность, черствость — добросердечие, обходительность.
10. Деморализованность, аутизм — реализм.
11. Сильная воля, добросовестность — вялость, непоследовательность, импульсивность.
12. Интеллектуальность — простота, недисциплинированный ум.
13. Отсутствие уверенности, инфантильность — зрелость, тактичность.
14. Асоциальность, шизоидность — открытость, идеализм, готовность сотрудничать.
15. Веселость, энтузиазм, остроумие — ощущение несчастья, разочарованность, неповоротливость.
16. Активность, нервозность — самообладание, ригидность, конформизм.
17. Невроз, психопатия — эмоциональная зрелость.
18. Чрезмерная чувствительность, экспрессивность — флегматичность.
19. Злость, мелочность — естественность, дружелюбие, открытость.
20. Эмоциональность (неадекватная) — неэмоциональность.
21. Подъем, экспрессивность, разнообразие интересов — замкнутость, спойствие, ограниченность.
22. Доступность, теплота, сентиментальность — замкнутость, холодность, мизантропия.
23. Ветреность, тщеславие, притворство — заурядность, безыскусность.
24. Агрессивность, параноидальность — надежность, добросердечность.

25. Эстетические интересы, независимость суждений.
26. Беспокойство, эмоциональность, гипоманиакальность — спокойствие, терпеливость, скромность.
27. Инфантильность, эгоцентричность — эмоциональная зрелость, устойчивость к фрустрации.
28. Непостоянство, бесхарактерность, недостаточный реализм — стойкий, цельный характер.
29. Душевная и физическая сила, бодрость — неврастения.
30. Предприимчивость, вспыльчивость — заторможенность, робость.
31. Общительность, пылкость — любовь к уединению, робость.
32. Меланхолия.
33. Жесткость, твердость — интроспекция, чувствительность, боязливость.
34. Воображение, интроспекция, конструктивность — степенность, скупость.
35. Ловкость, решительность — искренность, мягкость.

Этот список, заимствованный из книги Кэттелла (1946, р. 295), не является единственным перечнем поверхностных черт, опубликованных этим автором. Мы приводим его здесь для того, чтобы продемонстрировать характер переменных, охватываемых факторным анализом. Выбранные термины, возможно, не всегда точно соответствуют английским¹, однако это едва ли существенно по причине их собственной неточности.

В. Идентификация факторов

В принципе факторный анализ должен охватить сразу все черты, чтобы выявить действительно фундаментальные факторы. Ограничивая свой выбор, мы рискуем либо выдвинуть на первое место некоторые частные факторы, специфичные для изучаемых групп черт, либо предопределить характер их интерпретации. И все же даже с помощью самого современного математического аппарата едва ли возможно охватить в одном исследовании более 40—50 переменных, причем очень часто условия эксперимента таковы, что даже и это число остается за пределами наших возможностей. Таким образом, факторный анализ всегда фрагментарен, а факторы, выявленные с его помощью, не могут считаться окончательными.

В этом следует искать истоки и другой важной проблемы факторной стратегии, а именно: проблемы сравнения факторов, полученных в различных исследованиях. Чтобы упростить такое сравнение, в этих исследованиях используются частично перекрывающиеся друг друга совокупности переменных, но даже и в этом случае всегда трудно идентифицировать выявляемые факторы, особенно из-за того, что на результатах могут сказаться различия между рассматриваемыми популяциями. Кэттел разработал правила и предложил методы, облегчающие и объективирующие процесс такой идентификации. Для иллюстрации сходства и расхождения результатов различных исследований мы показываем в таблице 7 степень насыщенности различных черт

¹ Равно как и термины, использованные при переводе на русский язык.—
Прим. перев.

Степень насыщенности различных черт фактором «циклотимия — шизотимия», полученная в четырех исследованиях (по: Cattell, 1957, табл. 3-1)

Наименование черты	Насыщение в исследовании			
	1	2	3	4
Готовность сотрудничать — обструкционизм	0,49	0,55	0,49	0,17
Эмоциональная устойчивость — колебания настроения	0,23	0,08	—0,01	0,01
Подозрительность — доверчивость	0,01	—0,43	—0,41	—0,34
Ригидность — адаптивность	—0,29	—0,20	—0,46	—0,40
Чистосердечность, экспрессивность — скрытность, сдержанность	0,06	—0,03	0,34	0,31

фактором «циклотимия — шизотимия», полученную в четырех исследованиях.

Цифры этой таблицы типичны для результатов такого рода сопоставлений. Отметим, что степени насыщенности соответствующей черты фактором никогда не совпадают полностью, однако их вариации имеют все-таки определенные границы, причем всегда можно обнаружить 2—3 исследования, в которых степени насыщенности очень близки. Из-за отсутствия критериев значимости насыщенности всегда остается сомнение в идентичности факторов, полученных в различных исследованиях.

Г. Другие процедуры

Можно упомянуть еще две стратегии факторных исследований. Гилфорд начал свои исследования в этой области с составления вопросника, основанного на различии между интровертами и экстравертами. Затем он подверг факторному анализу корреляции между 36 вопросами и выявил 4 фактора. В следующей серии экспериментов он попытался уточнить их природу, однако обнаружили новые факторы, о которых мы будем говорить позднее.

Айзенк (1947) в свою очередь начал с очень обстоятельного изучения личности в целом, основываясь на материалах психиатрического обследования 700 солдат-невротиков. Часть этих данных касалась внешних фактов (возраст, профессия, занятость, семейное положение), но в основном они содержали описания психиатрических симптомов. Несмотря на то что соответствующие данные были достаточно подробно освещены, создаваемая в результате картина имела значительно меньше нюансов по сравнению с тем, что получал Кэттел с помощью сво-

их 40 поверхностных черт. Значения интеркорреляции между 39 использованными переменными были в целом невелики, удалось выявить всего 4 фактора, 2 из которых — «невротизм» и «экстраверсия — интроверсия» — Айзенк решил сохранить как заслуживающие внимания (см. стр. 241—242).

Айзенк систематически пытался найти тесты, или, другими словами, поддающиеся измерению проявления личности, которые были бы сильно насыщены этими факторами. Не стремясь найти новые факторы, этот автор, напротив, пытался показать, что двух его факторов достаточно для того, чтобы принципиально объяснить структуру личности.

Помимо этих трех групп систематических исследований имеется много других, посвященных решению частных проблем, результаты которых можно оценить только в рамках системы факторов, относящихся к более широкому объекту исследования, чем личность.

Выше мы ограничились беглыми набросками основных стратегий факторных исследований, ничего не говоря при этом о таких конкретных методиках, как отстаиваемый Стефенсоном (1953) и особенно Кэттелом метод определения корреляций между людьми или событиями или предложенный Кэттелом метод определения степени сходства созвездий факторов. Однако сказанного нами достаточно для того, чтобы показать, что эти исследования не гарантируют быстрого получения надежных и согласующихся друг с другом результатов, поскольку последние зависят не только от исходных фактов, число которых стремится к бесконечности, но также и от направления исследований.

§ 2. Список факторов

Число факторов, полученных к настоящему времени различными исследователями, очень велико. Еще в 1953 г. Френч подсчитал, что в 109 работах было получено около 400 различных факторов, которые можно путем исключения синонимов свести к 200. Френч пошел еще дальше и, объединив ряд факторов, получил список из 48 явно отличающихся друг от друга факторов, которые встречаются по крайней мере в двух работах. Гилфорд (1959) перечислил 55 главных факторов, не учитывая те, что относятся к способностям, а Кэттел (1957) в своем «Universal Index of Source Traits», содержащем только те факторы, существование которых он считает достаточно надежно доказанным, упоминает 100 факторов, 17 из них относятся к способностям. Он считает этот список «несовершенным в том смысле, что, несмотря на то, что каждый фактор определен и локализован посредством 2—6 соответствующих процедур» (то есть посредством 2—6 переменных, служащих для идентификации фактора), интерпретация этих факторов посредством фик-

сации внешних проявлений и изучение их «естественной истории в целом не имеют места». Кроме того, он считает этот список неполным, потому что «с помощью фундаментальных экспериментальных исследований настойчивый ученый смог бы обнаружить, наверно, в два раза больше факторов» (Cattell, 1957, p. 832).

Наличие такого значительного и даже несколько озадачивающего числа факторов можно объяснить несколькими причинами. Основными являются те, о которых мы уже говорили раньше: во-первых, определение факторов в значительной степени зависит от используемых в исследовании переменных, и, во-вторых, идентификация факторов, полученных посредством различных переменных, является очень трудной задачей. Так, при анализе кэттеловских списков и вопросников, основывающихся на его поверхностных чертах, выявляются одни достаточно четко идентифицируемые факторы (Кэттел, однако, не включает их в свои списки), тогда как Гилфорд, вопросники которого относятся к другим чертам и поступкам, получает совершенно иные факторы. Новые сферы открываются перед нами, когда мы приступаем к анализу установок и интересов, но и в этой области результаты будут совершенно различными в зависимости от того, анализируем мы профессиональную или непрофессиональную деятельность.

Чтобы составить общее представление о полученных факторах, следует разделить их на факторы темперамента и мотивационные факторы (*гормические параметры* по Гилфорду, *эрги и сентименты* по Кэттелу). Поскольку факторы Кэттелла охватывают самую широкую область, лучше всего взять его список за основу, добавив к нему некоторое число наиболее характерных факторов других авторов. Единственная цель такого перечисления — дать читателю представление о фундаментальных чертах личности, выявляемых с помощью факторного анализа, поэтому совершенно необязательно, чтобы это перечисление было исчерпывающим.

А. Факторы темперамента

Известно, что Гиппократ различал 4 темперамента, и это деление сохранилось до наших дней. Если мы сопоставим факторы, содержащиеся в приводимом ниже списке, с классическими категориями, то сразу же заметим, что эти факторы соответствуют более сложным видам поведения и предполагают такие нюансы его, которые до сих пор игнорировались. К тому же Кэттел, говоря об этих факторах, называет их генерализованными чертами личности. Таким образом, мы вправе задать вопрос, а не изменилось ли полностью понятие темперамента? Тем не менее Гилфорд, как и Кэттел, полагает, что эти факторы относятся к способу выполнения действия, и такое определение

совпадает с распространенным представлением о темпераменте. Однако если в прежнем понимании этот термин относился почти исключительно к эмоциональному аспекту действия, динамике поведения или его стилю, то понятие фактор совершенно очевидно включает в себя и содержание действий.

В следующем ниже списке мы приводим названия факторов, предложенные Кэттелом в его «Universal Index of Source Traits», добавляя к ним там, где это возможно, названия того же фактора, употреблявшиеся Френчем, или же другие термины, помогающие уточнить природу фактора. Необходимо подчеркнуть, однако, что фактор можно определить только с помощью тех переменных, которые им сильно насыщены, для этого недостаточно одного лишь наименования его. Наименование может указать только общий смысл фактора. В списке за наименованием фактора следуют буквы К, Ф, Г, указывающие, что этот или очень близкий к нему фактор упоминается Кэттелом, Френчем или Гилфордом. Индексы В и Б, стоящие в скобках после К, указывают, что этот фактор был обнаружен Кэттелом с помощью либо вопросников (В), либо биографий (Б).

Список неполон: в нем отсутствуют те из упоминаемых Гилфордом факторов, которые во многом совпадают с факторами Кэттела.

**Список факторов темперамента или генерализованных черт личности
(по Кэттелу, Френчу и Гилфорду)**

Название фактора	Автор		
Циклотимия — шизотимия	К (Б и В)	Ф	
Эмоциональность — сила «Я»	К (Б и В)	Ф	
Возбудимость (эмоциональная незрелость)	К (Б)	Ф	Г
Господство	К (Б и В)	Ф	Г
Динамизм (surgency)	К (Б и В)	Ф	
Сила «сверх-Я» (persistance)	К (Б и В)	Ф	
Пармия ¹ (общительность)	К (Б и В)	Ф	
Премзия ¹ (эмоциональная ранимость)	К (Б и В)	Ф	
Коменция ¹ (конформизм)	К (Б)	Ф	
Протензия ¹ (параноидальные тенденции)	К (Б и В)	Ф	
Аутия—праксерния ¹ (эксцентрич- ность, традиционность)	К (Б)	Ф?	
Рафинированность — наивность	К (Б)	Ф	
Робость	К (Б)		Г
Радикализм — консерватизм	К (В)		
Удовлетворенность	К (Б)	Ф	Г
Уверенность в себе — ощущение неполноценности			Г
Терпимость — критический ¹ дух			Г
Серьезность — ратимия (веселость, беззаботность)			Г

¹ Искусственно созданные термины Кэттела.

В работах Кэттела один и тот же фактор часто имеет различные названия; так, перечисление факторов в тексте (1957) не соответствует полностью перечислению их в имеющихся в приложении таблицах (р. 830—831). Взяв за основу последние, мы составили единый список.

К этим факторам следует добавить еще 17, обнаруженных Кэттелом в его последних исследованиях. Эти факторы частично совпадают с теми, которые были перечислены выше, однако уровень интерпретации и особенно идентификации их пока еще нельзя признать удовлетворительным.

Б. Факторы второго порядка

Большинство обнаруженных факторов личности не являются независимыми, то есть, говоря языком математики, степени насыщения различными факторами коррелируют между собой. Таким образом, можно сделать вывод, что эти факторы детерминированы в свою очередь другими причинами, общими для некоторых из так называемых первичных факторов. Возникает необходимость снова прибегнуть к помощи факторного анализа, чтобы выявить эти еще более фундаментальные факторы второго порядка. Кэттел подверг свои первичные факторы, обнаруженные в «фактах жизни» и в вопросниках, анализу второго порядка и получил следующие факторы:

Факторы второго порядка по Кэттелу

Экстраверсия — Интроверсия
Тревожность — Интеграция, или приспособленность
Эмоциональная лабильность
Постоянный успех — Зрелость через фрустрацию
Способность к конституциональной адаптации
Предрасположение к кататонии

Хотя интерпретация этих факторов, по признанию самого Кэттела, еще весьма ненадежна, а их обозначения сомнительны, два обстоятельства заслуживают внимания: 1) Выявленные факторы «экстраверсия — интроверсия» и «тревожность» уже фигурировали в качестве первичных факторов в объективных тестах. Это подтверждает гипотезу, что первичные факторы, полученные на основе анкет и вопросников, во многом определяются используемым словарем. Мы увидим, что эти два фактора играют важную роль в системе Айзенка. 2) Можно провести параллель между первым, вторым и последним факторами и сангвиническим, меланхолическим и холерическим темпераментами. И хотя это соответствие не является бесспорным, важно, что в отношении факторов второго порядка его можно установить, тогда как в отношении первичных факторов, имеющих

слишком специфическое содержание, не может быть и речи о таком соответствии. Все это вселяет некоторую надежду на то, что с помощью факторов второго порядка можно приблизиться к более фундаментальным факторам.

В. Мотивационные факторы

Сторонники применения факторного анализа считают, что благодаря ему можно открыть всю совокупность переменных, необходимых для описания индивидуальных различий, и, поскольку анализ в состоянии охватить все психические проявления, с его помощью можно выявить вообще все переменные. Из них необходимо выделить те, которые характеризуют мотивы, если только эти последние изменяются специфическим образом от одного индивида к другому, что ныне ни у кого не вызывает сомнения. Мы не собираемся сколько-нибудь подробно излагать проблему мотивации — речь об этом идет в специальной главе, — однако необходимо очень коротко остановиться на том, что говорят факторные исследования о природе и числе фундаментальных побуждений. Известно, что по этому вопросу существуют самые различные точки зрения. Фрейд в результате психоаналитических наблюдений признавал существование двух фундаментальных побуждений: инстинкта жизни и инстинкта смерти — *эроса* и *танатоса*, все остальные погрешности являются, с его точки зрения, производными этих двух побуждений. Мак-Дауголл насчитывает у человека 18 основных побудительных сил. Меррей составил список из 20 погрешностей; столько же потребностей, носящих, правда, часто иные названия, содержится в списке Пьерона (1959). Мы вспомнили об этом только для того, чтобы показать степень разногласий, существующих по данному вопросу. Трудности, связанные с решением этой проблемы, будут сохраняться до тех пор, пока не будет установлен операциональный критерий существования определенного побуждения. Однако даже если нам удастся выявить физиологические основы побуждений — а чем больше исследуется эта проблема, тем сложнее она представляется, — останется еще нерешенной очень трудная задача установления соответствий между источниками действий человека и их проявлениями.

Факторный анализ является одним из методов решения этой проблемы, причем очень простым. Он предполагает изучение всех действий человека, всех преследуемых им целей и установление корреляций между ними. Действия и цели, между которыми существует связь, то есть составляющие пару, зависят, видимо, от одних и тех же потребностей или побуждений. Таким образом, отталкиваясь от конкретных индивидуальных поступков, можно дойти до фундаментальных побуж-

дений. Для этого необходимо выявить отдельные группы действий, объединяемых общим побуждением, определяемым самим характером группы.

Между тем на практике реализация этого подхода требует гораздо больших усилий, чем это могло бы показаться с первого взгляда. Действительно, элементарное решение предполагает, что побуждение является единственной причиной образования связей между различными действиями. Однако, очевидно, и другие общие факторы, такие, как способности и темперамент, а также влияние среды, ответственны за корреляции между изучаемыми явлениями. Даже сами термины, используемые в вопросниках, списках предпочтений, оценочных шкалах и т. д., сама среда, в которой происходит сбор соответствующей информации, влияют на конечные результаты. И в этой области наиболее систематические исследования были осуществлены Кэттелом и Гилфордом; ниже мы приводим список факторов, предложенный Гилфордом.

Список мотивационных факторов по Гилфорду

А. Факторы, соответствующие органическим потребностям:

- 1) голод (не обнаруживается в факторных исследованиях); 2) сексуальное побуждение (самца); 3) общая активность.

Б. Потребности, относящиеся к условиям среды:

- 4) потребность в комфорте, приятном окружении; 5) педантичность (потребность в порядке, в чистоте); 6) потребность в уважении к себе со стороны окружающих.

В. Потребности, связанные с работой:

- 7) общее честолюбие; 8) упорство; 9) выносливость.

Г. Потребности, связанные с положением индивида:

- 10) потребность в свободе (нонконформизм); 11) независимость (self-reliance) в противоположность зависимости; 12) конформизм. 13) честность.

Д. Социальные потребности:

- 14) потребность находиться среди людей; 15) потребность угождать. 16) потребность в дисциплине; 17) агрессивность.

Е. Общие интересы:

- 18) потребность в риске или, напротив, в безопасности; 19) потребность в развлечении.

(Далее следуют различные интеллектуальные интересы и т. д.)

Некоторые термины из этого списка прекрасно иллюстрируют ту трудность, о которой мы говорили. Так, можно заметить, что такие факторы, как педантичность, выносливость, упорство и конформизм, приближаются к некоторым факторам, содержащимся в кэттеловском списке факторов темперамента.

Ограниченное число предлагаемых Кэттелом мотивационных факторов объясняется тем, что он исходил из списка отношений, построенного на основе некоторых предварительных гипотез. Кэттел сразу ввел весьма разумное разграничение поня-

тий «эрг», (нейтральный термин, призванный заменить термины «потребность» и «побудительная сила») и «чувство» («сентимент»). Эрг соответствует источнику отношения или интереса, чувство определяется желаемым объектом и в значительной мере зависит от социальных и культурных стереотипов. Одни и те же эрги можно обнаружить в самых различных популяциях, в то время как чувства варьируют от одной страны к другой. Эрги и чувства не являются совершенно независимыми друг от друга, между ними существует неоднозначная связь, иллюстрацией которой служит следующая схема:

чувства (сентименты)	1	2	3
отношения (аттитюды)	а б	в г	д е ж з
побуждения (эрги)	1		2 3

(По: Cattell, 1957, p. 512)

Такой тип связи позволяет Кэттелу указать 7 «побудительных структур», связанных с 5 чувствами.

Мотивационные факторы по Кэттелу

Список «эргов»

1. Половой (sex) эрг (Г 2, П 13);
 2. Стадный инстинкт (Г 14, П 20);
 3. Потребность опекать (Г 15, П 14);
 4. Потребность в исследовательской деятельности, любознательность (П 12);
 5. Потребность в безопасности (Г 18, П 16);
 6. Потребность в самоутверждении, в признании (Г 6 и 7, П 15?);
 7. Нарциссическая потребность (потребность в удовольствии, противостоящая «сверх-Я») (Г 4?, П 17?).
- (Цифры в скобках соответствуют порядковым номерам этих факторов в списках Гилфорда и Пьерона, 1959.)

Список чувств (сентиментов)

8. Чувства к профессии (исследования проводились только в области авиации);
9. Спорт и игра (Г 19);
10. Религиозные чувства (в конечном счете эрг быть подвластным высшим силам);
11. Технические и материальные интересы (в конечном счете конструктивный эрг);
12. Самоощущение (self-sentiment) (чувство, значение которого еще недостаточно сформулировано).

Все факторы-эрги Кэттела присутствуют и в списке Гилфорда (например, потребность в исследовательской деятельности и любознательность содержатся в различных факторах интересов); они соответствуют также побуждениям, выделенным Мак-Дауголлом и Пьероном. Такое совпадение позволяет нам считать их научно установленными фактами; что касается остальных побуждений, перечисленных этими авторами, то подтверждение их зависит от будущих факторных исследований. Укажем, однако, на значительные расхождения между этими данными и списком потребностей, предложенным Мерреем, на ко-

того большое влияние оказали психоаналитические концепции. Будущие исследования покажут, следует ли добавить эти потребности к приведенному выше списку или же их можно свести к содержащимся в них факторам. Первый шаг в этом направлении уже был сделан Кэттелом, осуществившим серию оригинальных экспериментов: он создал 55 тестов на моторные навыки, восприятие, память, интеллектуальные операции, воображение, физиологические реакции и т. д., которые должны были помочь выявить фундаментальные процессы адаптации личности и в которых посредством введения специальных способов измерения была исключена возможность влияния различия в способностях. Факторный анализ полученных результатов позволил Кэттелу выделить следующие факторы (он называет их также компонентами).

*Мотивационные «компоненты»
по Кэттелу (1957, р. 457)*

1. Та часть «Оно», которая связана с интересами (неинтегрированными) часть желаний, сознательное «Оно».
2. Реализованное «Я».
3. Идеальное «Я», или «сверх-Я».
4. Подсознательные или физиологические интересы.
5. Подавленные комплексы.

В приведенном списке можно обнаружить целый арсенал основных понятий психоаналитической теории, что указывает на то, что между этими понятиями и понятием «фактор» не существует непреодолимого разрыва. Тем не менее было бы преждевременно считать эти последние исследования экспериментальным подтверждением психоаналитических концепций. Интерпретация Кэттела имеет довольно гипотетический характер, а переход от таких явлений, как «диастолическая реакция кровяного давления на опасность», «запоминание материала в зависимости от его занимательности», «запоминание удач в процессе деятельности» и т. д. к понятию «реализованное «Я» представляется весьма произвольным. Однако эти работы, несомненно, открывают новый путь к изучению глубинных источников мотивации, проблемы, которая, бесспорно, является центральной проблемой структуры личности.

Г. Параметры личности по Айзенку

Наш обзор результатов факторного анализа, возможно, разочаровал тех, кто рассчитывал с помощью этого метода открыть относительно малую совокупность факторов, позволяющих однозначно описать структуру личности. Небезынтересно поэтому отметить, что, применяя этот же самый метод, правда, несколько в ином плане, Айзенк пришел к выводам, которые

могут показаться на первый взгляд совершенно другими и более простыми.

Мы уже говорили (см. стр. 232), что Айзенк (1947) начал свои исследования с того, что проанализировал материалы обследования 700 солдат-невротиков. Он обнаружил 2 главных фактора: *невротизм* и *экстраверсия — интроверсия*. С тех пор ему и его сотрудникам удалось показать в результате многочисленных исследований и анализа большого количества работ других авторов, что эти 2 фактора являются фундаментальными параметрами структуры личности.

Фактор «невротизм», который, как говорит Айзенк, является противоположностью фактора «*W*», предложенного Уэббом (1915), представляет собой параметр, в соответствии с которым всех индивидов можно расположить в ряд, «на одном полюсе которого находится тип личности, характеризующийся чрезвычайной устойчивостью, зрелостью и прекрасной адаптированностью, а на другом — чрезвычайно нервный, неустойчивый и плохо адаптированный тип; нормальные люди располагаются в интервале между этими типами».

Фактор «экстраверсия — интроверсия» биполярен; для него характерна высокая степень положительного насыщения в случае экстравертов и высокая степень отрицательного насыщения в случае типичных интровертов. Следующие вопросы извлеченные из вопросника, составленного Айзенком (1959), раскрывают смысл этих терминов.

*Вопросы Айзенка, определяющие факторы «невротизм»
и «экстраверсия — интроверсия»*

1. «Невротизм»

- а) Случается ли так, что Вы чувствуете себя счастливым или несчастным без всяких видимых причин?
- б) Свойственны ли Вам колебания настроения от плохого к хорошему, не имеющие очевидной причины?
- в) Часто ли Вы бываете в плохом настроении?
- г) Бывает ли, что мысль все время ускользает от Вас, несмотря на все Ваши попытки сосредоточиться?
- д) Часто ли бывает так, что Вы отсутствуете, в то время как все полагают, что Вы принимаете участие в разговоре?
- е) Чувствуете ли Вы себя временами полным энергии, а порой вялым, пассивным?

2. Экстраверсия

- ж) Предпочитаете ли Вы немедленную деятельность предварительному планированию действий?
- з) Чувствуете ли Вы себя счастливым, когда заняты делом, требующим от Вас немедленных действий?
- и) Принадлежит ли, как правило, Вам инициатива при завязывании новых знакомств?
- к) Склонны ли Вы действовать быстро и решительно?
- л) Считаете ли Вы себя пылким человеком?
- м) Почувствовали бы Вы себя очень несчастным, если бы оказались не в состоянии иметь многочисленные социальные контакты?

Утвердительные ответы соответствуют в первом случае невротизму и экстраверсии — во втором.

Многочисленные признаки, выявленные большей частью экспериментально, на основании которых можно различать экстравертов и интровертов, были объединены Айзенком (1960) в таблицу, отрывок из которой мы приводим ниже.

Таблица 8

Экспериментальные признаки, на основании которых производится деление на экстравертов и интровертов по Айзенку

Переменные	Интроверт	Экстраверт
Ригидность восприятия	сильная	слабая
Настойчивость	большая	малая
Уровень притязаний	высокий	низкий
Общительность	пониженная	повышенная
Тест Роршаха	высокий D% ¹	высокий N% ¹
Образование условных связей	быстрое	медленное
Эффекты последействия образов	слабые	сильные
Константность восприятия	низкая	высокая

Вот уже несколько лет Айзенк пытается определить физиологическую основу этих параметров, особенно «экстраверсии — интроверсии». Основываясь на гипотезе Павлова, он постулирует, что экстравертированное поведение определяется возникновением сильных тормозных потенциалов и слабых потенциалов возбуждения, в то время как поведение интровертов есть результат слабости тормозных потенциалов и силы потенциалов возбуждения². Опыты Фрэнкса (1956) подтвердили эту гипотезу.

В свою очередь Кэттел в опытах с применением тестов также определил фактор «невротизм», а в результате анализа второго порядка обнаружил и фактор «экстраверсия — интроверсия». Таким образом, между результатами, полученными основными исследователями этой проблемы, нет никакого противоречия (Гилфорд, кстати говоря, также выявил факторы, напоминающие факторы Айзенка), а расхождение в числе факторов является следствием различия преследуемых целей. Айзенк стремится определить самые основные параметры и пренебрегает, по крайней мере в настоящее время, другими возможными индиви-

¹ N и D — индексы, применяемые при интерпретации ответа в тесте Роршаха. N определяет тенденцию выделять из фона силуэты человека, D — тенденцию опираться при ответе на крупные элементы фона. — *Прим. перев.*

² Термин «торможение» употребляется здесь в павловском, то есть нейробиологическом, смысле. Он означает корковое торможение, ассоциирующееся с отсутствием торможения на уровне поведения.

дуальными различиями. Кэттел и Гилфорд стремятся выяснить одинаковые элементы в поведении индивидов с тем, чтобы перейти постепенно к параметрам более общего характера. То, что оба пути приводят в конечном счете к одинаковым результатам, по крайней мере частично, только подчеркивает их важность.

§ 3. Оценка результатов, полученных с помощью факторного анализа

В заключение этого пространного, хотя и неполного изложения главных результатов, полученных благодаря применению факторного анализа, мы попытаемся оценить их важность для психологии личности. Прежде всего мы определим психологическое значение факторов, чтобы избежать возможных недоразумений, после чего обратимся к рассмотрению основной концепции структуры личности, как она предстает перед нами в результате всех этих исследований.

А. Психологическое значение факторов

Во-первых, мы должны сказать, что факторы нельзя интерпретировать ни как первичные черты в определенном выше смысле (см. стр. 217), ни как генерализованные реакции, несмотря на их обозначения, которые часто наводят на мысль о первичных чертах. Фактор — это переменная, или параметр, определяемый посредством тех явлений, которые им сильно насыщены.

Чтобы проиллюстрировать это утверждение, приведем пример: при анализе «фактов жизни» Кэттел обнаружил фактор, или «первичную черту», которую он обозначил термином «циклотимия» в противоположность «шизотимии» и которой в наибольшей степени насыщены следующие поверхностные черты:

Добродушие, покладистость (easygoing) — обструкционизм, сварливость.
Адаптируемость — негибкость, «ригидность».
Теплота, внимание к людям — холодность, безразличие.
Чистосердечие, невозмутимость — молчаливость, скрытность, тревожность.
Эмоциональность, экспрессивность — сдержанность.
Доверчивость, легкоеверие — подозрительность
и т. д.

Следует напомнить, что термины, с помощью которых определяются факторы, могут быть по-разному интерпретированы в зависимости от наблюдаемых фактов. Существует два практически часто трудноразличимых способа интерпретации факторов одного и того же списка. Первый состоит в отыскании своего рода общего знаменателя, другими словами, типа лично-

сти, обладающего всеми или по крайней мере большинством перечисленных качеств. Второй, более соответствующий духу факторного анализа, заключается в отыскании общего источника этих различных качеств. Непосредственной целью факторного анализа является фактически объединение, с помощью объективных критериев, черт, которые должны иметь единый источник, однако определение такого источника возможно только с помощью весьма сложной интерпретации и будет носить временно гипотетический характер. Такая интерпретация является слабым местом факторного анализа, и каждый фактор для своего окончательного определения требует многочисленных дополнительных исследований. Небезынтересно отметить, что интерпретация факторов второго порядка, как правило, имеет более понятный характер, поскольку в этом случае исследователь может уже основываться на теоретических концепциях, тогда как первичные факторы выводятся из конкретных и, стало быть, неточных психологических фактов.

Таким образом, очевидно, что результаты факторного анализа, о которых мы говорили, должны рассматриваться как предварительные, а согласование между собой большинства предлагаемых интерпретаций является чрезвычайно трудным делом. Несмотря на все эти оговорки, делающие излишним детальное обсуждение каждого фактора, из совокупности фактов и особенно из системы Кэттелла вырисовываются некоторые главные линии, указывающие на происхождение факторов.

а) *Факторы конституциональные.* Хотя прежде принято было считать, что основные компоненты личности имеют наследственное происхождение, влияние бихевиоризма и психоанализа радикально изменило существовавшие на этот счет взгляды. В настоящее время доминирует тенденция пренебрегать конституциональными факторами. Процесс формирования личности рассматривается сейчас в основном в плане научения, понимаемого в самом широком смысле слова. Некоторые из упоминавшихся нами факторов являются конституциональными. Таков, например, фактор «циклотимия — шизогимия», который, согласно Айзенку и Кэттелу, «служит характеристикой темперамента во всех его динамических проявлениях» (Cattell, 1957, p. 98). Или фактор «пармия» (общительность), который Кэттел определяет как «динамическую конституциональную черту» (1957, p. 129). К этой же категории следует отнести такие факторы, как «протензия» и «аутия», некоторые мотивационные компоненты, например «та часть «Оно», которая связана с интересами», «подсознательные или физиологические Интересы» и, вероятно, некоторые мотивационные факторы, или «эрги». Однако ни Гилфорд, ни Кэттел не высказывались сколько-нибудь определенно по этому чрезвычайно трудному вопросу. Некоторые факторы темперамента («возбудимость», «гос-

подство», «рафинированность», например) имеют, согласно Кэттелу, наряду с наследственным компонентом еще и компонент, связанный с условиями развития.

б) *Факторы, определяемые средой.* На некоторые факторы, относящиеся к сфере чувств, по Кэттелу, или к сфере потребностей, по Гилфорду, преобладающее влияние оказывает среда. Эти факторы свидетельствуют о важности научения, или формирования навыков, в процессе развития личности. Речь в данном случае идет о факторах, имеющих непосредственное отношение к интериоризации культурных ценностей и к имитации способов действия. Результаты факторных исследований показывают, что, вероятно, все конкретные формы поведения, привычки и потребности имеют именно такое происхождение. Однако по-прежнему остается открытым вопрос, не определяется ли выбор усваиваемых культурных ценностей фундаментальными и конституциональными факторами. Возможно также, что поступки, которыми определяется какой-либо из обусловленных средой факторов, имеют в своей основе другие факторы темперамента или способностей и, таким образом, могут быть выявлены только посредством некоторой комбинации этих факторов. Опыт и культурная среда определяют лишь внешнюю сторону поведения.

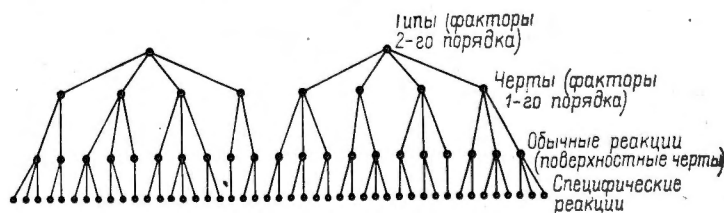
в) *Структурные факторы.* Мы уже видели, что Кэттел сформулировал некоторые из своих факторов в психоаналитических терминах. Мы встречались с такими понятиями, как «сила Я», «сверх-Я» и «комплексы»; обозначенные таким образом факторы также обязаны своим происхождением, согласно интерпретации Кэттела, воздействию среды, хотя и довольно своеобразному. Речь в данном случае идет не о простой ассимиляции окружающего мира, а, скорее, об аккомодации, если воспользоваться языком Пиаже. В процессе аккомодации формируются определенные структуры, или схемы, действия. Фактор «сила Я», например, зависит, по Кэттелу, «главным образом, но не целиком от жизненного опыта индивида, благоприятной атмосферы в семье, положения в ней индивида и отсутствия травмирующих обстоятельств» (1957, р. 103). В случае других факторов, не связанных непосредственно с психоаналитическими инстанциями, можно также обнаружить, по мнению Кэттела, аналогичное воздействие среды на индивида. Так, например, фактор «*surgency-desurgency*» (динамизм) зависит, вероятно, от прошлых наказаний и лишений. Фактор второго порядка «аффективная неустойчивость» интерпретируется как следствие «слишком снисходительного или слишком шадящего семейного окружения» (1957, р. 319), а фактор «постоянный успех» является, по-видимому, результатом слишком легких и непрерывных успехов, обусловленных либо особыми дарованиями, либо удачным началом.

Несмотря на всю гипотетичность таких интерпретаций, интересно отметить, что некоторые сочетания результатов или первичных факторов нельзя понять, не обращаясь к динамическим процессам взаимодействия между индивидом и средой. Однако и в этом случае следует выяснить, не приводят ли одинаковые условия развития к различным результатам в зависимости от того или иного фактора, и в особенности от факторов темперамента. В отношении некоторых факторов Кэттел смог показать такую зависимость.

Среди факторов второго порядка в вопросниках и списках имеется один, который, видимо, нельзя отнести ни к одной из трех указанных категорий. Как утверждает Кэттел, фактор «тревожность — интеграция, или приспособленность» относится «главным образом к степени интеграции личности в целом в ощущении «Я» посредством силы «Я». Нас интересуют не частности этой сложной интерпретации, а тот факт, что в данном случае речь идет не о влиянии наследственности и не о влиянии среды, а о принципе внутренней организации. Фактор, который здесь имеется в виду, соотносится не столько с последней, сколько с ее эффектом: тревожностью или, напротив, интеграцией; таким образом, возникает по крайней мере гипотеза о существовании тенденции к интеграции, тенденции, которая, между прочим, предусматривалась такими исследователями, как Гольдштейн (1934) и Роджере (1951), и которая присутствует в юнговском понятии индивидуации.

Б. Система факторов

Три автора, которым мы больше всего обязаны нашими знаниями в этой области и результаты которых мы уже изложили, согласны с тем, что вся совокупность рассмотренных ими фактов может быть представлена в виде иерархической системы. Согласно Айзенку (1960) и Гилфорду (1959), эту систему можно представить в виде следующей диаграммы.

Если мы заменим термины «тип» и «черта» на факторы первого и второго порядка, мы получим схему, в точности соответствующую результатам Кэттелла, причем данные его последних исследований, по-видимому, указывают на то, что иерархия не

завершается вторичными факторами и что мы вправе ожидать открытия по меньшей мере факторов третьего порядка. Диаграмма, естественно, является лишь упрощенной схемой реальности. Уточнение, которое следует в нее внести, состоит в том, что каждая точка того или иного уровня может быть связана с несколькими точками более высокого уровня, поскольку в целом черты или факторы низших порядков насыщены одновременно различными факторами.

Что же означает эта схема? Прежде всего это классификация черт или факторов по степени их генерализованности (факторный анализ, как мы уже видели, является процедурой классификации, аналогичной системам в ботанике и зоологии). Айзенк и Гилфорд полагают, что такая классификация черт (или поступков) отражает иерархическую организацию личности. Таким образом, как показал Гилфорд, можно двояко интерпретировать эту диаграмму. В описательном плане можно начинать с самого низкого уровня и рассматривать каждую черту более высокого порядка как комбинацию подчиненных ей черт. В этом случае иерархия будет означать всего лишь, что существуют описательные в буквальном смысле этого слова и отличающиеся по степени общности черты. Если же, напротив, относиться к схеме как к средству объяснения и видеть в ней отражение внутренней структуры личности, тогда следует начинать с самого высокого уровня и каждое явление низшего уровня считать детерминированным факторами более высокого уровня, причем эти факторы, как правило, рассматриваются именно в таком объяснительном плане.

Хотя в свете наших современных знаний такой иерархический порядок может показаться возможным и даже вполне удовлетворительным, нельзя относиться к нему как к научно установленному факту. Возможно, что он является всего-навсего лишь результатом применяемых методов исследования, которые должны непременно опираться на конкретные данные, чтобы постепенно, этап за этапом, приблизиться к окончательным факторам. Не исключено, что все промежуточные факторы суть лишь предварительные теоретические конструкции.

Теоретически в настоящее время возможны три факторные модели структуры личности:

1. Иерархическая модель, которая по аналогии с теоретической моделью интеллектуальных способностей Спирмена в своей наиболее простой форме состоит из одного или нескольких (см. работы Айзенка) общих факторов, групповых факторов различной степени общности, соответствующих промежуточным уровням нашей диаграммы, и специальных факторов.

2. Мультифакторная модель, аналогичная той, которую предложил Терстон применительно к умственным способностям. В соответствии с этой моделью, поведение или первичные черты

детерминированы, по-видимому, комбинацией различных факторов, которые, естественно, отличаются друг от друга как диапазоном действия, так и степенью влияния. Индивидуальная структура в этом случае определяется конкретным сочетанием этих факторов. В свете современных представлений эта модель едва ли верна.

3. Факторы различных видов, выделенные нами в пунктах а, б и в, указывают на существование третьей модели, предполагающей помимо определенного числа общих факторов (факторов темперамента и факторов общих способностей) еще и факторы, которые мы называли структурными.

V. ГЕНЕЗИС ЛИЧНОСТИ

Поскольку факторный анализ является всего лишь одним из методов исследования — причем подчас исследования вслепую, — возникает потребность в других источниках знания, позволяющих добиться удовлетворительной психологической интерпретации выявляемых факторов. Генетический метод, о котором пойдет речь в этом разделе, может представить в этом смысле особый интерес.

Нет нужды пространно доказывать полезность генетических исследований для изучения личности. Мы вправе ожидать, что на ранних стадиях развития личности некоторые характеристики ее структуры обнаруживаются значительно легче и что в генезисе поведения непременно выявится процесс формирования наиболее важных структур. Мы не собираемся предложить читателю законченную теорию развития личности, наша задача сводится лишь к тому, чтобы изложить те немногочисленные пока факты, которые дают некоторые сведения о структуре личности.

§ 1. Отправные моменты

Перед нами, естественно, возникает вопрос: в какой момент появляется личность? Чтобы ответить на него, необходимо, во-первых, предложить определение или критерий личности; во-вторых, как это показал Пиаже применительно к интеллекту, следует найти такие поступки и структуры, исходя из которых можно было бы проследить последовательное развитие личности вплоть до образования ее развитых форм. В этом смысле, а также потому, что личность предполагает индивидуальность, можно задать еще один вопрос: начиная с какого момента можно констатировать появление индивидуальных различий? Кроме того, необходимо еще знать, о каких различиях идет речь. Отражают ли различия в росте, весе, равно как и различия многочисленных физиологических характеристик, личностные различия? Или, может быть, они предваряют их? Ответ на этот

вопрос, очевидно, нельзя дать априори, он может быть только результатом наблюдений.

Известно, что в помещении для новорожденных очень легко выделить различные типы сосунков, и опытные няни всегда могут без труда охарактеризовать их: например, своевольные и нервные, «ангелочки», пикники и астеники и т. д. Но можно ли утверждать, что уже в этом проявляется личность? Как показывают мои собственные наблюдения, спустя несколько дней после рождения различия затухевают, и вся эта группа младенцев приобретает более единообразный характер. Интересно было бы проследить, не проявятся ли эти индивидуальные характеристики снова в более позднем возрасте.

Такой продольный метод является, видимо, единственным надежным способом определения индивидуальных различий, имеющих отношение к личности. Впервые он был применен Мэри Ширли (1933), осуществившей изучение детей на протяжении первых двух лет их жизни. Многочисленные тщательно проведенные измерения и наблюдения показали, что только очень немногие характеристики сохраняют относительное постоянство в течение нескольких месяцев, однако наблюдается тенденция к увеличению интервалов такого постоянства с возрастом. Это, видимо, указывает на то, что с возрастом происходит все большая фиксация характерных черт. Нейлон (1948), наблюдавшая 15 лет спустя 15 детей — бывших испытуемых Ширли, — составила описание их личностей. Она предложила идентифицировать эти портреты третьим лицам и сравнить их с описаниями Ширли. Результаты, во многом обнадеживающие, свидетельствуют о том, что уже в два года достаточно выражена индивидуальность ребенка. Результаты Уошберна (1929) и Гезелла (1929) показывают, что уже в самые первые месяцы жизни ребенка можно выявить индивидуальные различия в темпераменте, сохраняющиеся в последующие годы. Олпорт (1937) составил «портрет» четырехмесячного ребенка, описав его следующим образом: А. охотно смеется, хорошо адаптирован, экстраверт, подпрыгивает, когда у него хорошее настроение, активен, шаловлив, вербально одарен. Вплоть до девятилетнего возраста достоверность этого портрета подтверждалась независимыми наблюдениями. Надо заметить, что все характеристики, постоянство которых отмечается с самого раннего возраста, являются всегда первичными чертами, легко поддающимися оценке. Эти исследования показывают, что качества, относящиеся к личности, присутствуют уже в начале жизни, однако четкое определение их невозможно из-за отсутствия точных методов. Капитальное исследование Эскалоны и Хайдера (1959), сравнивших описания 31 ребенка, полученные в результате кратковременного изучения их на первом году жизни, с достаточно подробными описаниями, полученными при

повторных наблюдениях (см. L. Murphy, 1956), показало, что 46% из 882 прогнозов оказались правильными, а 20% приблизительно правильными. Необходимо отметить, однако, что это сравнение осуществлялось не на базе первичных черт, а на основе переменных или характеристик, полученных в результате очень скрупулезных наблюдений. Мейли (1957) обнаружил у детей в возрасте 3—4 месяцев различие в реакциях на предъявленный предмет: у одних первоначальное торможение быстро сменялось разрядкой напряжения, свободными движениями, иногда улыбкой; у других напряжение сохранялось, сменяясь состоянием раздражения, переходящим в плач. Пулвер (1959) показал, что эти характеристики остаются достаточно устойчивыми в различных ситуациях в течение всего первого года; эксперименты, проводившиеся спустя 5—8 лет (Lang, 1962), выявили положительную корреляцию (0,53—0,54) между полученными характеристиками поведения и реакцией на объект в течение первого года. Эта реакция, таким образом, основывается, видимо, на фундаментальном качестве, которое психологически выражается либо в явно положительном, либо в явно отрицательном отношении к новым ситуациям. Самые различные проявления этого феномена наблюдались у двух братьев начиная с момента рождения и до 9 и 13 лет (Meili-Dworetzki, 1959). На первом году жизни можно обнаружить, несомненно, и другие качества такого рода. Белл (1960), подвергший факторному анализу большое число наблюдений, сделанных в первые недели жизни ребенка, выявил 5 таких качеств, однако устойчивость этих качеств и их значимость для развития личности могут быть проверены только с помощью дальнейших исследований. Таким образом, в настоящее время наши знания об истоках личности пока еще весьма рудиментарны.

Мы можем в равной степени отнести даже самые первые психологические различия как за счет различий физиологических, так и за счет внешних влияний. Мейли, Лор и Пулвер (1962) провели исследования в этом направлении, сравнивая результаты наблюдений за ребенком и его матерью в первые 10 дней и реакцию ребенка на предъявление нового объекта в четырехмесячном возрасте. Было получено несколько статистически значимых, хотя и невысоких, корреляций с некоторыми характеристиками дыхания и мимики, а также с некоторыми характеристиками матери. Эти корреляции представляют некоторый интерес, однако следует проявить известную осторожность, поскольку имеется тенденция относить каждое проявление, допускающее психологическую интерпретацию, к понятию личности.

По сравнению с очень большим числом факторов, обнаруженных у взрослых, число фундаментальных переменных, которые удалось выявить до настоящего времени у новорожденных,

очень мало, что, видимо, связано в первую очередь с трудностью установления типичных проявлений. С другой стороны, возможно, что большинство переменных, даже фундаментальных, выявляются лишь позднее либо потому, что речь идет о структурных факторах, либо потому, что поступки, соответствующие проявлению этих переменных, требуют более высокого уровня развития интеллекта. Кэттел, факторные исследования которого распространялись и на четырехлетних детей, утверждает, что «структура личности (не касаясь ее динамической сферы) у ребенка немногим проще, чем у взрослого» (1957, р. 847—848). Он упоминает следующие факторы, выявляемые в возрасте 4—5 лет: циклотимия — шизотимия, господство — подчинение, пармия — тректия, конфликтующие влечения или слабость «Я» (1957, р. 848).

§ 2. Разнообразие поведения

Поведение детей, их действия и реакции чрезвычайно разнообразны, особенно в первые годы жизни. Их можно сравнить с постепенно раскрывающимся веером — все новые и новые стороны личности ребенка предстают перед нами. Можно согласиться с тем, что увеличение диапазона возможных форм поведения в результате развития восприятия, моторных и умственных способностей есть не что иное, как проявление одних и тех же качеств темперамента ребенка во все более разнообразных ситуациях, тогда как основа и структура его личности остаются неизменными. В феноменальном плане личность будет меняться, в структурном она будет оставаться той же самой. В какой мере верна эта точка зрения, должны показать будущие исследования. Тем не менее помимо феноменальных модификаций возможны и структурные изменения, а это значит, что в определенные моменты развития должно возникать и новое поведение, которое нельзя объяснить развитием тех или иных функций или простым подражанием. Спитц (1957), Эриксон (1950), Мейли (1957) и Мальрьё (1960) изучали в этом плане некоторые аспекты становления личности; кроме того, работы Пиаже, естественно, изобилуют наблюдениями, касающимися, в частности, эгоцентризма, которые также относятся к этому аспекту развития. Нам представляется необходимым несколько более подробно остановиться на структурных модификациях. Уместно вспомнить здесь, что Сарбин (1952, 1954) указывает на последовательное образование пяти центров «Я», понимаемых им как способы познавательной организации опыта в соответствии с принципом константности.

А. Различение интероцептивных и экстероцептивных ощущений

Большинство авторов придерживается мнения, что вплоть до второго — третьего месяца новорожденный не различает интероцептивные и экстероцептивные ощущения. Как говорит Пиаже (1937, р. 356), «вначале внешний мир смешан с ощущениями от «Я», находящегося в неведении относительно собственного существования, и лишь потом эти два понятия отделяются друг от друга и соответственно организуются». С эмоциональной точки зрения наблюдаемые в этот период состояния спокойствия, хорошего настроения или неудовлетворенности зависят только от физического состояния и никак не связаны с внешними восприятиями. К четвертому месяцу у ребенка регулярно появляется улыбка при виде людей, но в то же самое время и выражение тревожности, как отмечает Мейли (1957). Это новые реакции, ответы индивида на определенные, приходящие извне стимулы. Наблюдения за восприятиями, моторикой и эмоциональными проявлениями ребенка позволяют сделать вывод о том, что в этот период происходит координация и дифференциация интероцептивных и проприоцептивных ощущений, с одной стороны, и экстероцептивных — с другой. С этого начинается общая организация опыта и, стало быть, организация личности. Согласно Спитцу (1958), появление улыбки означает, что в этот период «ребенок обращается к внешним восприятиям, он начинает руководствоваться принципом реальности. Происходит образование и отделение друг от друга предсознания и подсознания. Начинают функционировать первые элементы «Я». Возможно, эта интерпретация заходит слишком далеко, приписывая этой еще элементарной организации способность к различениям, эффект которых можно наблюдать только много позднее. Мы никогда не узнаем об уровне сознания ребенка в этом возрасте, однако характер его реакций позволяет сделать вывод, что первое различение, формирующееся в этой зарождающейся личности, — это различение системы, связанной с внутренними ощущениями, побуждениями и желаниями, и системы ощущений, более независимых от этих субъективных состояний

Б. Формирование «Я»

Благодаря исследованиям Пиаже известно, что формирование системы, соответствующей в общих чертах внешнему миру, еще не гарантирует адекватного восприятия объектов; только наблюдающийся в возрасте 8—9 месяцев поиск утерянного предмета заставляет предположить наличие более адекватной и устойчивой организации среды. В то же самое время возникает хорошо известный и очень характерный эмоциональный фено-

мен: страх перед незнакомыми людьми. Для Спитца возникновение страха перед незнакомцем означает, что мать стала «объектом» в психоаналитическом значении этого термина, то есть центром аффективных потребностей, тогда как до этого момента ее аффективная функция еще не была установлена из-за того, что она не представляла собой объекта познания.

Образование объекта в этом двояком смысле слова является, вероятно, одним из важных этапов генезиса личности. Можно допустить, что одним из таких формирующихся объектов является и сам индивид, то есть та структура, которая координирует собственные телесные ощущения, зрительные, тактильные и проприоцептивные восприятия. Правда, в этой области было проведено слишком мало систематических наблюдений, однако известно, что в этом возрасте ребенок начинает похлопывать себя, ощупывать свое тело, хватать пальцы ног и т. д. (Wallon, 1934).

В этот же период появляется целая серия новых действий по отношению к другим лицам (см. Meili, 1957; Malrieu, 1960). Необходимо особо отметить агрессивный и защитный гнев (Malrieu, 1960) и негодующие, яростные взгляды (Meili, 1957). Набор действий, все возрастающий на протяжении второго года жизни, указывает на то, что реакция ребенка не определяется уже исключительно данной ситуацией: «Эмоции не являются больше простым результатом предпринятых действий, санкционирование их... входит в сферу «Я» (Malrieu, 1960, p. 146). Таким образом, происходит дальнейшее упрочение и структурирование начавшегося в возрасте трех месяцев процесса образования «субъективной» системы, отделения ее от связанной с внешним миром «объективной» системы. Эта система все больше вовлекается в действия и реакции ребенка, в его желания, в его переживания успеха и неудачи. То, что образуется в этот период, можно назвать структурой «Я» (Meili, 1957, p. 155). Спитц (1958) относит к этому времени «начало разграничения «себя» и среды, «Я» и «Оно», и дифференциации конкретных систем внутри «Я».

В. Усвоение правил и «сверх-Я»

Наконец, в этот же самый период можно наблюдать, как ребенок прерывает начатое действие и вопрошающе смотрит на взрослого. Это проявляется особенно ярко в тех случаях, когда ребенок хочет коснуться запрещенного предмета. Позднее это заторможенное действие часто сопровождается словами «нет, нет», что полностью проясняет смысл ситуации. Первое побуждение, таким образом, сдерживается вторым, которое соответствует не спонтанному желанию, а запрету вторичного происхождения, связанному с прошлым опытом. Эти явления до сих пор остаются мало изученными; очевидно, они свя-

заны с тем, что в психоанализе принято называть «сверх-Я». Процессы подражания и идентификации, безусловно, играют важную роль в начале формирования «сверх-Я», однако имеется слишком мало точных наблюдений, чтобы можно было более точно определить связь этой новой системы с теми системами, которые уже различаются к этому времени. Напомним все-таки, что некоторые факторы Кэттелла имеют отношение к «сверх-Я».

Г. Роли, поиск тождества

Формирование «Я», первые проявления которого на втором году жизни мы уже отметили, вступает в решающую фазу начиная приблизительно с трех лет, когда отчетливо обнаруживается его сложный характер. Среди новых элементов поведения, характерных для этого периода, укажем на желание «показать себя» и проявления стыда, попытки утвердить и проявить свою власть, привлечь к себе внимание, а также сильный гнев, являющийся в известном смысле выражением неудовлетворенного желания. Этот период часто называют периодом негативизма, или оппозиции, потому что ребенок говорит «нет» и противится всякому вмешательству извне как бы ради единственного удовольствия, получаемого от такого противодействия, на самом же деле он поступает так, чтобы утвердить свою личность, собственную ценность.

Генерализованность противодействия указывает на то, что конкретное желание является не изолированным элементом, а принадлежит устойчивой структуре, не трансформирующейся по воле окружающих с такой легкостью, как временные тенденции. В принципе в этом нет ничего нового по сравнению со вторым годом, и структура личности, таким образом, не претерпевает существенных изменений. Упомянутые факты и их частота свидетельствуют только о том, что процессы структурирования и центрации субъективной системы, о которых мы говорили выше, продолжают и что новый объект, образующийся благодаря внутренним переживаниям, желаниям, удовлетворению и неудачам, интегрируется в образ собственного тела, который, как говорит Валлон (1934), приобретает в этот период более устойчивую форму.

Объективная система, соответствующая миру внешних объектов, значительно обогащается и вместе с тем дифференцируется, однако в отличие от того, что происходит с субъективной системой, не имеет единой центрации. Она настолько легко поддается влиянию со стороны «Я», что приводит к возникновению хорошо известного феномена эгоцентризма, проявления которого в интеллектуальном и нравственном плане были показаны Пиаже.

Совокупность всех этих фактов говорит о том, что внутри субъективной системы начинают формироваться подструктуры

Действительно, не так, правда, отчетливо, как несколько позднее, но уже в это время некоторые аспекты «Я», некоторые желания, части тела и ощущения чаще включаются в упомянутые нами конкретные действия. Однако систематические исследования в этой области не проводились, и мы можем только сказать, что границы внутри субъективной системы, очевидно, весьма расплывчаты. Образ «границы» к тому же, вероятно, неверен, и «система Я», возможно, равно как и поле тяготения, вообще не имеет границ.

Природа таких подструктур становится более понятной в свете двух явлений, также свойственных этому периоду. Одно из них известно под названием, предложенным Фрейдом, это комплекс Эдипа. Речь идет, как известно, об особой привязанности ребенка к родителю противоположного пола, сочетающемуся как следствие с желанием устранить другого. Непосредственные наблюдения за жизнью первобытных цивилизаций показывают, что конкретная форма отношений между родителями и между родителями и детьми играет огромную роль в формировании «комплекса Эдипа». Сам факт, что в семье между ребенком и родителями устанавливаются весьма своеобразные отношения, зависящие от пола ребенка и его положения в семье, указывает на то, что происходит выделение личности ребенка. Такая трансформация не может быть исключительно результатом эволюции либидо, вступающего в свою генитальную стадию, как утверждает психоаналитическая теория, ибо в таком случае мы не в состоянии объяснить, почему структура семьи и отношение родителей могут иметь такое важное значение, о каком свидетельствуют данные антропологов. Однако, какова бы ни была интерпретация этого факта, ребенок осознает роли, которые играют отец и мать, имитирует их и отождествляет себя с одним из них. Но поскольку имитировать индивид может только то, что он уже готов сделать и спонтанно, как это показал Пиаже (1945), мы неизбежно приходим к выводу, что формирование личности ребенка достигло уже той стадии, когда он в состоянии дифференцировать некоторые роли. Речь в данном случае идет не просто об имитации каких-то действий, так как имеется выбор из того, что можно имитировать, выбор, который определяется потребностью в самоутверждении. Ребенок сам хочет играть какую-то роль, а именно ту, которая представляется ему наиболее привлекательной. Именно эта тенденция и обозначается термином «идентификация».

Такая интерпретация «комплекса Эдипа» могла бы показать, если бы этот период от 3 до 5 лет не характеризовался в очень сильной степени игрой воображения и играми ролей¹, что следует считать неоспоримыми проявлениями

¹ Мы говорим здесь о роли в узком смысле этого слова, то есть о ро-

той же самой тенденции. В играх ребенок выражает свои аффективные потребности в данный момент, а также и более глубокие тенденции, связанные с формированием его идеалов. Когда девочка играет в куклы или в доктора, а мальчик изображает из себя кондуктора, шофера или полицейского — это не только подражание, но и упражнение в роли, соответствующей идеальному образу, к которому он стремится. Даже когда ребенок изображает паровоз, льва или ягненка, он символически реализует тот аспект своей личности, который представляется ему желательным. Такие действия и фантазии (аналогичные тенденции могут проявиться и в рассказах, рисунках и даже в сновидениях) указывают на то, что у ребенка этого возраста происходит столкновение его собственного реального состояния с идеальным образом.

Таким образом, помимо того, что утверждается и принимается более определенную форму структура личности, в это время возникают зачатки самосознания, которым только и можно объяснить упорное желание стать чем-то иным. Только начиная с этого времени можно говорить о поиске тождества (Erikson, 1950), или тенденции к устойчивости личности (Goldstein, 1934), понимаемой как известная форма равновесия, к которому тяготеют все структуры, то есть о принципе уравнивания, которым определяется также и развитие интеллекта (Piaget, 1969, стр. 66). Трудности, испытываемые однояйцевыми близнецами (Zazzo, 1960) при обнаружении тождества, проливают некоторый свет на условия, необходимые для формирования такого равновесия. Тот факт, что многое из того, что представляется «внешним», соответствует на самом деле тому, что внутренне переживается близнецом, существенно удлиняет процесс образования связной и устойчивой структуры.

В ходе этих трех стадий, важные особенности которых мы коротко изложили, складываются, видимо, наиболее существенные элементы структуры личности. Однако мы вышли бы за рамки нашего изложения, если бы решили проследить все дальнейшие стадии вплоть до половой зрелости, когда вследствие полового созревания и разрыва семейных связей структура субъективной системы претерпевает существенные изменения. Последние соответствуют расширению и обогащению сферы действия, что не предполагает тем не менее фундаментального преобразования психической организации. Еще позже, по достижении половой зрелости, в результате различных кризисов, которые снова и снова подвергают опасности всегда неустойчивое равновесие, личность по-прежнему продолжает модифицироваться.

ли, которую (бессознательно или сознательно) играет индивид, а не о роли, которую он действительно выполняет в силу своего положения в группе

§ 3. Выводы

С точки зрения черт и факторов развитие личности можно описать как процесс дифференциации и интеграции, причиной которого является либо созревание, либо научение. Долгие и часто бесплодные споры показали невозможность безоговорочного отнесения исследуемых качеств к тому или другому источнику развития. Гораздо важнее уточнить характер соответствующих влияний.

А. Созревание и эволюция личности

Старая характерология, которую очень мало интересовали генетические проблемы, неявно допускала, что фундаментальные качества личности даны в зародыше с рождения, хотя проявляются они только по мере созревания. Воспитание в этом плане рассматривалось только как действие, направленное на устранение или подавление одних черт и на усиление других, однако точные знания о том, как развивается личность по мере созревания, отсутствуют. Можно, конечно, предположить, что вследствие расширения диапазона возможных действий, благодаря физическому развитию, развитию моторики и интеллекта наблюдается увеличение числа и разнообразия поступков и проявление все новых и новых черт. Действительно, если мы будем просматривать заснятое на киноплёнку через равные промежутки времени поведение ребенка в первые два года его жизни, у нас создается впечатление, что перед нами один и тот же образ, но обрастающий все большим количеством деталей и нюансов. Однако все это, очевидно, не в большей степени объясняет эволюцию личности, чем, например, высказывание Гезелла о том, что «развитие личности зависит от инстинктивных и врожденных факторов...» (1949, р. 34). Поэтому с точки зрения генетического объяснения понятие созревания значительно менее ценно, чем утверждение, что личность не является прежде всего результатом обучения или влияния среды. Действительно, многочисленные исследования, и в первую очередь факторные, недвусмысленно показали важную роль врожденных предрасположений, однако не менее очевидно, особенно благодаря работам психоаналитиков, и то, что конкретные события и условия развития в первые годы жизни могут оказать глубокое влияние на дальнейшее развитие личности.

Б. Теории научения

Признавая важность индивидуального опыта, необходимо указать, каким образом этот опыт воздействует на формирование личности. Бихевиористы пытались объяснить это исключи-

тельно законами научения (см. главу XII), изучаемыми на примере простейших действий. Действительно, нетрудно экспериментально показать, что как у человека, так и у животного очень просто выработать условные рефлексы. Но утверждать на основании этого, что формирование личности в целом тоже зиждется на этих законах, шаг довольно рискованный. Надо отметить, в частности, что, исходя из этих принципов, крайне трудно объяснить согласованность действий. Тем, кого эта тема особенно интересует, мы советуем просмотреть наши замечания, касающиеся генерализованных реакций, а также обсуждение Пиаже (1959) тех трудностей, с которыми сталкивается эта теория в плане интеллектуального развития. То, что говорит Пиаже, относится в равной мере и к нашей области. Поэтому большинство наиболее известных американских ученых: Меррей (1938), Олпорт (1937), Мерфи (1947) и Стагнер (1961)—так или иначе прибегают к принципу интеграции для объяснения согласованности действий высшего порядка у человека. Маурер (1944), затративший много усилий для того, чтобы применить понятия психологии научения к формированию личности, провозгласил в качестве одного из четырех фундаментальных постулатов, что «каждый живой организм стремится к поддержанию максимального уровня интеграции или внутренней устойчивости» (р. 69).

Таким образом, кажется маловероятным, что приобретение специальных или генерализованных навыков посредством подкрепления является одним-единственным принципом формирования личности. Интересно отметить, что даже самые точные и наиболее отчетливо ориентированные на моторное поведение генетические исследования не свидетельствуют об исключительной роли процесса научения в строгом смысле этого слова. Если в рамках психологии научения исследователя интересует прежде всего образование связи между стимулом и реакцией, то при изучении генетических изменений он обращает особое внимание на прогрессивное совершенствование и обогащение реакций. Пиаже, которого не удовлетворяло ни объяснение созревaniem, ни объяснение с позиций классического эмпиризма, предложил свою теорию схем, согласно которой развитие—это формирование структур, аккомодирующихся к внешним условиям, и последующая их ассимиляция.

Под влиянием психоаналитических и гештальтистских теорий такие авторы, как Олпорт и Сарбин (1952), разработали аналогичные концепции и в психологии личности. В настоящее время наиболее распространенным является, видимо, представление о том, что структура личности складывается постепенно в процессе взаимодействия между внутренней средой и психической организацией. Надо отметить также, что эта концепция развивает некоторым образом очень распространенную в Гер-

мании Schichtentheorie (Rothacker, 1938; Lersch, 1938), придавая последней более законченный вид и создавая ей эмпирическую базу.

В. Психическая организация

Центральным понятием этой теории является понятие «психическая организация», которую следует понимать как систему связей между содержанием конкретных переживаний. Известно, однако, что психическое содержание оказывается также очень сложным, поскольку оно само является системой связей. Принято называть эти системы динамическими, что означает, что для того, чтобы их изменить посредством подавления того или иного «элемента» или уничтожения той или иной связи, нужны определенные силы и что внутренние преобразования могут привести к высвобождению таких сил.

Мы будем описывать психическую организацию в психологических терминах, несмотря на всю очевидность того, что она имеет физиологическую подоплеку. Есть некоторые преимущества в том, чтобы рассматривать ее как систему следов, остаточных явлений более ранних процессов, не предлагая — что, впрочем, и невозможно в настоящее время — никаких гипотез относительно физиологической природы этих следов. Мы уже видели, как эта организация дифференцируется в процессе своего формирования; теперь мы переходим к исследованию с помощью новых средств этих подсистем, которые можно обозначить термином «инстанции».

VI. ИНСТАНЦИИ ЛИЧНОСТИ

Психологи и особенно психоаналитики, не ограничившиеся рамками генетических наблюдений, оказались вынужденными говорить о подсистемах или отдельных областях структуры личности. Динамическая концепция не может обойтись без такого понятия, поскольку она предполагает возможность конфликтов между частями целого. Не следует смешивать эти инстанции, как их называют психоаналитики, с чертами или переменными, хотя они могут выявляться в результате факторного анализа. Они обозначают отдельные части общей организации.

Фрейд был вынужден ввести эти структурные представления, чтобы объяснить внутренние конфликты, приводящие к невротическим симптомам. Таким образом, нам придется ознакомиться с этими психоаналитическими концепциями, прежде чем мы перейдем к обсуждению тех изменений, которые они претерпели под влиянием экспериментальных данных, и описанию того, как эти концепции включаются в теоретическую сис-

тему более общего характера. Наиболее ясным и подробным изложением того, что понимается под структурой в психоаналитической теории, является книга Рапапорта (1959).

§ 1. «Оно» и подсознание

Происхождение теорий Фрейда связано с открытием, что источники истерических симптомов кроются в сфере бессознательного. Приводя фундаментальные постулаты Фрейда, Рапапорт цитирует, в частности, тезис, что «бессознательное является решающей детерминантой поведения» и что «поведение в конечном счете детерминировано побуждениями» (1959, р. 88—89). Таким образом, отправной точкой психоаналитической теории является гипотеза о существовании недоступной контролю со стороны сознания области психики, где доминирует либидо.

Однако такого определения психической инстанции недостаточно. Известно, что сознательные явления составляют лишь малую часть психики и что психические реакции в значительной мере детерминированы деятельностью бессознательного. «У сердца есть резоны, неведомые разуму», — сказал в свое время Паскаль, и большинство людей действительно не отдают себе отчета в истинных причинах своих действий. Тем не менее большая часть этих детерминант может осознаваться и выходить, таким образом, из сферы, называемой Фрейдом «подсознание». Следовательно, чтобы определить подсознание, необходим иной критерий, чем субъективные переживания, то есть критерий, указывающий, что не может стать осознанным.

Фрейд сам в течение многих лет пытался преодолеть эти трудности (1915, 1923) и в конечном счете заменил эти понятия на «Я» и «Оно». Для различения этих структур он предложил принимать во внимание законы их функционирования. Проявления системы, соответствующей «сознанию», управляются принципом реальности, проявления «Оно» — принципом удовольствия. Первые соответствуют реальности и подчиняются физическим законам, социальным установлениям и логике, в основе вторых лежат субъективные потребности биологического или аффективного порядка.

В результате такого определения мы снова возвращаемся к изложенным выше генетическим наблюдениям. Действительно, ребенку в начале его развития доступен только второй путь адаптации, и только постепенно он начинает приобретать более объективные способы восприятия окружающего мира и, стало быть, возможность приспосабливать к нему свое поведение. Таким образом, то, что мы называем субъективной системой, и «Оно» психоаналитической теории обладают одним общим и очень важным качеством. Они управляются одними и

теми же законами, и именно с ними связаны такие явления, как мотивация, первичные побуждения, а также вторичные интересы и потребности. Они в значительной мере подвержены органическим влияниям, особенно побудительного характера, поскольку именно они являются средоточием эмоциональных напряжений, тесно связанных с телесными явлениями. Однако было бы неправильно отождествлять субъективную систему с «Оно», или подсознанием, поскольку аффективные воспоминания и интимные потребности, внедрившиеся в нее, нередко становятся осознанными.

Упомянем еще одно определение «Оно» (Piéron, 1968), построенное исключительно на понятии «группа побуждений». Такое определение, конечно, в большей степени соответствует общепринятому пониманию и даже фрейдистскому, однако оно слишком узкое. Где в таком случае остаются комплексы, последствия травм, как определить с точки зрения структуры место эффектов вытеснения и т. д. Для объяснения всех этих явлений недостаточно ни понятия «подсознание», ни понятия «Оно» в узком смысле этого слова.

Фрейд совершенно справедливо заметил, что психическую систему образуют не биологические побуждения, как таковые, а представления о них, то есть психологические содержания, переживания, связанные с этими побуждениями. Эта система побуждений, выступающая в качестве психологической реальности, относится к «субъективной системе», состоящей из переживаний, испытанных в соответствии с принципом удовольствия. Однако она является лишь частью этой системы, хотя мы и не в состоянии указать сейчас точные ее границы из-за отсутствия надежных критериев. Эта подсистема наиболее непосредственно и сильнее всего зависит от биологических побуждений, но она необязательно недоступна сознанию. Природа ее станет несколько понятнее после того, как мы расскажем о другой важной структуре — «Я».

§ 2. Различные аспекты «Я»

Только благодаря психоанализу понятие «Я» в смысле инстанции личности приобрело права гражданства. Выбор именно этого обозначения для подструктуры, противоположной «Оно», указывает на то, что индивид, как правило, сознательно отождествляет себя с явлениями, описываемыми этим понятием. Прежнее значение термина «Я», соответствовавшее основному содержанию жизненного опыта, совпадает, таким образом, частично с новым значением этого понятия, которое является и функциональным, и структурным. Ниже мы собираемся выделить различные аспекты того нового содержания, которое при-

обрело это понятие. Прежде всего мы должны обсудить значение жизненного опыта, являющегося, безусловно, первичным аспектом, который нельзя не учитывать при определении структуры «Я».

А. «Я» как субъект

Джемс (1890) ввел весьма полезное различие понятий «Я» и «мое». Под первым понимается более ограниченное и четкое ощущение «Я». Оно выражает то обстоятельство, что человек чувствует себя субъектом своих действий, своего восприятия, своих эмоций и осознает свое тождество и неразрывность с тем, чем он был накануне. Это непосредственное переживание, иногда определяемое, как точечное (Клапаред, 1924 — например, просил своих испытуемых указать, в каком месте их тела локализовано это переживание), не имеет никакого конкретного содержания, и его можно рассматривать, как оборотную сторону центрации субъективной системы. Некоторые наблюдения, особенно относящиеся к патологии, показывают, что это ощущение «Я» может быть более или менее отчетливым, выраженным или диффузным. В случаях деперсонализации и при так называемой «утрате Я» оно может частично отсутствовать, хотя некоторые авторы, например Ясперс, отрицают, что человек может полностью утратить ощущение того, что он является субъектом своих действий и чувств. Напротив, Коффка (1935), как и многие другие, допускает возможность сознательных переживаний, не сопровождаемых ощущением «Я», и приводит в качестве примера рассказ одного горца о том, как он очнулся в ледяной трещине, в которую он свалился, потеряв сознание. Психоаналитик Федерн (1952), наиболее продвинувший вперед изучение феноменологии «Я», рассказывает о своем пациенте, постоянно твердившем: «Я уже больше не я». Это утверждение прекрасно иллюстрирует всю сложность таких явлений, при описании которых языковые средства, видимо, не всегда достаточны для того, чтобы точно отразить переживаемые ощущения.

С помощью таких интроспективных отчетов можно установить только то, что существуют различные степени ощущения «Я», что вполне совместимо с гипотезой, что это ощущение зависит от степени центрации субъективной системы, которая в патологических случаях может быть очень низкой или даже совсем отсутствовать.

Б. «Мое»

Для психологии личности термин «мое» представляет значительно больший интерес, поскольку он связан с индивидуальным содержанием. Он обозначает один из важнейших аспектов «Я», и можно только сожалеть о том, что психологи

до сих пор не подвергли его систематическому изучению. Действительно, в этом вопросе мы нисколько не продвинулись вперед со времен Джемса, обозначавшего с помощью этого термина все то, что субъект считает относящимся к его «Я», и прежде всего, разумеется, свое тело. Однако при более внимательном рассмотрении уже здесь намечается дифференциация: некоторые части тела, такие, как голова, глаза, сердце, видимо, более тесно связаны с ощущением «мое», чем, например, пальцы ног или ногти; известно также, что у маленького ребенка различные части тела только постепенно включаются в общий образ тела. Федерн, в частности, изучал то, что он назвал «границами Я», при различных типах душевных болезней и описал изменения таких границ на протяжении довольно короткого времени. Границы «моего» не совпадают с поверхностью тела. Некоторые объекты, близкие нам люди, воспоминания, мысли в равной мере могут стать «моими». Принадлежность объекта к «мое» наиболее отчетливо проявляется в том, что при утрате его мы реально чувствуем себя «лишенными чего-то». Реакция на посягательство на «мое» является объективным критерием, позволяющим, минуя интроспекцию, определить его границы. Такое исследование, однако, еще не проводилось. Оно, несомненно, выявило бы, помимо больших индивидуальных различий в патологических случаях, тот факт, что эти границы довольно размыты и «мое» постепенно переходит в «не мое». Напротив, в случае нормального человека в поле нашего зрения оказался бы индивид совершенно иного рода, у которого граница между «мое» и «не мое» может оказаться довольно четкой. «Мое» можно сравнить с территорией, которую защищает животное и на которой оно атакует постороннего, и тем самым проиллюстрировать некоторые его аспекты. Вмешательство другого лица может в отдельных случаях вызвать сужение сферы «мое», аналогичное сужению поля действия, вследствие чего иногда возникает чувство утраты или обеднения.

Это понятие «мое» имеет некоторое отношение (еще не уточненное экспериментально) к понятию «ценность». В самом деле, можно предположить, что чем большей ценностью для человека обладает вещь, тем больше вероятность того, что она станет частью его «мое». Может быть, следует поменять местами члены этой формулы и сказать, что в основе субъективной иерархии ценностей лежит структура «мое». Маловероятно, например, что человек, пренебрежительно относящийся к материальным ценностям, включит в «мое» свой счет в банке, тогда как скупец, безусловно, поступит таким образом.

В. «Я» в психоаналитической теории

Известно, что для Фрейда в течение очень долгого времени сущность личности заключалась в «Оно», в подсознательном

и что все те факты, о которых мы только что говорили, представляли для него немалый интерес. Фрейд стремился найти силу, противостоящую побуждениям. Он назвал ее сначала «цензура», и только в 1922 г. в «Я и Оно» — пожалуй, одной из его наиболее важных для психологии работ — понятие «Я» утвердилось наконец в психоаналитической теории в качестве важной инстанции личности. «Я» для Фрейда — это центр, регулирующий процесс сознательной адаптации. Он включает в себя восприятие, интеллект и моторику. Все, что может стать осознанным, принадлежит «Я», содержащему, однако, определенную долю бессознательного.

Такая концепция «Я», достаточная для того, чтобы объяснить механизмы защиты против либидозных побуждений, с теоретической точки зрения не является удовлетворительной. Эта инстанция оказывается, с одной стороны, средоточием познавательных и исполнительных функций, и в то же время она включает в себя волю и фактические цели. Фрейд сравнивал действие «Я» со всадником, сидящим верхом на лошади-побуждениях, которой он должен командовать и управлять. Однако ответ на вопрос, откуда черпается сила для борьбы с «Оно», все еще не получен. В итоге психоаналитическое «Я» включает в себя всю личность, за исключением биологических побуждений; совершенно очевидно, что польза от такого широкого понятия не может быть велика. Употребление его ведет скорее к затушевыванию проблем, чем к их решению.

Систематическое изучение этого комплекса, называемого «Я», приводит нас к выделению в нем нескольких аспектов:

1. Центрация большинства психических функций и явлений, упомянутых нами в связи с «Я-субъектом»;

2. Совокупность объектов, определяющих «содержание Я», или его поле;

3. «Защитные механизмы»; в более общем смысле это совокупность небиологических побуждений, существование которых впервые особенно подчеркивал А. Адлер. Они направлены на защиту, а также укрепление чувства своей силы и ценности.

Познавательные и исполнительные функции теряют здесь свое значение, несмотря на то, что Фрейд отвел им центральное место в комплексе «Я». Они могут лишь служить субъективным потребностям, однако их развитие предполагает, как мы знаем, полное освобождение от всякого субъективизма. Гартман (1937), один из психоаналитиков, наиболее систематически изучавший эту проблему, пришел к выводу о необходимости различения в «Я» конфликтной сферы и нейтральной сферы, состоящей именно из познавательных функций. Согласно нашему генетическому представлению, они определяются объективной системой, тогда как другие явления, включающиеся в понятие «Я», относятся, по-видимому, к субъективной си-

стеме. Ее центрация, как мы уже видели, объясняет ощущение «Я», определяет «мое» и является источником побуждений «Я».

Современное состояние наших знаний не позволяет нам говорить о системе «Я» в строгом смысле этого слова, и даже есть некоторая опасность злоупотребления понятием «Я», поскольку оно превращается в синоним понятия «личность», теряя при этом собственное специфическое содержание. Если мы и пользуемся термином «Я», то только потому, что очень удобно обозначить одним словом совокупность трех упомянутых выше аспектов, не подразумевая под ним целостную инстанцию, нечто вроде личности в личности. Очень близкой точки зрения придерживается Олпорт (1958), предлагая не прибегать больше в теории личности просто к понятию «Я» — необходимо всякий раз уточнять, идет ли речь об осознании себя, образе себя, самооценке или расширении «Я» (р. 47).

Экспериментальное исследование этих проблем осуществляется частично в мотивационном плане (потребность в самоутверждении и защите).

§ 3. Образ самого себя

Мы должны упомянуть еще одно направление, связанное с понятием «образ самого себя». Этот образ, видимо, лучше отражает то, что подразумевается под ощущением «Я». Была сделана первая попытка экспериментально осветить те проблемы, изучение которых до сих пор осуществлялось только в клинике; и хотя полученные результаты едва ли можно считать окончательными, мы расскажем о нескольких основных типах таких исследований.

Человек воспринимает свой внешний облик, свое поведение и свои качества так же, как он воспринимает внешний мир. Эти восприятия — мы уже говорили о них в связи с генезисом образа собственного тела — непременно организуются в более или менее объективный, связный и устойчивый целостный образ. Этот *self-image* или *self-concept*, как принято называть этот феномен в англосаксонских странах, представляется важной характеристикой личности; некоторые авторы, Стагнер (1961) например, склонны даже отождествлять его с «Я». Рассмотрим некоторые аспекты этого феномена.

А. Образ своего внешнего вида

Проблема образа самого себя была весьма конкретно поставлена Готтшальдтом (1954): каким видит себя человек в зеркале? Чтобы экспериментально ответить на этот вопрос, Готтшальдт построил прибор, позволяющий проецировать на экран фотографию, произвольно сужая или расширяя изображение. Перед испытуемым находилось зеркало, в котором он мог видеть свое отражение, и проекция его фотографии на экране,

поперечные размеры которой он мог произвольно изменять, вращая ручку, чтобы получить образ, адекватный тому, что он видит в зеркале. В таблице 9 приводятся основные результаты опытов Готтшальдта и результаты его сотрудника Виле. Испытуемыми в опытах Готтшальдта были в основном одно- и двухъяйцевые близнецы.

Цифры показывают, какой процент испытуемых выбирал слишком широкое, нормальное или слишком узкое лицо. Несмотря на достаточно большой разброс результатов, из опыта недвусмысленно следует, что с возрастом расхождения между истинным и воспринимаемым образом возрастают. Если мы вспомним о прожективных механизмах и об экспериментах Бру-

Таблица 9

Восприятие собственного лица
(по: Gottschaldt, 1954)

Возраст	N		Фотография, расцененная как правильная, была на самом деле									
			меньше				Не дефор- мирована		больше			
			более 5%		менее 5%				менее 5%		более 5%	
	Г	В	Г	В	Г	В	Г	В	Г	В	Г	В
7—11 ¹	29	9	3,5	0	20,7	33,3	65,5	66,7	3,5	0	6,9	0
10—11	34		11,8		20,6		52,9		11,8		2,9	
12 ¹	20	12	15,0	25	30,0	0	35,0	58,5	20,0	8,3	0	8,3
13—15	24	13	4,2	47,7	45,8	46,1	12,5	7,7	29,2	23,1	8,3	15,4
Старше 17	41	13	9,8	46,2	41,4	0	12,2	7,7	34,2	30,8	2,4	15,4

¹ В опытах Виле возраст группы был соответственно 8—10¹ и 10; 4—12; 2.

Колонка Г — результаты Готтшальдта.

Колонка В — результаты Виле.

нера и Постмана, посвященных изучению перцептивной деформации под влиянием интимных потребностей испытуемых, не трудно будет объяснить изменения, которые претерпевают образы испытуемых, наличием внутреннего идеального образа и желанием быть похожим на него. Поскольку детализация этого образа следует за формированием личности, естественно ожидать, что такое расхождение между действительным и воспринимаемым образами будет увеличиваться с возрастом.

Б. Оценка самого себя

Трансформация воспринимаемого образа указывает, следовательно, на желание человека быть чем-то иным и, стало быть,

на его неудовлетворенность тем, что он есть. Итак, степень удовлетворенности самим собой, или самооценка, имеет большое значение для поведения и внутренней динамики человека.

Вольф (1943) первым применил интересный метод непосредственного измерения самооценки, который позднее был использован Хантли (1940), получившим аналогичные результаты. Тайком от испытуемого фотографировались его руки, лицо в полупрофиль, записывался его голос, доставался образец его почерка. Спустя 6 месяцев ему предъявлялись эти документы в наборе с аналогичными материалами, относящимися к другим лицам: испытуемого просили оценить их и указать те из них, которые касаются его лично. Две трети этих документов оставались неопознанными: на рис. 1 показана оценка, которую давал испытуемый этим документам в зависимости от того, признавал он их своими или нет. Высшей оценки было удостоено 162 неопознанных документа и только 30 опознанных. Однако, поскольку общее количество последних меньше, результаты приведены в процентах.

Рис. 1. Оценка документов, опознанных и неопознанных в качестве своих (по: Huntley, 1940).

При интерпретации этих крайне интересных результатов надо исходить из того, что и в том, и в другом случае величина средней оценки смещена в сторону положительного полюса. Именно так обстоит дело в этом опыте с опознанными документами. Испытуемые склонны оценивать себя более снисходительно. Противоположную форму кривой в случае неопознанных документов можно объяснить только тем, что испытуемые, вероятно, воспринимали эти документы как тождественные их собственным, не отдавая себе в этом отчета, или же, чувствуя особую притягательность (или наоборот) этих документов, не желали признаваться себе в этом. Как бы ни были объяснены эти факты, они указывают на то, насколько чувствительны ис-

пытуемые к оценке своих собственных качеств. Вероятно, это происходит потому, что с ними тесно связана оценка самого себя. Эпштейн (1955) показал с помощью этой методики, однако на несколько ином материале, что существует тенденция более высоко оценивать неопознанные материалы. Шизофреники склонны более высоко оценивать себя, чем нормальные люди, что можно интерпретировать как признак регрессии к первичному нарциссизму.

В. Психологический образ

В многочисленных исследованиях того, какой образ самого себя сложился у человека, применялись вопросники и разного рода оценочные шкалы. Испытуемый должен был указать те качества, поступки и установки, которые он признавал за собой, или же от него требовалось определить свое место на той или иной шкале. В этом случае исследователя интересуют не детали создаваемого испытуемым портрета, а общий уровень оценки, проявляющийся в его ответах. Этот уровень можно определить двумя разными способами. В соответствии с первым предлагаемые испытуемому черты делятся на основании общепринятых критериев на положительные и отрицательные, а уровень оценки самого себя (self-esteem) определяется числом положительных черт, приписываемых себе испытуемыми. Второй способ, основанный на упомянутой выше гипотезе, состоит в том, что испытуемый должен ответить на один и тот же список вопросов в двух различных планах. Он должен не только сказать, каким он видит себя (субъективный образ), но и указать те качества, которыми он хотел бы обладать (то есть воссоздать, таким образом, идеальный образ себя, или *ideal-self*). Степень расхождения между двумя оценками рассматривается как мера удовлетворенности собой или степени приемлемости самого себя. Можно, наконец, попытаться объективно оценить качества, перечисленные испытуемым, и сопоставить этот объективный образ с субъективным и идеальными образами. Все эти измерения очень сложны и не так уже независимы друг от друга. Субъективный образ зависит от образа идеального, и наоборот; как тот, так и другой не могут быть независимыми от качеств, которыми действительно обладает испытуемый.

Г. Генезис образа самого себя

Прежде всего возникает гипотеза, что образ самого себя и самооценка в значительной мере зависят от уровня достижений, отношения родителей и от ряда других переживаний дет-

ства. Проверке этой гипотезы было посвящено много исследований. Хелпер (1955) получил с помощью списков черт описания того, как 50 юношей и девушек воспринимают самих себя и свой идеальный образ, а также описания того, как их родители воспринимают самих себя, друг друга, своих детей и какими они хотели бы их видеть. Результаты, однако, лишь частично подтвердили исходную гипотезу, и влияние отношения родителей не было продемонстрировано достаточно четко. Более благоприятными на первый взгляд кажутся результаты Журара и Реми (1955). Эти авторы измеряли степень удовлетворенности своих испытуемых физическими аспектами своей личности и своим субъективным образом в целом; их просили при этом сообщить то, что, по их мнению, думают об этом их родители. Эксперимент показал: 1) что удовлетворенность физическим обликом личности имеет высокую корреляцию с удовлетворенностью психическими качествами (0,68—у мужчин; 0,84—у женщин) и 2) что оценки испытуемых коррелируют с оценками, которые, по их мнению, дали бы им их родители (г от 0,56 до 0,77). Эти результаты указывают, видимо, на то, что испытуемые моделируют свой образ в соответствии с предполагаемым мнением о них их родителей.

Особенно важную роль в генезисе образа «Я» играют, согласно некоторым теоретическим концепциям, пережитые успехи и неудачи. Влияние их, однако, не удавалось продемонстрировать сколько-нибудь отчетливо. В опыте Куперсмита (1959) испытуемые (дети в возрасте 10—12 лет), склонные давать себе более низкую оценку по сравнению с тем, как их оценивает преподаватель (самооценка осуществлялась на основании вопросника), добивались лучших результатов в тестах, моделирующих учебную деятельность, и они чаще выбирались другими детьми в качестве друзей, чем те испытуемые, для которых была характерна противоположная тенденция (то есть которые склонны оценивать себя выше, чем учитель). Эти результаты, таким образом, противоречат общепринятой гипотезе. Однако она подтверждается при сравнении детей, которые как по их собственным оценкам, так и по оценке преподавателя были невысокого мнения о самих себе; результаты учебной деятельности этих детей были низкими, равно как и их социометрические позиции. Эти результаты свидетельствуют, таким образом, о том, что успех или неудача не обязательно отражаются на самооценке и что возможны случаи, когда, несмотря на положительный опыт, имеет место ускользающая от глаз преподавателя недооценка самого себя. Итак, характер влияния успеха или неудачи зависит от индивида (см. также стр. 270); можно высказать гипотезу, что это влияние определяется оценкой самого себя, что означает обратную причинную зависимость.

§ 4. Уровень притязаний и уровень ожиданий

Образ самого себя и идеальный образ должны проявляться в поведении в плане требований, предъявляемых индивидом к самому себе. Основываясь на концепциях Левина, его ученик Хоппе (1930) экспериментально изучал реакции испытуемого на успех и неудачи. Чтобы оценивать эти реакции, он ввел новое понятие — «уровень притязаний», связывающее реальность с теми аспектами «Я», о которых мы только что говорили. Франк (1938) и сам Левин с сотрудниками (1944) продемонстрировали значение этой переменной. Работы Нюттена (1953) и Робайе (1956) являются обзорами большого числа исследований, посвященных этой проблеме, особенно в США. В результате своих экспериментов Робайе пришел к выводу, что нужно различать уровень притязаний и уровень ожиданий. Последний определяется целью, на достижение которой рассчитывает индивид, и именно этот уровень, а не уровень притязаний измеряется в тех экспериментах, когда испытуемый должен указать степень ожидаемого им успеха. Уровень ожиданий зависит от веры индивида в свои способности в соответствующей области, а также и от общей веры в себя. Он, таким образом, очевидно, связан с теми мерами самооценки, о которых мы уже говорили. Напротив, уровень притязаний, согласно Робайе, относится к той деятельности, в которой индивид чувствует личную заинтересованность; можно сказать, пользуясь терминологией Джемса, что уровень притязаний относится к объектам, составляющим часть «мое». В ином плане можно сказать, что уровень притязаний относится к идеалу «Я», поскольку он связан с целями, достичь которые стремится индивид, чтобы испытать чувство удовлетворения самим собой.

Данные Робайе относительно зависимости уровней притязаний и ожиданий от положения в семье также проливают некоторый свет на генезис оценки самого себя и идеального «Я». Робайе специально изучил в этих целях 30 девушек в возрасте 18—20 лет, учениц школы молодых хозяек. Он разбил их на две группы в соответствии с их уровнями притязаний и ожиданий и не обнаружил (как это можно увидеть на таблице 10) никакой корреляции между этими уровнями.

В результате анализа биографий и применения прожективных тестов автор пришел к следующим выводам:

«Ребенок, не испытывающий фрустраций, любимый, воспитывающийся в атмосфере терпимости и равномерно развивающийся, должен иметь высокий уровень ожиданий и умеренный уровень притязаний».

«Излишне опекаемый ребенок, любимый, но лишенный ощущения независимости, будет иметь низкий уровень ожиданий и умеренный уровень притязаний».

**Распределение испытуемых в соответствии с их уровнями
ожиданий и притязаний
(по: Robaye, 1956)**

Уровень притязаний	Уровень ожиданий *		Всего
	высокий	низкий	
Высокий	9	8	17
Низкий	6	7	13
Всего	15	15	30

«Ребенок, вырастающий в строгости, недостаточно любимый, воспитываемый по методу наказаний и вознаграждений, может переориентировать свои побуждения на замещающие объекты и будет иметь *высокие уровни ожиданий и притязаний*».

«Ребенок, рано испытавший фрустрацию и капризный, будет иметь *низкий уровень ожиданий и высокий*, чаще всего нереализуемый, *уровень притязаний*» (р. 198).

Мы видим, таким образом, что влияние семьи может не только способствовать гармоничному формированию этих двух уровней, но и вызывать их диссоциацию, повышая один и понижая другой. В своей работе автор почти не учитывал возможности влияния конституциональных переменных, которые, вероятно, тоже играют известную роль. Хотя выводы Робайе нельзя считать окончательными, они являются тем не менее наиболее последовательной точкой зрения, касающейся связи между двумя уровнями — и, стало быть, между образом самого себя и идеалом «Я» — и характером их зависимости от предшествующих влияний.

§ 5. Равновесие и сила «Я»

В основе многочисленных исследований лежит идея о том, что слишком большое расхождение между представлением человека о самом себе и тем, чем ему хотелось бы быть, может оказаться источником серьезных внутренних трудностей. Блок и Томас (1955), в частности, определяли с помощью описанной выше методики образы самого себя и идеальные образы у 54 испытуемых. Корреляция между двумя этими оценками варьировала от $-0,30$ до $0,84$ при среднем значении, равном $0,64$; это подтвердило, что некоторое расхождение является нормой,

но что в большинстве случаев существуют довольно узкие границы такого расхождения. Была также определена корреляция между степенью соответствия этих двух образов и результатами, полученными по различным шкалам Миннесотского многофазного теста (ММРІ). Эти шкалы определяют степень принадлежности к различным клиническим группам — чем выше оценка испытуемого по одной из этих шкал, тем в большей степени его можно считать аномальным, плохо приспособленным. Пять из девяти основных шкал (ипохондрия, депрессия, психопатия, психастения и шизофрения) дали отрицательные корреляции со степенью соответствия двух образов; таким образом, указанная гипотеза была подтверждена (в той мере, насколько можно считать достоверными результаты, получаемые с помощью шкал ММРІ).

Роджерс (1954) объяснил с психоаналитических позиций причины расхождения этих двух образов у невротиков и показал, что оно уменьшается в процессе психотерапии, особенно благодаря изменению образа самого себя. С другой стороны, Тейлор (1955) показал, что без всякой психотерапии, исключительно в результате нескольких повторений процедуры измерения образа самого себя последний становится более положительным, стабильным и более соответствующим идеалу «Я». Эти изменения не были, однако, столь ощутимыми, как в случае психотерапии, где устранение разрыва между образами происходило вначале гораздо быстрее, чем у испытуемых Тейлора.

Расхождение образа самого себя и идеального образа, очевидно, является не единственным источником неуравновешенности личности. Можно предположить, что точно так же, как реальный конфликт нескольких различных потребностей приводит к возникновению эмоциональных напряжений, существование у индивида двух или нескольких достаточно сильных и более или менее несовместимых тенденций приводит к нарушению равновесия, необходимого для нормальной адаптации. Трегуб (1959) говорит в таких случаях об *эго-дизъюнкции*; он сообщает, что в группе шизофреников она в среднем значительно выше, чем у подростков, студентов, невротиков и у людей с некоторыми трудностями характерологического порядка. У студентов она больше, чем у подростков (средний возраст 15 лет 6 мес.).

Понятие «сила Я» достаточно часто употребляется в связи с измерением внутреннего равновесия или внутренней цельности. Поскольку «Я» является, согласно психоаналитическим концепциям, инстанцией, обеспечивающей адаптацию к реальности, ее «сила» или «слабость» оказываются ответственными за степень совершенства адаптации, и задача терапевта состоит в укреплении «Я» посредством коррекции либо побуждений,

либо «сверх-Я». Баррон (1953) предложил шкалу для определения силы «Я», включающую вопросы, касающиеся озабоченности, веры в себя и терпимости по отношению к другим; кэтгеловский фактор «сила Я» определяется как отсутствие инфантильности, озабоченности, тревожности, состояния депрессии, нереальных мыслей и искаженного восприятия. Для определения валидности этих шкал были выбраны группы патологических испытуемых такого рода, у которых «сила Я» в конечном счете означала не что иное, как адаптированное поведение; более точно определить смысл этого понятия до сих пор не удалось. Учитывая сложность и многочисленность феноменов, связанных с «Я», понятие «сила Я» и не может иметь точного научного значения. Его необходимо заменить определением различных форм структурных недостатков.

§ 6. Социально желаемые качества

Исследования, связанные с самооценкой, несколько примеров которых мы только что привели, предполагают, что по крайней мере в потенции каждый человек обладает образом самого себя и идеальным образом и что большая или меньшая гармония этих образов является очень важной характеристикой личности. Однако, как полагают некоторые авторы, эти результаты следует интерпретировать совершенно по-другому. Эдвардс и Хорст (1953) были, видимо, первыми, кто поставил вопрос, не являются ли ответы, получаемые в этих исследованиях, результатом воздействия коллективных норм, а также тенденции приписывать себе более благоприятные качества и подгонять свой идеал к этим нормам? Работая с группой испытуемых, они обнаружили феномен, названный ими *social desirability*, то есть степень желательности того, чтобы другие обладали определенной чертой. Эдвардс и Хорст установили корреляцию между вероятностью того, что испытуемый припишет себе данную черту, и ее «желательностью». Существование такой зависимости можно было предвидеть заранее, однако значение корреляции оказалось поразительно высоким — 0,87. Эти результаты были впоследствии подтверждены, и Эдвардс (1957) построил шкалу *social desirability* по типу шкал MMPI. Различные исследования показали, что идеальный образ в среднем так же связан с «социальной желательностью», как и реальный, значения обеих корреляций превышали 0,80, однако у отдельных индивидов степень соответствия этих двух оценок (самого себя и идеального образа) может колебаться в очень широких пределах. Встречаются индивиды, которые стремятся как можно лучше приспособить один или оба образа к норме, у других же, напротив, они заметно отличаются от нормы (Кенпу, 1956).

Эти факты показывают, что согласованность этих двух образов себя, считающаяся показателем самооценки, может протекать из конформизма по отношению к социальным нормам. Однако, поскольку эти нормы также не определены сколько-нибудь точно и воспринимаются по-разному различными индивидами, интерпретация результатов становится очень трудной. На основании опытов по изучению «социальной желательности» можно предположить, что расхождение между двумя образами объясняется относительно большим отклонением одного из них от общей нормы. Можно, в частности, предположить, что тенденция к недооценке себя является основной причиной расхождения между образом самого себя и идеальным образом. Некоторые факты показывают, что такие расхождения имеют место, видимо, и при оценке других явлений. Леви (1956) просил одних и тех же испытуемых дать описания субъективного и идеального образов самих себя, а затем реальные и идеальные описания своего родного города. Степень расхождения оказалась одинаковой в обоих случаях. Значения Q-корреляций варьировали от 0,08 до 0,82 в случае описаний личности и от — 0,28 до 0,92 в случае описаний города; корреляция между двумя рядами коэффициентов составляла 0,70, что показывает наличие у испытуемых довольно постоянной тенденции к недооценке реального образа, будь то образ самого себя или образ города.

Недостаток экспериментальных данных не позволяет нам сделать какие-либо конкретные выводы; укажем только, что необходимо с большей осторожностью относиться к тому, что такие понятия, как образ самого себя и идеальный образ, означают некоторые реальности, между которыми может существовать динамическое взаимодействие. Следует помнить о том, что в этих исследованиях испытуемые оценивают всегда конкретные черты и что «образ самого себя» является не чем иным, как теоретической конструкцией. Не исключено, что лежащая в основе его реальность сводится, скорее, к более или менее позитивному глобальному ощущению, которому сопутствует более или менее высокий уровень притязаний.

§ 7. Идеальный образ и «сверх-Я»

В психоаналитической теории «сверх-Я» — это инстанция, «неосознаваемое действие которой побуждает «Я» избегать виновности, защищаться от инстинктивных импульсов, исходящих от «Оно» (Piégon, 1968). Поскольку очень трудно дать операциональное определение «сверх-Я», оно почти не было объектом экспериментальных исследований. В качестве более или менее приемлемого заменителя его выступает идеальный образ, поскольку последний, очевидно, легче выявить, и он, как и

«сверх-Я», считается инстанцией, осуществляющей регулирующую функцию, ответственной за отбор поступков. Согласно психоаналитикам, в основе генезиса идеального образа лежит отождествление с родителями; однако, как мы уже видели выше (стр. 269), эта гипотеза была подтверждена лишь частично. Однако было бы ошибочным, конечно, смешивать два понятия и забывать о том, что между ними есть важные различия. Этот столь дорогой каждому и более или менее нереальный идеальный образ слишком далек от того тирана, каким порой является «сверх-Я». «Сверх-Я» выполняет репрессивные функции, и оно лежит в основе чувства вины, тогда как посредством идеального образа осуществляется относительная оценка различных действий; возможно, что идеальный образ влияет на намерения, а не на действия, а, как известно, добрыми намерениями вымощена дорога в ад. Можно соотнести это понятие идеального образа с тем, что Адлер называет целью или планом жизни. В настоящее время еще невозможно рассмотреть все эти проблемы на экспериментальной основе, и те несколько замечаний, которые мы предлагаем здесь читателю, должны лишь предостеречь его от слишком поспешного отождествления этих двух понятий.

§ 8. Общие выводы

Сформулированные в этом разделе выводы относительно динамической структуры личности позволяют нам перейти к суммарному обзору всех изложенных в данной главе результатов. Действительно, динамическая структура представляет собой в некотором роде синтез всех факторов, определяющих личность; все исследования, посвященные личности, должны в конечном счете внести свой вклад в наши представления о ее динамической структуре.

В различных разделах этой главы мы рассмотрели три основные модели личности: типологическую (II), факторную (III и IV) и динамическую (V и VI). Эти концепции нельзя, разумеется, принимать как некие абсолюты, каждая из них может включать в себя какие-то элементы, которыми в равной мере обладают и другие. Различия между ними — это прежде всего различия между их центральными характеристиками.

Типологический подход заключается в глобальном восприятии личности и последующем сведении многообразия индивидуальных форм к небольшому числу групп, объединяющихся вокруг репрезентативного типа. За подготовительной работой по описанию и классификации должны следовать объяснение того, почему возможна такая группировка, и определение переменных, позволяющих описать особенности каждого типа. Кречмер и Шелдон ввели конституциональные факторы, до сих пор ос-

тающиеся неизвестными. Юнг также положил в основу своего деления на экстравертированный и интровертированный типы личности физиологический фактор, однако процесс их формирования он рассматривал в динамическом плане, разделяя по ряду вопросов психоаналитическую концепцию. Хотя результаты типологов нельзя расценивать настолько отрицательно, как это склонны делать некоторые сторонники психометрии, тем не менее эта концепция еще не позволяет пока получить точное представление о структуре личности.

В основе своей факторная концепция приближается к классической модели личности, рассматривая ее как совокупность врожденных качеств; присущий этой концепции метод исследования призван выявить посредством объективных измерений основные параметры личности. Однако результаты исследований выходят за рамки исходной концепции. Гилфорд и особенно Айзенк с их иерархиями факторов в какой-то мере смыкаются с позициями типологов; с другой стороны, Кэттел оказался вынужденным ввести понятие психологического динамизма, чтобы интерпретировать ряд своих факторов. Какими бы незавершенными, предварительными и в некоторых отношениях обескураживающими ни казались эти результаты, они показывают, что в основе структуры личности лежат определенные конституциональные параметры, а также в равной мере параметры, относящиеся к двум другим концепциям,— все эти параметры следует учитывать в окончательной теории личности.

Типологическая и факторная концепции имеют, по крайней мере в принципе, статический характер. Типы и факторы призваны охарактеризовать форму личности. Динамическая концепция, напротив, исходит из представления о силах, взаимодействием которых между собой и с внешней средой создается структура личности. Эта теория в ее современном виде имеет психоаналитическое происхождение, однако она получила свое развитие на более широкой основе благодаря таким психологам, как Меррей (1938), Маурер (1944), Нюттен (1955) и др. Исходя из гештальттеории, Левин (1935) независимо от психоанализа разработал динамические концепции, которые вдохновили Толмена (1952) на проведение систематических исследований. Наиболее полным для своего времени синтезом всей совокупности психологических знаний, касающихся динамики личности, явилась книга Мерфи (1947). Все эти теории, однако, не предлагают переменных, которые можно легко проверить экспериментально, и не рассматриваются в связи с проблемами дифференциальной психологии. Попытки представить эти концепции в виде поддающихся экспериментальной проверке гипотез (примеры которых мы привели в разделе VI) пока еще не дали удовлетворительных результатов. Было бы неосторожно заключить на основании этого об ошибочности соответствующих тео-

рий или о том, что экспериментирование в этой области, предполагающей выявление в высшей степени специфических проявлений личности, в принципе невозможно. Однако понятия, на которых зиждутся эти теории, большей частью слишком широки и неопределенны, а возможность дифференцирования и уточнения их связана именно с проведением экспериментов.

Такие понятия, как «Я», «Оно» и «сверх-Я», составляющие главные основы структуры личности, несмотря на всю их соблазнительную простоту, очевидно, невозможно проверить в эксперименте. Они соответствуют очень сложным реальностям, с которыми нельзя обращаться как с независимыми переменными. Частные аспекты: образ самого себя, самооценка и расхождение между ними, рассматриваемые как выражение структуры «Я» и нередко выбиравшиеся в качестве экспериментальных переменных, также оказались малоудовлетворительными. Возможно все-таки, что со временем применение этих факторов окажется более плодотворным.

Экспериментальные исследования в психологии личности начались практически около тридцати лет назад, поэтому, несмотря на то, что при всем великолепии теорий в этой области не было пока получено надежных результатов, было бы ошибкой недооценивать проделанную работу. Мы теперь лучше представляем себе содержание таких понятий, как тип и черта, и лучше понимаем степень их сложности. Постепенно разрешается противоречие между врожденным и приобретенным, поскольку мы получаем все более четкое представление о происхождении черт. Из всего сказанного смутно вырисовывается несколько главных направлений изучения структуры личности, которые мы попытаемся обрисовать сейчас в порядке заключения.

Самый общий вывод, к которому мы приходим в ходе знакомства со столь различными данными, состоит в том, что структуру личности нужно рассматривать как конструкцию, или организацию, являющуюся результатом взаимодействия между врожденными предрасположениями и внешними условиями. Факторный анализ дает нам некоторую предварительную информацию относительно врожденных предрасположений. Есть основания полагать, что эти предрасположения почти никогда не проявляются непосредственно в измеримом поведении, но определяют собой его структуру. Поэтому не исключено, что генетические исследования и прогресс психофармакологии, результаты которых еще не заняли должного места в психологии личности, в будущем внесут большой вклад в решение рассмотренных нами проблем. К числу основных предрасположений, то есть факторов, которые не являются сами по себе продуктами опыта, необходимо, разумеется, отнести побуждения органического происхождения. Но здесь мы вступаем в область мотивации. Совершенно очевидно, что для понимания структуры

личности необходимо глубокое и детальное изучение мотивации. В равной степени верно и обратное, поскольку источник неорганических мотивов связан со структурой личности; прогресс в этой области зависит, таким образом, от объединения этих двух направлений психологических исследований.

Исследования структуры психической организации, лежащей в основе того, что мы называем личностью, позволяют сформулировать по меньшей мере два положения. Первое состоит в том, что взаимодействие между организмом и окружающей средой, особенно социальной, приводит к возникновению целостной организации, имеющей более или менее отчетливую центрацию. Действительно, факторные исследования достаточно четко показывают, что научение не сводится исключительно к образованию более или менее независимых и специфических реакций. С другой стороны, если эта центрация соответствует субъективному ощущению «Я», что вполне возможно, из выявленных в процессе исследования фактов тем не менее довольно определенно следует, что психоаналитическую модель, состоящую из трех инстанций, можно рассматривать лишь как грубое приближение к реальной структуре. Очевидна необходимость дальнейшей дифференциации этой модели.

Олпорт (1958), обозначивший эту структуру новым термином *проприум*, предложил, вероятно, наиболее продуманное и наиболее соответствующее современному уровню знаний описание ее, однако переменные, с помощью которых было осуществлено это описание, еще не определены операционально.

Тридцать лет исследований, итог которым подводится в этой главе, привели нашу науку к такому рубежу, откуда достаточно отчетливо видны как важнейшие из стоящих перед ней проблем, так и те методы, которыми их следует решать.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Adorno T. W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D. J., Sanford R. N. The authoritarian personality, New York, Harpers, 1950.
Allport G. W. Personality, a psychological interpretation, New York, Henry Hill & Co, 1937, 1949.
— Becoming: basic considerations for a psychology of personality. New Haven. Yale Univ. Press., 1955. Werden der Persönlichkeit. Berne, Hans Huber, 1958.
Allport G. W., Odbert H. S. Trait-Names: a psycho-lexical study, *Psychol. Monogr.*, 1936, 47, № 211.
Bell R. Q. Relations between behavior manifestations in the human neonate. *Child Developm.*, 1960, 31, 463—477.
Berger G. Traité pratique d'analyse du caractère. Paris, P.U.F., 1950.
Biedma C., Alphonso P. d'. Le langage du dessin. Test de Wartegg-Biedma. Neuchâtel, Delachaux & Niestlé, 1955.
Block J., Thomas H. Is satisfaction with self a measure of adjustment? *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1955, 51, 254—259.

- Brenkelmann J. C. Extreme response set, drive level, and abnormality in questionnaire rigidity. *J. ment. Sci.*, 1960, 106, 171—186.
- Buss A. H. The psychology of aggression. New York, John Wiley & Sons Inc., 1961.
- Castro F. de. Une théorie bifactorielle de l'anxiété (Diss. Neuchâtel), Neuchâtel, Imprimerie de l'Ouest, 1958.
- Cattell R. B. Description and measurement of personality. Londres, Harper & Co, 1946.
- Personality, motivation structure, and measurement. New York, World Book Company, 1957.
- La personnalité. Paris, P.U.F., 1956.
- Chambre G. de La. Des caractères des passions. Paris, 1640—1652.
- Child I. L. The relation of somatotype to self-ratings on Sheldon's temperamental traits. *J. Pers.*, 1950, 18, 440—453.
- Claparède E. Note sur la localisation du moi. *Arch. Psychol.*, 1924, 19, 172—182.
- Coopersmith St. A method for determining types of self-esteem. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1959, 59, 87—94.
- Cowen G. L., Phoebe N. T. The social desirability of trait descriptive terms: applications to a self-concept inventory. *J. consult. Psychol.*, 1959, 23, 301—365.
- Darrow C. W., Heath L. L. Reaction tendencies relating to personality.— In: Lashley R. S. Studies in the dynamics of behavior. Chicago, 1932.
- Dahlstrom W. G., Welsh G. S. An M. M. P. I. Handbook, Minneapolis, The University of Minnesota Press, 1960.
- Delaporte P. Essai sur une méthode statistique de recherche de types. *Biotypologie*, 1946, 8, 14.
- Dollard J., Doob L. W., Miller N. E., Mowrer O. H., Sears R. R. Frustration and aggression. New Haven, Yale University Press, 1939.
- Edwards A. L. The relationship between judged desirability of a trait and the probability that trait will be endorsed. *J. appl. Psychol.*, 1953, 37, 90—93.
- The social desirability variable in personality assessment and research. New York, Dryden, 1957.
- Edwards A. L., Horst P. Social desirability as a variable in Q-Technique studies. *Educ. psychol. Measmt.*, 1953, 13, 620—625.
- Eichinger F. Die Stellung von Jungs Typen der Intro- und Extraversion im System der Typenlehren, *Revue Suisse de Psychol.*, 1952, 11, 146—157.
- Ekman G. On the number and definitions in Kretschmer's and Sheldon's constitutional systems.— In: Essays in Psychology dedicated to David Katz. Uppsala, 1951.
- Epstein S. Unconscious self-evaluation in a normal and schizophrenic group. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1955, 50, 65—70.
- Erikson E. H. Childhood and Society. New York, W. W. Norton & Co, 1950.
- Escalona S., Heider G. M. Prediction and outcome. New York, Basic Books, 1959.
- Eysenck H. J. Dimensions of personality. London, Kegan Paul, 1947.
- Manual, the Maudsley Personality Inventory. London, Univers. of London Press, 1959.
- The structure of human personality. 2e ed. London, Methuen & Co Ltd., 1960.
- Federn P. Ego psychology and the psychoses. New York, Basic Books Inc., 1952.
- Fiske D. W. A study of relationship to somatotype. *J. appl. Psychol.*, 1944, 28, 504—519.

- Franks C. M. Différences déterminées par la personnalité dans la perception visuelle de la verticalité. *Rev. Psychol. appl.*, 1956, 6, 235—246.
- Conditioning and personality: a study of normal and neurotic subjects. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1956, 52, 143—150.
- French J. W. The description of personality measurements in terms of rotated factors. Educ. Testing Service, 1953.
- Frenkel-Brunswick E. Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable. *J. Pers.*, 1949, 18, 108—143.
- Freud S. Das Unbewusste (1915). Ges. Werke, 18 vol., London, Imago, vol. X.—In: *Métapsychologie*, Paris, Gallimard, 1940.
- Das Ich und das Es (1923), Ges. Werke, 18 vol., London, Imago, vol. XIII.—In: *Essais de psychanalyse*. Paris, Payot, 1927.
- Gardner R. W., Holzmann P. S., Klein G. S., Linton H. B., Spence D. P. Cognitive control: a study of individual consistencies in cognitive behavior. *Psychological issues*, 1959, 1 (4).
- Gauchet F., Lambert R. La caractérologie d'Heymans et Wiersma. Paris, P.U.F., coll. du "Travail humain", 1959.
- Gesell A. Early evidence of individuality in human infants. *J. genet. Psychol.*, 1937, 47, 339—361.
- Goldstein K. Der Aufbau des Organismus. Den Haag, Martin Nijhoff, 1934.
- Gottschaldt K. Ueber Persona-Phänomene. *Z. Psychol.*, 1954, 157, 163—200.
- Gross O. Die cerebrale Sekundärfunktion. Leipzig, 1902.
- Gruen A. A critique and re-evaluation of Witkin's perception and perception-personality work. *J. gen. Psychol.*, 1957, 56, 73—93.
- Guilford J. P. Personality. New York, McGraw-Hill, 1959.
- Guthrie E. R. The psychology of human conflict. New York, Harper, 1938.
- Personality in terms of associative learning.—In: Hunt J. McV. (Ed.). Personality and the behavior disorders, 2 vol. New York, The Ronald Press Company, 1944, vol. 1, 49—86.
- Hathaway S. R., McKinley J. C. The Minnesota Multiphasic Personality Inventory Manual. New York, The Psychol. Corporation, 1951.
- Helper M. M. Learning theory and the self-concept. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1955, 51, 184—194.
- Heymans G. Ueber einige psychische Korrelationen. *Z. ang. Psychol.*, 1908, 1, 313—381.
- Heymans G., Wiersma E. Beiträge zur speziellen Psychologie auf Grund einer Massenuntersuchung. *Z. Psychol. Physiol., Ire Abl.*, 1909, 51.
- Höhn E. Theoretische Grundlagen der Inhaltsanalyse projektiver Tests. *Psychol. Forsch.*, 1959, 26, 13—74.
- Holt R. R. Recent developments in psychoanalytic Ego psychology and their implications for diagnostic testing. *J. proj. Tech.*, 1960, 24, 254—266.
- Hoppe F. Erfolg und Misserfolg (Untersuchungen zur Handlungs- und Affektpsychologie, IX, éd. par Kurt Lewin). *Psychol. Forsch.*, 1930, 14, 1—62.
- Horst L. Van der. Experimentell-psychologische Untersuchungen zu Kretschmers Körperbau und Charakter. *Z. Neurol.*, 1924, 93, 341—380.
- Huntley C. W. Judgments of self based upon records of expression behavior. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1940, 35, 396—427.
- Jaensch E. et coll. Grundformen menschlichen Seins. Berlin, J. A. Barth, 1929.
- Jaensch W. Grundzüge einer Physiologie und Klinik der menschlichen Persönlichkeit. Berlin, 1926.
- James W. Précis de psychologie (1890). Paris, Riviére (Bibliothèque philosophique), 1946.
- Jourard S. M., Remy R. M. Perceived parental attitudes, the self and security. *J. consult. Psychol.*, 1955, 19, 364—366.
- Jung C. G. Psychologische Typen. Ges. Werke. Vol. VI, Zürich, Rascher & Cie, 1960.

- Kenny D. T. The influence of social desirability on discrepancy measures between real self and ideal self. *J. consult. Psychol.*, 1956, 20, 315—318.
- Kenny D. T., Ginsberg R. The specificity of intolerance of ambiguity measures. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1958, 56, 300—304.
- Kibler M. Experimentalpsychologischer Beitrag zur Typenforschung. *Z. Neurol.*, 1925, 98, 524.
- Klein G. S. Consciousness in psychoanalytical theory: some implications for current research in perception, *J. Amer. Psychoanal. Ass.*, 1959, 7, 5—34.
- Klineberg O., Ash S. E., Block H. An experimental study of constitutional types, *Genet. Psychol. Monogr.*, 1934, 16, 141—221.
- Koffka K. Principles of Gestalt Psychology. London, Routledge & Kegan Paul, 1935.
- Kragh U. The actual-genetic model of perception personality. Lund, Berlingska Boktryckeriet, 1955.
- Kramer Ch. La frustration: une étude de psychologie différentielle. Neuchâtel, Delachaux & Niestlé, 1959.
- Kretschmer E. Körperbau und Charakter. Berlin, Springer, 22 éd., 1955.
- Lang A. Von der Störbarkeit "zur Schüchternheit" in der Entwicklung des Kindes. II. Konstanz vom ersten zum achten Jahr. *Rev. suisse de Psychol.*, 1962, XXI, p. 113—125.
- Lavater J. C. Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntnis Leipzig-Winterthur, 1775—1778.
- Lersch Ph. Der Aufbau der Person. 7 Ed. Munich, Barth, 1956.
- Le Senne R. Traité de caractérologie. Paris, P.U.F., 1945.
- Levy L. H. The meaning and generality of perceived actual-ideal discrepancies. *J. consult. Psychol.*, 1956, 20, 396—398.
- Lewin K. A dynamic theory of personality. New York, McGraw-Hill, 1935.
- Lewin K., Dembo T., Festinger L., Sears P. S. Level of aspiration.—In: Hunt J. McV. (Ed.). Personality and the behavior disorders. 2 vol. New York, The Ronald Press Company, 1944, vol. 1, 33—378.
- Linton H. B. Dependence on external influence: correlates in perception, attitudes, and judgment. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1955, 51, 502—507.
- Lüth K. F. Über Vererbung und konstitutionelle Beziehungen der vorwiegenden Form- und Farbbeachtung. *Z. menschl. Vererbungs- und Konstitutionslehre*, 1936, 19.
- Malriéu Ph. Evolution et fonction des émotions dans la première année de l'enfant. Les conditions de l'évolution des émotions dans la première année. *Rev. suisse de Psychol.*, 1960, 19, 132—151, 207—222.
- Mathews R., Hardyck C., Sarbin T. R. Contributions to role taking theory: VI. Self-organization as a factor in the performance of selected cognitive tasks. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1953, 48, 500—503.
- Meili R. Gestaltprozess und psychische Organisation.—In: Problèmes actuels de la théorie de la Gestalt. *Beih. Schweiz. Z. Psychol. Anwend.*, № 24, 1954, 54—71.
- Das Problem der Validation der Methoden der Persönlichkeitsuntersuchung. *Z. diagn. Psychol. Pers. forschung*, 1958, 6, 283—303.
- Anfänge der Charakterentwicklung. *Beiträge zur genetischen Charakterologie*, № 1, Berne, Hans Huber, 1957.
- Meili-Dworetzki G. Lust und Angst. *Beiträge zur genetischen Charakterologie*, № 3, Berne, Hans Huber, 1959.
- Miller N. E. Liberalization of basic S-R-concepts: extensions to conflict behavior, motivation and social learning.—In: Koch S. (Ed.). Psychology, a study of a science. New York, McGraw-Hill, 1959, vol. II, 196—292.
- Mounier E. Traité du caractère. Paris, Ed. du Seuil, 1947.
- Mowrer O. H. Dynamic theory of personality.—In: Hunt J. McV. (Ed.). Personality and the behavior disorders. New York, The Ronald Press Company, 1944, vol. I, 69—135.
- Murphy G. A biosocial approach to personality. New York, Harper, 1947.

- Murphy L. B. Personality in young children. New York, Basic Books, 1956.
- Murray H. A. Explorations in personality. New York, Oxford University Press, 1938.
- Neilon P. Shirley's babies after 15 years. *J. genet. Psychol.*, 1948, 73, 175—186.
- Nuttin J. Tâche, réussite et échec. Théorie de la conduite humaine. Ed. Universitaires de Louvain, 1953.
- Psychoanalyse et conception spiritualiste de l'homme, *Studia Psychologica*, 2e éd. Louvain et Paris, 1955.
- Paulhan Fr. Les caractères. Paris, Alcan, 1894.
- Payne R. W. Experimentelle Untersuchung zum Spaltungsbegriff von Kretschmer. *Z. exp. angew. Psychol.*, 1955, 3, 65—97.
- Pearson K. Relationship of intelligence to size and shape of the head and other mental and physical characters. *Biometrics*, 1906, 5, 105—146.
- Pfahler G. System der Typenlehre. Leipzig, 1929.
- Piaget J. Le jugement moral chez l'enfant. Paris, Alcan, 1932.
- La construction du réel chez l'enfant. Neuchâtel, Delachaux & Niestlé, 1937.
- Психология интеллекта.— В кн.: П и а ж е Ж. Избранные психологические труды, М., 1969.
- Pichot P. Méthodes d'investigation de la personnalité.— In: *Méthodologie psychotechnique*, Livre II du *Traité de psychologie appliquée*, Paris, P. U. F., 1952, 243—267.
- Piéron H. Les bases physiologiques de la motivation.— In: *Symposium de l'Association de psychologie scientifique de langue française*, Paris, P. U. F., 1959, 35—54.
- Vocabulaire de la psychologie. Paris, P.U.F., 1968.
- Pulver U. Spannungen und Störungen im Verhalten des Säuglings. *Beiträge zur genetischen Charakterologie*, № 2, Berne, Hans Huber, 1959.
- Rapaport D. The structure of psychoanalytic theory: a systematizing attempt.— In: Koch S. (Ed.). *Psychology, a study of a science*. New York, McGraw-Hill, 1959, vol. III, 55—183.
- Robaye F. Niveau d'aspiration et d'expectation. Paris, P.U.F., 1937, 1956.
- Rogers C. R. Client-centered therapy. Boston, Houghton Mifflin, 1951.
- Perceptual reorganization in client-centered therapies.— In: Blake R. R. Ramsey G. W. (Eds). *Perception, an approach to personality*. New York, The Ronald Press, 1951, 307—327.
- Rohracher H. Kleine Charakterkunde. 9e ed. Vienne, Urban & Schwarzenberg, 1961.
- Rorschach H. Psychodiagnostik. 6e éd. Berne, Hans Huber, 1948.
- Rosenzweig S. An outline of frustration theory.— In: Hunt J. McV. (Ed.). *Personality and the behavior disorders*. New York, Ronald Press, 1944, vol. I, 379—388.
- La mesure expérimentale des types de réaction à la frustration.— In: Murray H. A. et coll. *Exploration de la personnalité* Paris, P.U.F., 1954, vol. II, 575—588.
- Rothacker E. Die Schichten der Persönlichkeit, 1938, Leipzig, J. A. Barth.
- Sarbin T. R. Role theory.— In: Lindzey G. *Handbook of social psychology*. Cambridge Mass., Addison-Wesley Publ. Comp. Inc., 1954, vol I, 223—258.
- Contribution to the role-taking theory, III. A preface to a psychological analysis of the self. *Psychol. Rev.*, 1952, 59, 11—22.
- Sears R. R. Effects of frustration and anxiety on fantasy aggression, Address delivered at the sixtieth anniversary celebration, Clark University, Apr., 1950.
- Sheldon W. H. Les variétés du tempérament. Paris, P. U. F., 1951.
- Shirley M. M. The first two years, vol. III. *Minneapolis, University of Minnesota Press*, 1933.
- Spitz R. A. La première année de la vie de l'enfant. Paris, P.U.F., 1958.
- Stagner R. Psychology of personality, 3e ed. New York, McGraw-Hill, 1961.

- Stephenson W. The study of behavior. Chicago, 1953.
- Taylor D. M. Changes in the self concept without psychotherapy, *J. consult. Psychol.*, 1955, 19, 205—209.
- Taylor J. A. A personality scale of manifest anxiety. *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1953, 48, 285—290.
- Tolman E. C. A psychological model.—In: Parsons T., Shils E., (Eds.). Toward a general theory of action. Cambridge Mass., Harvard University Press, 1952.
- Trehub A. Ego disjunction and psychopathology, *J. abnorm. soc. Psychol.*, 1959, 58, 191—194.
- Van Roy F. L'enfant infirme, son handicap, sa guérison. Neuchâtel, Delachaux & Nestlé, 1954.
- Voutsinas D. La méthode historique en psychologie et quelques -unes de ses règles. *Bull. Psychol.*, 1959, 13, 101—108.
- Wallon H. Les origines du caractère chez l'enfant. Paris, Bovin & Cie, 1934.
- Wartegg E. Schichtdiagnostik. Göttingen, Hogrefe, 1953.
- Webb E. Character and intelligence. *Brit. J. Psychol. Monogr. Suppl.*, 1915, 1, № 3.
- Werner H. Comparative psychology of mental development. New York, International University Press, 1957.
- Witkin H. A. The perception of the upright, *Sci. American*, 1959, 200 50—56.
- Wolff W. The expression of personality: experimental depth psychology. New York, Harper, 1943.
- Zazzo R. Les jumeaux. Le couple et la personne. T. II: L'individuation psychologique. Paris, P.U.F., 1960.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
V. Мотивация, эмоции и личность	13
Глава XV. Мотивация	15
Глава XVI. Эмоции	111
Глава XVII. Структура личности	196

Поль Фресс, Жан Пиаже
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Редактор *Э. Пчелкина*
Художник *Ю. Самсонов*
Художественный редактор *В. Пузанков*
Технические редакторы *Л. Жарова*
и *Е. Тергушина*

Сдано в производство 27/VIII 1974 г.
Подписано к печати 31/VII 1975 г.
Бумага 60×90^{1/16} тип. № 1 бум. л. 9
Печ. л. 18. Уч.-изд. л. 18,84. Изд. № 19474
Цена 1 р. 43 к. Заказ 5970. Тираж 24 000

Издательство «Прогресс»
Государственного комитета
Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.

Москва Г-21, Zubовский бульвар, 21

Московская типография № 5 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, Мало-Московская, 21

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

ВЫХОДИТ В СВЕТ:

Гласс Дж., Стэнли Дж. СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ПЕДАГОГИКЕ И ПСИХОЛОГИИ. *Перевод с английского.*

Книга представляет собой учебное пособие по применению статистики в педагогике и психологии. Авторы на уровне современных требований знакомят читателей с дескриптивной и выводной статистикой, планированием эксперимента. Освещение специальных разделов статистики дается с учетом потребностей и особенностей психологических и педагогических исследований.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

ВЫХОДИТ В СВЕТ:

Прибрам К. ЯЗЫКИ МОЗГА. *Перевод с английского*

Автор — крупнейший американский нейропсихолог, известный советскому читателю по книге «Планы и структура поведения» (М., «Прогресс», 1965).

Настоящий труд посвящен исследованиям физических и биологических основ организации мозга, а также изложению рефлекторной теории функций мозга в сопоставлении с современными кибернетическими представлениями о деятельности мозга.

Значительную часть книги занимает анализ мозговой организации субъективного отражения внешнего мира, целенаправленной деятельности, эмоций, интересов и мотивации. Автор дает характеристику мозговых механизмов, лежащих в основе применения знаков, символической деятельности и речи как средств общения.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

ВЫХОДИТ В СВЕТ:

Кун Т. СТРУКТУРА НАУЧНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ. *Перевод с английского*

Автор — американский философ, специалист по логике и методологии науки.

Анализируя природу науки и прежде всего естествознания, Т. Кун раскрывает характер революций в науке, условия их возникновения и роль в развитии научного мышления. Автор обращает внимание главным образом на логическую динамику революций — открытий, которые кардинально меняют установившуюся систему научного мышления.

